

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

RSUH/RGGU BULLETIN
№ 1 (123)

Academic Journal

Series:
Political Science.
Social and Communicative Studies

Moscow 2014

ВЕСТНИК РГГУ
№ 1 (123)

Научный журнал

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Москва 2014

УДК 309
ББК 66.0я43

Главный редактор
Е.И. Пивовар

Ответственный секретарь
Б.Г. Власов

Серия «Политология.
Социально-коммуникативные науки»

Редколлегия серии:

А.П. Логунов – ответственный редактор
С.В. Клягин – заместитель ответственного редактора
Е.А. Архипова – ответственный секретарь
И.Б. Антонова
Н.А. Борисов
М.А. Гордеева
А.А. Калмыков
Е.С. Мелкумян
М.А. Штейнман

Номер подготовили:

С.В. Клягин
Е.А. Архипова

СОДЕРЖАНИЕ

Экстрасоциальные феномены в коммуникации и политике

<i>Ирхин Ю.В.</i> Постмодернистская методология анализа и проектирования политики	13
<i>Антонова И.Б.</i> «Абсурд и вокруг»: построение типологической модели	26
<i>Калмыков А.А.</i> Логика абсурда в современной политике	37
<i>Клягин С.В.</i> Экстатичность политического события	46
<i>Барышева Е.В.</i> Повседневный абсурд, или Абсурд повседневности и политическая рациональность 1920–1930-х гг.	57
<i>Бойко С.И.</i> Концепция политических бифуркаций и проектирование устойчивых социальных коммуникаций	66
<i>Лукьянова Н.А.</i> Рациональность и иррациональность коммуникативно-визуальных практик в дискурсах власти	76
<i>Аксеновский Д.И.</i> Дискриминация большинства как новый риск в развитии общества	86
<i>Михалева Г.М.</i> Экстрасоциальные феномены российской политики: неформальные партии и гражданские инициативы	94
<i>Пичугина О.А.</i> Грани жизни и жизнь на грани: политико-коммуникативные потенциалы глобального города	107

Практики экстрасоциальности в общественно-политической жизни

<i>Лукьянов Д.В.</i> Агрессия как репрезентативная практика безопасности	117
<i>Гордеева М.А., Медушевский Н.А.</i> Социальная толерантность в экстрасоциальном контексте	129
<i>Шатина Н.В.</i> «Официальная народность» XXI века: старые идеологиемы в формировании политического сознания «новых» россиян	140
<i>Пилягина В.А.</i> Социальная аномия и политическое поведение	152
<i>Арканникова М.С.</i> Идентификационный дискурс самозванства	159
<i>Белинский А.В.</i> Провокативные политические технологии в ходе избирательных кампаний в бундестаг в 2005 и 2009 гг.	165
<i>Гульнская Е.В.</i> Роль Великобритании в становлении иорданской государственности: держава-колонизатор или долгосрочный союзник?	172
<i>Кочарян Л.С.</i> Некоторые провокативные практики нормализации армяно-турецких отношений	180
<i>Долгова Е.А.</i> Об одной «стратегии» социальной адаптации «старой профессуры» в 1920-е гг.	188
<i>Гордеева М.А.</i> Управление разнообразием в системе высшего образования: конструирование практик социальной толерантности	194

Исследования экстрасоциальных практик политического

<i>Бурова А.Н.</i> Политический портрет Гамала Абдель Насера: конфликт интерпретаций в египетском политическом дискурсе	204
---	-----

<i>Соколов Д.В.</i> Чехословацкий кризис 1968 г. как «управляемый скандал»	210
<i>Филин Н.А.</i> Система религиозного наставничества в трансформациях социальной реальности современного Ирана	219
<i>Чибирова Л.Ю.</i> Техники речевых манипуляций в политическом дискурсе	227
<i>Шишкина А.Р.</i> Социальное многообразие в современном мире: о соотношении понятий мультикультурализма и толерантности	233
<i>Артемова Е.С.</i> Евроскептицизм как фактор формирования нового политико-идеологического пространства ЕС	240
<i>Березовская И.П.</i> Эпистемология политического: опыт феноменологического анализа медиаобраза политика	248
<i>Калашникова А.В.</i> Влияние социально-экономических факторов на внешнеполитическую стратегию Египта в период политической нестабильности	256
<i>Могильникова М.В.</i> Коммуникация в энергетике: российско-европейский опыт	265
<i>Писарчук Д.И.</i> Сетевой партийный бренд как феномен нового экстрасоциального общества	273
<i>Роденко О.В.</i> Проблема производства политических смыслов в современной левой среде	280
<i>Штейнман М.А.</i> Политико-коммуникативные репрезентации фильма Д. Райта «Анна Каренина» в современной России	285

<i>Калмыков В.А.</i>	
Видеоигры и патриотизм: виртуальные экстрасоциальные практики в формировании образа России	296
<i>Смехов Л.В.</i>	
Жанровое своеобразие российской президентской военной риторики конца XX – начала XXI в.	302
Abstracts	310
Сведения об авторах	325

CONTENTS

Extra social phenomena in communication and politics

<i>Irhin Y.V.</i> Postmodernist methodology of analyzing and projecting politics	13
<i>Antonova I.B.</i> «Absurd and around»: building up typological model	26
<i>Kalmykov A.A.</i> Logics of absurd in modern politics	37
<i>Klyagin S.V.</i> On the transcendence of a political event	46
<i>Barysheva E.V.</i> Routine absurd, or absurd of routine: political rationale in 1920–1930s	57
<i>Boyko S.I.</i> Concept of political bifurcations and the designing of sustainable social communications	66
<i>Lukyanova N.A.</i> Rationality and irrationality of communicative and visual practices in the discourse of power	76
<i>Aksenovsky D.I.</i> Majority discrimination: a new risk in social development	86
<i>Mikhaleva G.M.</i> Extra social phenomena of Russian politics: informal parties and civil initiatives	94
<i>Pichugina O.A.</i> Living on the boundary: political and communicative capacities of the global city	107

Practices of extra social phenomenon in socio-political life

<i>Lukyanov D.V.</i> Aggression as the representative security practice	117
<i>Gordeeva M.A., Medushevsky N.A.</i> Social tolerance in the context of public behavior transformation	129
<i>Shatina N.V.</i> «Official narodnost» of the XXI century: old ideologems in building up political consciousness of new «Russians»	140
<i>Pilyagina V.A.</i> Social anomie and political behavior	152
<i>Arkannikova M.S.</i> Identification discourse of imposture	159
<i>Belinskiy A.V.</i> Communicative strategies of political parties in the course of the electoral campaigns in bundestag in 2005 and 2009	165
<i>Goulynskaya E.V.</i> The role of Great Britain in the formation of Jordanian statehood: colonial power or long-term ally?	172
<i>Kocharyan L.S.</i> Some provocative practices to normalize Armenian-Turkish relations	180
<i>Dolgova E.A.</i> One strategy for social adaptation of «the old professors» in the 1920s	188
<i>Gordeeva M.A.</i> Managing diversity in the system of higher education: social tolerance practices engineering	194

Researching extra social practices of policy phenomenon

<i>Burova A.N.</i> Political portrait of Gamal Abdel Nasser: conflict of interpretations in Egyptian political discourse	204
--	-----

<i>Sokolov D.V.</i> Czechoslovakian crisis in 1968 as «managed scandal»	210
<i>Filin N.A.</i> System of religious emulation in contemporary social reality of Iran	219
<i>Chibirova L.Y.</i> Techniques of speech manipulations in political discourse	227
<i>Shishkina A.R.</i> Social diversity in the modern world: correlation of «multiculturalism» and «tolerance» terms	233
<i>Artyomova E.S.</i> Eurocepticism as a factor in the formation of EU new political and ideological space	240
<i>Berezovskaya I.P.</i> The experience of the phenomenological analysis of media policy	248
<i>Kalashnikova A.V.</i> Influence of social and economic matters on the strategy of Egypt's foreign policy during political instability	256
<i>Mogilnikova M.V.</i> Communication in the energy sector: the Russian-European experience	265
<i>Pisarchuk D.I.</i> Network party brand as a new phenomenon of extra social society	273
<i>Rodenko O.V.</i> The problem of the modern left in making political sense	280
<i>Shteynman M.A.</i> «Anna Karenina» by J. Wright and its political and communicative reflections in present-day Russia	285
<i>Kalmykov V.A.</i> Video games and patriotism: virtual extra social practices in forming the image of Russia	296

Smekhov L.V.

Genre variety of Russian presidential war rhetoric (the end of XX th – the first half of XXI st century)	302
Abstracts	310
General data about the authors	325

Экстрасоциальные феномены в коммуникации и политике

Ю.В. Ирхин

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА И ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ

В статье рассмотрены постмодернистская методология и методики анализа и проектирования политики. Автор показывает различия между обществами модерна и постмодерна, их культурой, политикой, миро-ощущением. Анализируются следующие основные постмодернистские подходы к проектированию политики: интерпретативное нелинейное мышление; замена классических метанарративных теорий на микронарративы; роль символов, знаков, кодов и симулякров в молчаливом обществе потребления; играизация и эстетизация политики; постмодернистский дискурс-анализ и власть дискурса, деконструкция; «ризомное мышление»; представление мира как текста и интертекста; феномен «смерти (исчезновения) автора»; смешение архаики и современности, проектирование идентичности в глобально-локальном сообществе, «постмодернистская чувствительность», эффекты сжатия и совмещения времени и пространства. Рассмотрены методики «паноптикона» и «синоптикона». Проанализированы неопостмодернистские гипотезы о трансформации государственного управления и повышении роли владельцев электронных СМИ в обществе и политике.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, неопостмодерн, постмодернизм, постмодернистская методология, интерпретативное нелинейное мышление, деконструкция, парадигма, методики, проектирование политики, общество потребления, символ, симулякр, «ризома», играизация и эстетизация, постматериальные ценности, дискурс.

«Постмодерн» (лат. post – после и modernus – современный; англ. modernity) – одно из важных понятий современной

© Ирхин Ю.В., 2014

Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития РГГУ на 2012–2014 гг. (проект 2.1.1.) по кафедре теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ.

гуманитарной теории, обозначающее социокультурные изменения в процессе трансформации индустриального общества в постиндустриальное¹.

Понятие «постмодерна» как общей характеристики социокультурных изменений, а не только отдельных направлений развития в литературе или искусстве, стало широко использоваться с конца 70-х гг. XX в.² Статус философского понятия «постмодернизм» получил в книге Ж.-Ф. Лиотара «Состояние постмодерна» (1979 г.), где он был использован применительно к выражению «духа времени». Лиотар писал: «Предметом этого исследования является состояние знания в современных наиболее развитых обществах. Мы решили назвать его “постмодерн”. Это слово обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века»³.

Постмодернистское умонастроение несет на себе печать разочарования в идеалах и ценностях Возрождения и Просвещения с их верой в прогресс, торжество разума, безграничность человеческих возможностей. «Рождение постмодернизма связано с кризисом современности. Глубокое разочарование в ценностях “проекта Просвещения”, падение любых авторитетов сопровождается (по крайней мере, на Западе) параллельным процессом нового “околдовывания” общества идолообразующей, гедонистической культуры потребления»⁴.

В постмодернистском миропонимании европоцентристская картина мира уступает место глобальному полицентризму; на смену классическому («модернистскому») рационалистическому, теоретико-методологическому познанию приходят интерпретативное мышление со свободными ценностными ориентирами, эстетический эклектизм, фетишизация предметов и символов потребления⁵.

В различных концепциях постмодернизма актуализируются следующие, «объединяющие» их проблемы: 1) изучение исторического сдвига общества модерна с его централизацией и иерархическим контролем к обществу с сетевыми структурами; 2) эстетический жанр в нелинейных микронарративах (локальных, разорванных исследованиях), смешение стилей и роль массовой культуры в обществе; 3) критический анализ рационалистических концепций развития природы, истории, власти, свободы, субъективности⁶. Считается, что постмодернизм «соприкасается» с такими теоретическими концепциями, как неолиберализм, феминизм, психоаналитика, критические, в том числе «левые» и утопические, концепции развития⁷.

В постмодернистских теориях акцентируется внимание на «нелинейной социокультурной динамике реалий постмодерна, их качественной неопределенности, потенциале самоорганизации, проблемах рисков, порядка и хаоса в глоболокальном социуме»⁸. Э. Гидденс выделял такие черты реалий постмодерна, как... «разрывы в познании, увеличение центробежности и беспорядочности в социальных трансформациях, фрагментарность самоидентификаций, контекстуальность истины, ограниченные возможности координации политических действий»⁹.

В целом совокупность различных постмодернистских теорий может рассматриваться как своеобразная противоречивая постмодернистская парадигма, для которой характерны нелинейный постнеклассический экзистенциальный характер анализа, парадоксальная эстетическая интерпретативность¹⁰. Ее целесообразно использовать наряду или в связи с базовыми гуманитарными парадигмами: институциональной, бихевиористской, структурно-функциональной, системной, коммуникативной, «новой гуманитаристикой» и др.¹¹

Постмодернистские исследования представлены в трудах таких известных зарубежных ученых как, Р. Барт, Э. Бауман, Ж. Бодрийяр, М. Бланшо, Ф. Гваттари, Э. Гидденс, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Хабермас, М. Фуко, У. Эко и др.¹² В России – работы Т.А. Алексеевой, А.Г. Дугина, Л.К. Зыбайлова, И.П. Ильина, М.В. Ильина, С.А. Кравченко, О.А. Митрошенкова, В.О. Рукавишников и др.¹³

Взгляды постмодернистов различаются в зависимости от их позиций и специфики дисциплины (дискурса): культурологии, искусствоведения, теории познания, социальной теории, политологии, мировой политики и др. В целом в постмодернизме выделяют два направления (позиции).

Согласно первому (радикальному) направлению акцент делается на происшедшей замене современного общества постсовременным и изучении его культуры вне связи с историей, разрыве с прошлым (Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, Ф. Гваттари)¹⁴.

Согласно второму, хотя такое изменение и имело место, постмодернизм вырастает из модерна и связан с ним (Ф. Джеймсон, Э. Лаклуа, Ш. Муффе, Н. Фрезер). В этом случае постмодернизм представляется как продолжение предыдущих подходов – ананесис (пересмотр), «редактируемый» или зрелый модерн (модернити) (Э. Бауман, А.Б. Зелигмен, А. Гидденс, Ж.-Ф. Лиотар, Ю. Хабермас)¹⁵. Модернизм и постмодернизм рассматриваются не как отдельные эпохи, а как участники длительных и непрерыв-

ных отношений со своими достижениями и неопределенностями. «Даже в одном конкретном обществе могут сложно переплетаться постмодернистские, модернистские (разного типа) и традиционные реалии, равно как может сосуществовать глобальное, локальное и анклавное»¹⁶.

Потенциал постмодернистской методологии целесообразно использовать при анализе и проектирования политики. В этой связи необходимо знать основные концептуальные постмодернистские подходы и методики, понятийно-терминологический словарь.

В методологии постмодернизма акцентируется внимание на соответствующей интерпретации следующих явлений и смыслов:

- повышение роли постматериальных ценностей, массовой культуры развлечений и эстетизации повседневной жизни в «молчаливом обществе потребления»;
- политико-управляющее значение информационных и психологических символов, кодов, смыслов, симулякров, рекламы, разнообразных индексов и рейтингов влияния в глобально-локальном обществе;
- сомнение в возможностях классической науки, противопоставление ей или дополнения ее интерпретативными рассуждениями; критика метанарративов (общих классических теорий); рассмотрение социального мира как изменяющегося текста или интертекста, где сложно определить автора;
- желательность перехода к микронарративам, «деконструкции», «ризомному» подходу¹⁷, дискурс-анализу, поиску архайки в современности, «следа» и др.;
- развитие фрагментирования («кластеризации») социальной структуры; конструирование идентичности на основании индивидуального выбора; особое внимание к глобальным проблемам равенства полов, национальных меньшинств, религий¹⁸, локальным и экологическим проблемам и др.;
- нивелирование расстояния между массовым и элитарным потребителем через средства рекламы, гламура и др.;
- новый опыт и понимание эффектов ускорения времени и «сжатия» пространства;
- расширение возможностей политического проектирования вследствие бурного развития информационных систем, интегрированных коммуникаций и их воздействия на сознание, предсознание и подсознание «молчаливого потребительского большинства».

Таблица 1

Представления о мире и обществе
в дискурсах модерна и постмодерна

<i>Модерн</i>	<i>Постмодерн</i>
Однолинейность развития мира	Многовариантность развития мира
Иерархия культур с выделением эталонных	Равноценность культур, сомнение в превосходстве культур, считавшихся эталонными. Идея культурного плюрализма
Вера в светлое будущее, безусловный оптимизм	Сомнение в том, что завтра будет лучше, чем сегодня
Безоговорочная вера в прогресс	Отрицание прогресса, особенно морального
Вера в познаваемость мира, во всеислие науки	Сомнение в возможностях естественных и общественных наук, резкое сужение круга их функций
Производство – базис общества. Потребление – инструментальная деятельность, направленная на удовлетворение природных потребностей человека	Общество постмодерна – это общество потребления. В обществе постмодерна потребление – это прежде всего потребление символов, а не инструментальная деятельность
Доверие государству как руке прогресса, опирающейся на достижения науки	Недоверие к государству и власти, стремление к разгосударствлению общества
Идея единой культуры общества	Идея фрагментарности культуры
Массовое производство одинаковых вещей	Переход от массового производства к гибким и замещение массового рынка микрорынками, рыночными нишами
Основа экономики – национальный рынок	Формирование глобального рынка
Каждая страна – это особая культурная реальность	Возникновение гиперреальности, участков иной культурной реальности: «Диснейленды», «Макдональдсы»

Постмодернистский проект связан с серьезной трансформацией социальных институтов в современных условиях. Ослабление централизации, иерархии и дисциплины меняет образ социальной и политической власти, коммуникации. Общество фрагментиру-

ется, начинает походить на мозаику, образованную малыми группами. Общественная организация дрейфует в сторону доминирования сетевых структур. Власть и политическая коммуникация приобретают значительную подвижность, гибкость, изменчивость. В массовом сознании укрепляется идея амбивалентности власти: власть может служить источником как порядка и стабильности, так и хаоса и неустойчивости.

Есть отличия в описании социальных явлений в парадигмах «премодерна» («традиционное общество»), «модерна» (Новое время) и «постмодерна». «Премодерн знает следующие основные идентичности: империя, этнос, религия, иерархия (каста, сословие). Модерн предлагает свою систему идентичностей: государство (вместо империи), нацию (вместо этноса), светскость (вместо религии), равенство индивидуумов, граждан (права человека – вместо иерархии). Постмодерн выдвигает проекты: глобализации – вместо классических государств, планетарного космополитизма – против наций, полного индифферентизма или индивидуального мифотворчества в контексте неоспиритуализма – против строгой установки на секулярность, произвольность утверждения абсолютным индивидуумом своего отношения к «другим» – против гуманистической стратегии «прав человека»¹⁹.

Во многих своих построениях постмодерн – это глобализм, ультралиберализм, доминирование однополярного мира, главенство сетей, отмен многих традиционных форм идентичности – государств, религий, наций, этносов, даже семей и полов. Дискурс постмодерна определяет и навязывает Запад, он же получает от него и максимум выгод. Став на возможный путь ультралиберальной «постмодернизации», Россия подвергается опасности утраты собственной идентичности, растворения государственности и смешения населения с открытым во все стороны миром.

В обществе постмодерна управление символами становится решающим. Возрастанию их роли в политике способствуют процессы глобализации и информатизации, возникновения «сервис-класса» – прослойки образованных, ориентированных на карьеру и высокую мобильность людей с индивидуальными системами ценностей и «слабыми связями с общиной», повышения роли сетевых средств воздействия и взаимодействия.

В постмодернистском проектировании и анализе значительное внимание уделяется роли знаков и производящих их систем. На этапе электронного обмена сообщениями, знаки в значительной степени симулируют, поддельвают действительность и теряют свой репрезентирующий характер. Многообразие знаков парадок-

сальным образом подрывает их способность что-либо значить, и люди расходятся после спектакля, не разобравшись в его смысле, но и свободные, по логике постмодернистов, от необходимости искать истину. Личность в таком обществе децентрализована, вовлечена в процессы одновременного становления многих идентичностей. Она теряет связь между знаком и стоящей за ним вещью, событием. Возникает опасность возникновения «компьютерного отчуждения» людей, разъединения естественных и необходимых человеку социальных уз, ослабления солидаристских отношений²⁰. Средства электронной информации создают тот мир «виртуальной реальности» – имиджей, подобию, симулякров, – который зачастую вытесняет из сознания людей саму действительность, превращая человека в объект и продукт манипулирования²¹.

Вместо общества рационального знания, выдвинутого эпохой модерна, постсовременность все шире использует электронно-развлекательно-потребительские продукты низкого качества. Политика в XXI в. все больше превращается в подбор и ранжировку символического комплекта идентичностей, а возможный выбор состоит в следовании за модными символами, продуцируемыми СМИ, как музыка из дудочки сказочного крысолова, увлекающая за собой «привороженных» сладкими звуками и заманчивыми образами. Партии, «фабрики мысли»²² и СМИ становятся конструкторами идентичностей, стремятся к «захвату символов» и управлению через их посредство обществом.

Специфика постмодернистского дискурса состоит в том, что он вводит новые способы и правила интеллектуальной деятельности и взаимодействия с властью. Постмодернистский дискурс и дискурс-формирование («научный» язык, терминология специалистов, а также выражаемые идеи и социальные результаты) выступают важным явлением социальной власти, а не просто способом описания мира. Постмодернисты считают, что «в каждом обществе есть свое представление об истине, свойственная ему “общая политика” правды, т. е. в обществе существуют те типы дискурса, которые приемлемы для него и выполняют функцию правды»²³. Соответственно возникает и актуальная проблема властного «контроля над самим дискурсом»²⁴.

Возможность индивидуализации политики в постиндустриальном обществе, установления доверительных двухсторонних отношений по линии «государство – индивид» блокируется предопределенностью выбора, навязываемого обществу властными структурами и дискурсами. Так, «опросы общественного мнения определяют политику, тесты – стиль рекламы, анкетирование –

выбор музыки для радио, результаты пробных просмотров – развязку фильма, режиссируемые кастинги – выбор “звезд” и вкусов, телеметрия – содержание программ телевидения и т. д. “Свободный выбор” в обществе потребления во многом predetermined»²⁵.

В постмодернистских концепциях переосмысливается сущность политического. Политика все больше приобретает черты виртуальности, воплощается в коммуникативных и символических по своему содержанию политических технологиях, позволяющих не только воздействовать на социальную реальность, но и конструировать ее. В качестве субъектов политики, наряду с «классическими» социальными общностями (классами, нациями, иерархически организованными социальными группами), выдвигаются индивиды, взаимодействующие в сетевых структурах. Революции по марксистской схеме сменяются управляемыми сетевыми взаимодействиями акторов. Однако кем в действительности направляются эти движения, взаимодействия и революции («цветные», «весенние» и др.) и каковы действительные стратегические цели их организаторов – обычно скрыто от общественности.

Вместо прежних представлений о единой культуре общества, о прогрессивном развитии культуры мира приходит ее постмодернистское понимание как многообразного фрагментарного феномена. Соответствующие структуры, используя постмодернистские методики, начинают претендовать на то, чтобы заново расписать пространство социального, осознавая просторы новых коммуникационных возможностей как внутри страны, так и в глобальном сообществе.

З. Бауман ярко описал особенности постмодернистского проектирования и развития мира по линии «власть – рынок – потребитель». Он отмечал, что «вместо нормативного регулирования поведения обывателя происходит соблазнение потребителя; вместо насаждения идеологии – реклама; вместо легитимации власти – пресс-центры и пресс-бюро»²⁶.

В рамках постмодернистского проектирования политики используются такие методики, как игровая теоретизация, активное включение в политическую игру, преодоление сверхдетерминированности социальной жизни с помощью семиотического обращения к «неназываемому» и бессознательному, нахождению новых смыслов и значений в устоявшихся понятиях, практиках, оппозициях. Речь идет о реконцептуализации политического. Постмодернистские подходы основываются на дискурсивных, лингвистических, психологических и игровых моментах политического действия. В этом смысле политика предстает как нечто процедурное, герменевтическое, эстетизированное.

Знание и информация в современном обществе претерпели глубокие взаимосвязанные изменения в двух направлениях. Так, их производство все чаще ограничивается ситуациями, когда известно, что они востребованы определенными структурами и эффективны (перформативны) для них. Кроме того, информация становится товаром. Это, с одной стороны, приводит к снижению уровня (востребованности) неактуальных видов знания (например, философия не отвечает критерию перформативности, в отличие от менеджмента). С другой – «добыча нового знания» перемещается в специальные центры с узко-корпоративными целями. В период постсовременности умение работать с терминалом, иметь навыки поиска информации приходят на смену традиционным знаниям. Поэтому студентов все чаще обучают именно «навыкам» работе в команде.

М. Фуко выделил три инструмента проектирования и реализации дисциплинарной власти: 1) иерархическое наблюдение, или способность чиновников следить за всем, что ими контролируется; 2) способность выносить нормализующие приговоры и наказывать тех, кто нарушает нормы. Так, человека могут негативно оценить и наказать в категориях времени (за опоздание), деятельности (невнимание) и поведения (за невежливость); 3) использование исследования для наблюдения за людьми и вынесения относительно них нормализующих приговоров²⁷.

В глобализирующемся обществе постмодерна потребительская стоимость заменяется символической: индивиды начинают приобретать товары, потому что они являются символами престижа и власти. Эти символы не только удовлетворяют конкретные потребности, но и служат отличительными знаками, свидетельствующими о принадлежности к конкретной группе. Потребляемые товары как «символьный язык общения» могут рассказать многое об их владельцах, принадлежащих к определенной потребительской массе или элите.

В политическом проектировании можно использовать образные понятия постмодернистов для объяснения политико-коммуникационных моделей воздействия на людей: «Паноптикон» (М. Фуко) – «Синоптикон» (Т. Матисен). В условиях реализации модели «паноптикона» меньшинство, контролируя СМИ, наблюдает и следит за большинством. Модель «синоптикона» предполагает обратное – большинство постоянно наблюдает за внешним образом и стилем жизни и потребления избранной элиты (избранных стран), которые ему навязываются. Те немногие, что становятся объектом наблюдения («глобалисты» и «звезды» СМИ), выражают идею эрзаца тотального образа жизни, индоктринируемого

наблюдателям всего мира. По сути, речь идет о власти, которая как бы, открыто, не приказывает, а через постоянное дискурсивное воздействие на различные структуры и уровни сознания навязывает желаемые ей стили, идеологии и практики.

Идеология постмодернизма, отражая сущность социально-культурных тупиков, в которых оказалось общество на этапе перехода в постиндустриальную стадию развития, во многих случаях указывает и на опасности, которые ждут человечество на этом пути. З. Бауман обращал внимание на то, что «постсовременность отличается нестабильностью и ощущением ненадежности, свертыванием роли государства и торжеством глобального рынка, который обещает свободу выбора, но заставляет людей опасаться за свое будущее, подозрительно относиться ко всему рациональному, особенно к экспертам, которые утверждают, что они лучше, чем кто-либо, понимают происходящее. Для постсовременности характерна тенденция к замене контроля государства контролем потребителя, испытывающего при этом все соблазны консьюмеризма; характерна необходимость жить в мире, полном двусмысленностей и неопределенности»²⁸.

Таблица 2

Государственное управление
в условиях постмодерна²⁹

<i>Черты традиционного государства (в реалии)</i>	<i>Черты государства постмодерна (в тенденции)</i>
Суверенное (роль суверенитета)	Размывание суверенитета
Территориальное	Смягчение пограничных режимов
Военное (важная роль армии)	Немилитаризованное
Единовластное правление	Мягкое, ограниченное правление
Единый закон	Стимулирующие законы в интересах гражданского общества
Единственное гражданство	Частичное гражданство (или несколько)
Национальное	Многокультурное
Централизованное	Децентрализованное
Традиционно-бюрократическое	«Электронное правительство»
Унитарное	Неунитарное
Автономия государственной власти	Возрастание транснациональной власти

Имея в своем арсенале универсальный ценностной эрзац – «высокий уровень личного благосостояния», который ассоциируется с западным образом жизни и демократией, постмодерн демонстрирует широкое распространение активных политтехнологий. Однако эти технологии могут извращать такие принципы демократии, как подлинно народное волеизъявление и публичность политики, подменяя их симулякрами политического.

В такой ситуации репрезентация масс – молчаливого большинства – оказывается не более чем очередной симуляцией. Масса часто не приемлет смысла и «интересуется лишь знаковостью», коммуникация для нее – непрерывное поглощение знаков, обусловленное жаждой зрелища. В соответствии с этими подходами акцентируются сенсуализация, мифологизация, зрелищность, физиологичность, которые обозначают регрессию к архаике и конституируют «расплывчатую», пеструю, изменяющуюся социальность как повседневность, постоянный и всеохватывающий общество маскарад.

В постдемократической системе власть народного представительства вытесняется властью иерархии, происходит постепенное формирование все более контролируемого и направляемого общества, в котором будет господствовать элита, тесно связанная с олигархическими, «оффшорными», медийными группировками. Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем³⁰.

В целом постмодернистские подходы и концепции содержат определенный теоретический и методический потенциал, для его возможного использования в политическом анализе. Актуальны учет и направленное использование в политическом проектировании коммуникационных процессов методик символизации, создания нематериальных технообразов, манипулятивных идеологий, симулякризации, театрализации, игризации, мифологизации, сексуализации, сенсуализации, сакральности, транссентиментализма и т. д.³¹ Целесообразно использование в соответствующих целях эффектов виртуализации пространства социального и сетевого многообразия, глокализации сообществ в рамках глобализации и др.

Для характеристики новых изменений постмодернистского характера в обществе в последнее время стал употребляться термин «постпостмодернизм»³². На наш взгляд, он достаточно сложен для произношения. Нам представляется, что более удобным для дискур-

са современного постмодернистского анализа и проектирования политики станет предлагаемый автором термин «неопостмодернизм».

В то же время при разработке политических проектов неопостмодернистские подходы желательно рассматривать в тесной взаимосвязи с должной совокупностью общепринятых классических, неклассических и постклассических методов и методик изучения политики³³.

Примечания

- ¹ См.: Постмодерн, постсовременность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. Т. 3 / Под ред. акад. В.С. Степина. М., 2001. С. 296; Постмодерн // Глобалистика: Энциклопедия / Гл. ред.: И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М., 2003. С. 814.
- ² Термин «постмодерн» появился в период Первой мировой войны в работе Р. Панвица «Кризис европейской культуры» (1917 г.). В 1934 г. в своей книге «Антология испанской и латиноамериканской поэзии» литературовед Ф. де Онис использовал термин «post-modernismo» для обозначения реакции на модернизм. В 1947 г. А. Тойнби в книге «Постижение истории» придал постмодернизму широкий культурологический смысл как течению, символизирующему конец западного господства в религии и культуре.
- ³ *Lyotard J.-F.* La condition postmoderne: Rapport sur le savoir. P., 1979.
- ⁴ *Алексеева Т.А.* Лики российского постмодернизма // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 4. С. 23.
- ⁵ См.: *Ирхин Ю.В.* Социум и политика в постмодернистском зазеркалье: взгляды, подходы, анализ // Полития. 2005. № 4. С. 136–161.
- ⁶ См.: *Bennet J.* Problems Approaches to Political Theory // Handbook of Political Theory / Ed. by G.F. Gaus, Ch. Kukathas. SAGE Publications. L., 2004. P. 46.
- ⁷ *Ibid.* P. 47.
- ⁸ См.: *Кравченко С.А.* Риски в нелинейном глоболокальном социуме. М., 2009.
- ⁹ *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity press, 1990. P. 150.
- ¹⁰ См.: *Маньковская Н.Б.* Художественный постмодерн. М., 2000.
- ¹¹ См.: *Ирхин Ю.В.* Методология и методика современного политического анализа: подходы и проблемы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2012. № 6. С. 71–80.
- ¹² См.: *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994; *Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002; *Он же.* Текучая современность. СПб., 2008; *Бодрийяр Ж.* Система вещей. М., 1995; *Он же.* В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000; *Деррида Ж.* Письмо и различие. СПб., 2000; *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М., 2010; *Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону власти и сексу-

- альности. М., 1996: *Он же*. Надзирать и наказывать; *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003; *Эко У.* Имя розы. М., 1989; и др.
- 13 См.: *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. М., 2000. *Ильин И.П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996; *Кравченко С.А.* Социология модерна и постмодерна в динамически изменяющемся мире. М., 2007; и др.
- 14 *Бодрийяр Ж.* Прозрачность зла. М., 2000. С. 214.
- 15 См.: *Ритцер Дж.* Современные социологические теории: пер. с англ. СПб., 2002.
- 16 *Кравченко С.А.* Социологический постмодернизм: теоретические источники, концепции: словарь терминов. М., 2010. С. 7.
- 17 Ризома – «открытый стебель, лиана», обладает способностью развиваться в любом направлении, принимая любую конфигурацию. Метафорическое обозначение нелинейного способа организации целостности (Ф. Гваттари, Ж. Делез).
- 18 См.: *Varga I.* The Challenge of Modernity/Post-Modernity to the Classical Heritage in Sociology of Religion // *The International Handbook of Sociology / Ed. by R.S. Quah, A. Sales.* SAGE Publications. L., 2000. P. 101–122.
- 19 *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. М., 2007. С. 34.
- 20 См.: *Вишне夫斯基 Я.Л.* Одиночество в сети. М., 2011.
- 21 См.: Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Ред. Л.Н. Тимофеева. М.: РОССПЭН, 2012.
- 22 См.: *Медушевский Н.А.* Технологии совместности: переосмысление сути термина «фабрики мысли» // *Вестник РГГУ. Сер. Политология.* 2012. № 1.
- 23 *Foucault M.* Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings. Brighton. 1980. P. 131.
- 24 *Ван Дейк Т.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке коммуникации. М., 2013. С. 50.
- 25 *Бегдебер Ф.* 99 франков. М., 2002. С. 18.
- 26 *Бауман З.* Спор о постмодернизме // *Социологический журнал.* 1994. № 4. С. 73.
- 27 *Foucault M.* Discipline and Punish: The Birth of the Prison. N.Y., 1979. P. 26.
- 28 См.: *Bauman Z.* Postmodernity and its Discontents. Cambridge, 1997. P. 12.
- 29 См.: *Gibbins J., Reimer B.* The Politics of Postmodernity. SAGE Publications, 2000. P. 132.
- 30 См.: *Крауч К.* Постдемократия. М., 2010. С. 7.
- 31 См.: *Павловский Г.* Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. М., 2012.
- 32 См.: *Митрошенков О.А.* Постпостмодернизм как предчувствие // *Социально-гуманитарные знания.* 2013. № 4. С. 57–58.
- 33 См.: *Ирхин Ю.В.* Политический анализ: сущность, методология, структура, ценности и этика // *Ars Administrandi (Искусство управления).* 2012. № 1. С. 5–20.

И.Б. Антонова

«АБСУРД И ВОКРУГ»: ПОСТРОЕНИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

В статье предпринята попытка теоретического осмысления абсурда как атрибутивной черты социально-политической действительности. Автор совершает экскурс в историю абсурда, анализируя неоднозначные трактовки этого явления в разные эпохи. Широкая проблематика исследования абсурда позволяет выявить его динамичную, многомерную и полифункциональную природу, наиболее ярко проявляющую себя в современных социальных и речевых практиках.

Ключевые слова: абсурд, абсурдное сознание, язык абсурда, модель, смысл, бессмыслица.

Стоило ли давать этим костям воспитание,
чтобы потом играть ими в бабки?
Мои начинают ныть при мысли об этом.

У. Шекспир. Гамлет

Все определения абсурда, найденные нами в толковых словарях, литературных эссе и философских трактатах настолько разнообразны, а порой и противоречивы, что на сегодняшний день дать однозначный ответ на вопрос «Что есть абсурд?» представляется крайне затруднительным, хотя на интуитивном уровне каждый знает, о чем идет речь, и довольно успешно применяет это знание в речевой практике.

Трудность, с которой сталкивается исследователь абсурда, объясняется противоречивой междисциплинарной природой самого феномена. Абсурд парадоксален: освещение одного из его аспектов

неизменно приводит к «затемнению» других, а это значит, что любая попытка определения грешит «незаконченностью» и, следовательно, ограниченностью категориальной характеристики самого понятия. Невозможность договориться о том, какой из аспектов важнее, приводит к неудачам в попытках договориться об однозначном содержании самого термина. «Таким образом, – как остроумно заметил Г. Померанц, – конвенционализм может здесь помочь не больше, чем помог он строителям Вавилонской башни»¹.

Тем не менее существует несколько наиболее общих исследовательских подходов к феномену *абсурд*, в каждом из которых прослеживается попытка его теоретического осмысления. При этом осознание сложности самой природы абсурда заставляет большинство исследователей прибегать к его метафорическому осмыслению (т. е. описывать абсурд через нечто другое), предлагая упрощенную модель рассматриваемого объекта. Моделирование в этом случае не носит эксплицитный характер, т. е. авторы не называют эти упрощенные репрезентации абсурда его моделями (абсурд как бессмыслица, абсурд как другой смысл и т. д.), сразу претендуя на точное научное определение (абсурд – это бессмыслица и т. д.). Данное обстоятельство приводит к столкновению порой оппозиционных точек зрения на абсурд, что, в свою очередь, порождает мысль о невозможности его категориального определения: «...Абсурд не улавливается в сети ни здравого смысла, ни понятий рассудка, ни идей разума. <...> Рассудок в своем дискурсивном движении наталкивается на контрсмыслы, которые <...> воспринимаются как абсурд, как нечто невысказанное...»². Нам в данной статье представляется важным построить *несколько моделей абсурда*, которые, с одной стороны, предлагали бы его упрощенную репрезентацию, а с другой – улавливали бы его *динамическую изменчивую* природу. Ведь именно она, выявляемая в моделях, а затем и в дополняемых друг друга категориальных определениях, помогает теоретическому осмыслению целостности и, как это парадоксально ни звучит, гармонии абсурда. Итак, модели абсурда...

Абсурд как атрибутивная черта социальной действительности. «Все в общественной жизни по самой природе вещей есть компромисс между абсолютным идеальным заданием и несовершенством эмпирического человеческого существа»³. «Абсолютное идеальное задание» в контексте Франка подразумевает закон, предписание и/или уведомление, логика и действие которых непрестанно нарушаются вследствие «несовершенства эмпирического человеческого существа» (террориста, экстремиста и т. д.). В результате возникает ситуация социального абсурда, преодолеть который (как не без

юмора отмечает Франк) приходится с помощью правоохранительных органов.

Еще одна (но уже онтологическая) задача, задаваемая абсурдом, сводится к вопросу о том, как (раз)решается тупиковое для человека осознание абсурдности бытия. В знаковой работе А. Камю «Миф о Сизифе» автор настаивает на прямой связи между чувством абсурда и «тягой к небытию», т. е. самоубийством: «Убить себя означает в известном смысле <...> сделать признание. <...> Признание в том, что жизнь тебя подавила или что ее нельзя понять. <...> Умереть по своей воле означает признать <...> отсутствие глубоких оснований жить, нелепицу повседневной суеты и ненужность страдания»⁴. В трактовке Камю человек – «посторонний» во враждебном, отчужденном от него мире. На отчуждении человека от мира (и мира от человека) настаивают после Камю все философы-экзистенциалисты: «Традиционное разграничение в философии и науке субъекта и объекта повлекло за собой, с точки зрения экзистенциализма, разделение человека и мира. <...> Человек, внешне вписываясь в окружающую действительность, на самом деле ведет в ней “неподлинное” существование, разрыв которого может произойти благодаря абсурду»⁵. Таким образом, если абсурдное сознание – сущность самого человека, переживающего разлад с окружающим миром, то абсурд как атрибут социальной реальности «рождается в столкновении между призванием человека и неразумным молчанием мира»⁶, как бы на стыке, на изломе этого столкновения, являясь его причиной и вызывая его всякий раз при осмыслении человеком бытия. С этой точки зрения понятие абсурда *вневременно, полидисциплинарно* и предельно *социально*.

Вслед за экзистенциалистами Ф. Ницше определяет абсурд как непреложную *онтологическую* ситуацию бытия. При этом разлад человека с миром (термин экзистенциалистов. – И. А.) Ницше определяет как кризис, а экзистенциальное мышление – как рефлексию, в результате которой человек, осознавая абсурдность бытия, начинает понимать истинную сущность окружающей действительности. И если для Камю абсурд – индекс разлада человеческой экзистенции с бытием, то для Ницше он (абсурд) – стимул к нахождению нового смысла жизни: «...если бы жизнь не имела смысла, и я должен был бы выбрать бессмыслицу, то эта бессмыслица казалась бы мне наиболее достойной избрания»⁷. Оказавшись «достойным избрания», абсурд бытия, наиболее остро осознаваемый человеком в момент кризиса, приобретает новое качество, переставая быть пассивным социальным атрибу-

том и становясь *методом*, с помощью которого человек (подобно Гамлету) в момент кризиса познает истинную сущность вещей.

Абсурд как метод предоставляет субъекту возможность решения определенной задачи, но задача эта, в отличие от тех, что решаются традиционными методами, может быть решена лишь путем привлечения метода абсурда (пример: доказательство от противного). Первому рациональному применению абсурда в риторическом, а позднее и в логическом дискурсе наука обязана элеатам, Платону и софистам: именно они разработали теорию косвенного доказательства, основанного на приведении к абсурду. При этом приоритет среди процедур доказательства все равно отдавался прямому доказательству, а абсурду как методу отводилось весьма скромное место. Так, французские логики А. Арно и П. Николь считают, что сведение к абсурду и косвенные доказательства «могут убедить ум, но отнюдь не просвещают его», «это скорее разъяснение, чем новое доказательство»⁸. И тем не менее мы видим в определении абсурда как метода первую успешную попытку раздвинуть границы того, что может быть постигнуто человеческим разумом, и выявить таким образом новый/другой/обратный смысл.

Абсурд как новый/другой/обратный смысл. Первым, кто убедительно показал, что человек абсурда отнюдь не лишает действительность смысла (а значит, абсурд не бессмыслица), был М. Эсслин: «Достоинство человека – смело смотреть в лицо реальности во всей ее бессмысленности; принимать ее свободно, без страха, без иллюзий и смеяться над ней»⁹. Как и Эсслин, Р. Барт находил в феномене абсурда животворное позитивное начало, считая, что восприятие окружающего мира как абсурдного и рефлексия по этому поводу стимулируют человека к поискам новых смыслов, у которых «может быть только противоположный смысл, т. е. не отсутствие смысла, а именно обратный смысл»¹⁰. К тому же выводу приходят и современные филологи: «Абсурд не есть бессмыслица, как это принято иногда думать при упрощенном понимании тезиса экзистенциализма о бессмысленности существования, но сама лишняя смысла действительность наделяет человека креативной силой, восстанавливающей смысл вопреки всему»¹¹. Получается, что абсурд (или его осознание) – это стимул, побуждающий человека (а иногда и целые нации) на поиск «восстанавливающего» смысла, это осознание ошибки (сделанной в прошлом), для преодоления которой необходим качественно новый бросок (в будущее). «Однако в жизни, – пишет Г. Померанц, – дело обстоит сложнее. <...> Абсурд может указывать на запутанность самой жизни и доводить до сознания не собственную ошибку, а существенные качества

реальности. Иначе говоря, абсурд, связывая вместе явно несоединимое, намекает... что жизнь выходит за рамки нашего представления о жизни»¹². В этой ситуации обречена на провал попытка дистинкции между рационализмом и абсурдом, ибо «здравый смысл скользит по поверхности», а «убежденные рационалисты, попадая в “абсурдную ситуацию”, стихийно переходят на язык парадокса, гротеска, абсурда»¹³.

Абсурд как специфическая форма коммуникации. Коммуникативный абсурд может быть истолкован как поиск и передача значений и смыслов, кажущихся на первый взгляд неожиданными, необъяснимыми, бессмысленными или даже невозможными. Осмысление окружающего мира через абсурд – это всегда осмысление по-своему, осмысление на свой лад, вследствие чего в коммуникации, где присутствует абсурд, могут возникать не(до)понимание, искажения, помехи: «Значение, которое (пере)осмысливается, творится на пределе данной стадии (имеется в виду стадия коммуникации. – И. А.), может быть каким угодно (“глупым”, “дерзким” и т. д.); важно лишь то, что данное значение творится...»¹⁴. Продолжая эту свою мысль, И. Клюканов настаивает на существовании между субъектом (творцом значения) и самим значением некоего интервала, во время которого восприятия значения реципиентом может и не последовать. С этой точки зрения абсурд в процессе коммуникации еще менее ожидаем, чем любое традиционное значение, и в отличие от последнего допускает возможность восприятия его (абсурда) как полной бессмыслицы. Уподобляя абсурд бессмыслице, большинство философов-экзистенциалистов (от Камю до Ионеско) тем самым противопоставляют его смыслу, внедрив в оборот формулу сведения воедино абсурда и бессмыслицы: nonsense = активная невозможность существования смысла. Другими словами, абсурд и бессмыслица в трактовках экзистенциалистов воплощают невозможность существования смысла как такового. Иной подход к пониманию сути абсурда использовал Ж. Делез в «Логике смысла». В отличие от экзистенциалистов Делез приходит к выводу о необходимости разграничения понятий *абсурда* и *нонсенса, смысла* и *бессмыслицы*. При этом французский философ неожиданно легко находит критерий, с помощью которого сводит воедино понятия *смысла* и *бессмыслицы*. По Делезу, и то и другое суть категории условные, конвенциональные, т. е. в поле смысла человек волен вкладывать практически все, что традиционно считается смыслом¹⁵, волюнтаристски оставляя за границей этого поля бессмыслицу.

Причудливо онтологическое движение абсурда в коммуникативном пространстве. Все стадии его описаны Камю все в том же «Мифе о Сизифе». Нам остается лишь объяснить, как происходит это движение, в терминах современной коммуникативной науки.

Первоначально абсурд, вернее его *проекция*, инициируется движением от субъекта в окружающий мир в целях понимания, объяснения, установления контакта с последним. Когда мир не поддается ни пониманию, ни объяснению, человека охватывает чувство «изгнанничества» (термин Камю), причиной которого Камю называет разлад между человеком и окружающей его жизнью (читай: помехи, искажения и т. д. в коммуникации). Причиной разлада, в свою очередь, становится лишение человека «памяти об утраченной родине» (читай: невозможность восстановления прежних коммуникативных связей) или надежды на землю обетованную (читай: невозможность установления коммуникации с другим миром по причине отсутствия последнего). Осознание абсурда окружающего мира становится причиной ухода субъекта в себя (читай: прекращение каких бы то ни было коммуникативных связей с окружающим миром) и добровольного ухода из жизни (читай: самоубийство как акт окончательного подавления в себе надежды на будущую коммуникацию).

Тем не менее в «Мифе...» Камю частично опровергает логическую связь между абсурдом бытия и самоубийством, называя две причины настойчивой, необъяснимой, а потому – иррациональной (а значит, абсурдной) «привязанности человека к жизни». Обе причины по своей природе коммуникативны, ибо первая – привычка тела – сообщает уму о своем желании избежать самоуничтожения. Описывая этот своеобразный коммуникативный акт, Камю пользуется термином «суждение», которое в контексте его логики носит определенно коммуникативный характер: «Суждение нашего тела ничуть не менее важно, чем суждение нашего ума, а тело избегает самоуничтожения. Привычка жить складывается раньше привычки мыслить»¹⁶. Перефразируя последнюю мысль Камю, мы получаем суждение вполне в духе современной онтологии коммуникации: привычка установления привычных коммуникативных связей с окружающим миром складывается раньше привычки осознания его абсурда, а значит, и раньше осознания тщетности самой коммуникации.

Вторая причина «привязанности к жизни», по Камю, еще более коммуникативна по своей природе, чем первая. Это надежда на другую жизнь (но не в религиозном, а все в том же бытийном плане), а значит, и на другую коммуникацию. Камю несколькими

словами (как великий художник несколькими штрихами) обозначает ее метафизическую природу, выявляющую «жюльничество тех, кто живет не ради самой жизни, а ради некоей превосходящей ее идеи, возвышающей эту жизнь, сообщающей ей смысл...»¹⁷. Другими словами, не люди творят коммуникацию, а коммуникация творит реальность, и иллюзорность этой реальности с очевидной ясностью проявляется во всех аспектах современной жизни. Какую роль играет в этой ситуации абсурд?

Иллюзорность политической коммуникации зачастую (если не всегда) предполагает ее ложность, и это с особой очевидностью проявляется в политике, где идеология может спровоцировать абсурд, «наградив» его фиктивными смыслами в форме целей, которые никогда не могут быть достигнуты.

Данное положение уходит корнями в античную философию, где абсурд трактуется элеатами как симптом ложности или противоречивости суждения (если абсурдно, значит, ложно; если противоречиво, значит, абсурдно). Имея дело с риторическим (а не с логическим) дискурсом, софисты отказались от *такой* характеристики абсурда элеатами, определив его место в системе математических доказательств как метода от противного, косвенного доказательства, приведения к абсурду и т. д. У софистов абсурд – контрсмысл, включаемый не только в ткань математических доказательств, но и в ткань античной риторики (ср. абсурд у Эсслина). Именно в школах риторики, открытых софистами, появились первые зародыши обучения манипулированию, в основе которого – придание абсурду атрибутивных черт правдоподобия, где за якобы правдоподобным контрсмыслом скрывался ложный смысл, выдаваемый за альтернативный. Аналогичным образом начиная с конца XIX в. великий смысл, порождаемый Верой, постепенно был заменен «ложью и злом вульгарных суррогатов»¹⁸. Мир, для которого «Бог умер», потеряв общую интегрирующую основу, лишился смысла, стал абсурдным. Появление именно в этот период экзистенциалистов и «театра абсурда» *закономерно и парадоксально* (если не сказать абсурдно) одновременно. *Закономерно* невозможность оставаться в ситуации «Бог умер» и жить во лжи «вульгарных суррогатов». *Закономерна* естественная потребность восстановить знание о реальности через поиски Святого. При этом парадоксально, что именно театр абсурда стимулирует публику на поиски Святого и атеистический по своей природе театр абсурда ближе всех стоит к религиозным устремлениям своего времени. Так, лишенный способности понимать истину через Веру, человек обращается к предельной реальности (термин Эс-

слина) и учится понимать ее через абсурд. В этом ему в немалой степени помогает язык абсурда.

Языковая модель абсурда. На уровне обыденного сознания реальный абсурд легко узнаваем. Описание же абсурда средствами языка по своей природе не абсурдно, если, конечно, оно (описание) констатирует реальный абсурд. Констатация абсурда выражается либо одним словом (Чепуха! Бред! Абсурд!), либо сочетанием слов (сапог всмятку, чепуха на постном масле), каждое из которых не создает впечатления абсурда, но сведенные вместе они становятся языковыми маркерами абсурдной ситуации. Таким образом, по мнению Померанца, «абсурдность» создается не отдельным словом, а *связью* этих слов, их *отношениями* между собой внутри словосочетания. Следовательно, языковой абсурд – это сбой в логике, намеренное соединение несоединимого, и смысл его – «указание на ошибку, на отход разума от реальности»¹⁹.

На отходе и даже полном освобождении от логики языка театра абсурда настаивает и Эсслин. Но при этом язык театра абсурда (как и язык художественного театра) не лишен образности и ассоциативности. «Низведенный до бессмысленной скороговорки», язык театра абсурда девальвирован, и девальвация эта зачастую приводит к отказу от языка вообще, открывая для театра новые выразительные средства через движение, свет, музыку, но никак не через слово²⁰. Таким образом, сфера слова театра абсурда сжимается за счет использования в нем неязыковых (но не менее выразительных, чем язык!) средств. В этом отношении театр абсурда идет в ногу со временем, поскольку многие сферы человеческой деятельности развиваются теперь если не вне языка, то как бы в качественно другом языке. Одной из таких сфер в последнее время все чаще выступает политика, а точнее язык политики. Он, как и язык театра абсурда, лишился той образности и ассоциативности, которые были свойственны ему на всем протяжении становления и развития. Парадокс тем не менее заключается в том, что язык политики, несмотря на девальвацию, развивается не в направлении хотя бы частичного отказа от него (ср. язык театра абсурда), а наоборот – в сторону неоправданно частого обращения к нему. Ситуация абсурда еще более усугубляется, когда слово в политике, будучи традиционным символом правления неуклонно девальвируется за счет медиатизации политической риторики и политики в целом. Это происходит, несмотря на постоянные предостережения политологов и специалистов в области речевых практик о том, что в государственном правлении отчетливо просматриваются некие действия, лежащие к языку очень близко, но при этом не сопро-

вождаемые соответствующим речевым актом (пример: «молчаливый» уход Р. Никсона с поста президента США). Молчание такого рода нередко выступает в качестве более успешного инструмента воздействия, чем постоянная легитимация власти средствами политической ораторики.

Как и язык театра абсурда, язык политики совершает как минимум два исторических перехода: от образности к символизму и от символизма к политическому спектаклю. При совершении первого перехода, как и в театре абсурда, образность уходит на второй план, уступая место словам-символам, создающим образ виртуальной реальности.

Флагманами символической лексики в современном русском языке абсурда стали бытовые жаргонизмы «как бы» и «типа»: «Оба жаргонизма, – пишет М. Виролайнен, – обозначают некий неопределенный вариант действия, его смутное подобие. Однозначно-определенное становится неоднозначно-неопределенным, самоотждественное – подобное чему-то иному: “Я как бы пришла”, “Мы типа ждали”»²¹.

Языковой абсурд в политической риторике нередко воспринимается как некое излишество, случайно или ошибочно проникшее в язык политики и почему-то в нем задержавшееся. Так было со случайно вброшенным с экрана телевизора жаргонизмом «как бы», произнесенным руководителем администрации Б.Н. Ельцина С. Филатовым: «Мы получили общественный как бы независимый канал». Дальнейшая судьба выражения «как бы» зависела не от частотности употребления в массмедиа, а от высокой вкусовой оценки, которую оно получило со стороны массового зрителя. Нельзя не согласиться с автором книги «Слово в российском эфире» А.Д. Васильевым: «Тиражируясь и распространяясь телевидением, сочетание “как бы” исподволь оказывает в высшей степени негативное влияние на общественное сознание. Картина мира утрачивает четкие очертания, становятся зыбкими этические основы, распыляются рубрики в шкале духовных ценностей... Возникает образ фантомного бытия, виртуальной реальности»²². В подобной виртуальности благодаря «типа» и «как бы» возникает сослагательность, которой в выше приведенном контексте совсем не место: «Очевидно, что в данном случае языковой абсурд то ли фиксирует, то ли формирует какие-то бессознательные и тем более необратимые процессы»²³.

Через язык нередко выявляется дисгармония и алогичность взаимоотношений между властью и социумом. Так, в советское время всем был очевиден высокий пафос официальной риторики

власти по отношению к низкому стилю речи социума. Официальный советский дискурс был буквально «напичкан» однотипными гиперболизированными эпитетами (небывалый, невиданный, неслыханный, недостижимый и т. д.). При этом речь населения изобиловала лексикой с уменьшительно-ласкательными суффиксами (текучка, кремлевка, столовка, продленка и т. д.).

Умрет ли абсурд? Название статьи М. Виролайнен отвечает на этот вопрос однозначно утвердительно. В «Гибели абсурда» она называет современный мир миром вариативного множества, где абсурд обречен на гибель: «Абсурд – это всегда другое. Если это другая логика, она нуждается в наличии этой, отвергаемой или опровергаемой определенной логики. В мире вариативного множества не может быть абсурда, поскольку возможна любая возможность, и ни одна из них не обладает качеством нормативности, которая могла бы быть опровергнута средствами абсурда»²⁴.

Примечания

- ¹ *Померанц Г.С.* Выход из транса. М.: РОССПЭН, 2010. С. 421.
- ² *Огурцов А.П.* Новая философская энциклопедия. М., 2003. С. 54.
- ³ *Франк С.Л.* Духовные основы общества // Русское зарубежье: Из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991. С. 28.
- ⁴ *Камю А.* Миф о Сизифе: Философский трактат. СПб.: Азбука-классика, 2005. С. 10–11.
- ⁵ *Буренина-Петрова О.Д.* Символистский абсурд и его традиции в русской литературе и культуре первой половине XX в.: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005. С. 13.
- ⁶ *Камю А.* Указ. соч. С. 240–241.
- ⁷ *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого. М.: АСТ, 2007. С. 26.
- ⁸ Цит. по: *Огурцов А.П.* Указ. соч. С. 57.
- ⁹ *Эсслин М.* Театр абсурда. СПб.: Балтийские сезоны, 2010. С. 439.
- ¹⁰ Цит. по: *Голубева И.В.* Явления языкового абсурда: металингвистический, когнитивно-дискурсивный и семиотический аспекты. Ростов н/Д, 2010. С. 10.
- ¹¹ *Буренина О.Д.* Что такое абсурд, или По следам Мартина Эсслина // Абсурд и вокруг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 21.
- ¹² *Померанц Г.С.* Указ. соч. С. 415.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ *Клюканов И.Э.* Коммуникативный универсум. М.: РОССПЭН, 2010. С. 140.
- ¹⁵ Цит. по: *Новикова В.Ю.* Семантика абсурда. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2005. С. 9.

- ¹⁶ Камю А. Указ. соч. С. 13.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Эсслин М. Указ. соч. С. 409.
- ¹⁹ Померанц Г.С. Указ. соч. С. 414.
- ²⁰ Эсслин М. Указ соч. С. 417.
- ²¹ Виролайнен М. Гибель абсурда // Абсурд и вокруг. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 420.
- ²² Цит. по: Наумов В.В. Государство и язык: Формулы власти и безвластия. М.: КомКнига, 2010. С. 147.
- ²³ Виролайнен М. Указ. соч. С. 420.
- ²⁴ Там же. С. 420–421.

ЛОГИКА АБСУРДА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКЕ

Эстетика и логика абсурда начали разрабатываться на рубеже XIX и XX вв. Эти разработки в литературе носили характер эксперимента в целях поиска нового языка и стиля. Однако в XXI в. в связи с развертыванием постмодернистского социального проекта абсурд стал характерной чертой не только социокультурной реальности, но и политической сферы. Это говорит о возможности использования абсурдистской логики в исследовании социокультурных, политических и коммуникативных феноменов и ставит перед теорией задачу выработать новые методологические ориентиры производства гуманитарного знания, с учетом того, что форматы его представления в научно-образовательных практиках стремительно меняются.

Ключевые слова: логика абсурда, неравновесность, синергетика, рас-предмечивание, хаос, политическое.

В соответствии со словарными нормами абсурд (от лат. *absurdus*, «нестройный, нелепый»; от лат. *ad absurdum*, «исходящий от глухого») – нечто нелогичное, нелепое, глупое, из ряда вон выходящее, противоречащее здравому смыслу, а логика (др.-греч. *λογική* – напротив, «наука о правильном мышлении», «искусство рассуждения», «мысль») – наука о формах, методах и законах интеллектуальной познавательной деятельности, формализуемых с помощью логического языка. Это знание получено разумом, следовательно, логика определяется как наука о формах и законах правильного мышления.

Получается, что словосочетание «логика абсурда» – оксюморон, нелепость вроде сухой воды, поскольку в логике по определению

не может быть абсурда, а у абсурда логики. Тем более в применении к политике, которая как будто бы должна действовать в поле рациональности, преследуя чьи-то достаточно внятные интересы.

Но и в самой логике достаточно много абсурдных лакун, которыми она успешно оперирует. Сформулированные еще в древности парадоксы фактически являются абсурдными утверждениями. Например апории (от др.-греч. ἀπορία, трудность) Зенона¹. Наиболее известные из них «Ахиллес и черепаха», «Летящая стрела», «Дихотомия». В них логическим путем доказывалось отсутствие движения и множественности. Апория «Дихотомия» формулируется примерно так: «Чтобы преодолеть путь, нужно сначала преодолеть половину пути, а чтобы преодолеть половину пути, нужно сначала преодолеть половину половины, и так далее. Следовательно, невозможно не только достигнуть конца пути, но и даже начать движение». При всей очевидной нелепости вывода опровергнуть исходные посылки и логику рассуждений не так просто, как кажется на первый взгляд. Даже математик Бертран Рассел писал, что они затрагивают основания почти всех теорий пространства, времени и бесконечности, предлагавшихся с его времени до наших дней. И действительно дискуссии относительно апорий Зенона продолжают до сих пор, углубляя понимание фундаментальных представлений о дискретном и непрерывном, целостном и единичном, общем и частном и т. п. Еще один пример – известный в логике закон тождества, утверждающий самоидентичность любого объекта научного исследования. С одной стороны, очевидно, что если A не всегда окажется равным A , то станет непонятным, что мы вообще исследуем. С другой стороны, если A всегда тождественно A , то оказывается невозможной динамика развития. Если применить закон тождества к субъекту, то мы увидим следы древних апорий, поскольку обязаны будем предположить, что не существует никакого становления, движения, взросления и старения, что абсурдно. Острой критике закон тождества подверг философ о. Павел Флоренский в своем понимании истины² как сверхрациональной целостности и абсолютной реальности, в то время как формула закона тождества символизирует смертоподобную неподвижность, статическую изоляцию. Эта самая сверхрациональная (трансрациональная) целостность, будучи живой, должна содержать переход от A к не- A . «Другое» есть в то же самое время «не другое». Собственно, только это позволяет соединить в одном объекте самоидентичность и становление. Впрочем, Флоренский полагал, что приятие такой формулы возможно только в процессе религиозного переживания, утверждающего «конкретное единство Отца, Сына и

Духа Святого», что означает переход существа из состояния полного отделения *A* в другое не-*A* и устанавливает любовью сосуществование с ним.

Все сказанное выше служило оправданием использования понятия «логика абсурда» в теоретическом дискурсе, в том числе и относительно политики. Это дает право на существование и других оксюморонов и тавтологий, таких, например, как «устойчивое развитие» или «суверенная демократия». Однако на практике логика абсурда разворачивается в несколько ином плане.

Логика абсурда в политике с позиции обывателя – это на самом деле примеры абсурда в том или ином политическом действии или решении, т. е. возникновение непонимания, недоумения у граждан, не видящих никакого рационального смысла в той или иной реформе, законе или инициативе. И дело не в том, что иные политические решения воспринимаются как ошибочные, неправильные или некомпетентные, такое тоже не редкость, а именно в их нелепости, бессмысленности и отсутствии ответа на вопрос «Зачем?», ясно построенной цели. Из последнего в качестве примера можно упомянуть рокировки с зимним/летним временем, введение ЕГЭ, да и вообще широкомасштабную реформу образования, и конечно уничтожение Российской академии наук. Недопонимание разрушает коммуникацию общества и власти, но более того, создает смысловой вакуум, приводящий к построению самых разнообразных объяснительных схем, распространяющихся в основном в форме слухов, от подозрения в некомпетентности руководства и алчности элит до сложных конспиратологических моделей. Не отрицая возможности участия в какой-то степени всех этих факторов, предполагаю все же, что логика абсурда становится системным свойством политики в эпоху постмодерна.

В этой связи хочу поделиться собственными постперестроечными наблюдениями. После 1991 г. куда-то пропали популярные ранее в СССР политические анекдоты. Более того, в связи с хлынувшей из СМИ разоблачительной информацией то, что казалось ранее смешным (т. е. фантастическим, парадоксальным, нелепым), переместилось в область реального. Да и новая реальность оказалась зашифрованной в прежних анекдотах. Расскажу такую историю – некто чем-то особенно порадовал генсека, и ему в благодарность предложили госпремию, звание генерала и пожизненный кремлевский паек. Но он от всего этого отказался, попросил только предоставить ему в личное пользование один метр государственной границы. Абсурд? Оказывается, не совсем. В одной из передач Караулова «Момент истины» был сюжет, повествующий о том,

что в Петербурге работает частный таможенный терминал, неподконтрольный государству. Случилось то, что не может случиться, потому что не может случиться никогда. Таких примеров, к сожалению, можно привести и больше.

Впрочем, не менее абсурдной представляется как внутренняя, так и внешняя политика наших соседей. Например, почему одним из первых решений нового президента католической Франции была легализация однополых браков, т. е. решения, немедленно сделавшего его непопулярным в самой Франции. И почему тема сексуальных меньшинств продолжает оставаться в повестке дня политического дискурса и средств массовой информации? Почему США упорно развязывают маленькие, но отнюдь не победоносные войны, и почему их поддерживает Европа, когда в результате ее захлестывает вал новых эмигрантов, как было после Косово и Ливии? А на очереди уже и Сирия, война в которой станет не только дальнейшим падением престижа США, но и реальной опасностью войны уже регионального, а может быть, и мирового масштаба, гибелью американских солдат, вооружением террористов химическим оружием промышленного производства с разграбленных правительственных складов. Каждому из этих событий найдется масса конкурирующих и противоречащих друг другу схем-объяснений, экономических, геополитических, социокультурных, конспиратологических, но ни одно из них не является исчерпывающим и не приводит к сколько-нибудь полной и рациональной картине происходящего. Сама по себе множественность объяснительных схем указывает на то, что уже недостаточно просто логики, а нужна логика абсурда.

Воспользовавшись логикой абсурда, можно объяснить приведенные выше примеры попыткой формирования организованного хаоса, и даже управляемого хаоса. Последнее, впрочем, невозможно, хотя и абсурдно. Определенный смысл в этом есть – социально-политическое деструктурирующее действие приводит к разрушению разного рода связей и высвобождению большого количества социальной энергии, как при горении. Небольшую часть этой энергии можно попытаться утилизировать, создавая новые структуры, новые социальные лифты и т. п. В этом, вероятно, смысл всех революций и прочих социальных потрясений: «Весь мир насилия мы разрушим, до основания, а затем... Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Конструкторы хаоса на первых этапах его развития действительно получают некоторые дивиденды, но затем, как показывает история, их самих затягивает в воронку.

Неверно думать, что кто-то, герой или группа единомышленников, способны сознательно, с помощью рационального плана, изменить ход истории. С синергетических позиций, социальная система развивается, балансируя между сохранением стабильности и дозированной неравновесностью, утилизируя энергию нестабильности, до тех пор пока не достигнет точки крайней неравновесности, т. е. точки бифуркации. Это состояние таково, что достаточно минимального воздействия с любой стороны, чтобы система скачкообразно перешла в другое состояние, вероятнее всего, в состояние хаоса, что в теории называется катастрофой³. Однако затем, как показали работы И. Пригожина⁴ и его последователей, хаос начинает самоорганизовываться, в нем возникают так называемые странные аттракторы, т. е. организованности типа дрейфующих волчков, подобных торнадо. «В странном аттракторе система движется от одной точки к другой детерминированным образом, но траектория движения в конце концов настолько запутывается, что предсказать движение системы в целом невозможно – это смесь стабильности и нестабильности. И, что особенно удивительно, окружающая нас среда, климат, экология и между прочим наша нервная система (и социально-политическая система. – А. К.) могут быть поняты только в свете описанных представлений, учитывающих как стабильность, так и нестабильность. <...> Указанные объекты детерминированы странными аттракторами и, следовательно, своеобразной смесью стабильности и нестабильности, что крайне затрудняет предсказание их будущего поведения»⁵. Их взаимодействие в итоге может вернуть систему в состояние, где стабильность все-таки будет доминировать над нестабильностью, т. е. превратить ее в линейную систему⁶, причем жесткую в той степени, в какой необходимо проектирование ее будущего. Это и есть синергетическая формула эпохи модерна, представленного тремя различными по идеологии, но сходными по своим фундаментальным системным свойствам моделями: коммунистической, национал-социалистической, либеральной⁷.

Иными словами, эпоха модерна характеризовалась периодическими социальными катастрофами в отдельных странах и регионах мира с последующим возникновением и стабилизацией новых организованностей. Однако к эпохе постмодерна подобная модель ограниченно применима из-за глобализации. Следствием глобализации являются трансграничные переходы странных аттракторов, например возникновение такого принципиально нового явления, как международный террористический интернационал. Чисто модернистская идея экспорта революции провалилась, тог-

да как экспорт нестабильности успешно реализуется, поскольку допущение возможности экспорта революции основывалось на прогрессивистской идее линейного тарана жестко структурированной общественной системы, в то время как вихревые возмущения, свойственные транспорту нестабильности, быстро адаптируются к неравновесным сферам общественной жизни.

Следует отметить также возникновение информационно-коммуникативного пространства и в целом усиление коммуникативных факторов социального и политического бытия, т. е. расширение списка значимых параметров и их вариативности. В информационно-коммуникативном пространстве рождаются и умирают новые организации, информационно-коммуникативные странности аттракторы.

Иными словами, социально-политическая реальность эпохи постмодерна – плавильный котел уже мирового масштаба с принципиально непредсказуемым будущим, для которого уже не работают классические экономические, геополитические, социологические и тому подобные объяснительные схемы.

Возвращаясь к логике абсурда, отметим, что разработка этой тематики началась на рубеже XIX–XX вв. у таких авторов, как С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Камю, т. е. в рамках философского течения экзистенциализма. Но интереснее рассмотреть не философскую рефлексию этого феномена, а художественное провидение. Вспомним Ф.М. Достоевского и его «проклятые вопросы», которые принципиально не могли быть решены рациональными средствами. Родион Раскольников был абсолютно прав с точки зрения здравого смысла, взвешивая на весах жизнь старухи процентщицы и те блага, которые могут принести ее несправедливо нажитые деньги бедствующим молодым и талантливым людям, а через них и всему человечеству. Его *преступление*, подготовленное с эпилептоидной тщательностью, было вполне логичным, рациональным и, по сути, правильным. Однако, как это ни парадоксально, сразу же после него он был награжден без-Умием, что и сам отметил лишь только избавившись от награбленного: «Если действительно все это дело сделано было сознательно, а не по-дурачки, если у тебя действительно была определенная и твердая цель, то каким же образом ты до сих пор даже и не заглянул в кошелек и не знаешь, что тебе досталось, из-за чего все муки принял и на такое подлое, гадкое, низкое дело сознательно шел? Да ведь ты в воду его хотел сейчас бросить, кошелек-то, вместе со всеми вещами, которых ты тоже еще не видал... Это как же?» «Да, это так; это все так»⁸, – отвечает своему герою Достоевский. Подобное

безумие оказалось первым шагом к спасению, шанс на которое он получил уже в форме *наказания*, на каторге.

Мысль о том, что рациональность и логика могут действительно привести к состоянию преступления, для выхода из которого требуются абсурдные и экстравагантные действия, проходит красной нитью через все романы Федора Михайловича. Здесь типичный абсурдистский парадокс – рассудок толкает на аморальное действие, в то время как абсурд (безумие) возвращает социальную и личностную внятность. В этой связи уместно привести здесь слова великого русского художника В.М. Васнецова: «Христианское учение о нравственности тесно связано с верой в бессмертие человеческой души и с верой в Христа как Сына Бога Живаго, утвердившего эту веру на земле. <...> Если Христос Иисус только лучший, умнейший, возвышеннейший человек, то нравственное его учение теряет силу обязательности. <...> Не разумнее ли спасать и оберегать здоровых и сильных (как у древних), а слабых и больных предоставить их участи? <...> Зачем мне стремиться лично делать добро, если зло мне лично выгоднее? <...> А у науки нет незыблемых оснований возразить против такой теплой морали. Правда, такую мораль можно назвать звериной, но ведь человек с одной своей наукой, без Бога и Христа, неудержимо стремится к идеалу человека – культурного зверя, ибо если человек не носит в себе образа и подобия Божия, то, конечно, он зверь – высший зверь – образ и подобие зверино»⁹.

В дальнейшем абсурд стал главным методом художественного осмысления реальности у некоторых писателей. Наиболее яркими были представители объединения реального искусства (ОБЭРИУ): Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий и др. Стержнем абсурдистской эстетики того времени можно считать распрямление в процессе создания художественного образа. Это прямо противоположно рациональному опредмечиванию, объективирующему реальность посредством приписывания ей уже известных стереотипных качеств.

«Я усомнюсь, что, например, дом, дача и башня связываются и объединяются понятием “здание”. Может быть, плечо надо связывать с четырьмя... И я убедился в ложности прежних связей, но не могу сказать, какие должны быть новые»¹⁰.

Подобный предельный релятивизм, совместность несовместного, сочетание несочетаемого нашли свое развернутое выражение в постмодерне. Поскольку доминирующий художественный стиль эпохи есть свернутое отражение ее глубинных системных качеств, эпистемических характеристик, форм отношений и коммуникаций, то можно предположить, что и политика эпохи постмодерна также

приобретает черты логики абсурда. Поэтому тот факт, например, что США в одной стране борется с террористами, а в другой их всячески поддерживает, говорит о распредмечивании политического на практике, его атомизации и утрате традиционных коммуникативных скреп и управляемости.

В целом при знакомстве с пластом абсурдистской литературы начала прошлого века возникает ощущение ее крайней актуальности. Она более адекватна реальности XXI в., чем XX. Это наводит на мысль о возможности использования абсурдистской логики в исследовании социокультурных, политических и коммуникативных феноменов. В частности речь идет о допустимости включения в описательные схемы различных противоречащих друг другу концептов, а также о технологии распредмечивания, готовности «посмотреть на предмет голыми глазами»¹¹, умеренном рационализме, признающем не только сциентистский, но и антисциентистский подход, не только дискурс, но и нарратив, в качестве полноправных форматов представления научного знания и факторов его производства. Кстати, такой подход позволит наконец коммуникатологии найти свой предмет – коммуникацию, которая есть нечто одновременно разделяющее и соединяющее, немислимое без участников коммуникации и одновременно мыслимое вне их. «Плюрализм аспектов изучения коммуникации обуславливает необходимость использования обобщающих познавательных стратегий и форм познания, т. е. научных теорий». А значит, существует «необходимость выработки и развития согласующихся профессиональных языков в изучении и реализации современных коммуникаций; интеграции коммуникативных наук с культурой как мегатекстом, знаково-символической системой социума...»¹².

Иными словами, перед теорией стоит задача выработать методологические ориентиры производства гуманитарного знания с учетом того, что форматы его представления в научно-образовательных практиках стремительно меняются, а эпистемы профессиональных сообществ все более отдаляются друг от друга как внутри отдельных сфер деятельности (например, сферы теории и практики PR разделены даже на уровне тезауруса), так и при междисциплинарном взаимодействии. Сегодня, нет надежды на то, что в науке может быть выработан единый язык даже на методологическом уровне. Однако современные информационно-коммуникативные технологии все-таки предлагают некоторое решение, позволяющее совместить автономное и продуктивное существование локализованных эпистем с возможностью их взаимодействия на уровне понимания. Оно основывается на разработке третьей версии сети (WEB 3.0), а нам остается надеяться на эффективность подобного решения.

- ¹ См.: *Лосев А.Ф.* Зенон Элейский // *Философская энциклопедия*. М.: Советская энциклопедия, 1962. Т. 2. Цит. по: *Ивин А.А.* По законам логики. М.: Молодая гвардия, 1983.
- ² См.: *Флоренский П.* Столп и утверждение Истины. М.: Правда, 1990. Репринт 1914 г.
- ³ См.: *Постон Т., Стюарт И.* Теория катастроф и ее приложения. М.: Мир, 1980.
- ⁴ Илья Пригожин – бельгийский физико-химик, лауреат Нобелевской премии – считается родоначальником синергетики. Основные идеи синергетики изложены в книге: *Prigogine I., Stengers I.* Order out of chaos: Man's new dialogue with nature. L.: Heinemann, 1984. На русском языке: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. / Общ. ред. В.И. Аршинова, Ю.Л. Климонтовича, Ю.В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986.
- ⁵ *Пригожин И.* Философия нестабильности // *Вопросы философии*. 1991. № 6. С. 46–57.
- ⁶ В линейной системе результат воздействия пропорционален силе воздействия.
- ⁷ См.: *Калмыков А.А.* Судьба политического в цивилизации модерна: эконсихологический анализ // *Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки»*. 2011. № 1. С. 9–15
- ⁸ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 6: Преступление и наказание. Л.: Наука. 1973. С. 86.
- ⁹ *Васнецов В.М.* Письма. Дневники. Воспоминания. Суждения современников. М., 1987. С. 218.
- ¹⁰ *Липавский Л.* Разговоры // Введенский А. Всё. М.: ОГИ, 2010. С. 593.
- ¹¹ Из «Декларации ОБЭРИУ», опубликованной в 1928 г. в № 2 журнала «Афиши Дома печати».
- ¹² *Клягин С.В.* Коммуникация: социальные горизонты слова // *Современные коммуникативные науки. Социальные практики как совместность слова / Отв. ред. А.П. Логунов*. М.: ЛЕНАРД, 2014. С. 13–29.

ЭКСТАТИЧНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ

В статье рассматриваются актуальные ситуации и варианты проявления политического в разнообразии современной социальной реальности. В качестве специфических областей и факторов актуализации политического полагаются события как особого рода феномены социальной реальности. Специфика событий в таком предельном онтологическом качестве связана с изменением порядка конституирования социальной реальности. В свою очередь, выход за пределы привычной, устоявшейся реальности в рамках события проявляется как экста́тичность – особого рода форма существования, где устойчивость и определенность «проверяются» негативным и неизвестным, где обнаруживается острота и контрастность объединяющих наличную реальность смыслов и идей.

Экста́тичность события как «дыхание» политической энергии, увлекающей и соединяющей социальные силы, становится особым сообщением в формате социальных коммуникативных взаимодействий и может проявляться в жизни человека и общества независимо от конкретных технологических и культурно-исторических обстоятельств.

Ключевые слова: событие, политическое событие, политическое, реальность, экста́тичность, бытие.

Яркие, запоминающиеся события все более активно используются различными акторами в политической сфере современного общества. Это отнюдь не случайно. Событийный формат представления политических идей, намерений и практик позволяет преодолевать информационную избыточность в медиатизированной среде современного социума. Кроме того, события вписываются в контексты спектакля и перформанса, которые актуальны в

настоящее время для всего спектра социальных взаимодействий. И в то же время, когда в общественной жизни многих современных государств проявляется недостаток внимания к политике как таковой, именно с помощью нетривиальных, привлекательных событий этот дефицит может преодолеваться.

Распространенность и разнообразие событий неизбежно приводят к фрагментации рассмотрения возможных вариантов их использования в политике, что, в свою очередь, обуславливает потребность в обобщенном осмыслении политического события как особого рода феномена социальной реальности. Такая широкая онтологическая трактовка связана с представлениями о возможности изменения в рамках события порядка конституирования и оформления реальности, когда осуществляется «выход» за ее привычные, устоявшиеся пределы.

В свою очередь, базовый для события импульс онтологического сдвига проявляется как экстатичность – особого рода форма существования, где устойчивость и определенность «проверяются» негативным и неизвестным, где обнаруживаются острота и контрастность объединяющих наличную реальность смыслов и идей.

Экстатичность события содержит в себе политический потенциал. Это обнаруживается в воспроизводстве опытов пребывания социальных акторов в своего рода «социальной разведке», в напряженной объединяющей неопределенности. Экстатичность события как «дыхание» поисковой политической энергии, увлекающей и соединяющей социальные силы, становится особым сообщением – своего рода «призывом» – в социальных коммуникативных взаимодействиях. Поэтому изучение примеров и сочетаний политических событий на пределе их возможного осмысления и принятия позволяет обнаруживать важные предпосылки социально-политической динамики, которые могут проявляться в жизни человека и общества даже независимо от конкретных технологических и культурно-исторических обстоятельств.

Замысел статьи, таким образом, связан с рассмотрением ситуации проявления экстатичности – некоего «сдвига» в реальности как особой порождающей области для любого политического события. Приложение общей философской концепции экстатичности к феномену политического события дает возможность для создания реальных событийных предпосылок и использования соответствующих им практик и технологий. Кроме того, осмысление экстатичности в политической жизни позволяет давать интерпретацию различных ситуаций, возникающих в динамике политической жизни, в том числе с учетом

такого неординарного события, как изменение представлений о феномене политического в целом.

Парадокс обращения к теме события вообще, событий социальных и политических состоит в том, что ее рассмотрение само по себе становится событием, т. е. на общем фоне политико-коммуникативных исследований нередко выделяется дискусионностью, разнообразием точек зрения и подходов, сложностью теоретических интерпретаций.

В рамках журнальной статьи для краткой характеристики предпосылок изучения политического события могут быть уместны отсылки к уже имеющимся обзорным материалам на эту тему. В этих текстах отмечается несводимость события к фактам и происшествиям социальной реальности. Важно также, что подчеркивается множественность возможных философских и научно-дисциплинарных интерпретаций события, где доминируют процессуальные представления о бытии и становлении в нем реальности, учитывается вариативность онтологий, в которых порождаются и реализуются события. Как писал В. Подорога: «Событие реализует себя (актуализируется) во множестве интерпретаций, ни одна из которых не получает превосходства над другой. Событие длится и не в силах завершиться до тех пор, пока это “кишение” интерпретаций будет продолжаться»¹.

В общем плане в рассмотрении социальных и политических событий в зависимости от степени общности оснований их проявления можно выделить несколько уровней.

Первичным, хотя и немаловажным для изучения событий является *уровень предметных (объектных) фиксации*. На этом уровне исследования направлены на выявление и фиксирование события как такового. Прагматика исследования связана, главным образом, с созданием познавательных и практических предпосылок для выделения событий на общем фоне социальной реальности, выработки отношения и обоснованных позиций относительно них для различных социально-политических акторов и субъектов. Результаты исследований находят выражение в характерологических описаниях событий, в выделении их существенных признаков, в определении логико-методологических оснований для упорядочивания многообразных представлений о событиях, в тематизации дальнейших исследований событийной проблематики. Выделенный уровень зачастую не является самостоятельным и встраивается в исследовательские программы в области политологии, коммуникативных наук, прикладных социально-гуманитарных технологий².

Следующим уровнем изучения социальных и политических событий является *уровень онтологических различений*. Соответствующие ему исследования выявляют принадлежность событий к различным онтологиям, способам устройства социальной реальности. При этом исследования направлены на выявление разнородного «онтологического рельефа» событий и, далее, на определение сдвигов, граней привычной реальности, где собственно и проявляются события как области удержания напряженного и, казалось бы иногда, невозможного единства разного в общей динамике социально-антропологических изменений. Результатом исследования становится демонстрация онтологической полиразмерности событий, обнаружение неустрашимых «разломов», конституирующих событийность реальности в ее самых простых и одновременно фундаментальных проявлениях, связанных с жизнью человека, природы и общества.

Показательным для этого уровня являются трактовки события вообще и коммуникации как события в ряде работ британского философа Й. Сиберса, в которых он активно использует идеи современной европейской философии. Й. Сиберс изначально подчеркивает, что «коммуникация предполагает наличие онтологического измерения, которое в традициях классической философии было понято как единство противоположностей, т. е. в самом общем плане, как тождества и различия, единства и множественного в бытии»³. Этот тезис иллюстрируется далее с помощью онтологической концепции А. Бадью. Как полагает этот ученый, событие обнаруживается в «разрыве», который порождается избыточностью реальности относительно возможностей ее познания и непротиворечивого именованя. В «разрыве» как событии обнаруживается новизна как характеристика неопределенности в той или иной области реальности, в частности в политике, науке, искусстве. Компоновка целостности события обеспечивается именно усилием субъекта события. Это усилие простирается за пределы «местной» онтологии и в непредсказуемости встречи с неизвестным и неожиданным конституирует подвижное, «живое» событие, в котором субъект события становится субъектом практического действия⁴.

Подобные подходы реализованы также в экспликации онтологической полиразмерности и, следовательно, событийности, казалось бы, уже известных, апробированных в исследовательских и социальных практиках феноменах. В качестве примеров может быть отмечены трактовки коммуникации И. Клюкановым. Так, И. Клюканов, проблематизируя линейное, механистическое понимание коммуникации, подчеркивает ее внутренне противоречивые

свойства. Во-первых, это экологичность, когда коммуникация непрерывно создается взаимодействием ее участников как бы на пустом месте. Во-вторых, это антиномичность, когда в коммуникации происходит порождение и прояснение смысла как некоего идеала, который конституирует коммуникацию именно своей неопределенностью, неисчерпываемостью и ненаходимостью⁵. Более широкая трактовка многомерности события коммуникации также связывается И. Ключановым с пульсацией пространственно-временного континуума, в пределах которого «(вос)создается общезначимый опыт»⁶.

Пожалуй, наиболее развитым уровнем изучения социальных и политических событий является *уровень концептуальных интерпретаций*. На этом уровне предлагается систематическая характеристика онтологических оснований демаркации и исследования событий. Направленность исследований при этом находит выражение в выявлении и описании представленных в интеллектуальной культуре взаимосвязанных идей, подходов и моделей в рамках специфических дискретных онтологий. Здесь не только выявляются онтологические различия как предпосылки события. И здесь события не только как бы интеллектуально «испытываются на разрыв». На этом уровне даются взаимосвязанные интерпретации факторов порождения событий в разветвлениях, расслоениях и иных сложных «разомкнутых» онтологических конфигурациях социальной реальности. Соответственно, результаты исследований находят выражение в экспликации культурных и философских традиций и исследовательских направлений, на основе которых могут строиться и контекстуализироваться различные представления о социальных и политических событиях.

Возможно, наиболее ярким примером такого подхода являются статьи А. Филиппова⁷. Исследователь рассматривает социальную реальность не как совокупность вещей и людей, которым могут быть даны психофизические описания, но как реальность смысловую. Событие трактуется в качестве элемента этой реальности⁸. Подчеркивается, что «связь событий есть конститутивное условие социальности»⁹. Интерпретации связи, пространственно-временной локализации, возможности определения последовательности событий даются в контекстах построения исторического времени (Г. Зиммель), философии процесса (А. Уайтхед), символического интеракционизма (Дж. Г. Мид), концептуальных контекстов понятий «целостность и часть», «система» (Н. Луман), «коммуникация» (Дж. Г. Мид, Н. Луман). На основе подробного анализа этих контекстов и их взаимосвязей в возможной интерпретации собы-

тия А. Филиппов делает вывод о том, что «социальное составлено из пространственно-временных невещественных событий»¹⁰. Примечательно, что объединяющей идеей в исследовании различных концептуальных оснований трактовки события в работах А. Филиппова является поиск целостности социальной реальности в рамках ее «дискретных онтологий», когда важным становится определение соединительных «скреп» реальности, роль которых и выполняет событие.

На основе краткого обзора исследований феномена события возникает возможность заметить явную тенденцию привнесения в практические характеристики социальных событий сложных философско-политологических и социологических идей. Этими идеями представлены специфические онтологии, в которых учитывается парадоксальность социальной реальности, ее балансирование на хрупкой грани прерывного и непрерывного, целостности и разрушения. Сдвиг, разрыв, напряжение в социальной реальности рассматриваются как предпосылки для появления события и проявления его учреждающей для целостности социальной реальности роли. В то же время при рассмотрении этих порождающих событие онтологических неоднородностей недостаточно обращается внимания на экстатичность события, т. е. на саму возможность и «энергетику» ситуации выхода за пределы наличного социального горизонта. Показанный недостаток в характеристике предпосылок социальных и политических событий может быть отчасти компенсирован за счет включения в рассмотрение темы идей универсальной онтологии М. Хайдеггера и, в частности, его трактовки экстатичности как *эк-статичности*.

Прежде всего в этом философском подходе подчеркивается следующая бытийная особенность: «Эк-зистенция, экстатически осмысленная, не совпадает ни содержательно, ни по форме с *existensia*. Эк-зистенция означает содержательно выступание в истину Бытия»¹¹.

Иными словами, эк-статичность и эк-зистенция для человека вообще и, следовательно, для общества как объединения людей связана с постоянным усилием выхода за пределы наличного и понятного к общему, открытому, поисковому. «Эк-зистенция человека есть его субстанция»¹². И в этом смысле обычные гуманистические определения человеческого существа могут быть переосмыслены в бытийном контексте высокого собственного достоинства человека. Эк-зистируя в своей эк-статичности, человек принимает ответственность и заботу за общее, научается служить этому раскрывающемуся общему в его, человека, усилении открытия

общего. «Существо человека состоит, однако, в том, что он больше, чем просто человек...»¹³. Человек бросает вызов, открывается общему, но и остается всегда меньшим относительно него, ибо «экзистировать в брошенности»... «Человек не господин сущего, Человек пастух бытия»¹⁴.

Для общественно-политической жизни такое понимание экзистенциальности означает признание неустранимой важности для события некоего «сдвига» в понимании и осуществлении реальности, а также того, что именно этот «сдвиг» ее создает и формирует. Такой сдвиг, «бросок» даже, отличают решительность и заметность на фоне наличной реальности, приверженность общему, наличие смыслового, ценностного измерения предпринимаемого сдвига, наконец, ответственности, которая и является ответственностью, откликом сущностного человека на свое призвание к служению общему. Важно также отметить в экзистенциальности как предпосылке события наличия некой «обратной перспективы». Не субъект порождает событие, но скорее именно в событии происходит становление субъектности. Экзистенциальность – это не продукт социального активизма или выражение чьей-либо яркой индивидуальности. В плане отношения к общему в реальности, в мире и бытии в целом – это принятие дара этого общего, способность быть достойным принять это (само)подношение общего, которая распознается как общность существования общего в его целостности. Такой подход обнаруживает в экзистенциальности события нечто большее, чем энергичность отдельных деятелей или политических субъектов, их возможные волюнтаризм и даже авантюризм. В экзистенциальности парадоксальным образом проявляется бережность подлинного события по отношению к реальности. «Дар можно принять и отвергнуть – само подношение открыто, – еще ничто не состоялось, но уже есть возможность события и одновременно неопределенность, или свобода, даруемого»¹⁵.

Экзистенциальность как общая онтологическая предпосылка события применительно к событиям политическим проявляется в двух основных аспектах. Во-первых, в качестве базовой предпосылки событий на общем фоне социальных трансформаций, «изломов» современного общества. Во-вторых, непосредственно в изменчивости, экстраординарности феномена политического.

Так, например, социальная экзистенциальность как потенциал политической событийности, достаточно выражено проявляется в практиках социальной мобильности, на основе которых качественным образом меняются сложившиеся представления об устройстве общества. Как отмечают исследователи, в современных условиях

меняется суть «социального». Мощность и масштабы потоков социальной мобильности (миграция населения, перемещение ресурсов, туризм, движение образов и информации, телекоммуникации и сетевые технологии, новые пространственно-временные конфигурации отношений между людьми и социальными общностями) видоизменяют на материальном уровне «социальное как общество», превращая его в «социальное как мобильное»¹⁶. Иными словами, неравномерность мобильных процессов в современном обществе, их различные конфигурации объективно создают крупные, экстатические сдвиги в понимании социальности как таковой и в устроении различных видов социальной реальности в частности.

Значимым материалом для обнаружения экстатичности в событиях и практиках общественной жизни являются также трактовки социальных связей и отношений применительно к сообществам людей, где собственно и собираются первично потенциалы для социальных и политических взаимодействий. В европейской социологии (М. Бланшо, Ж.-Л. Нанси, Ж. Деррида) предлагаются идеи, позволяющие увидеть объединяющие связи между людьми, области и центры социальной активности в необычном свете, «за пределами» привычных социальных структур. Сообщество при этом понимается как возможность складывания социальной связности за счет «энергии отрицаний» социума, объединяющего переживания людьми предельных опытов. Еще Руссо размышлял об обществе не как об институте, но как о «беспокойстве, направленном к сообществу». М. Бланшо, принимая во внимание взгляды целого ряда европейских мыслителей (Ж. Батай, В. Беньямин), писал об «опыте-пределе», который есть «бытие-вне-себя», т. е. восторг и бездна, не перестающие служить взаимосвязью¹⁷.

Сообщество при этом есть непрерывно «стираемая» реальным социумом живая связь между людьми. Имманентностью общества становится его отрицание, постоянное преодоление возможности (само)разрушения социума. В таком типе мышления о сообществе происходит отказ от базовых социальных предметностей – индивида, группы, субъекта. Объединительной предпосылкой общества полагается «экстаз», который есть вызов знанию отдельного человека и который переживается как воспроизводимый и переживаемый разделяемо с другими опыт завершенности, конечности. «Тот, кто рождается и умирает, не является субъектом»¹⁸.

Намеченную экстатическую зону, в которой непроизводительно, вне какой-либо деятельности, самим сознанием непрерывности и неустранимой значимости для каждого перехода через грань «быть/не быть», продолжает вырабатываться сообщество, Ж.-Л. Нанси на-

зывает «сингулярностью». В этой области совершается бытие-вместе» (совместное бытие), что, собственно, и является предпосылкой события как со-бытия. Другое дело, что «работающая» здесь онтологическая связь определяется с помощью разрыва. «...Эта связь, которая разъединяет связывая»¹⁹. Или иначе, непосредственно по выражению Нанси, это экстраординарная связь социальной общительности, в которой «ты разделяет я»²⁰.

Примерами такого рода сообществ являются зачастую объединения людей, которые вполне реальны, но трудно поддаются определению, которые как бы «ускользают» из устойчивых социальных распорядков. Такие сообщества могут возникать в связи с распространением каких-либо идей, наличием разделяемых аффективных состояний (страдание, радость, удовольствие), мотивацией включения в какое-либо действие или предприятие (попутчики, соучастники, сочувствующие). Очевидно, что различие таких «безымянных» (трудно поддающихся определению, не называемых) сообществ, использование их живой динамики само по себе может становиться событием. К тому же существование этих сообществ наполняется своим нетривиальным фоном событий, связанных с событийными практиками устоявшегося, институализированного социума.

Как уже было отмечено, экзатичность политического события возможна в качественной изменчивости трактовок политики в современном обществе. Причем речь может идти не об изменении представлений об эффективности политики, ее институтов, инструментов и технологий, но именно о трансформации идей о политическом как таковом. Эти идеи тесно связаны с динамикой представлений об устройении общества и о том, как складываются и проявляются сообщества в социуме, как возможна интеграция их в общественном целом. Ключевым здесь опять-таки становится признание наличия и значимости неких предельных границ общества, в отталкивании от которых происходит непрерывное становление социальной реальности как реальности социального. Концептуально эта тема подробно представлена, например, в труде Ж. Рансьера «На краю политического», где всесторонне подчеркивается важность понимания политического как феномена, совершающегося на срывах и вызовах социального. Задача политического, по образному выражению мыслителя, состоит в том, чтобы «вывести власть из ее возможности, чтобы преобразовать “экзгибиционизм” власти в доказательство способности к власти и права на власть»²¹.

Трактовка политического как экзатического усилия удержания общественной целостности на пределе возможностей социаль-

ного непосредственно связана с переосмыслением статуса и роли политического субъекта. При этом и в субъекте обнаруживается экстатическая природа, скрытая в устоявшихся структурах политической организации социума. Непрерывно осуществляемое политическое трактуется Ж. Рансьером как «дискурс мощи», в котором осуществляется настоящее во всем многообразии его противоречий и угроз. Движение навстречу этим угрозам и вызовам, а также их преодоление, «переступание за», из невозможного в возможное, и есть подлинное призвание и начало действий субъекта политического, «...каковому удастся занять известное с незапамятных времен место аuctor'a, создающего грань бездны, тревоги, рядом с которой он ведет себя как гарант»²². Такое действие в изменчивой, неопределенной социально-политической реальности усиливает событийный потенциал обстоятельств и ситуаций общественно-политической жизни, превращает политические события в события политического.

В заключение необходимо отметить, что рассмотрение экстатических подоплек политических событий не только актуально, но может иметь и определенную исследовательскую перспективу. В обозначенном для трактовки политических событий ракурсе может быть расширен репертуар интерпретаций происходящего в политической жизни современного общества. Появляются новые аналитические основания для квалификации политических событий, формируются предпосылки для более глубокого осмысления как существующих, так и перспективных событийных технологий. В дальнейшем демонстрация общей значимости и раскрытие базового содержания экстатичности политического события с большой степенью вероятности дополнятся также новыми тематическими сюжетами. Они могут быть представлены рассмотрением эстетической составляющей экстатичности события, роли в проявлении и акцентировании в событии художественного начала. Особо значимо для продолжения изучения темы символическое измерение экстатичности, когда принимаются во внимание многообразие политической реальности, ее иерархическое устройство, возможность устремления в событие политического к ценностным универсалиям, неизменным и независимым от каких-либо конъюнктур и прагматик.

Отметим в итоге, что рассмотрение события политического в политических событиях по сути своей является (не)законченным и (не)завершенным, подобно миру, в котором эти события и происходят.

- ¹ *Подорога В.А.* Событие // Новая философская энциклопедия. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 582.
- ² В качестве примера могут быть приведены статьи авторов посвященного теме политического события номера журнала «Вестник РГГУ». Сер. «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2008. № 8; см. также: *Сморгунов Л.* Гуманитарные технологии и формирование политического события. Центр гуманитарных технологий: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/728>. Режим доступа свободный. Дата захода 15.08.2013 г.; *Хальцбаур У.* Event-менеджмент. 2-е изд., доп. М.: Эксмо, 2007. С. 10–27.
- ³ *Сибберс Й.* Коммуникация как событие и как практика // Метадискурсы коммуникации и проблемы общественного диалога. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2011. С. 7.
- ⁴ Там же. С. 8.
- ⁵ *Клюканов И.Э.* Коммуникативная природа события // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2008. № 1. С. 21.
- ⁶ *Клюканов И.Э.* Коммуникативный универсум. М.: РОССПЭН, 2010. С. 62.
- ⁷ *Филиппов А.* К теории социальных событий // Логос. 2004. № 5 (44). С. 3–28; *Он же.* Триггеры абсолютных событий // Там же. 2006. № 5 (56). С. 104–117.
- ⁸ *Филиппов А.* К теории социальных событий. С. 6–7.
- ⁹ Там же. С. 13.
- ¹⁰ Там же. С. 28.
- ¹¹ *Хайдеггер М.* Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 199.
- ¹² Там же. С. 201.
- ¹³ Там же. С. 208.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Петровская Е.* Теория образа. М.: РГГУ, 2012. С. 127.
- ¹⁶ *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд-во Высшей школы экономики, 2012. С. 10–11.
- ¹⁷ Цит. по: *Петровская Е.* Безымянные сообщества. М.: Фаланстер, 2012. С. 18–19.
- ¹⁸ Там же. С. 25.
- ¹⁹ Там же. С. 29.
- ²⁰ Там же. С. 29.
- ²¹ *Рансьер Ж.* На краю политического. М.: Праксис, 2006. С. 25.
- ²² Там же. С. 29.

Е.В. Барышева

ПОВСЕДНЕВНЫЙ АБСУРД,
ИЛИ АБСУРД ПОВСЕДНЕВНОСТИ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ
1920–1930-х гг.

Статья посвящена повседневной жизни советского человека в 1920–1930-е годы. В угоду политическим задачам представления о человеческих ценностях зачастую разрушались и приводили к потере индивидуальности как ценности человеческого бытия, упрощению межличностных отношений, создавая абсурдный мир советской повседневности.

Ключевые слова: повседневность, человеческие ценности, большевистская идеология коллективизма, советское градостроительство, советский быт.

Известно, что человеческие отношения выстраиваются на основании здравого смысла. При этом понятие смысла и критерии осмысленности поступков и деяний зависят в основном от представления как конкретного индивида, так и социума. Исторически возникла определенная модель поведения, в которой индивид и все его поступки направлены на возвышение человеческого начала. То же, что противоречит этому возвышению, становится бессмысленным и абсурдным.

Однако практики политической рациональности, предлагаемые элитой, достаточно часто разрушают сложившиеся представления о ценностях человеческого бытия. История первых лет советской власти демонстрирует, как реализация концепции будущего ради построения «светлого завтра» приводила к лишению индивида личной, частной жизни, противопоставляя ее интересы интересам общества¹.

Советская утопическая идея коммунистического общества как система символов мировоззрения о социально-политическом буду-

щем государства включала в себя определенную модель социального поведения², которая продвигалась в политическом дискурсе различными институтами массовой коммуникации. Согласно этой идее «нового человека» воспитывали равнодушным к бытовым трудностям и нацеленным только на коллективный интерес. Изменения в оценке ценности человеческого существования зачастую приводили простого советского человека как непосредственного участника событий к ситуации конфликта между частными интересами во всех сферах жизни и большевистской идеологией коллективизма.

Советские лидеры провозглашали: «...Революция разрушила старый уклад жизни, и мы работаем над созданием нового – создание нового затрудняется тем, что нам приходится очень часто вступать в борьбу со старым, от которого освободиться нелегко. Старый порядок жизни, старый быт, старые привычки служат большой помехой в нашем строительстве. Новый быт требует внимательного и заботливого отношения к здоровью... а мы имеем комнаты, которые не проветриваем, мы по шесть месяцев не смываем грязь с нашего тела, мы стыдимся сделать движение и расправить грудь. Новый быт требует здорового состояния наших чувств, товарищеских взаимоотношений. Теперь у нас возникает вопрос – какого же быта больше, старого или нового? По нашему мнению, быт отстает от темпа нашего строительства»³.

Стремление к коренной перестройке быта и внутреннего мира человека в соответствии с новой идеологией нашло отражение в концепции «нового быта» 1920-х годов и сменившей ее в 30-е годы новой идее «культурыности».

Одной из идей, которая захватила умы послереволюционной России, – стала идея всеобщего равенства, как гендерного, так и социального (кроме, конечно, представителей буржуазии, дворянства, купечества и др., которые получили статус «лишенцев») и обобществления. Это, в свою очередь, привело к максимальному упрощению общественного бытия и проявилось в повседневной жизни советского человека. «Новый быт» стал темой многочисленных дискуссий не только в партийной среде. Архитекторы, писатели, живописцы также находились внутри этой дискуссии.

Еще в начале 1920-х годов в ходе градостроительной дискуссии архитекторы, обращаясь к этой теме, предлагали различные варианты «храмов общения народа» (Николай Исцеленов, 1919; Владимир Кринский, 1919 г.), коммунальных домов (Николай Ладовский, 1920 г.)⁴. Если в 1918–1924 гг. бытовые коммуны возникали стихийно вследствие жестокого жилищного кризиса и политики

переселения рабочих в благоустроенные дома буржуазии, то впоследствии они становятся базой социального заказа для создания домов-коммун, таких как московские дом-коммуна на Шаболовке, студенческий дом-коммуна, экспериментальные дома по проектам группы архитекторов под руководством М. Гинзбурга⁵.

Вторая градостроительная дискуссия 1929–1930 гг. выдвинула концепцию «соцгорода», поддержанную лидером конструктивизма А. Весниным. Архитекторы выступили за развитие коллективного быта против индивидуальных семейных квартир. Делался упор на социальные контакты жителей во вне рабочее время. Предлагался вариант некоего типового коллективного жилища, где все потребительские функции жителей были обобществлены⁶.

«Страшный и смешной жилищный кризис, который так терзал москвичей в годы 1919–1925»⁷, нашел отражение в творчестве советских писателей. О том, что «москвичей испортил квартирный вопрос», не один раз упоминали М.А. Булгаков («Собачье сердце», «Дьяволиада», «Театральный роман», «Роковые яйца», «Мастер и Маргарита»), И. Ильф и Е. Петров («Золотой теленок»), М. Зощенко («Нервные люди») и др.

О том, что дискуссия вызывала широкий интерес в обществе, свидетельствует и реакция рядовых граждан. В одном из писем, опубликованных современными историками командир Красной армии И. Воинов в 1929 г. в письме наркому просвещения А.В. Луначарскому выступил с предложением постройки «Дома Победы». Дом этот, по замыслу его автора, должен был стать визуальным примером строящегося социализма и наглядно научить человека жить при социализме. Предполагалось, что в доме должны были работать и социалистический распределитель, и образцовая столовая, и рабочее кафе «как символ общественного питания».

Дети во время обучения в школе не должны были бы жить в семье, «где, как считал автор письма, зачастую родители готовят врага советской власти – мещанина и антисемита». С трех–пяти лет дети должны были жить под наблюдением опытных педагогов в коллективном общежитии, что стало бы для дошкольников «наглядной школой понятия о школе социализма».

Автор рисует картинку «реально идеального общежития человека социалистического общества», состоящего из «самого передового слоя людей из молодежи». При этом женщины как передовые строители будущего должны были полностью отказаться «от кухни и воспитания детей при себе свыше 3-летнего возраста», оставив за собой «только навещение». В этих общежитиях, как предлагал автор, все должно было быть общим: общее питание, общие раз-

влечения и общие занятия спортом. Единственным исключением должны были стать семейные пары, которым разрешалось бы проживание в семейных спальнях⁸.

В стране, где большая доля населения была неграмотной, плакатное искусство было востребовано политической властью и оказывало действительное воздействие на массовое сознание. На злобу дня и по различным вопросам быта было издано большое число плакатов. Среди них и выпущенный в 1931 г. плакат «Долой кухонное рабство. Даешь новый быт» (автор Г. Шегаль), на котором изображено нечто похожее на утопический проект красноармейца: женщина в красном платье открывает дверь в новый быт, за которой в новом доме из стекла и бетона есть и фабрика-кухня, и столовая, и ясли, и клуб – все то, что в представлении большевиков отвлекало женщину от общественной жизни, «затягивало» ее в личное пространство. Еще один советский плакат этого времени провозглашал: «Жизнь коллективом с раннего возраста воспитывает коммунистическую смену». На плакате дети маршировали как на демонстрации с красными флагами, надписи на которых гласили, что ясли прививают коллективистские навыки.

Особая роль в жизни советских людей отводилась клубам и красным уголкам, которые должны были стать местом «всеобщей радости». Частная жизнь в условиях коммунальных квартир и домов-коммун была затруднительна, и свое свободное время советский человек должен был, по замыслу идеологов, проводить в общественных местах: клубах, кружках и красных уголках.

Современный исследователь В. Хазанова приводит уникальный документ 1931 г. – несколько наивное и, вероятно, под диктовку написанное изложение рабочим завода «Красный пролетарий» своего образцово-показательного распорядка дня. «Поработав, я иду в читальню, слушаю музыку или сам играю, – пишет он. – В цеху рояль. Он стоит в красном уголке. Я здесь на заводе ем три раза в день вкусно и сытно. Я здесь учусь, я здесь отдыхаю. В читальне могу получить консультацию по любому вопросу, могу пойти в кино, оно тоже почти в цеху, хочу – “немое”, хочу – звуковое, могу пойти в бассейн поплавать, могу прилечь в комнате отдыха. Наши красные уголки просторные... Здесь очень радостно, очень хорошо, по вечерам мне не хочется уходить отсюда». В итоге дома рабочий только спит, а остальное время он проводит на виду у всех⁹.

С этой целью проектировалась обстановка общественных интерьеров, где одним из основных лозунгов стала борьба с мещанством и украшательством. Одни проекты остались нереализованными, дру-

гие утрачены. В Государственной Третьяковской галерее экспонируется реконструкция знаменитого проекта интерьера рабочего клуба (2008 г.). Проект был создан А. Родченко в 1925 г. и получил серебряную медаль Международной выставки декоративных искусств и художественной промышленности в Париже. В противовес старому буржуазному вкусу Родченко предложил идею функциональности и рациональности, где все: складная трибуна, стенка-экран, раздвижная стенка для плакатов, горизонтальный подиум, стол для читальни, шахматный столик – было подчинено одной задаче: влиянию на отдых и досуг рабочих.

Формирование «нового человека» в постреволюционной России, кроме коллективистского быта, привнесло в жизнь советского общества и еще один аспект – уравнивание мужчин и женщин. Женщина стала товарищем, таким же строителем социализма, что и мужчина, не уступающим мужчине в квалификации и работоспособности. «Нам нужны здоровые телом и пролетарской психологией трудоспособные женщины-гражданки», – говорит один из героев инсценировки «Юбилей отделения Спартака» словами из речи Н. Подвойского¹⁰. Это, в свою очередь, отразилось и на одежде, которая перестала отражать не только социальные, но зачастую и гендерные отличия.

Журнал «Советское фото» много внимания уделял съемке праздников, парадов, выступлений. С фотографий на его страницах на читателя смотрят лица юношей и девушек в одинаковой спортивной форме. На снимке 1926 г. «Парад физкультурников» изображены девушки в белых блузах и спортивных трусах. Корреспондент отметил «три мощно переданных женских фигуры... Три больших пятиконечных звезды на трех сильных грудях. Пониженный горизонт (снимок сделан снизу) подчеркивает эту мощь и силу»¹¹. Заметим, что здесь акцент сделан на силу женщины, речь не идет о молодости, красоте или женственности. Фотография классика советского фотоискусства А. Родченко «Дорогу женщинам», опубликованная в 1934 г. в журнале «Советское фото», также показывает нам физкультурниц и физкультурников, одетых в одинаковые спортивные трусы и майки. Он вкладывает в свое произведение другое символическое значение – порядок, устойчивость, симметрию. Как отмечает Р. Барт, в советских фотографиях конца 1930-х годов визуальный ряд «выражает идею регламентированной красоты во всем – жизни людей и незыблемой мощи существующего порядка вещей»¹². Если в первые годы советской власти трикотажные майки и сатиновые трусы – это всего лишь атрибут нижнего белья, предназначенный для удобства и гигиены,

то акцентирование внимания на занятиях физкультурой и спортом привело к тому, что белая майка и черные трусы превратились из белья в спортивную форму как для мужчин, так и для женщин.

Изменения в женской одежде были обусловлены исторически: большие потери мужского населения в результате Первой мировой войны, а затем и в ходе Гражданской войны привели к тому, что женщина во многом стала восприниматься как рабочая сила. Сыграло свою роль и движение за эмансипацию женщины. Женщина воспринималась как боевой товарищ, коллега, соратник. Идеологически провозглашались скромность и строгость пролетарского костюма, и вызвано это было не только отсутствием текстиля (что тоже имело место), но стремлением продемонстрировать отказ от всего того, что как-то напоминало старый мир¹³. Единообразие сказывалось во всем. Даже в цвете одежды, который, как известно, имеет особое значение в формировании определенных ассоциаций. Стереотипы восприятия цвета возникают на уровне подсознания, которые затем, в результате многократного повторения, начинают осознаваться человеком и становятся символами. Так, к концу 1930-х годов в костюмах советских людей преобладал белый цвет: блузки и рубашки рабочих и крестьян, белая форма героев-летчиков и милиционеров, белая одежда спортсменов, марширующих по Красной площади. Белый цвет стал символом «нового» и «светлого будущего»¹⁴.

Перестройка старого бытового уклада включала в себя и праздничные и выходные дни, которые призваны были стать «почином в отношении массового соц. воспитания»¹⁵. Трудящиеся СССР, кроме обычных воскресных дней, праздновали более десяти революционных и общественных праздников. Уже в первые после-революционные годы власть вмешивалась и в эту сферу частной жизни, стремясь максимально использовать праздничные дни и дни отдыха в интересах социалистического воспитания и организации масс: «Мы знаем, что если в праздничные дни пьянство и хулиганство становятся хозяином дня, то трудящийся в этот день не восстанавливает силы, а растрчивает последние резервы, а растрата этих резервов скажется на всем нашем строительстве. Праздничный день, в котором старый быт вылезает из всех щелей, одевает на немые ноги шелковые чулки и лакированные ботинки, красит губы, лузгает семечки, танцует мещанские танцы и говорит то фальшивые “любезности”, то ругается самыми грязными словами и, завершая все это – идет в пивную», – гласило руководство по организации и проведению революционных и иных праздников¹⁶.

Между тем задачей власти было превращение праздников в систематический курс самообразования и самовоспитания масс. С этой целью составлялись методические указания и планы, разрабатывались сценарии рабочих гуляний и массовых действ. Они строились таким образом, что через элементы игры и развлечения в них отражались текущие политические задачи; они становились «орудием политической, профсоюзной, кооперативной и т. п. пропаганды и агитации, а вместе с тем средством для выявления активности и творчества массы, которая вышла к жизни и получила свое лицо в классовой борьбе и революции»¹⁷. Целью пропагандистской работы была «борьба за новый здоровый, бодрый и трезвый быт как организации ее активности и общественности»¹⁸.

Еще одним атрибутом повседневной жизни советского человека 1920 – 1930-х гг. стали субботники, направленные на наведение порядка на площадях и улицах городов. С самого начала своего появления они были элементом революционных праздников. Но и здесь политическая рациональность доводила дело до абсурда. Благое желание подменялось идеологическими задачами.

В истории Петрограда майские празднования 1920 г. известны своими субботниками: «С раннего утра по пушечному сигналу и под музыку военных оркестров десятитысячная толпа начала разбирать ограду Зимнего дворца. К двум часам работа была закончена. Огромные каменные глыбы и связи металлических решеток еще несколько лет спустя продолжали лежать на набережной. В разгар празднества их не успели увезти, а после не хватило сил. Самое действие разрушения ограды имело ясный и всем понятный символический смысл». Подобный же смысл был вложен в другой субботник – еще более грандиозный, одновременно происходивший на Марсовом поле, на котором собралось около 16 тысяч человек. Предстояло в один день превратить в сад каменистую, пыльную площадь: «К 6 часам вечера было посажено до 60 тысяч кустов акаций и вербы. Сад зазеленел. Правда, очень ненадолго. К середине лета посаженные неумелыми руками на невозделанной почве и не вовремя растения завяли. К следующему году Марсово поле было отдано под огород и засажено картофелем и капустой. Лишь спустя несколько лет здесь вновь расцвел цветник, разведенный уже руками профессионалов. Посадка сада имела, таким образом, как и разрушение ограды, чисто символическое зрелище»¹⁹, – так описывает и оценивает значение этих мероприятий А. Пиотровский.

Коллективизм в повседневной жизни и абсурд политической реальности, низводящий личность до состояния массы, ярко по-

казаны и А.П. Платоновым в повести «Котлован» (1929–1930 гг.). Строительство социализма в городе, как его описывает автор, заключалось в возведении здания, «куда войдет на поселение весь местный класс пролетариата», а в деревне – колхоза имени Генеральной линии и ликвидации кулаков. Котлован для строительства «общего дома» все время увеличивается и достигает огромных размеров. Герои романа все силы бросают на общее дело – строительство котлована, отрекаясь от личного. Символический смысл повести в том, что люди, несмотря на все лишения и самоотверженный труд, они так и не добиваются лучшей жизни, которую им обещает власть, а наоборот – опускаются на «дно» жизни. Котлован «общепролетарского дома» оказался братской могилой.

Так, способы, которыми достигалось коммунистическое будущее в повседневной жизни, вступали в диссонанс с исторически сложившимися ценностями человеческой жизни: индивидуализмом и разнообразием.

Стремление к максимальному упрощению общественного бытия и общественного сознания, к их однородности и монолитности, на что справедливо указывал И.Г. Яковенко²⁰, несомненно, делало советских людей жертвами идеологических манипуляций.

Стирание индивидуальности как ценности человеческого бытия, бессмысленность действий приводили к упрощению межличностных отношений, создавая абсурдный мир советской повседневности.

Примечания

- ¹ См.: *Дзялошинский И.М.* Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 214–215.
- ² См.: *Шубенкова А.Ю., Гуваков В.И.* Политический дискурс как сфера формирования стратегических символов общественного развития // Символы в коммуникации. М.: НИУ ВШЭ, 2011. С. 56–57.
- ³ Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября и других революционных праздников / Под ред. Н.И. Подвойского, А.Р. Орлинского. М.; Л.: Государственное изд-во, 1927. С. 21.
- ⁴ См.: Москва – Берлин / Берлин – Москва: 1900–1950: Каталог выставки. Мюнхен; Нью-Йорк, М., 1996. С. 140.
- ⁵ См.: *Хан-Магомедов С.* Архитектура Москвы от авангарда до сталинского ампира // Москва – Берлин / Берлин – Москва: 1900–1950. С. 207.
- ⁶ Там же. С. 206–207.

- ⁷ Булгаков М.А. Роковые яйца // Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 3. СПб., 2002. С. 133.
- ⁸ Письма во власть: 1928–1939. М.: РОССПЭН, 2002. С. 75–77.
- ⁹ Хазанова В. Клубная жизнь и архитектура клуба: 1917–1941. М., 2000.
- ¹⁰ Массовые гимнастическо-спортивные инсценировки / Под общ. ред. М.Г. Собецкого. Л.: Изд. книжного сектора ГУБОНО, 1924. С. 50.
- ¹¹ Советское фото. 1926. № 2. С. 60.
- ¹² Барт Р. Система моды: Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во Сабашниковых, 2003. С. 299.
- ¹³ См.: Гарголина Е.С., Черкасов А.А. Массовая и модная одежда в повседневности советского человека 1920-х гг. // Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. С. 333–336.
- ¹⁴ См.: Барт Р. Указ. соч. С. 200.
- ¹⁵ Массовое действо: Руководство к организации и проведению празднования десятилетия Октября... С. 21.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же. С. 3.
- ¹⁸ Там же. С. 4.
- ¹⁹ Пиотровский А. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 годов // Массовые празднества: Сб. комитета социологического изучения искусств. Л.: Academia, 1926. С. 74.
- ²⁰ См.: Яковенко И.Г. Сталинизм: Границы явления // Свободная мысль. 1993. № 3. С. 41.

КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ БИФУРКАЦИЙ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ УСТОЙЧИВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

В статье на основе предложенного Э. Ласло метода анализа политических бифуркаций предпринята попытка показать, что устойчивые социальные коммуникации между государством и обществом выстраиваются не только партиями, основным модератором общественного мнения становятся институты государственного управления и государственной службы как субъекты политических проектов. Развитие политических режимов по пути гомархии предпочтительно, но в России более вероятно демократическая иерархия, подконтрольная гражданскому обществу. Сделан прогноз развития партийной системы с учетом экстрасоциальных политических реалий. Турбулентность и бифуркации – естественное состояние партийных и политических систем в современном мире.

Ключевые слова: бифуркация, социальные коммуникации, гомархия, устойчивость государства, авторитарная демократия.

Для обеспечения устойчивого социально-политического и экономического развития российского государства практическое значение имеет метод исследования и прогнозирования процессов эволюции политической системы, предложенный и наиболее полно представленный Эрвином Ласло в его исследовании в 1991 г.¹, – метод анализа бифуркаций, основанный на доказательстве сходства и единства фундаментальных закономерностей эволюции мира природы, социальных, политических сфер. Сначала в 1993 г. журнал «Полис: политические исследования» издал перевод одной из глав под многозначительным

© Бойко С.И., 2014

Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития РГГУ на 2012–2016 гг. (проект 2.1.1).

названием², а в 1995 г. работа была полностью опубликована на русском языке³.

Вместе с тем простое и прямое употребление в политологии смысла слова «бифуркация» (bifurcation) – раздвоение (как, например, в физической географии о руслах рек) не коррелирует со сложными динамическими процессами в социуме. Обосновывая адекватность использования термина «бифуркация», Э. Ласло указал, что «из всех терминов, образующих *lingua franca* теории хаоса и общей теории динамических систем, “бифуркацию” можно считать наиболее важным термином, во-первых, потому, что он адекватно описывает единственный в своем роде опыт, приобретаемый вольно или невольно почти всеми, кто живет в современном мире, и, во-вторых, потому, что он точно описывает единичное событие, которое самым решающим образом сказывается на формировании будущего современных обществ»⁴. Примером такого события могут служить диаметрально противоположные оценки итогов выборов в Государственную Думу РФ VI созыва в декабре 2011 г., последующие действия граждан и институтов политической и государственной власти, повлекшие значительные изменения законодательства о выборах и партийной системы. Фактически Э. Ласло предложил заменить теорию неизбежности социальных революций теорией бифуркаций, предвидение и анализ которых позволяют поддерживать эволюционную динамику социально-политических систем. Что крайне актуально для проектирования социальных коммуникаций, обеспечивающих в открытом и конкурентном информационном пространстве эффективное взаимодействие гражданского общества и государства. Стабильные, благожелательные, а не конфронтационные каналы социальных коммуникаций – естественная цель всякого государственного управления, рассчитывающего на долготлетие политического режима в условиях глобальных демократических процессов и глобальных бесцензурных технических возможностей для социальных коммуникаций. Социальные коммуникации используются как инструменты влияния на все типы сложных систем (личность, общество, государство, среда обитания), воздействие может быть как внутренним, так и внешним. Интенсивность влияния может приводить к критическим параметрам напряжения объекта, когда сложная система (объект) теряет устойчивость в окружающей среде (например, политическая партия в социуме) и выводится из состояния, в котором она могла бы «с комфортом пребывать практически до скончания века»⁵.

Вместе с тем нестабильное состояние политической системы является в наше время естественным. Трудно не согласиться с

Э. Ласло, по словам которого «социальные, экономические, политические системы, в которых мы живем, сложны и нестабильны; рано или поздно их эволюционные пути должны претерпеть бифуркацию, что наш мир ничуть не в меньшей степени, чем мир природы, подвержен фазовым переходам»⁶. Отличие бифуркаций в человеческом обществе, причем принципиальное, есть – это элемент сознательного влияния на события, и в первую очередь на каналы коммуникаций в социуме. Э. Ласло говорит о роли личности, политика, государственного деятеля: «Бифуркация в обществе не обязательно обусловлена игрой случая. Ведь в конце концов деятели, создающие в обществе критические ситуации, – мыслящие существа, люди. Если они смогут понять природу процесса, в котором им отведена важная роль, то перед ними откроется возможность управлять этим процессом. Они смогут “изнутри” смещать в нужную сторону взаимодействие флуктуации, которое в остальном случайно. Они смогут создавать новые образцы жизни, вырабатывать альтернативные варианты поведения, вводить целесообразные инновации, создавать эффективные, учитывающие потребности окружающей среды социальные и политические движения. Когда устоявшиеся убеждения и практика оказываются нефункциональными и устаревают, становится актуальным поиск более функциональных и эффективных идей. Многие новые представления и стратегии лежат на поверхности, и некоторые из них удастся нащупать. Реплицированные и распространенные по быстродействующим коммуникационным сетям нашего века, эти «подающие надежды монстры», как иногда называют в биологии жизнеспособных мутантов, могут стать главными факторами, определяющими будущее»⁷. Возможны прогноз и проектирование коммуникаций. Составной частью разнообразных бифуркаций в социуме – по предложенной Э. Ласло классификации – являются «С-бифуркации», образуемые политическими конфликтами, также нестабильность может быть вызвана крушением локального экономико-социального порядка под влиянием учащающихся кризисов, порождающих «Е-бифуркации»⁸. Далее в статье рассматриваются именно такого рода бифуркации. По мнению автора, социально-экономические бифуркации конечной целью имеют либо прямое участие в государственном управлении, либо влияние на институты государственного управления.

Политическая система усложняется и переходит под влияние других, более сложных и совершенных аттракторов, нашем случае им является быстро развивающееся гражданское общество и его естественная «хаотическая» активизация как один из результатов

процессов демократизации. Государство и институты государственного управления, в первую очередь избираемые, становятся все более зависимыми от мнений и настроений граждан. В политологии общепризнанна роль политических партий как главного артикулятора в коммуникациях между государством и гражданским обществом. В каждом государстве положение и влияние политических партий разное, обусловленное как национальными историческими, культурными, психологическими, так и законодательными особенностями.

В Беларуси, например, в Национальное собрание (парламент) выборы проходят не по партийным спискам, партии выдвигают кандидатов наравне с другими общественными организациями и трудовыми коллективами. Поэтому и авторитет, и влияние партий в белорусском социуме минимальны для «типового» демократического режима. Потенциал политических бифуркаций тоже минимальный, поскольку, как полагает известный белорусский философ Ч.С. Кирвель, отстаивающий геостратегическую идею формирования восточнославянского цивилизационного центра развития, «белорусский менталитет в квинтэссенции – это менталитет примирения различных начал под властью естественно-природных оснований бытия»⁹. В то же время не совсем правомерно заключение, что из-за такого менталитета в политике «белорусы не творцы собственной государственности. Они в принципе не возражают ни против одной из ее форм, но и ни одну не принимают как обязательную модель жизни»¹⁰. Намного вероятнее, что большинство белорусских избирателей устраивает существующая конструкция государственного управления. Правда, возникает вопрос преемственности на высших государственных должностях, и на него нет внятного ответа.

Иная ситуация в России. Политические партии не просто не в полной мере не соответствуют своей «классической» роли социального коммуникатора, но их функционал постоянно подвергается сомнению, порой доходящему до остракизма (считается, что это – одна из причин ликвидации графы «против всех» в избирательных бюллетенях). Проблема доверия к каналам коммуникации в российском обществе стала ключевой. Это периодически приводит партийную систему России в состояние флуктуации, хотя до событий 2011 г. складывалось мнение, что уже оформилась достаточно устойчивая система из 7–8 официально зарегистрированных партий.

После выборов в Государственную Думу РФ в декабре 2007 г., как и в декабре 2003 г., прошли четыре партии: «Единая Россия» (позиционирует свою идеологию как социально-консервативную, государственно-патриотическую и либерально-консервативную

в экономике) – 70% голосов; КППРФ (левые, официально придерживаются коммунистической идеологии) – 13%; ЛДПР (правые либералы с выраженным популизмом и либерально-национальной риторикой) – 9%; «Справедливая Россия» (социал-демократическая идеология и социальный популизм) – 8%.

Все последующие годы анализ общественного мнения и прогнозы показывали падение рейтинга «Единой России», не «партии власти», а «партии при власти», так как и партия, и партийная фракция в Государственной Думе РФ поддерживали и законодательно оформляли политические решения, де-факто часто принимавшиеся не в партийных кабинетах. Подтверждают это многочисленные корректировки уже принятых законов буквально «когда чернила еще не высохли». Так обычно спешит не уверенная в себе исполнительная власть, не имеющая стратегических решений и не умеющая проектировать устойчивые коммуникации с разными социальными стратами общества, а государственная практика изобилует экстрасоциальными мерами и методами, не учитывающими интересы многих избирателей.

К партийным коммуникациям ослабевало постепенно и неуклонно. Критические настроения становились критичными, а уверенная победа «Единой России» на выборах становилась проблемной. Социальные флуктуации традиционных коммуникационных каналов: СМИ, Интернет-сети, вербальные и латентные споры и скандалы в общении политиков, – утомили общественное мнение своей обыденностью.

Накануне выборов в Государственную Думу РФ VI созыва был создан Общероссийский народный фронт, увеличена квота беспартийных кандидатов в списках партий. Дальнейшие события показывают, что ОНФ становится надпартийной структурой, общественно-политическим движением в поддержку В.В. Путина, сначала как кандидата в президенты, а теперь – президента, всенародно избранного и не слишком зависимого от партийных предпочтений. Агитация велась таким образом, что все политические партии поддерживали политику В.В. Путина, но дистанцировались от «Единой России». Кандидаты «Единой России» делали упор на своих личных качествах и достижениях, не стеснялись критиковать федеральное партийное руководство.

Результат выборов 4 декабря 2011 г.: «Единая Россия» – 49,3%, КППРФ – 19,2%, «Справедливая Россия» – 13,3%, ЛДПР – 11,7%¹¹. Но в итоге «математического пропорционального» перераспределения «остатков» голосов избирателей 53% депутатов – члены «Единой России»¹².

Допустимо предположить, что в следующем созыве, при сохранении тренда предпочтений избирателей, «Единая Россия» вынуждена будет как минимум вступить в постоянную коалицию для формирования устойчивого большинства, или станет второй по величине фракцией. Смена парадигмы выборов – возврат к выборам половины депутатов Государственной Думы РФ по партийным спискам и половины – по одномандатным округам, изменение порядка формирования Совета Федерации – подтверждают возможность подобных событий. Между тем существование надпартийных политических и общественных движений, фронтов, ополчений и т. п. – один из признаков авторитарного государственного управления. Справедливо подчеркнуть, что элементы авторитарного управления свойственны всем демократическим режимам. Типичные примеры: Ш. де Голль, М. Тэтчер, С. Берлускони. В глазах человечества справедливо дискредитирована идея корпоративного государства, целью которой было, казалось бы, благое дело – сплочение нации во имя выживания и развития, когда внешние и внутренние бифуркации угрожали существованию национального государства. В XX в. корпоративными были Италия Муссолини, Германия Гитлера, Испания Франко, Португалия Салазара. Итоги известны и беспорны.

Но если попробовать вернуться к элементам корпоративизма в современном мироустройстве, когда в условиях глобализации абсолютной тенденцией развития стал демократический политический режим, а диктатуры «нерукоподатны» в принципе и сходят с политической арены в историю, то можно предположить, что одним из вероятных вариантов в России может стать неокорпоративный политический режим. Необходим анализ, какими ресурсами, кроме партий и движений, можно оперировать, выстраивая социальные коммуникации при проектировании устойчивого развития и формировании стабильного демократического государства. Представляется, что важным модератором общественного мнения может стать надпартийный высокопрофессиональный корпус государственной службы, обязательно подконтрольный институтам гражданского общества.

Э. Ласло на примере гласности и перестройки М.С. Горбачева показал, как не совсем адекватное проектирование социальных коммуникаций приводит не к усовершенствованию политической системы, а к наступлению периода хаоса, флуктуации и неопределенности, рождает необратимые политические бифуркации. С ним согласен активный участник событий тех лет Л.М. Баткин, в одном из интервью сказавший: «В конце 80-х и в 90-х годах сложилась

ситуация, которая имела несколько степеней свободы. Это была точка бифуркации. Если система суперстатична – а именно такой была советская система, то стоит вынуть из нее один кирпичик, как она начнет разваливаться... не было шансов, конечно, что Россия моментально превратится в “европейскую” страну, таких чудес не бывает в истории. Но вектор все же обозначился, начался процесс преобразования, который я считаю неизбежным, пусть в общеисторическом плане. Это многоступенчатый процесс, и перестройка была первым этапом – отстранение от власти КПСС. В точках бифуркации возрастает роль конкретных людей¹³. И далее Л.М. Баткин прогнозирует: «Прежние формы борьбы – митинги, бульвары или попытки свалки какой-нибудь – ничего не изменят. Необходима реорганизация протестного движения, народный фронт, который объединит людей разных взглядов, должна быть покрывающая всю страну организация, которая поставит на первый план социальные вопросы – зарплата, пенсии, налоги, ЖКХ. Но я не вижу пока лидера оппозиции... Нет в обозримое время надежды на объединение оппозиции, поэтому у нас нет и не может быть сейчас национального лидера»¹⁴. Иными словами, для благополучного устойчивого развития политической системы недостаточно бифуркаций внутривнутрипартийных и межпартийных. В случае создания единого надпартийного политического движения (в России уже функционирует ОНФ) неизбежно встанет вопрос о формировании такого же оппозиционного политического движения. Вопрос: можно ли полагать, что для стабильности политического режима предпочтительно становление двухпартийной системы, поскольку какие надстройки над многопартийной демократией ни проектируй, проблемой является периодичность обновления модераторов социальной коммуникации? – остается дискуссионным. Возможно, российская национальная элита должна пройти точку своей С-бифуркации, сделать реальностью эффективную парадигму периодической смены политической элиты контрэлитой на выборных государственных должностях, чтобы выполнять одно из современных условий динамической стабильности демократического политического режима.

По утверждению Э. Ласло, нарождается новый взгляд на мир. Политика иерархическая, основанная на силе, уходит в прошлое, и в век бифуркаций должна быть заменена политикой гомархической (holarchy), основанной на гармонизации интересов¹⁵.

Актуальным для политической стабильности в постсоветской России стало восстановление устойчивого государственного управления, создание новых демократических государственных

институтов (например, парламента – Федерального собрания) и нового института государственной службы, независимого от каких бы то ни было партийных пристрастий. Демократическое государство и его институты должны стоять над политическими партиями.

В 2000–2008 гг. президент России В.В. Путин сделал ставку на укрепление и стабилизацию государственного управления: «Нам надо было возрождать авторитет и силу государства как такового. Возрождать, не имея глубоко укоренившихся демократических традиций, массовых политических партий и зрелого гражданского общества – и при этом, сталкиваясь с региональным сепаратизмом, засильем олигархии, коррупцией, а подчас и с присутствием откровенного криминала в органах власти»¹⁶.

По мере укрепления государства многопартийность получила свое развитие, что бы там ни говорилось, партийная система эволюционирует, создаются новые партии. Граждане все более нетерпимо относятся к попыткам манипулирования во время избирательных кампаний. После выборов в Государственную Думу РФ VI созыва в декабре 2011 г. можно считать фактически завершенным этап партийного строительства «сверху», когда партии создавались с непосредственным участием государственных структур (Администрации Президента РФ и губернаторов).

В период третьего срока президентства В.В. Путина усилилась борьба с коррупцией и появилась программа «национализации» элит как отражение необходимости законодательно ограничить «компрадорские» инстинкты государственных служащих и политиков (собственность и вклады за границей). Разворот стал осуществляться постепенно и последовательно по мере укрепления иерархии государственной власти в многонациональной федерации, чтобы не ставить под угрозу целостность государства.

Анализ роли политической элиты в проектировании устойчивых коммуникаций между государством и гражданским обществом сделан, в частности, профессором А.П. Логуновым: «Конструируемое политической элитой политическое время (сознательно или стихийно) не всегда совпадает с тем историческим и политическим временем, в котором существует большинство российского населения. Политической элите часто бывает трудно отказаться от предшествующего политического этапа»¹⁷. Проявляется косность элиты (нет мотивации к эволюции) в отношении голархии, улучшения социальных коммуникаций и гармонизации с интересами растущего, желающего западных стандартов жизни и взаимоотношений со структурами государства российского среднего класса – граждан образованных, профессионально состоявшихся, самодостаточных,

не нуждающихся в социальном патернализме, настаивающих на политическом равноправии и транспарентности социальных и политических коммуникаций.

Тем не менее с прогнозом в отношении России Эрвина Ласло, мыслителя мирового масштаба, трудно согласиться. Называя голархию третьим путем в организации государств, он утверждает: «Децентрализация сверхбольших наций-государств посредством передачи суверенитета вниз – такова главная цель третьей стратегии»¹⁸. Не совсем ясно, кто будет определять величину (сверхбольшое или еще не очень) государства, достаточны или чрезмерны суверенитет и чем он измеряется, насколько демократичен политический режим (если нет внутренних бифуркаций) и т. д. В обозримом будущем нации-государства сохранятся, так же как и их межгосударственные объединения, куда добровольно будут передаваться некоторые функции национальных государств (например, общая валюта Евросоюза, попытки стран БРИКС уменьшить использование доллара во взаиморасчетах или объединенные силовые структуры). И никто не отменит межгосударственную и международную конкуренцию за ресурсы планеты. Поэтому значение государственных структур управления будет возрастать. В своем мнении, противоречащем выводам Э. Ласло, автор не оригинален, такое же заключение сделал один из ведущих российских политологов, профессор Ю.В. Ирхин, указавший в своих исследованиях среди мегатенденций глобального развития следующую: «Всемирная тенденция к формальным демократическим структурам, управляемая демократия в крупных странах, повышение роли государства»¹⁹.

Постоянные политические бифуркации – «это зримое проявление перехода в новую культурную, экономическую, технологическую, геополитическую эпоху. Мир вступает в зону турбулентности. И, безусловно, этот период будет длительным и болезненным. Здесь не надо питать иллюзий»²⁰. Политические бифуркации стихли, но не исчезли, переместились в регионы, осталась и проблема обеспечения демократических коммуникаций между обществом и государством для динамической устойчивости политического режима.

Примечания

¹ Laszlo E . The Age of Bifurcation: Understanding the Changing World. Philadelphia: Gordon & Breach, 1991.

² Ласло Э. Рождение слова – науки – эпохи // Полис: политические исследования. 1993. № 2 (14). С. 25–30.

- 3 *Ласло Э.* Век бифуркации: Постигание изменяющегося мира / Предисловие И. Пригожина; пер. Ю.А. Данилова // Путь: международный философский журнал. 1995. № 7. С. 3–129.
- 4 Там же. С. 11–12.
- 5 Там же. С. 12.
- 6 Там же. С. 15.
- 7 Там же. С. 16.
- 8 Там же.
- 9 *Кирвель Ч.С.* Современные глобальные трансформации и проблемы исторического самоопределения восточнославянских народов. Минск: Четыре четверти, 2010. С. 362.
- 10 *Божанов В.А.* Вектор развития белорусского государства // Рэспубліка Беларусь: 20 год незалежнасці: зб. матэрыяла Міжнар. навук.-практ. конф., 24–25 лістап. 2011 г. / Рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]. Мінск: Беларус. навука, 2012. С. 50.
- 11 См.: Постановление ЦИК РФ от 9 декабря 2011 г. № 70/576-6 // Российская газета. 2011. 10 дек. С. 3.
- 12 Состав фракций Государственной Думы РФ. URL: <http://www.duma.gov.ru> (дата обращения 15.08.2013).
- 13 *Баткин Л.М.* Не на митингах происходит изменение режимов. URL: <http://newtimes.ru/articles/63501/> (дата обращения 09.08.2013).
- 14 Там же.
- 15 См.: *Ласло Э.* Век бифуркации... С. 88–89.
- 16 *Путин В.В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия. 2012. 16 янв. С. 1. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17755/> (дата обращения 16.01.2012).
- 17 *Логунов А.П.* Политическое проектирование как способ формирования политической современности // Вестник РГГУ. 2007. № 1. С. 130.
- 18 *Ласло Э.* Век бифуркации... С. 74.
- 19 *Ирхин Ю.В.* Долгосрочное прогнозирование и проектирование глобального общественного развития // Вестник РГГУ. 2013. № 1. С. 70.
- 20 *Путин В.В.* Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Известия 2012. 16 янв. С. 1. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17755/> (дата обращения 16.01.2012).

Н.А. Лукьянова

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ КОММУНИКАТИВНО-ВИЗУАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ДИСКУРСАХ ВЛАСТИ

В статье обсуждается проблематика функционирования коммуникативно-визуальных практик в дискурсах власти. Коммуникативно-визуальные практики понимаются здесь как процесс конструирования новых смыслов и интерпретаций в политическом пространстве. Анализируется механизм функционирования коммуникативно-визуальных практик с точки зрения их рациональности и иррациональности, с позиции теории о последовательности прояснения значений (идей) в процессах познания и мышления Ч.С. Пирса. Подчеркивается, что основным ресурсом власти является визуальная репрезентация коммуникаций. Визуальный образ выступает ключевым элементом, определяющим рациональность и иррациональность функционирования коммуникативно-визуальных практик.

Ключевые слова: рациональность, иррациональность, визуальный образ, знак, интерпретант, миф.

Визуализация политического пространства становится сегодня необходимым условием функционирования власти. Это находит отражение, в частности, в том, что конфигурации дискурсов власти в значительной мере становятся зависимыми от возрастающей роли знаковых структур в коммуникативных взаимодействиях, а современные властные инструменты требуют новых понятийных конструкций, позволяющих осмыслить необходимость применения тех или иных методов конструирования политической реальности и политических процессов.

Феномен бурного развития коммуникаций основан на том, что они оказались способными трансформировать абстрактное, в знаковой форме властных гипотез и предвыборных программ, в конкрет-

ное посредством выбора фрагментов реальности и их интерпретации. Власть производит и транслирует информационный продукт, представляемый посредством визуальных форм. Возможность подобного рода подхода основана на утверждении, что в современном мире процесс легитимации власти опосредован. Роль посредника выполняют коммуникации, основным инструментом которых является знак. Коммуникативные и визуальные процессы взаимосвязаны и представляют собой единый процесс, состоящий содержательно в стремлении власти к легитимации своих действий, а формально – в нужном способе подачи массам необходимого информационного материала. В таком понимании коммуникативно-визуальные практики представляют собой процесс конструирования новых смыслов, интерпретаций в социальном пространстве и времени.

Преобладание визуальных элементов в коммуникативных практиках власти определяется, во-первых, актуализацией семиотических форм материала, во-вторых, спецификой создания, интерпретации и обработки визуальных образов различных типов. Эта специфика заключается в одновременной рациональности и иррациональности коммуникативно-визуальных практик. В таком понимании содержание предлагаемой статьи базируется к взаимодополнительности двух тезисов:

- рациональность коммуникативно-визуальных практик заключается в том, что они нацелены на рациональное осмысление реальности посредством обращения к эмпирическим фактам и доказательствам при определении смысловой ясности относительно вещей.
- иррациональность коммуникативно-визуальных практик проявляется в том, что они нацелены на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов при обращении к иррациональности сознания человека.

Причем система аргументации, принимаемая в обеих практиках, равноправна. Как отмечает В.Н. Порус, ссылаясь на труды К.-О. Апеля, «...участники коммуникации обнаруживают, что их смысловые каркасы не общезначимы, но продолжают “языковую игру”, налаживая дискурс, вмещающий различные, но равноправные системы аргументации <...> принять такое понимание, по Апелю, значит перейти Рубикон “сциентистского объективизма” и признать, что “человек является сразу и субъектом и объектом” социальных наук, иначе говоря, рациональность подчинена целям и ценностям, определяясь решениями участников коммуникативных актов»¹.

Наши рассуждения о рациональности и иррациональности в коммуникативно-визуальных практиках основаны на исследо-

ваниях Ч.С. Пирса, его теории о последовательности прояснения значений (идей) в процессе познания и мышления. Такой подход формирует способность человека к познанию, конструирует визуальное пространство его восприятия.

Предметом размышлений Пирса являются отношения между вещами в следующей последовательности: переживание вещи в процессе припоминания (в виде тусклой идеи), непосредственное чувственное восприятие вещи (в качестве «яркой идеи»), осмысление идеи вещи, закрепленной в «привычных» значениях слов и правилах действий с этой вещью, выявленной посредством рассуждений. Поскольку Пирс сосредоточивается на анализе логических отношений, то увязанный им процесс восприятия знака обязательно рассматривается как знак языка в коммуникациях. Это – слово-логос, т. е. слово, ставшее для сознания мыслью в словесном знаке, и это действительность мысли. Следовательно, мы говорим не о некотором порождении знаков вообще (мыслимом семиозисе), а о некоем «намерении», которое превращает вещь в предмет мысли посредством процесса ознáчивания. Последний есть процесс, позволяющий достичь уверенности в некоторых правилах действий с вещью, как мыслимом результате коммуникативного акта, устраняющий сомнения в том или ином положении вещей. Результат коммуникативного акта заключается в производстве верований, т. е. мнений, с которыми согласны многие (Пирс). Таким образом, процесс прояснения значения разбивается на три этапа: имплицитное знакомство, логическое определение и прагматическое прояснение.

Описанный выше подход к пониманию процесса конструирования принципиально важен как инструмент конструирования визуальных образов, которые и являются ключевым элементом коммуникативно-визуальных практик. Как отмечает У. Эко: «Семиология визуальной коммуникации могла бы послужить трамплином при исследовании таких культурных сфер <...>, в которых визуальные сообщения одновременно являются и предметом пользования»². Политический дискурс, включающий базовые концепты «власть» и «политик», без сомнения, относится к такой сфере. «Феномен визуального образа принадлежит пространству политико-культурных феноменов. Сегодня уже очевидно, что визуальный образ не отражает объективную действительность, но символически конструирует политический мир <...>. Сущность визуального образа специально рассматривается А. Бергером в контексте зрительной коммуникации, приоритет которой в постижении истинного знания выражен в заглавии его работы “Видеть – значит верить”. Согласно Бергеру

видимый образ перцептивен и связан с восприятием материальных вещей. <...> Надо понимать, что видимый образ всегда достраивается воображением <...>. Таким образом, реальность конструируется и, в сущности, создается мир воображаемого. Сквозь призму такого воображаемого образа мы и смотрим на мир, в том числе мир политики»³. Власть как политическая категория «представляет собой то, что иначе формулируется как “власть языка” – способность языка навязывать мировидение, создавать языковую интерпретацию картины мира (“кто называет вещи, тот овладевает ими”))»⁴. Сегодня, в условиях, когда информация способна распространяться практически мгновенно, основным ресурсом власти является визуальная репрезентация коммуникаций. Она формируется посредством включения субъектов в различные дискурсивные практики. Инструментом становится визуальный образ. Более того, визуализация политического пространства становится благодатной почвой для ее «дискурсивизации». Новая реальность конструируется на семиотическом уровне, что в конечном итоге ведет к «нужным» действиям субъектов дискурсивного воздействия.

Сегодня дискурс власти активно формирует новые семиотические конструкты, что открывает возможности для формирования интегративных представлений о факторах, определяющих легитимность власти. Одновременно новой чертой коммуникативно-визуальных практик в дискурсах власти стал феномен всеобщего ускорения, который не допускает пауз во времени. Возникает эффект уплотнения. Причем уплотняется не столько время, сколько семиотические процессы, которые представляют собой своеобразную «нервную систему» коммуникаций, они являются плотной тканью современной реальности, но тканью очень непрочной. В качестве аналогии можно привести следующий пример. Если вы долгое время едете на машине с большой скоростью, то ландшафт вокруг вас приобретает «видимую» ясность и целостность, хотя в действительности «мелькает» за окном с большой скоростью. Вы не видите мелочей, но воспринимаете картинку в целом. Темп современных коммуникаций тоже создает иллюзию ясности, что подталкивает нас к созданию «пустых означающих», роль которых в том, что они служат собирателями расчлененных означающих в значимое целое, подчиняя все остальные части дискурса и стирая различия между ними. Масштабность и скорость современных коммуникаций создают множество переживаний одного визуального образа, рассматриваемых как первый шаг, обозначающий его присутствие в коммуникативной системе, т. е. как минимальный уровень семиотического осмысления, имплицитное знакомство с реальностью.

В последующем движении визуального образа в коммуникативном пространстве, этапе логического определения, осуществляется переход от знания о нем в коммуникациях к знанию способа существования образа в них, при определении взаимосвязи с другими образами. На этом этапе визуальному образу присваивается право существования в коммуникативном пространстве. На третьем этапе прагматического прояснения определяются практические следствия, позволяющие осуществить постижение посредством визуального образа определенного объекта – как постижение возможных практических последствий, т. е. понимание эффектов, которые создает визуальный образ и образует наше видение объекта. По сути, созданному визуальному образу задаются правила существования в коммуникациях. На этом уровне устанавливаются общие связи и отношения, т. е. правила, согласно которым визуальный образ входит в политическое пространство, участвует в политических коммуникациях.

Проходя путь от имплицитного знакомства к прагматическому прояснению, конструируемые визуальные образы становятся маркерами общества. Важно заметить, что за основу мы принимаем триадическую классификацию знаков, предложенную Пирсом: знак по отношению к самому себе, знак по отношению к объекту и знак по отношению к интерпретанту. Эта же классификация легла в основу классификации визуальной коммуникации, описанной У. Эко. Именно Эко анализирует коммуникативные процессы в контексте триадичной природы знака Пирса. Несмотря на критическое отношение к определениям иконического знака, данным Пирсом, Эко все же остается на этой позиции при исследовании феноменов визуальной коммуникации. Знак по отношению к самому себе может воплощаться в абстрактной картине, цвете одежды, портрете Моны Лизы, прямой трансляция по телевидению, дорожном объявлении, условном изображении, изображении креста и пр. Знак по отношению к объекту может выражаться в стрелке-указателе, дорожном знаке, условном рисунке. Знак по отношению к интерпретанту – это любой визуальный знак как термин какого-либо выражения или два визуальных знака, связанные между собой определенным образом⁵. Описанные Эко визуальные явления достаточно произвольны, в данном случае важно, что автономность каждой выделенной стадии становится очевидной при рассмотрении тех категорий, которые Пирс трактует как феномены восприятия и «которые предстают человеческому духу (mind) как чистая иллюзия, как восприятие, предчувствие в ходе мысленной интерпретации мира»⁶. Это и есть механизм «конструирования»

визуальных образов в процессах функционирования коммуникативно-визуальных практик. Описывая рациональность и иррациональность коммуникативно-визуальных практик в дискурсах власти, мы будем опираться именно на эту последовательность.

Важно подчеркнуть актуальность исследования визуальных процессов для понимания факторов, влияющих на политические коммуникации. Как точно отмечает итальянский архитектор и философ П. Вирилио в книге с характерным названием «Машина зрения», сегодня «война изображений и звуков подменяет собою войну объектов и вещей»⁷. Экран монитора или телевизора, с точки зрения Вирилио, постепенно замещает реальное трехмерное пространство. Экран способен значительно повысить плотность транслируемых образов – «подобий реального мира». Поэтому телевидение это уже не средство развлечения, а транслятор иной, виртуальной реальности. М. Кастельс подчеркивает, что сегодня надо говорить не о возникновении виртуальной реальности, а о формировании реальной виртуальности. Трансляция визуального образа происходит в формате мирового всеобщего времени.

Таким образом, эффективность современных политических технологий в значительной степени определяется эффективностью функционирования визуальных образов. Визуальный образ разворачивается на экране в виде мозаики знаков, которые первоначально не являются истинными или ложными, таковыми они становятся в процессах коммуникации. В этой связи, некорректным будет утверждение, что коммуникативно-визуальные практики могут быть рациональными или иррациональными. Как отмечает В.Н. Порус, «...рациональность – это то, что возникает в коммуникации, а не предшествует ей, т. е. является продуктом сознательного выбора коммуникантов»⁸. Поэтому рациональность или иррациональность коммуникативно-визуальных практик состоит специфике разворачивания визуального образа и его последующей интерпретации в целях устранения сомнений. Человек при интерпретации визуального образа находится в положении художника, который пишет огромную картину: если он подходит к картине очень близко, то он не видит ее в целом, если он отходит слишком далеко, то он видит целое, но не может пользоваться кистью. В результате художнику ничего не остается, кроме как ходить назад и вперед, чтобы прийти к смысловому восприятию картины, т. е. прийти к созданию ее целостного визуального образа, что позволяет увидеть целостность мира вокруг себя и себя в этом мире.

Путь, который проходит визуальный образ в коммуникациях, это последовательность шагов в конструируемой нами реальности.

Она выглядит следующим образом: от имплицитного знакомства, происходящего из нашей способности произносить и действительно интерпретировать знаки в различных ситуациях (минимальный уровень семиотической компетенции), к эксплицитному логическому определению (на этом этапе определяется место визуального образа в конструируемой нами реальности, происходит отсылка к «другости», устанавливаются взаимозависимости от других образов), далее, к прагматическому прояснению реальности, в котором данный визуальный образ способен оказывать влияние на массы.

Наш выбор того или иного визуального образа часто необъясним. «Во многом, тот или иной выбор человека в социальной и политической сфере определяются не столько его рациональными доводами и пониманием ситуации, сколько именно этими традиционными представлениями, которые мало подвержены изменениям»⁹. Как показывает А.Ф. Лосев в работе «Диалектика мифа», миф присутствует в повседневной жизни человека. В иррациональности мифа мы видим подчас больше смыслов, чем в кажущейся рациональности действий. Повседневная жизнь человека насыщена эмоциями, аффектами, что характерно для мифологического восприятия.

Рациональность коммуникативно-визуальных практик определяется последовательностью прохождения всех трех, описанных выше, этапов. В механизме формирования иррациональности коммуникативно-визуальной практики отсутствует одна существенная составляющая – этап логического определения, что дает возможность создавать окончательное мнение в «логике мифа». И это не является чем-то особенным. Мифологическое мышление (иррациональное) наряду с логическим, рациональным мышлением является важнейшим фактором восприятия нашего повседневного опыта, это способ познания человеком мира. Потенциал мифа в современных коммуникациях раскрывается в свойстве мифа приходить к выводам без этапа логического прояснения. Другими словами, в конструировании окончательного мнения относительно визуального образа, который является бесконечно интерпретируемым, не происходит отсылка к «другости», не устанавливаются взаимозависимости от других образов, существующих в коммуникативном пространстве. Сомнения одновременно становятся правилом существования. Имплицитное знакомство с предлагаемым нам СМИ визуальным образом определяет правило поведения по отношению к нему. Этот вариант проявляется в том, что главным средством политического воздействия служит не сама аргументированная речь, а игра визуальными образами. Например,

«фотография Сталина, им самим отобранная и уже отретушированная, становилась прообразом живописного парадного портрета, который затем снова фотографировался для пропагандистского массового тиражирования образа вождя <...> иконический образ “реального” вождя: униформа, стандартная поза, указующий перст, нестареющее мудрое лицо, особый взгляд, атрибутика (трубка, карта СССР, ручка)»¹⁰. При этом на этапе имплицитного знакомства происходит именование образа, пусть еще и размытого. Важны имя и ритуал, посредством которого мифическому имени присваиваются характерные признаки, которые делают его легко узнаваемым. Неслучайно образ медведя, весьма популярного мифологического персонажа, наделенного в сознании народа такими характеристиками, как сила, мудрость и справедливость, стал логотипом партии. На втором этапе – логического определения, по сути, новый мифологический образ должен войти в соприкосновение с другими интерпретациями, но этого не происходит. В этом и проявляется свойство мифа, о котором говорил Р. Барт: мифологический образ похищается и возвращается во множестве мифологических повествований. В мифологическом повествовании (а это третий этап – прагматическое прояснение) устанавливаются правила «использования» мифического образа. Это материал, уже наделенный значимостью (Signification), обработанный в целях заданной коммуникации. «Для организации коммуникации власти с обществом, а также для продвижения идеи и формирования имиджа политиков активно используется структура PR-дискурса, которая во многом сродни технологиям, применяемым в шоу-бизнесе, и направлена на ментальный дизайн сознания аудитории в соответствии с поставленной коммуникативной целью и задачами»¹¹.

П. Бурдьё писал о том, что манипуляция символами есть эффективный инструмент легитимации власти. Именно в этом проявляется специфика иррационального и рационального в коммуникативных практиках. Мифический образ (созданный на этапе именованья) заставляет подразумевать бесконечно многое, и никакой из его смыслов не является определенным и окончательным, что становится весьма эффективным инструментом манипуляции¹². Возможность реализации в современной социокультурной ситуации мифического образа обусловлена тем, что он не всегда воспринимается с помощью слов, это могут быть отдельные линии, цвет, пропорции, звуки, которые недискурсивны. Это картина мира, конструирование которой становится возможным посредством «символического переноса, которым он (мифический образ. – *Н. Л.*) воздействует, просто иллюстрирует тот факт,

что единство опыта вырастает из слияния многих компонент»¹³. Человек интерпретирует мифический образ, проясняя его как значение в процессах коммуникации и устанавливая тем самым его значимость. Такую ситуацию описывал Э. Кассирер: «Новые политические мифы – это вещи, искусственно сфабрикованные очень ловкими и лукавыми умельцами. Двадцатому веку, нашей великой технологической эпохе, было предназначено развивать новую технику мифа. Отныне можно сфабриковать миф с таким же успехом и таким же образом, как любое современное оружие – пулеметы или самолеты. В этом состоит нечто новое и принципиально важное»¹⁴. Инструментами такого «фабрикования» становятся визуально-коммуникативные практики, в которых делается ставка не на аргументы, а на эффекты и эмоции, сыгранную искренность личного сочувствия, базирующиеся на фрагментации информационного потока и мгновенности доставки информации. Визуальные образы транслируются разнородным потоком, не дающим возможности увидеть картину целиком. Создается эффект личного присутствия, причастности. Это и есть механизм иррациональности в функционировании коммуникативно-визуальных практик, а мифологический образ является эффективным механизмом политических манипуляций, создавая видение прекрасного будущего. Такой «прыжок на выводы» исключает рациональное объяснение, почему используется тот или иной мифический образ. Он сконструирован таким образом, что не сообщает новые знания, а структурирует чувственный опыт.

Примечания

- ¹ *Порус В.Н.* Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М.: ИФРАН, 2009. С. 18
- ² *Эко У.* Отсутствующая структура: введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. С. 152.
- ³ *Щербина Н.Г.* Визуальный феномен в политической репрезентации // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Социология. Политика». 2012. № 3 (19). С. 6.
- ⁴ *Шейгал Е.* Власть как концепт и категория дискурса [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Article/scheig_vlast.php (Дата обращения 7.07.2013).
- ⁵ См.: *Эко У.* Указ. соч. С. 152.

- ⁶ *Нёт В.* Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Новосибирск, 2001. Вып. 3–4. С. 9.
- ⁷ Цит. по: *Вирильо П.* Машина зрения. М., 2004. С. 126.
- ⁸ См.: *Порус В.Н.* Указ. соч. С. 20.
- ⁹ *Осташова Н.В.* Влияние визуальной символики в массмедиа на формирование гражданского общества // В поисках гражданского общества. В. Новгород, 2008. С. 374.
- ¹⁰ *Щербинина Н.Г.* Указ. соч. С. 9.
- ¹¹ *Пичугина О.А.* Перформанс в общественно-политическом дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». 2012. № 1 (81). С. 102.
- ¹² См.: *Волкова В.В.* Дизайн рекламы. М., 1999. С. 77.
- ¹³ *Уайтхед А. Н.* Символизм, его смысл и воздействие. Томск: Водолей, 1999. С. 61.
- ¹⁴ *Кассерер Э.* Техника современных политических мифов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrestom/61.php (Дата обращения 13.07.2013).

ДИСКРИМИНАЦИЯ БОЛЬШИНСТВА КАК НОВЫЙ РИСК В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Все чаще ценность многообразия используется для дезорганизации общества. Культурные, конфессиональные, этнические, гендерные и иные различия становятся основанием для истребования особых прав тем, кто представляет в обществе явное меньшинство. Возникает новый риск в развитии общества – дискриминация большинства как современный вызов демократии, выраженный в том, что малые группы действуют эффективнее больших.

Ключевые слова: мультикультурализм, сексуальное меньшинство, дискриминация большинства, эффективность малых групп.

Сегодня рост многообразия рассматривается в качестве все более значимого фактора, который уже не стимулирует, а, напротив, сдерживает развитие общества. Многообразие все меньше оценивается как благо и все больше как вызов, требующий безотлагательной выработки адекватного ответа. Какие же изменения произошли в современном обществе, что превратили ценность многообразия в острейшую проблему, выведя ее на первый план в дискуссиях о вариантах будущего? Ведь многообразие существовало всегда, и поэтому оно всегда же и определяло сложность общественной жизни, исторические прорывы и драмы. Само по себе многообразие как наличие в обществе групп с разным самоопределением и производными от этого несовпадающими приоритетами деятельности – не является новой проблемой. Новым здесь стало то, что недавно сформированное отношение к многообразию как ценности может быть использовано для дезорганизации общества.

Дело в том, что все больше стало случаев, когда ценность многообразия используется для оправдания нарушений закона и выхода за рамки тех ограничений, которые приняты в обществе для обеспечения его существования. Такое оправдание выстраивается на культурных, конфессиональных, этнических, гендерных и иных различиях. И все чаще представляет собой сознательное использование средств демократии против демократических целей общества, особенно в случае получения меньшинством исключительных прав, ущемляющих права большинства. В результате подобных действий генерируются искаженные образы политического пространства как избыточной представленности сплоченных меньшинств, чрезмерно эксплуатирующих в своих интересах ресурсы общества. В связи с этим интенсивнее звучит требование о защите прав дискриминируемого большинства.

Понимание того, что рост многообразия создает риск для стабильности общества, получило концентрированное выражение в подготовленном в 2011 г. по инициативе Совета Европы докладе «Жить вместе: Сочетание разнообразия и свободы в Европе XXI века»¹, где подчеркивается, что *ни религия, ни культура не могут быть приняты в качестве оправдания для отказа от принципа верховенства права*. Такой же позиции придерживались политические лидеры Германии, Великобритании и Франции, когда заявили в том же году о провале проекта по построению общеевропейского мультикультурного общества. Они указали в качестве причины провала то, что мигранты не интегрируются в принявшее их общество, а устраивают жизнь по своим нормам². Исходя из этого, авторы доклада «Жить вместе» предлагают больше не использовать термин «мультикультурализм», так как его содержание остается неопределенным – следует ли под этим термином понимать новую идеологию, набор политик или модель социальной реальности?

Срыв общеевропейского проекта по построению мультикультурного общества дал начало новой волне критики социалистических идей. Критика центрируется вокруг мысли об ответственности «левых», в предыдущие десятилетия находившихся у власти в европейских странах, не только за экономический, но и за культурный кризис, поразивший сегодня Европу. Детонатором взрывного роста подобных рассуждений стала террористическая атака, осуществленная 22 июля 2011 г. Андерсом Брейвиком в «тихой Норвегии» и приведшая к гибели 93 человек. То, что террорист именно мультикультурализм, порожденный «культурным марксизмом», указал в качестве главного инструмента дискриминации большинства, оценивается как «актуальная и вполне разумная

идея», но при этом политики, конечно же, высказываются против террористических методов³.

Интересно то, что в указанной оценке действий террориста сходятся не только националисты, но и представители другого лагеря – консерваторы. И те и другие, по мнению Пола Готфрида, в мультикультурализме опознали своего общего врага – культурный релятивизм, основным носителем которого как раз и является «культурный марксизм», не имеющий ничего общего с классическим марксизмом, но проявляющий гибкость, легкую приспособляемость к изменениям и поэтому превратившийся в самую опасную разновидность «левой» идеологии – синтез так называемого либерального христианства с социальным государством-корпорацией, где под флагом толерантности «требуют драконовских мер против политически некорректных белых христиан мужского пола»⁴.

Такая же тенденция к деструктивному применению ценности многообразия наблюдается и в России. Вот лишь один показательный пример оправдания выхода за рамки закона – высказывания одного из лидеров мусульманской общины Москвы, адвоката Дагира Хасавова, сделанные в апреле 2012 г. в интервью телеканалу РЕН, о необходимости создать в Москве, а затем и в других городах России шариатские суды, у которых должен быть статус третейских, так как мусульмане не желают ввязываться в «многоступенчатую судебную систему», которая им чужда. Позднее потребность в организации альтернативной судебной системы Хасавов объяснил противодействием попыткам навязать мусульманам «чужой образ жизни»⁵. Эти высказывания были определены Генпрокуратурой России как экстремистские, «направленные на пропаганду исключительности либо превосходства граждан по признаку религиозной принадлежности»⁶. Однако уголовное преследование адвоката по этим заявлениям прекращено.

Набирающий обороты процесс дискриминации большинства сегодня наиболее остро проявился во Франции, где президент-социалист Франсуа Олланд выполнил свое предвыборное обещание о легализации «однополых браков». Но впервые в европейской стране такая инициатива встретила реальное и мощное сопротивление общества – 24 марта и 26 мая 2013 г. демонстрации в поддержку традиционной семьи только в Париже собрали 1,4 и 1,1 млн человек соответственно. Подобного общественного выступления страна не видела с весны 1968 г. В ответ на мирные протесты граждан, которые высказались против предложенного закона, чтобы защитить семью и права детей, правительство Франции отреагировало «в неприемлемой для демократического государства манере, как если

бы оно имело дело с акцией насилия. Полицейские чрезмерно использовали слезоточивый газ и физическую силу против собраний людей. Были задержаны и арестованы тысячи демонстрантов»⁷.

Однако протест большинства французов ошибочно фокусируется на рядовых гомосексуалистах – эти люди, не иницилирующие медиадискуссии и не участвующие в акциях так называемого ЛГБТ-сообщества (лесбиянки, геи, бисексуалы и трансгендеры), также выражают свое недовольство политизацией вопросов гендерной самоидентификации. Отметим здесь то, что в России сходная ситуация – негативное отношение сторонников «альтернативных» сексуальных практик к, казалось бы, их публичным адвокатам – защитникам прав секс-меньшинств: «геи и лесбиянки довольно скептически относятся к любой публичной дискуссии по поводу их сексуальной ориентации и отказываются ощущать себя меньшинством. Более того, их ценностные позиции более-менее консервативны и ориентированы на семью и детей, как и у всех обыкновенных россиян с традиционной ориентацией»⁸.

Это значит, что проблема «однополых браков» локализуется не в степени агрессивности или терпимости отношений между сторонниками и противниками гомосексуального образа жизни, а в том, что *теперь и право, призванное в современном обществе обеспечивать равенство граждан, поставлено на службу интересам тех, кто представляет мнение явного меньшинства*. Утвержденное в международном праве в качестве правовой нормы понятие «сексуальное меньшинство» позволило не только включить прямое упоминание лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией в антидискриминационные законы, но и истребовать для представителей ЛГБТ-сообщества особых прав, позволяющих им пропагандировать свой образ жизни.

Так, в преамбуле резолюции Европейского парламента «О гомофобии в Европе», принятой в 2006 г., указывается, что нарушения против представителей секс-меньшинств пытаются замаскировать правом на свободу религии или правом на отказ делать что-то вопреки велениям своей совести. Это можно трактовать так, что любые попытки обосновать неприемлемость большинством гомосексуализма заранее объявляются только уловками, маскирующими «иррациональный страх» перед людьми нетрадиционной сексуальной ориентации. При этом Европарламент в пятом параграфе резолюции требует от государств-членов действий по воспитанию общественного мнения в духе поддержки и защиты сексуальных меньшинств через образование, в частности через организацию кампаний против гомофобии в школах, университе-

тах, через средства массовой информации, а также административными, судебными и законодательными методами⁹. Автором этой поправки является Майкл Кэшман, президент группы по правам геев и лесбиянок в Европарламенте, который свое законотворчество объяснил так: «Эта поправка отражает мою личную обеспокоенность»¹⁰.

В результате право на недискриминацию в области сексуальной ориентации применяется для ограничения прав лиц с традиционной сексуальной ориентацией, т. е. явного большинства, через установление наказания за преступления на почве гомофобии. Дошло до того, что некоторые эксперты предлагают врачам-психиатрам рассматривать гомофобию как «нетерпимое расстройство личности» в одном ряду с расизмом и сексизмом и классифицировать ее как психическое заболевание в острой форме, подлежащее принудительному лечению: «Расизм, сексизм и гомофобия не попадают сейчас ни в одну диагностическую категорию. Авторы предлагают создать отдельную психопатологическую категорию для тех, кто демонстрирует подобные формы поведения. Общим знаменателем, похоже, является нетолерантность»¹¹. Но это лишь один из локальных эпизодов реализации стратегии приобретения меньшинством, в данном случае самоопределяющимся через гендер, исключительных прав, ущемляющих гражданские права большинства.

Ведь по аналогии с легализацией прав секс-меньшинств как успешным прецедентом уже появились мнения, что и религиозный фундаментализм также должен классифицироваться наукой как умственное расстройство. Нейрофизиолог Кэтлин Тейлор из Оксфордского университета считает, что причину враждебного отношения к другим можно не только локализовать в мозге человека, но благодаря достижениям нейрофизиологии вылечить людей от негативизма. Например, последователей радикальных религиозных течений, которых Тейлор приравнивает к террористам и к тем, кто верит, что бить детей – это нормально, можно рассматривать не как людей со свободной волей, а как больных умственным расстройством, нуждающихся в медицинской помощи¹². Общественный протестный потенциал у такой инициативы представляется более сильным, чем сопротивление легализации «однополых браков», так как это еще один шаг в навязывании представления, будто все верующие страдают некоторой формой умственной недостаточности.

Подобное использование ценности многообразия для дезорганизации общества свидетельствует о том, что до сих пор

не получил достойного ответа отрефлексированный еще 50 лет назад вызов демократии, выраженный в том, что малые группы сталкиваются с меньшими трудностями при осуществлении коллективных действий, чем группы большие. То, что малые группы оказываются более эффективными, чем большие, подтверждается результатами научных исследований: «В различных институтах, общественных и частных, национальных и местных, действующие группы и подгруппы оказываются гораздо меньше, чем бездействующие... Малые группы могут действовать более решительно и использовать свои ресурсы более эффективно, чем большие»¹³.

Однако из того, что техники действий малых групп сейчас являются более эффективными, не следует вывод о том, что и большие группы должны перенимать их способы работы. Тем более необоснованными выглядят призывы к реорганизации всего общества через придание ему черт малых групп, как это имеет место в различных идеологиях фундаментализма (рыночного и религиозного), сепаратизма и изоляционизма. Ведь малые группы, что называется, по определению находятся в более выгодном положении, чем группы большие, так как все их участники имеют мотивацию для создания и поддержания этих малых групп. Тогда как в больших группах такого единства быть не может, потому что здесь намного сильнее противоречия между целями, интересами и действиями участников.

И если большинство не выработает способы не менее эффективных действий по защите своих прав, чем техники малых групп, возрастает риск замены «тирании большинства», демонтаж которой сегодня вышел на первый план в модернизации демократических систем, на «тиранию меньшинства». Это не решит проблему дискриминации в обществе, а только ухудшит ее, потому что легитимируются временные союзы меньшинств (наподобие ЛГБТ-сообщества) ради совершения насилия над явным большинством. Все больше примеров ужесточения контроля меньшинства над обществом, так как все чаще принимаются правовые нормы в соответствии с мировоззрением меньшинства и на этой основе блокируются действия выборных должностных лиц. Блокируются они через суды при поддержке СМИ – ведь эти две системы не избираются гражданами. Поэтому и получается, что когда избиратель голосует за тех, кто выражает мнение большинства, он не получает представительства, хотя и выбирает своих представителей. Именно эту ситуацию и нужно исправить для нейтрализации риска дискриминации большинства.

- ¹ Жить вместе – разнообразие и свобода в Европе // Официальный сайт Совета Европы. URL: <http://www.coe.int/ru/web/coe-portal/event-files/our-events/the-group-of-eminent-persons>
- ² См.: А. Меркель: Попытки построить мультикультурное общество в Германии полностью провалились // Информационное агентство «Росбизнесконсалтинг». URL: <http://www.rbc.ru/rbcfree/news/20101017070445.shtml>; Британский премьер осудил политику мультикультурализма // Электронное периодическое издание «Лента.Ру». URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/02/05/multicult>; Саркози признал провал мультикультурализма // Электронное периодическое издание «Лента.Ру». URL: <http://lenta.ru/news/2011/02/11/fail>.
- ³ См.: Член Европарламента отстранен за поддержку идей А. Брейвика // Информационное агентство «Росбизнесконсалтинг». URL: <http://top.rbc.ru/politics/30/07/2011/608055.shtml>
- ⁴ *Готфрид П.* Странная смерть марксизма. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009. С. 180–211.
- ⁵ См.: Провокационные заявления лидера мусульман возмутили Рунет // Информационное агентство «Росбизнесконсалтинг». URL: <http://top.rbc.ru/society/25/04/2012/648021.shtml>
- ⁶ Генпрокуратура признала экстремизмом скандальное интервью Д. Хасавова // Информационное агентство «Росбизнесконсалтинг». URL: <http://top.rbc.ru/society/26/04/2012/648397.shtml>
- ⁷ В Страсбурге на полях ПАСЕ прошли слушания «Французская организация “Манифестация для всех” и полицейские репрессии против нее» // Представительство Русской Православной Церкви в Страсбурге. URL: <http://www.strasbourg-reor.org/?topicid=1049>
- ⁸ *Соболева И., Бахметьев Я.* К чему говорить о правах секс-меньшинств? Это как покупка индульгенции // Сайт «Slon.ru – Деловые новости и блоги». URL: http://slon.ru/russia/k_chemu_govorit_o_pravakh_seks_menshinstv_eto_kak_pokupka_indulgentsii-946255.xhtml
- ⁹ О гомофобии в Европе: Резолюция Европейского парламента // Официальный сайт Европейского парламента. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+20060118+ITEMS+DOC+XML+V0//EN&language=DE#sdocta9>
- ¹⁰ *Сперанская Е.* Европарламент ставит под сомнение право на свободу совести: Взгляд со стороны // Представительство Русской Православной Церкви в Страсбурге. URL: <http://www.strasbourg-reor.org/?topicid=123>
- ¹¹ *Guindon M., Green A., Hanna F.* Intolerance and Psychopathology: Toward a General Diagnosis for Racism, Sexism, and Homophobia // *American Journal of Orthopsychiatry*. 2003. Vol. 73. April. P. 167–176.

- ¹² См.: *Nelson S.* Religious Fundamentalism «May Be Categorised As Mental Illness & Cured By Science» // The Huffington Post: United Kingdom. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/2013/05/30/religious-fundamentalism-categorised-mental-illness-cured-_n_3359267.html
- ¹³ *Олсон М.* Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. С. 49.

ЭКСТРАСОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ: НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПАРТИИ И ГРАЖДАНСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ

Политическое противостояние властных и оппозиционных сил в период после думских и президентских выборов 2011–2012 гг. характеризуется эскалацией конфликтного взаимодействия. Обострение конфликта связано с формальной имитацией правящей элитой развития демократизационных процессов при объективном сохранении авторитарных тенденций, что определяет рост значимости неформальных структур как в сфере политической, так и в сфере гражданской активности. В данной связи как никогда ранее становится актуальным реальный выбор власти между «закручиванием гаек» и началом новой волны демократической трансформации.

Ключевые слова: толерантность, стабильность режима, неформальные партии, неформальная активность граждан, массовая мобилизация, политизация протестов, неформальные институты.

В период стабилизации российского политического режима¹, который можно фиксировать начиная с конца первого президентского срока В. Путина и заканчивая периодом подготовки к новому избирательному циклу выборов в Государственную Думу в декабре 2011 г. и президентских выборов 2012 г., политическое поле было существенно ограничено, число акторов, действующих в рамках формальных институтов партийной системы и электоральной формулы, не отражало ряда значимых

© Михалева Г.М., 2014

Статья подготовлена в рамках исследований, проводимых по «Инновационным научно-исследовательским практико-ориентированным проектам в области социальной толерантности, пропаганды здорового образа жизни, борьбы с наркоманией».

общественных интересов, их представительство было вытеснено в неформальную сферу.

После думских и президентских выборов 2011–2012 гг. в столицах и крупных городах прошла массовая протестная мобилизация, сохранявшаяся несколько месяцев подряд. В ответ было изменено законодательство. С одной стороны, имитировалась демократизация (законы о партиях, выборах в Госдуму и губернаторов), с другой – «закручивались гайки»: были ужесточены законы о массовых акциях, об НКО и др. На практике власть перешла к массовым задержаниям, обыскам известных оппозиционеров и составлению «списков экстремистов». Кульминаций были заключение под стражу участников протестного шествия на Болотной площади 6 мая 2012 г. и приговор по делу панк-группы «Pussy Riot».

Несмотря на стремительный рост числа партий, при сохранении доминирующих игроков гражданские протесты сохраняли непартийный и неформализованный характер. Деятельность правозащитных и экологических НКО продолжала расцениваться законодателем как «политическая».

Режим начал терять признаки стабильности, разворачивалась «пружина политического кризиса»², о чем свидетельствует и снижение рейтингов – рост недоверия к В.В. Путину, Д.А. Медведеву и «Единой России», неспособность или нежелание обеспечить электоральные результаты, необходимые для устойчивости режима, непрекращающиеся массовые протесты в Москве, Санкт-Петербурге и крупных городах. В ответ на эти, работающие в режиме резонанса вызовы, внутренние и внешние факторы поражений, неудач и катастроф власть наряду с демонстрацией силы к лету 2013 г. стала использовать и стратегию уступок. Видные оппозиционные кандидаты были допущены на первостепенно значимые выборы мэра Москвы и губернатора Подмосковья, более того, власть помогла им пройти муниципальный фильтр и закрыла глаза на нарушения, за которые ранее снимали с выборов. Были допущены к выборам и оппозиционеры в других городах. При наличии неравных условий конкуренции привычные нарушения в день голосования были почти исключены. Результатом стали неожиданно высокий процент голосов и даже победа ряда оппозиционеров.

Власть и общество до выборов 2011–2012 гг.: формализация исключения и уход в «неформальность». Состояние современного российского общества, как убедительно показали исследования Левада–Центра³, на протяжении периода стабилизации отличали: апатия, аполитичность, ориентация на потребление, отсутствие солидарности и глубокое недоверие ко всем политическим ин-

ститутам и организациям за исключением двух политических субъектов – Путина и Медведева. У подавляющего большинства населения сохранялось патерналистское представление о государстве, обязанном заботиться о них, и государство-центричное представление о месте человека и страны в мире.

Но ростки неформальной гражданской активности в различных сферах и различных регионах все же существовали на протяжении всего этого периода. Это было нелегкое и противоречивое развитие, а не безнадежный упадок⁴.

Одновременно происходили процессы, связанные с институционализацией исключения значительной части общества из процесса влияния на властные решения. Это – изменение норм законодательства, регулирующих деятельность негосударственных организаций (НГО), законодательства о партиях и избирательного законодательства. Эти изменения были направлены на создание практически непроницаемых институциональных рамок. Режим стремился в рамках преобразования существующих институтов минимизировать любые возможности действия акторов, не подчиненных правящей группе.

Работа значительной части организаций, защищавших гражданские и политические права, была свернута или заморожена, стали рассыпаться выстроенные годами сети коммуникаций, стал теряться опыт работы, голос НГО, независимых от власти, особенно в регионах, стал почти не слышен. В свою очередь, граждане, защищающие свои права, в том числе – гражданские и политические, стали использовать неинституциональные формы воздействия на власть и взаимодействия друг с другом.

В период президентства Медведева усилились разновекторность и существование противоположных тенденций политики власти в отношении групп гражданской активности и оппозиционных НКО.

С одной стороны, был создан Совет при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, в который вошли те, кто довольно жестко критиковал власть, в том числе Людмила Алексеева (МХГ), Ида Куклина («Солдатские матери»), Ирина Ясина, ранее игравшая ключевую роль в проекте ЮКОСа «Открытая политика», и другие⁵. В ряде случаев власть начала реагировать на требования общества и протестные формы: после многотысячных митингов отправлен в отставку калининградский губернатор Боос; остановлено строительство башни «Газпромсити» (так называемого «Газоскреба») в историческом центре Петербурга. На время было приостановлено

строительство и проведены общественные слушания по строительству трассы Москва – Санкт-Петербург через Химкинский лес⁶.

Но в то же самое время представители тандема неоднократно высказывали уничижительное мнение об оппозиции, на массовых акциях (в том числе разрешенных) активистов продолжали задерживать, пропаганда на двух первых телевизионных каналах становилась все массивней и агрессивней. Были приняты и поправки и новые законы, продолжающие ограничивать права и свободы (поправки в закон о ФСБ, Закон о полиции и т. д.).

Новые формы неформальной активности граждан. Неформальная гражданская активность – протесты, проходящие вне рамок и вопреки существующему ограничительному законодательству, начинают с 2009 г., после финансового кризиса, приобретать систематический характер и становиться массовыми.

Кроме того, становится заметной самоорганизация так называемых инициативников для взаимопомощи в решении жизненно важных проблем и обмене информацией через сайты, а также акции солидарности в поддержку задержанных на митингах или – бастующих. Е. Белокурова и Д. Воробьев называют такие локальные протесты «проблематизацией» политических решений, принимаемых или принятых ранее в рамках локальных режимов⁷. А. Лехтман называет такие движения городскими⁸, а протесты – *NIMBY (not in my backyard)*⁹. Впрочем, часть из таких протестов, начинаясь как локальные, вызывают «эффект домино» и выходят за границы одного населенного пункта или региона, обретают межрегиональный характер или даже охватывают большое число регионов¹⁰.

Характерно, что наибольшая активность инициативных групп наблюдается в крупных поселениях с высоким уровнем жизни. Крупные города выступают центром модернизации экономики и человеческого капитала¹¹, включая появление точек роста и консолидацию структур гражданского общества.

Среди массовых уличных протестов, которые начиная с 2008 г. приобретают систематический характер, важное место занимают экологические: против застройки природоохраненных зон, вырубке реликтовых лесов, парков и скверов, загрязнения озер и рек, незаконного участия чиновников в охоте на редких животных. Конкретные действия региональной или местной власти мобилизуют активных граждан¹².

Начиная с 2010 г. учащаются случаи насильственных действий и со стороны граждан, для примера можно назвать разгром антифашистами Химкинской администрации, столкновение протестующих с ОМОНОм при перекрытии железнодорожной ветки в Меж-

дуреченске, драки жителей с милицией в Имеретинской долине и беспорядки на Манежной площади.

Участники таких акций все чаще выдвигают политические требования. Лозунгом митингующих в Подмосковье дольщиков в мае был «Подмосковье без Громова!» Протестующие против роста тарифов ЖКХ в апреле в Екатеринбурге призывали к отставке мэра. В Иркутске в октябре митингующие держали лозунг «Мэра – за решетку!».

Увеличивается число участников акций. Если в 2008–2009 гг. их было обычно несколько десятков, в лучшем случае – сотен человек, то в 2009–2010 гг. они становятся многотысячными и даже многотысячными, особенно это касается экологических протестов.

Изменение норм избирательного законодательства и Закона о партиях: сужение политического спектра и появление неформальных партий. В период стабилизации режима Путина был принят пакет законодательных актов, изменивших закон о партиях и избирательное законодательство, максимально благоприятных для партии, призванной, по словам замглавы Администрации Президента РФ, архитектора нынешней российской политической системы Вячеслава Суркова, стать «доминирующей» в политической системе¹³, и максимально неблагоприятных – для всех остальных¹⁴. Иными словами, создавалась полностью подконтрольная партийная система.

Сначала к 2007 г. система выборов в Государственную Думу меняется с двойной несвязанной на выборы по партийным спискам, а в субъектах Федерации – с мажоритарной на двойную несвязанную или же (в ряде регионов) также на выборы по партийным спискам. К 2010 г. эта же система начинает вводиться и на уровне местного самоуправления. При этом партии, имеющие фракции в парламенте, регистрировались как участники выборов на всех уровнях автоматически. А те, кто не имел представительства в Думе, вынуждены были собирать подписи, и на основании «недействительности» подписей регулярно не допускались к выборам, что ослабляло их с каждым избирательным циклом.

Несмотря на декларации о необходимости либерализации системы, в период президентства Медведева были сделаны лишь минимальные шаги для ослабления давления группы, находящейся у власти, на институты гражданского общества, избирательную и партийную систему (снижение требования к численности с 50 до 45 тысяч человек, гарантии присутствия в Думе представителя партии, набравшей более 5% на выборах в Государственную Думу).

Следствием ужесточения партийного и избирательного законодательства и искусственного сокращения числа партий стали актуализация периферийных феноменов неполитического и вытеснение появившихся неформальных партий из сферы принятия политических решений. Это проявлялось:

- в радикализации неформальных партий, как либеральных, так и левых, сближении их позиций, вплоть до объединения (совместное участие в акциях 31-го числа в защиту 31-й ст. Конституции и митингах протеста, объединения «Другая Россия» и «Национальная ассамблея»);
- в ослаблении системных оппозиционных партий (КПРФ, «ЯБЛОКО»), последовательном вытеснении их с политического поля путем административного давления, недопуска на выборы и открытия уголовных дел;
- в активности псевдооппозиционных партий, называющих себя оппозицией, но поддерживающих президента и курс правительства на практике, а часто – и в декларациях (ЛДПР, «Справедливая Россия»);
- в сохранении и появлении новых искусственных образований, не имеющих четкой программатики и декларированной идеологической направленности, либо имеющей спойлерские функции («Патриоты России»), либо созданной под лидеров («Правое дело»), которые также заявляли о себе как об оппозиции.

Неформальные партии превратились в несистемную оппозицию и сосредоточились на протестных и (зачастую) несанкционированных акциях противостояния режиму, т. е. использовали провокативные социально-политические технологии и практики. Особенность всех этих групп – доминирование лидера, малая значимость других членов, отсутствие и малочисленность заявленных региональных организаций. Лидеры и группы вокруг них находятся в постоянном процессе объединений и расколов и чуть ли не ежегодно создают новые организации: движения, неформальные партии, коалиции со сходными составами и пересекающимся членством.

В эту группу попали даже, казалось бы, относительно умеренные и ранее встроенные во власть лидеры и сохранившиеся вокруг них группы (например, В. Рыжков, Б. Немцов или М. Касьянов).

Власть и общество: алгоритмы взаимодействия. В 2010 г. власть оказалась в сложной ситуации выбора между рисками потери власти и влияния в случае либерализации в ответ на требования граждан и неконтролируемых, возможно, насильственных, протестов

в случае дальнейшего «закручивания гаек». Первый вариант при этом публично предлагал Институт современного развития, второй – Агентство политических и экономических коммуникаций¹⁵.

Готовность властей к отступлению, когда они сталкивались с неформальной активностью, связана со следующим факторами:

- относительно ограниченный характер требований, когда смена власти не является основным содержанием протеста (в отличие, например, от «Стратегии 31» и «Дня гнева»);
- возможность отказаться от решения без глобальных финансовых потерь;
- несвязанность проблемы с интересами узкого круга близких к тандему лиц;
- «градус» и длительность гражданского протеста.

Власть надеялась «небольшими подачками» успокоить активных граждан, «купировать» протесты или подавить их силой, чтобы не усложнять ситуацию в условиях нового этапа частичной, но неизбежной трансформации режима в преддверии необходимости решения вопроса о конструкции власти в соответствии с необходимостью проводить (или имитировать) федеральные выборы.

После выборов в Государственную Думу – 2011: массовая мобилизация и политизация протестов. Многотысячные протесты «рассерженных горожан» после думских и президентских и выборов 2011–2012 гг., как и массовая мобилизация наблюдателей были подготовлены нарастанием неформальной гражданской активности и гражданского протеста предшествующего периода.

«Спусковым крючком» существенного изменения общественных настроений стало объявленное решение о перемене мест в тандеме в сентябре 2011 г. Граждане, казалось бы, привыкшие к невозможности повлиять на политические решения и фальсификации выборов, возмутились тем, что в этот раз им еще до выборов преподнесли, даже не делая вид, что интересуются результатами голосования, персональное решение по ключевым постам в государстве.

Следствием стала массовая мобилизация наблюдателей-волонтеров в столицах и крупных городах – совершенно новое явление для российского политического процесса. (Во всех предыдущих избирательных циклах в наблюдении, помимо специализирующегося на этом НКО «Голос», участвовали почти исключительно оплачиваемые наблюдатели от партий). Только в Москве на участках работали несколько тысяч наблюдателей. В первый раз такое большое количество людей собственными глазами увидели механизм фальсификаций: «карусели», вбросы, перерисовывание

протоколов в ТИК и т. д., и вышли на улицы после объявления результатов выборов.

По данным социологических служб, состав акции был пестрым, но среди них выделялась новая группа: образованные благополучные молодые люди, позже названные «рассерженными горожанами». При этом большая часть из них ранее не принимала участия в протестных акциях, не участвовала в работе партий и НКО. Зимой, несмотря на холода, участие в протестных акциях стало модным среди молодежи. Так, например, по результатам опроса Левада-Центра на проспекте Сахарова 24 декабря 2011 г.¹⁶ участвовали 56% людей в возрасте до 40 лет, 25% – до 24 лет, 62% имели высшее образование, 25% были владельцами собственного бизнеса или руководителями, 46% – специалистами¹⁷.

Отличие этой волны массовых протесов состоит в отсутствии единого политического вектора, участия в них, помимо «рассерженных горожан», различных политических сил, демократических («ЯБЛОКО» и неформальные либерально-демократические партии – «ПАРНАС», «Солидарность»), левых неформальных партий и групп («Левый фронт», антифашисты), националистов¹⁸, правозащитных и экологических НКО и незарегистрированных групп активистов (например, представителей групп ЛГБТ). В соответствии с этим составом на ряде шествий выстраивались даже колонны и планировались выступления.

Системные партии, за исключением «ЯБЛОКА», в протестных акциях не участвовали. Депутаты – «справороссы», входившие в Оргкомитет (старший и младший Гудковы, И. Пономарев), ситуацию не меняли.

В пестром составе организаторов акций – Оргкомитета – парадоксальным образом присутствовали и те, кто ранее призывал к бойкоту выборов (например, А. Рыклин и С. Удальцов). Сам оргкомитет, проводивший свои заседания с трансляцией в Интернете, состоял в значительной степени из журналистов и писателей, опытных политиков там было немного. Характерно, что роли главных организаторов стали играть те, кто предлагал самую радикальную стратегию (С. Удальцов) или был популярен в Интернете (В. Рыжков, Е. Чирикова).

После президентских выборов характер протестных акций менялся. Со стороны властей и со стороны организаторов эти ситуации характеризовались как «провокационные». С одной стороны, стали звучать требования не уходить, разбить палатки, двигаться на Кремль (чаще всего – со стороны Удальцова). С другой стороны, власти начали с марта использовать ОМОН для устрашения

и задерживать всех, кто что-то нарушил или просто попался под руку. Пика конфликт достиг 6 мая, начавшись «сидячей забастовкой» участников, протестовавших против ограничения прохода на Болотную площадь и закончившись столкновениями с полицией, избиениями и возбуждением уголовных дел, приговор по которым не вынесен и через полтора года после событий. Обвиняемые, все это время находящиеся в СИЗО и под домашним арестом, – зримая угроза для всех «протестантов».

В этот период возникают и укореняются новые стили и формы протеста: «белоленточная» символика, протестный креатив – от плакатов и констелляций до «кричалок» и хлопанья в такт¹⁹.

Появляются, как реакция на репрессивную политику властей, новые формы протеста: «гуляния» писателей, художников по бульварам, лагеря протеста (ОккупайАбай, ОккупайБаррикадную, ОккупайОкуджаву), «опросы» (в Екатеринбурге в июле 2012 г.), чтение стихов у памятников и т. д. Несмотря на жесткую реакцию властей, задержания, обыски у оппозиционеров и их дискредитацию, ужесточение законодательства, волна протестов не спадает, приобретая новые формы. Массовой мобилизацией после «Социального марша» 12 июня 2012 г. отличался и осенний марш против так называемого антисиротского закона (закона Димы Яковлева). Очевидно, что сформировался новый слой активных граждан, готовых участвовать в протестных акциях. Наряду с политической и идеологической дифференциацией протестных акций наблюдается видимая демобилизация. Последним (для 2013 г.) всплеском был несанкционированный сход (хотя число его участников было на порядок меньше, чем в период всплеска протестной активности) на Манежной площади в день объявления приговора Алексею Навальному и его заключения под стражу.

Сам протест, требования которого трансформировались за полгода – от «Нам нужны честные выборы!» в декабре 2011 г. до «Путин! Лыжи! Магадан!» в июне 2012 г., консолидировал участников только на неприятии существующей власти. Ответы на вопрос: какой должна быть новая власть, и что нужно делать, чтобы ее сменить, естественным образом расходились. Требования «объединения оппозиции» участников и заинтересованных наблюдателей не могли быть реализованы. Избранный, в том числе с помощью социальных сетей, Координационный совет оппозиции показал к лету 2013 г. свою недееспособность.

Важно отметить готовность части участников протестов перейти от митинговой активности к конкретной политической

работе – от наблюдения до участия в муниципальных выборах. Формируются инициативные группы по контролю над выборами и мобильные группы наблюдателей, где участвуют и даже могут победить кандидаты, альтернативные власти.

Наконец, именно эта активная и политизированная группа стала решающим фактором, определившим ход и результаты выборов осени 2013 г., ставшие крупной неожиданностью для властей, которые, лишь начав ослаблять жесткое давление, получили неожиданно низкие результаты для всех инкубентов, в особенности – на выборах мэра Москвы.

В целом протестная активность конца 2011–2012 гг. и первой половины 2013 г. показала:

1) спящее гражданское общество проснулось²⁰, существенно повысился уровень солидарности и доверия;

2) несмотря на репрессивную реакцию властей, нет оснований ожидать, что протесты затихнут;

3) у значительной части граждан сформировался негативный консенсус в отношении власти;

4) партии, как формальные, так и неформальные, не смогли стать ядром кристаллизации нового гражданского протестного движения;

5) позитивные политические требования и политическая программа протестов не были определены;

6) лидеры играют несравнимо большую роль, чем организации в ходе протестов;

7) из состава «протестантов» выделилась группа, готовая и имеющая ресурсы разного типа собственно для занятия политической деятельностью – участия в выборах, включая партийные списки.

Власть: переход к формализации неформальных институтов и ужесточение режима. Власть, очевидно, испугал масштаб протеста, и в декабре 2011 г. было решено не использовать силовые стратегии до президентских выборов. Реакция властей на новый феномен до весны 2012 г. оставалась разнонаправленной – либерализация законодательных норм и изменение практики взаимодействия с оппозицией сочетались с репрессиями. После думских выборов появилась практика участия гражданских активистов и представителей оппозиции в ранее закрытых обсуждениях в органах власти, включая совещания с президентом и возможность выступления на заседаниях комитетов и Думы, впрочем, уже весной активисты партий и недовольные граждане со своими протестами вновь оказались на улице.

Продолжались дискредитация организаторов и участников протестов в СМИ с разного рода (привычными) обвинениями: в стремлении к развалу государства и работе на западные деньги. С другой стороны – используется знакомая по деятельности «Наших» искусственная массовая мобилизация для организации не менее многочисленных, чем митинги оппозиции, «путингов» – в поддержку власти с агрессивными обвинениями оппозиции.

Появляются и новые стратегии, в основе которых – опора на недовольство рабочей глубинки «сытыми москвичами»: организовываются «митинги рабочих» на Уралвагонзаводе и в Екатеринбурге, на которых звучит обещание начальника цеха Игоря Холманских «приехать с мужиками и разогнать митинги оппозиции», за что он после выборов получает место полпреда в Уральском федеральном округе²¹.

Православная церковь начиная с 2012 г. участвует в организации «антилиберальных православных стояний» – практически массовых митингах православных – с поддержкой власти и агрессивной критикой оппозиционеров. Эта активность свидетельствует о переходе РПЦ от роли идеологической опоры режима к роли самостоятельного политического актора. При этом православные активисты, как показали стычки со сторонниками панк-группы «Pussy Riot», совсем не чураются и использования насилия.

Пакет законодательных актов, названных «политической реформой», изменил условия существования партий, электоральную формулу и даже (формально) возвратил выборность губернаторов. Особенность этого пакета – во внешней либерализации правил при сохранении неформальных возможностей правящей группы по удержанию за собой доминирующей позиции и сохранению контроля. Можно согласиться с Григорием Голосовым, что в этом случае власти стремятся создать российскому авторитаризму более эффективную оболочку, а отнюдь не демонтировать его²². Формализация существования сотни партий, большинство из которых неизвестны не только избирателю, но и специалистам, не может существенно изменить ситуацию, укрепляя демократические институты. Новые карликовые партии станут, по термину В. Гельмана, «подрывным» институтом²³, не укрепляющим, а разрушающим партийную систему.

В области, где ставки были наиболее высоки – выборы губернаторов, – власти на реформы просто не решились, добавив для страховки, кроме президентского фильтра, еще и очень жестко оговоренные правила необходимости сбора подписей муниципальных депутатов. Учитывая, что подавляющее большинство из

них – единороссы, то участие кандидатов из других партий (без санкции сверху) становится почти невозможным. Это отчетливо продемонстрировали выборы глав регионов осенью 2013 г.

Изменение формальных институтов не изменило их инструментальный для власти характер и сохранило экстрасоциальные практики политического. Выбор власти между «закручиванием гаек» и началом новой волны демократической трансформации стал еще актуальнее, чем до последней избирательной кампании.

Примечания

- 1 «Второго цикла советской истории», по определению Кирилла Рогова. См.: *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла // Pro et contra. № 4–5, 2010. С. 6–22.
- 2 *Рогов К.* Границы власти Путина // Ведомости. 2012. 11 июля. С. 4.
- 3 См.: *Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н.* Средний класс as it: мнения и настроения высокодоходной молодежи в России // Вестник общественного мнения. 2008. № 95 (8). С. 27–41.
- 4 См.: *Якобсон Л., Санович С.* Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения // ОНС. 2009. № 4. С. 21.
- 5 Состав Совета по правам человека и развитию гражданского общества на 2011 год: <http://www.sovetpamfilova.ru/>
- 6 Слушания были инсценированы и проведены администрацией г. Химки с заведомо известным результатом.
- 7 См.: *Белокурова Е., Воробьев Д.* Общественное участие на локальном уровне в современной России // Неприкосновенный запас. 2010. № 2. С. 83–91.
- 8 См.: *Лехтман А.* Городские движения в 2009 году: от локальных акций к общегородским кампаниям. <http://www.ikd.ru/node/12336>
- 9 См.: *Белокурова Е., Воробьев Д.* Указ. соч. С. 89.
- 10 Примером может служить начавшееся в Москве движение «Синих ведерок» – борьбы с мигалками на машинах чиновников или борьбы с запретом на ввоз праворульных машин, начатое во Владивостоке движением «ТИГР».
- 11 См.: *Зубаревич Н.А.* Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // ОНС. 2010. № 5 С. 5–9.
- 12 *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности // Pro et contra. 2008. № 2–3. С. 6–3.
- 13 Сурков потребовал от «Единой России» обеспечить доминирование партии на 15 лет // Lenta.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2006/02/27/dominate/>, свободный.
- 14 См.: *Гельман В.* Трансформация российской партийной системы: монополизация политического рынка // Российские элиты в условиях консолидации власти. Пермь, 2006. С. 27–47.

- ¹⁵ Об этом см., например: Нужна ли младенцам демократия // НГ. 2010. 27 августа. С. 2.
- ¹⁶ С политологической точки зрения категоризация политических взглядов вызывает большие вопросы, однако общее представление о составе участников опрос все же дает.
- ¹⁷ См. данные Левада-центра: <http://www.levada.ru/26-12-2011/opros-na-prospekte-sakharova-24-dekabrya>
- ¹⁸ Это касается не всех националистических групп, часть из них отказалась участвовать в мероприятиях вместе с либералами, на разных акциях были представлены «Русские» и РОД. См.: *Альперович В., Верховский А., Юдина Н.* Между Манежной и Болотной: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году в России. М.: Центр «Сова». Февраль 2012. С. 21–24.
- ¹⁹ Подробный анализ характера и стилистики протестных акций см. в монографии Миши Габовича: *Gabowitsch M.* Putin kaputt? Russlands neue Protestkultur. Berlin: Edition Suhrkamp, 2013.
- ²⁰ Кстати, об этом же свидетельствует активность волонтеров в помощи и благотворительности, например после затопления Крымска или в тушении пожаров уже в 2011 году.
- ²¹ Путин не забудет тех, кто поддержал его в трудный период // РБК: <http://top.rbc.ru/politics/18/05/2012/651059.shtml>
- ²² *Голосов Г.* Партийная реформа Дмитрия Медведева. <http://politru/article?2012/06/21/ref/>
- ²³ См.: *Гельман В.* «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России. СПб., 2010.

О.А. Пичугина

ГРАНИ ЖИЗНИ И ЖИЗНЬ НА ГРАНИ: ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПОТЕНЦИАЛЫ ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА

Современный город сегодня переживает процесс трансформации в силу развития глобализации, становясь центром решения мировых экономических и политических задач. Сегодня в науке перспективным видится исследование феномена глобального города как транстерриториального пространства, и в первую очередь – необходимость переосмысления и нового смыслового наполнения представлений о городских границах.

Цель данной статьи – выявить политико-коммуникативные потенциалы глобального города через предложение модели функционирования городских границ. Исходя из цели, в статье решаются следующие задачи: определение специфики коммуникативной системы глобального города, представление модели функционирования городских границ, выявление предпосылок для возможностей политико-коммуникативной регуляции работы границ глобального города.

Ключевые слова: город, глобальный город, глобализация, фронтир, границы, городские политические коммуникации, городские коммуникации.

В условиях глобализации современные столичные города оказались в сложном положении. С одной стороны, современные социальные процессы определяют перспективы политического и экономического развития не только самих городов, но и регионов, которые они представляют. С другой стороны, стремление местных и федеральных властей воплощать эту идею в жизнь постепенно приводит к размыванию понятия «город».

Этот объективный процесс может быть охарактеризован в различных аспектах, однако на фоне их многообразия представляется возможным сделать следующее предположение: изменение жизни

современного города определяющим образом связано с трансформацией так называемого городского коммуникативного ядра. В динамике городской жизни это ядро формируется системой социальных коммуникаций города с учетом прежде всего ее социально-культурных, ценностных составляющих. Так, под городским коммуникативным ядром в данной статье понимается городская коммуникативная культура, в которой можно выделить три составляющие:

- объектная, которая включает в себя совокупность субъектов и объектов коммуникации города, общие системы внутри- и внешнегородских коммуникаций, а также их материально-вещественную инфраструктуру;
- репрезентационная, включающая городские философию, миссию и ценности, разделяемые всеми участниками социальных коммуникаций города, культурно-исторические памятники – как базовую часть визуальной антропологии города;
- корректирующая (регулирующая) – система норм и правил, принятых в городе, прагматические системы социально-политических коммуникаций, политическое управление городом.

Одним из вариантов отображения в исследовательской литературе динамики городской жизни является концепция глобального города.

Глобальный город, по мнению автора этого термина С. Сассен, представляет собой постиндустриальный центр, максимально интегрированный в мировую экономику и во многом черпающий ресурсы и возможности развития за счет или в результате взаимодействия в глобальных городских сетях¹.

Термин «глобальный город», безусловно, является порождением общей тенденции к глобальности мира, его прямым отражением. Глобальный город не есть только мировой город, выступающий местом, в котором осуществляется весьма непропорциональная часть всемирных наиболее важных дел и который существовал или существует на протяжении многих веков, не теряя вышеуказанной особенности². Конечно, большинство глобальных городов сегодня являются и мировыми городами, и столичными. Однако есть и города, которые являясь глобальными, в то же время не могут считаться мировыми (например, Майами, Дубай). По мнению Сассен, глобальные города выполняют в современном мире следующие функции:

- командные пункты в организации мировой экономики;
- центры производства финансовых и иных специализированных услуг (при этом вытесняется ранее превалявавший сектор материального производства);

- центры интеллектуального производства, включая производство инноваций;
- рынки услуг и инноваций³.

Сассен также утверждает, что глобальный город и сеть этих городов – это пространство, которое, с одной стороны, «привязано» к определенным местам, а с другой – является транстерриториальным, потому что соединяет места, географически разобщенные, но интенсивно взаимодействующие между собой: глобальный город – это и пограничное и одновременно трансграничное пространство⁴. Формирование такого транстерриториального пространства существенно меняет традиционные представления о границах города. В широком смысле глобальный город представляет собой фронт – зону освоения, территорию, социальные и экономические условия которой определяются идущим на ней процессом развития⁵. Однако освоение территории идет не столько за счет ее расширения и заселения, сколько за счет активного использования ресурсов (материальных и нематериальных), которые она предоставляет или может предоставить потенциально. Политическая коммуникация в показанном аспекте динамики городских границ создает условия, при которых территориальные ресурсы могут функционально развиваться и быть эффективно использованы различными социальными группами. Функционально политическая коммуникация в этом аспекте обеспечивает целесообразное распределение социальной информации, консолидацию и представление интересов изменяющихся социальных групп и общностей, циркулирование значимых сообщений в пространстве действия политических акторов⁶.

В различных возможных приложениях концепции глобального города пока недостаточно изученным является ее социально-коммуникативный аспект, выраженный в управлении коммуникативной составляющей содержательного наполнения пространства внутри городских границ в интересах сохранения целостности городского коммуникативного ядра и – как следствие – сохранения целостности локального на общем фоне динамики глобального. Речь может идти о формировании нового пространства для социальных коммуникаций, для создания адаптивных средств, подходов и технологий политического управления этими коммуникациями и в целом для образования нового типа общественной городской связности.

За счет расширения пространства города по мере его развития и освоения пригородных территорий, увеличения числа транснациональных корпораций и количества внутренних и внешних мигрантов, происходит изменение системы, которая во многом зависит от того, как проявляются и функционируют границы города. Харак-

теристики границ коммуникативной системы, ее самодемаркация в социальном пространстве могут иметь много интерпретаций и трактовок. В городской системе важно понимание не только ее содержания, но и, что представляется перспективным, рассмотрение того, как обеспечивается взаимодействие системы города с внешней средой, ее входы и выходы. В свою очередь, порядку их использования соответствует функциональный феномен, который образно можно назвать «городские ворота».

С учетом выделенных аспектов системы города можно представить поисковую исследовательскую модель. Иными словами, для понимания того, что представляет собой глобальный город в непрерывно изменяющихся границах, важно охарактеризовать варианты работы «городских ворот» коммуникативной системы глобального города, ее «входов» и «выходов».

При этом под «входом» в широком смысле понимается перемещение через границы в пространство города различных объектов. В коммуникативном плане это прежде всего знаково-символические объекты: новая информация, новые смыслы и др. Характеристика входа предполагает разные варианты перемещения, которые могут как проявляться в простом перемещении, так и быть связаны с проникновением в городскую культуру, взаимодействием с ее составляющими, включая интеграцию в городскую среду, ассимиляцию.

Под «выходом» в данной статье понимается не только физический уход из города, но и некий результат входа, который выражается в изменениях социальных объектов при проникновении в город или в отсутствии каких-либо изменений.

Можно предположить, что существуют два возможных типа «входа» и «выхода» города: смысловой и функциональный. Смысловой «вход» обращен к ценностным (смысловым) аспектам жизни города и в процессуальной логике движения «в город» характеризуется следующими признаками:

- смысловая перцепция, выраженная в стремлении к восприятию и пониманию социальных и духовных ценностей города и его миссии (которая принимается и понимается априори);
- смысловая акцептация (принятие), которая может проявляться в стремлении к превращению в носителя вышеуказанных ценностей и миссии, «растворению» в городе и служению ему;
- смысловая реализация, характеризующаяся использованием нематериальных ресурсов для достижения развития и роста, обретением новых качественных характеристик в процессе ассимиляции в городской среде.

В этой же процессуальной логике «выход» как следствие входа и итог пребывания внутри города может иметь следующие признаки:

- смысловая инклюзия, т. е. включение, погружение в систему города;
- сохранение смыслов и дальнейшее успешное субъектное развитие как органичной части городского коммуникативного ядра;
- трансляция усвоенных и переработанных смыслов в городскую среду и создание на их основе новых.

Для коренных жителей города процессы смыслового входа и выхода происходят одновременно. Коммуникации на смысловом уровне определяются городской высокой миссией, целостностью и качеством духовных смыслов.

В контексте того, что в современном мире смысловые «вход» и «выход» по своей значимости уступают функциональным, представляется важным их проиллюстрировать. В качестве наиболее актуальных в современных условиях возможных примеров реализации смысловых «входа» и «выхода» можно выделить следующие:

- приобщение к культуре, которое может выражаться в культурно-историческом туризме. Данный вид туризма способствует не только познанию культурно-исторических особенностей города, но усилению восприятия его атмосферы, выявлению тенденций динамики развития города, формированию целостной картины современного города через исследования особенностей его становления. Например, культурно-исторический туризм в Лондоне с 2007 по 2013 г. вырос на 13%⁷. Культурное и историческое наследие может быть использовано в качестве эффективного инструмента политических коммуникаций города, который необходим для укрепления позиций городского коммуникативного ядра и трансляции локальных интересов на глобальном уровне. В первую очередь это справедливо для стран Старого Света, для которых культурное и историческое наследие наряду с образованием, высокими стандартами жизни и высокими технологиями становится основным конкурентным преимуществом в глобализирующемся мире⁸;
- реализация образовательного проекта в городской среде. Связь образования и городской эволюции очевидна: через систему образования город решает задачи своего инновационного развития, формируя интеллектуальную среду, способствующую созданию и трансляции знаково-символи-

ческих смыслов. Так, Сорбонна (Парижский университет) является одним из главных символов Парижа, олицетворением системы классического европейского образования, начитывает более 5,5 млн интернациональных студентов, а Париж возглавляет мировой рейтинг университетских городов⁹. Очевидно, что университет является существенной частью городского коммуникативного ядра и оказывает влияние на политические коммуникации, создавая новые коммуникативные узлы. Яркой иллюстрацией данного тезиса является социальный кризис в Париже в мае 1968 г.¹⁰, а также дальнейшие студенческие волнения в городе, возникающие и в современном Париже.

Логично характеристики смысловых «входа» и «выхода» можно использовать и при описании их функционального типа. Функциональный вход – проникновение в город в силу появления той или иной практической цели – характеризуется такими признаками, как:

- функциональная перцепция, выраженная в стремлении использовать те или иные ресурсы (прежде всего материальные), которыми обладает город реально или потенциально;
- функциональная акцептация (принятие), которая проявляется в анализе существующих в городе ресурсов и их практическом осмыслении;
- функциональная реализация, выраженная в овладении навыками использования ресурсов для достижения цели «входа».

В свою очередь, функциональный «выход» может иметь следующие признаки:

- функциональная инклюзия – обретение возможности для использования ресурсов города;
- взаимодействие с существующим городским коммуникативным ядром, но не включение в него, а использование его коммуникативных узлов для достижения целей;
- функциональная реализация, выраженная в результатах использования городских ресурсов, накоплении опыта и его трансляции.

Очевидно, что функциональные «вход» и «выход» определяют в первую очередь тем, какими социальными, экономическими и финансовыми ресурсами обладает город и возможностью их широкого практического использования. Представленная ситуация «входа» осуществляется в силу видения города в качестве ресурсной площадки. Ситуация же «выхода» может развиваться в двух направлениях – физический уход по итогам достижения цели

(или ее недостижения) или же продолжающееся взаимодействие с городом в силу появления новых практических целей.

Важным является то обстоятельство, что типы «входа» и «выхода» в город могут не совпадать. В этой связи можно также предположить, что в данной исследовательской модели существуют несколько комбинаций «входа» и «выхода» для понимания работы коммуникативной системы города и ее ядра:

<i>Вход</i>	<i>Выход</i>
Смысловой	Смысловой
Смысловой	Функциональный
Функциональный	Функциональный
Функциональный	Смысловой

Вариантов интерпретации предлагаемой схемы может быть много. Возможно, не все из них пока явно прослеживаются в социальной практике. Сегодня представляется возможным остановиться на наиболее значимых аспектах интерпретации исследовательской модели с учетом двух параметров: актуальности эмпирического материала и близости выделяемых аспектов к целям и задачам статьи.

С учетом сказанного прежде всего отметим, что в условиях жизни глобального города исследовательское внимание может быть обращено к двум комбинациям «входа» и «выхода»: «функциональный – функциональный» и «функциональный – смысловой». При этом речь идет не о проведении компаративного анализа указанных вариаций, а о выявлении факторов, характеризующих необходимость преобразования первой модели работы «городских ворот» во вторую для успешного функционирования городского коммуникативного ядра. Этот акцент объективно может быть обусловлен следующими взаимосвязанными аспектами:

- *конфликтогенность глобального города.* Очевидно, что глобальные города концентрируют в себе значительную часть мировых экономических отношений и капиталов, что стимулирует автоматически преобладание функционального «входа» над «смысловым». Такое положение вещей обеспечивает огромный приток мигрантов, которые прежде всего ориентируются на ресурсную составляющую города. Как утверждает Сассен, город может стать убежищем или, что еще важнее, местом, которое дает возможность беззащитным

акторам влиять на исторический процесс и создавать политическое измерение своей жизни¹¹. Таким образом, количество участников коммуникации, каждый из которых преследует собственные цели внутри города, резко увеличивается, что объективно влияет на возникновение конфликтов и противоречий внутри городского коммуникативного ядра. Можно предположить, что эти конфликты возникают не только на почве несоответствия целей и интересов различных коммуникативных акторов, но и в силу низкой роли объединяющего их смыслового начала в городе. Это находит отражение в том, что политические коммуникации в глобальном городе более не являются нацеленными на трансляцию ценностно-смысловых ориентиров внутри города, они направлены на реализацию глобальных экономических и политических задач. Другими словами, при организации социально-экономических условий для функционального «входа» «выход» также функционален, смыслового «выхода» не происходит;

- *функциональность пространства*. Глобальный город представляет собой мобильное и легко изменяемое пространство, о чем свидетельствуют, например, постоянная международная коммерческая застройка глобальных городов в развивающихся странах и тенденция к включению в город пригородных территорий (проекты «Новая Москва» и «Большой Париж»)¹². Наличие при функциональном «входе» у акторов коммуникации различных практических целей приводит к функциональному типу организации пространства – зонированию города. Такая организация пространства мегаполиса явно свидетельствует о разрыве целостности коммуникативного ядра и функционализации «входа» и «выхода»: районов в глобальном городе много, однако между ними нет смысловой связанности. Решающим фактором в новых урбанистических процессах является то, что городское пространство все больше дифференцируется в социальном отношении, одновременно становясь функционально взаимосвязанным независимо от физической близости. Отсюда следует, что символическое значение, размещение функций и социальное присвоение пространства на территории метрополиса отделяются друг от друга¹³. Как правило, объединяющий на смысловом уровне исторический центр представляет собой незначительную часть территории города, остальные же районы функционально разделены: существуют промышленные районы, жилые районы для различных социальных уровней

населения, торговые районы и др. При этом возникает проблема поддержания целостности города, что, несомненно, является политической задачей. Так, еще в 2004 г. на встрече мэров европейских городов в Лондоне было признано, что успех любого муниципалитета определяют знание, куда движется город (жители должны понимать его предназначение, потенциал развития); стимулирование распространения лидерства (городу недостаточно одного лидера, ими должны быть как минимум 1% населения); поощрение принятия рискованных решений в рамках системы, основанной на принципах отчетности и прозрачности¹⁴;

- *коммуникация информационных потоков.* Указанные выше аспекты, а также активное развитие в городской среде цифровых сетей предположительно приводят к образованию такого типа коммуникации, как коммуникация информационных потоков. Однако при всем стремительном развитии информационных сетей город не может быть виртуальным в своей сущности. Можно предположить, что город есть и существует только тогда, когда в его реальном пространстве эффективно реализуются на различных уровнях социальные связи. Главный архитектор Барселоны Хосе Асебельо выделяет развитие взаимодействия через цифровые сети и наличие в городе достаточного ресурсного потенциала только как один из необходимых факторов стабильного городского развития, которые невозможны без развития культуры, образования и наличия городского пространства для социального взаимодействия¹⁵.

Таким образом, в контексте вышеописанных аспектов прослеживается наличие политического потенциала для формирования смыслового «выхода» при преобладании функционального «входа» в систему города. Во многом этот потенциал может быть реализован коммуникативными средствами. Перспективным видится создание и поддержание такой системы социально-политических коммуникаций внутри глобального города, которая бы позволяла при всех разобщающих систему города аспектов проявления глобализации или сохранять структуру городского коммуникативного ядра, или делать ее распад менее «травматичным» для всех участников процесса коммуникаций через создание и трансляцию новых смыслов.

- ¹ См.: *Сассен С.* Глобальный город // Прогнозис. 2005. № 4.
- ² См.: *Hall P.* The World Cities. L., 1966.
- ³ См.: *Сассен С.* Глобальный город.
- ⁴ См.: *Сассен С.* Старые границы и новые возможности: город как зона фронта [Электронный ресурс]. URL <http://www.strelka.com/saskia-sassen-new-bordering/?lang=ru>
- ⁵ См.: *Замятина Н. Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
- ⁶ См.: *Соловьев А. И.* Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис. 2010. № 3.
- ⁷ См.: Heritage tourism generates £26.4bn towards UK economy [Электронный ресурс]. URL <http://www.telegraph.co.uk/finance/newsbysector/retailandconsumer/leisure/10172008/Heritage-tourism-generates-26.4bn-towards-UK-economy.html>
- ⁸ См.: Защита культурного и исторического наследия и регенерация городской среды [Электронный ресурс]. URL <http://www.rusdb.ru/gorod/expo-cultnasledie/culture/>
- ⁹ См.: Составлен рейтинг лучших университетских городов [Электронный ресурс]. URL <http://www.euromag.ru/catalogs/education/20880.html>
- ¹⁰ См.: Париж, 1968: Интервью с Д. Бенсайдом [Электронный ресурс]. URL http://scepis.net/library/id_1722.html
- ¹¹ См.: *Сассен С.* Старые границы и новые возможности...
- ¹² См.: Большой Париж: 10 проектов развития Парижа [Электронный ресурс]. URL http://2011.moscowarchbiennale.ru/pari_ru
- ¹³ См.: *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ. 2000
- ¹⁴ См.: *Ермак С.* Новая городская утопия [Электронный ресурс]. URL <http://expert.ru/ural/2012/33/novaya-gorodskaya-utopiya/>
- ¹⁵ Там же.

Практики экстрасоциальности в общественно-политической жизни

Д.В. Лукьянов

АГРЕССИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАТИВНАЯ ПРАКТИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Под понятием «агрессия безопасности» автор статьи предлагает рассматривать определенный концепт, фальсифицирующий традиционное понимание и восприятие в современном социуме феномена культуры безопасности, что позволяет охарактеризовать ее как «постбезопасность». Присвоение агрессивности становится сегодня обычной культурной нормой идентификации в рамках «цивилизованных» форм восприятия насилия в практиках субъектов различных репрессивных сценариев. Феноменология агрессии безопасности выстраивается через процедуру реификации жизненного мира и закрепления за ним качества дегуманизированной и инертной фактичности. «Агрессия безопасности» выступает как базовая инстанция для понимания смыслов парадоксальности коммуникаций современного социума.

Ключевые слова: культура безопасности, реификация, современный социум, социальные коммуникации, постбезопасность, агрессия безопасности.

Существующая неоднозначность в понимании природы такого совокупного концепта, как безопасность, сегодня очевидна тем из исследователей, которые характеризуют состояние современного социума как «кризисное», «хаотичное», «ускользающее» и т. д.¹ Для данного направления исследований рациональные критерии изучения сегодняшнего социально-политического и культурного порядка видятся не вполне адекватными, поскольку социальная система в целом оказывается в своей основе деструктурированной, не определенной и не стабильной.

Настороженное отношение ученых к появлению новых, ранее не известных (и часто «негативных») атрибуций и размерностей современного социума вполне очевидно. В социально-философской литературе диагноз нашему времени ставится достаточно емко и неумолимо: в анамнезе современный мир – это и «общество риска» (У. Бек, П. Бернштейн), и «общество спектакля» (Г. Дебор, И. Гофман), «общество потребления» (Ж. Бодрийяр), «прозрачное общество» (Дж. Ваттимо), и общество «новой непрозрачности» (Ю. Хабермас), общество победившей коммуникации (К.-О. Апель, Н. Луман) и т. п. Практика номинации в поиске новых означающих для выработки принципиально иной (возможно, «постпостмодернистской») социальной онтологии говорит, по крайней мере, о том, что радикальным сдвигам и изменениям подвержены уже и сами основания и структуры актуального мышления и познания.

Легитимированные социальные дискурсы (следуя Ю. Хабермасу – это наука, мораль и искусство)² зачастую не устраивают мыслителей как ритуализированная практика авторитарной «репрессивности» институциональной рациональности модерна. Возможность упорядочивания социальной реальности как процедура толкования ее наличных смыслов в разрозненных моментах прежде единого бытия сталкивается сегодня в первую очередь с тем, что онтология становления в социальном познании сменилась качественно и мировоззренчески на приоритет отношения к наличному как процедурной рациональности, процессуальности, поиску смыслов, рассеянных в повседневной коммуникации «жизненного мира»³. Изменились и базовые модернистские формы представления истины в познавательных практиках современности, метанарративы освобождающих человечество рассказов (Ж.Ф. Лиотар) испытали воздействие так называемого перформативного поворота, когда тотальность и «транскрипция» понимания истины вытесняются ее авторской тональностью и демонстрацией в языке индивидуализированного сознания отдельных мыслителей. Во многом поэтому гетерогенность современных социальных наук и различия в стратегиях социального конструирования «подлинной реальности» смысла происходящего объясняются тем, что они по-разному обозначают общую устремленность ученых к поиску оснований для понимания и выработки необходимой и адекватной «теории настоящего».

Сегодня исследователи отмечают преимущественное доминирование «культуралистских» идей и подходов к безопасности⁴ в среде социально-гуманитарного знания, тематизирующих актуальное изучение феноменологии «кризисного» социума. Глубокая

укорененность в культуре базовых категорий, с помощью которых структурируется и воспринимается мир, на основе которых получило достаточное обоснование само существование и развитие человеческого мышления, давно уже стала интеллектуальным трюизмом культурологического масштаба, с которым тем не менее изначально приходится считаться современному исследователю⁵. Поэтому большинство актуальных проблем современности – от рассмотрения противоречивой проблематики «конца истории» и сложностей перехода «общества терпимости и конфронтации» к принятию ценностей «культуры толерантности» до дискуссий относительно предстоящей перспективы «столкновения цивилизаций» и сути происходящих социальных и политических конфликтов – интерпретируются чаще всего, хотя и не всегда корректно, в категориях культуры и с учетом разнообразия существования соответствующих контекстов⁶.

О «культуре безопасности» размышляют как о генерализированном коде цивилизации и системном принципе существования современных социумов⁷. Ретроспективная панорама возникновения и развития взглядов на безопасность показывает, что в качестве «культурного концепта»⁸ она присутствует уже на ранних стадиях развития «осевого времени», активно рефлексирована в поле политики и становится нормативной в эпоху Просвещения, наконец, приобретает качество базовой атрибуции современного мира, не утратив в своей основе исходную интенцию – институциональный порядок существования человечества перед лицом возникающих глобальных рисков.

В сложившихся условиях сравнительное измерение и изучение безопасности предполагает изначально понимание того, что выбранная исследовательская стратегия в дальнейшем должна будет непременно опираться на выявление специфики и особенностей бытования данного феномена в контексте существования различных культур, широко представленных в единстве макро- («глобализация») и микродинамики («регионализация») многообразных форм изменения современного мира. Проблематика «культуры безопасности» рассматривается, таким образом, в широких контекстах социальных, политических, индивидуально-групповых, личностных и тому подобных практик и стратегий, различные аспекты которой очевидно следует со всей определенностью рассматривать, акцентируя внимание, с одной стороны, на том, насколько четко они структурированы в институциональном порядке современного социума и представлены в его символическом универсуме, прежде всего языке⁹. С другой стороны, внимание исследователей обраще-

но к изучению существующих паттернов безопасности, которые представлены и «седиментированы»¹⁰ в разрозненных социальных образцах с устойчивыми структурами ее понимания и манифестированы определенного рода «культурами» с их специфической рефлексией относительно представлений о наличествующей социальной действительности¹¹.

Между тем предметная сфера, имманентная «культуроцентристскому» анализу и изучению основ безопасности в социально-философском, политико-юридическом и прочих дискурсах, выступает и рассматривается в когнитивном репертуаре социально-гуманитарного познания и как определенный тип парадоксальной коммуникации. Безопасность мыслится как своего рода парадоксальность существования и функционирования социальных систем, покоящаяся на (не)доверии, а последнее оказывается медиумом смысла существования современного общества, которое проявляет себя через парадокс управляющих им социальных коммуникаций¹².

Сегодня мы сталкиваемся с тем, что откровенно экспансионистские притязания на мировое господство и доступ к власти нередко трактуются как «конфликты культур», нивелируя социально-экономические, политические и этнонациональные противоречия до анализа «надстроечных» явлений в жизни общества. Только на первый взгляд выглядит парадоксальным, скорее – показательным и более реалистичным то, что на фоне априорного признания важности поддержания и воспроизводства ценностей «культуры мира» в современном мире социальные мыслители все чаще обращаются к обсуждению иной составляющей данной проблемы – существованию и продвижению в нем «ценностей» и императивов «культуры войны»¹³.

Феноменологию доверия относительно существования универсальной инстанции производства смысла и понимания культуры безопасности в современном мире можно без преувеличения обозначить вполне лаконично: она находится *под подозрением*¹⁴.

Вполне закономерно и диалектично, что обыденный и интеллектуальный дискурс безопасности выстраивается на «апофатических» и предикативных началах: чем не является и что не есть безопасность? Закономерен и ответ, что в первую очередь – опасность, угроза, страх и риски, но исходящие откуда? Диалектика негативного, проявляющаяся в различении опасного и безопасного, здесь опережает позитивную метапозицию в том, что «враги», «чужие» и «другие», «иные» – оказываются ближайшими и *необходимыми* составляющими, которые *необходимо* же выступают как объекты или субъекты продвижения к «ощущению» неопасности, удаляясь

от конфронтационности, достигая терпимости и двигаясь к «горизонту ожидания» толерантности¹⁵.

Негация «иного» приводит к парадоксальной идеологеме XX века: «Враг, Чужой, Другой – последовательные ступени (стадии, формы) исторического вызревания субъекта, адекватного или органичного культуре толерантности»¹⁶. Однако здесь исходная «линейная логика» упускает из виду то, что в отношении к *Иному* может со временем образоваться и «иное» диалектическое состояние¹⁷, которое мы, не имея лучшего определения¹⁸, обозначаем здесь как феномен «агрессии безопасности».

Как отмечает Ю.В. Фетисова, автор исследования, в котором она культуру безопасности моделирует как системный культурный концепт, а также рассматривает типологию и историческую эволюцию данного явления, «этика и идеология безопасности семиотически актуализируются через “встраивание” ценностных коннотаций и идеологизацию маркеров уязвимости путем преобразования их в маркеры “чуждости” и враждебности»¹⁹. На уровне анализа итогов развития и эволюции социального познания в XX веке ученые обращают внимание на «последствия присвоения концепта негативного социальной средой». Выражены они в XX в. реализацией преимущественно репрессивной стратегии разума и движением по пути раскола в отношении диалектики социального: «диалектика как путь к свободе (с 1930-х по 1960-е гг.) и диалектика как апология насилия (после 1960-х)»²⁰. Конфронтация (отношение к «врагу») и терпимость (отношение к «чуждому») превалируют в характеристиках современного социума над толерантностью (отношение к «Другому» или «Иному») ²¹. По своей сути, это оборачивается дискредитацией диалектического разума, применимого к пониманию современных социальных процессов²². Образ врага выступает «как важнейший ориентационный элемент в структуре репрезентативных практик безопасности», – отмечает Ю.В. Фетисова, – и определяет «развитие мобилизационной динамики культуры безопасности – от культуры реагирования к культуре (пред)упреждения»²³ – на основе реактивного и репрессивного применения силы. Добавим к этому, что смысл и диалектика негативного в понимании современного социума превращается из некогда восходящей к марксизму стратегии достижения свободы через «конфликтную коммуникацию» в ресурс подавления и отчуждения, реализующийся в повседневной практике воспроизводства нестабильных социальных состояний посредством усложнения структур современного этапа развития «репрессивной культуры» (Г. Маркузе).

В определенном смысле понятием «агрессия безопасности» мы хотим предложить своеобразное фальсифицирующее суждение и концепт для понимания и анализа статуса самой культуры безопасности в современном кризисном обществе, которое выполняет по отношению к последней своеобразную функцию так называемого значимого Иного.

При общем, вполне *традиционном* понимании агрессии как «намеренного причинения ущерба другому»²⁴ среди существующих теорий, осмысливающих данный феномен, явное предпочтение до сих пор отдается той, которая учитывает особенности формирования соответствующей модели социального поведения. Агрессия выступает здесь как предметная сфера научения и результат относительно устойчивых изменений в поведении или поведенческом потенциале (Б. Хегенхан, М. Олсон)²⁵ социальных субъектов, которые обусловлены различными стратегиями и практиками их опыта социализации. Считается, таким образом, что агрессивные реакции здесь усваиваются и поддерживаются путем *непосредственного участия* в соответствующих ситуациях либо с помощью пассивного наблюдения агрессивных проявлений²⁶. Между тем в литературе последнего десятилетия данная точка зрения претерпела значительные изменения, прежде всего рассматривая современность в категориях «реальности медиа» (Н. Луман). Прямым следствием и дополнительным аргументом в пользу существования в современности феномена «агрессии безопасности» является как раз то, что с распространением массмедиакультурных артефактов, внедряемых через визуализацию интерактивного восприятия реальности, сама агрессия, как и угрозы потенциальной опасности, подверглись значительной реификации²⁷.

Несмотря на многообразие существующих в исследовательской литературе определений, современный мир все чаще характеризуется уже не как особый тип социальной реальности, не особая идеология и рефлексия, а как специфический *способ проживания опыта*²⁸. Однако сегодня складывающаяся социальная «картина мира», нормы, ценности и идеалы данного опыта пребывания в современности не выполняют функции стабилизации идентификационных практик в сознании и поведении людей. «Прозрачное общество» победившей коммуникации оказывается «чистым» хаосом нестабильных социальных состояний, который создает «непрозрачность» особого рода – инкультурацию безопасности в агрессивных и репрессивных сценариях медиакультуры. Присвоение агрессивности становится обычной культурной нормой идентификации в рамках «цивилизованных» форм восприятия

насилия в практиках современных СМИ. Типичное сообщение о знаковом и зловещем теракте или преступлении, которые заставляют социум содрогнуться от понимания хрупкости современного существования в мире тотальной и «непрозрачной» опасности, соседствует теперь с открытым и публичным признанием своей ответственности за совершенное злодеяние различными радикальными группами и военизированными организациями. Терроризм транслируется в современной цивилизованной жизни общества как обыденная «норма» проявления иной легитимно существующей субъектности, выступающей в качестве актора поддержания существования угроз безопасности, что способствует «симметричной» радикализации и поиску адекватных культурных норм реагирования в праве, структуре и смысле политических решений, общественном мнении и т. д.

Повседневность формирует особый опыт «мышления в терминах риска» (Э. Гидденс) в кризисном, хаотичном, децентрированном пространстве социума, который сопровождается ощущением утраты базовой социальной онтологии. Само понятие социального приобретает форму своеобразного риторического образа с неопределенной референтной функцией: трудности, о которых размышляют ученые и философы, заключаются в отсутствии объективных критериев для обоснования привычных структурных элементов восприятия наличной действительности, которая скорее уже не мыслится в качестве институциональной размерности, но *испытывается* как «совокупный эффект рассеянной социальности» (Б. Марков)²⁹. Такой, *реифицированный*, характер восприятия социальных действий, направленных на защиту жизненно важных интересов, по сути, нивелирует границы различения в понимании агрессии и безопасности.

Реификация, по П. Бергеру и Т. Лукману, означает «восприятие человеческих феноменов в качестве вещей, т. е. в нечеловеческих и, возможно, в сверхчеловеческих терминах», такой «объективированный мир перестает восприниматься как человеческое предприятие и за ним закрепляется качество нечеловеческой, дегуманизированной и инертной фактичности»³⁰. Ж. Бодрийяр, возможно, назвал бы это системой тотальной симуляции: «агрессия безопасности» – один из симулякров реифицированной культуры безопасности, в символическом обмене которых преодолевается безальтернативность возможностей достижения безопасного существования для всех без исключения. Как «тень, отбрасываемая всей системой господства»³¹, агрессия безопасности предстает индивидуально Иной гиперсобытийностью.

В этом смысле агрессия безопасности не есть реифицированный продукт человеческого мышления (не проявление человеческой агрессивности как неизменного атрибута), но обозначается как «чуждая фактичность» неконтролируемой воли, прежде всего – «воли к знанию и власти»³². Следуя за М. Фуко, можно назвать данный феномен проявлением безличной «биополитики», в основе которой ее так называемая контрфактичность человеческому существованию представляется имманентной современным социальным формам жизни. Если воспользоваться словарем С. Жижека, то «интерпассивность» культуры безопасности компенсируется «интерактивностью» проявления ее агрессивных форм, деперсонализированных, децентрализованных, диссипативных и гиперреалистичных³³.

Ученые давно заметили, что общее «снижение когнитивной сложности в социуме отчетливо прослеживается не только в политических действиях, но также в приемах идеологической и пропагандистской рационализации» (А.П. Назаретян)³⁴. Современные акции по «принуждению к миру» осуществляются в форме превентивных «миротворческих интервенций», которые порождают скорее недоверие и подозрение в «обществе риска» с «нулевым уровнем» (А.М. Пятигорский)³⁵ политической рефлексии, помимо того, что носят откровенно ханжеский характер. Транснациональная и трансторическая трактовка понятия «права человека» стирает социальные границы представлений «свой–чужой», «национальный», «иной», «Другой», что приводит к произволу и нарушению этих самых прав у других народов (чаще неевропейских), сводя принципы гуманизма и морали до обыкновенных репрессий.

В самих же значимых тематических областях выстраивания дискурса современности налицо также реализация скрытого патогенного фактора, который отражается в функционировании современного языка повседневной жизни и проявляется в наиболее повторяющихся ситуациях, требующих социальной включенности либо участия. Возрастание частотности употребления речевых конструкций типа «как бы» и «на самом деле» говорит о том, что в обоих случаях мы имеем дело с определенной «транскрипцией реальности», которая перманентно отчуждается субъектом и в высказывании и в восприятии. В современном «мультикультуральном» мире у таких классических категорий, как «народ», «нация», «человечество» («всецело прозрачное» человечество Ж.-Ф. Лиотара) и т. д., полностью отсутствует соответствующий референт, в результате чего, например «национализм», как отмеча-

ют современные радикальные критики без должного оценочного высказывания о нем как об определенной политической общности, трактуется исключительно в качестве культурного и даже этнического сообщества³⁶.

Феноменологию агрессивной безопасности, таким образом, можно в целом определить как выстраиваемый в микрофизическом пространстве власти символический порядок расширения сферы влияния заинтересованного невмешательства посредством процедуры реификации жизненного мира и закрепления за ним качества дегуманизированной и инертной фактичности. Последняя выражает определенные стороны нового мироустройства в XXI в., которое предопределяет траекторию перехода от общества безопасности к обществу действия «рикошетных» рисков. В.А. Шкуратов приводя перечень данных сторон («терроризм без границ», «новый номадизм» неконтролируемых миграций, кризис государственных и международных институтов поддержания безопасности, виртуализация социального, и т. д.), характеризует в целом настоящую ситуацию такими определениями, как гиперсобытийность, постсовременность и постистория³⁷. Поражает в данной ситуации одно – невозможность четкого определения какой бы то ни было субъектности, «воспроизводящей» данные «постсоциальные» состояния в нынешней «текущей современности» (З. Бауман). Само общество «дистанцировано от самого себя», но не в рефлексии (как об этом критически писал А.Ф. Филиппов в 1999 г., сетуя на кризисное состояние российской теоретической социологии³⁸), а в каком-то «излишнем когнитивном напряжении» бессилия понять себя между сменяющимися состояниями конкурентного потребления «реальной политики» и периодически охватывающим конформистским ступором от производимых социальных инноваций.

Новые контуры современного глобального мира делают, на наш взгляд, невозможным привычное восприятие культуры безопасности как «естественной установки» (А. Шюц) интерсубъективной реальности в нестабильной институциональной размерности социального. Становящаяся реальностью культуры безопасности в новом тысячелетии, некоторые черты которой мы попытались определить в данной работе, позволяет охарактеризовать ее также в категориях «пост» как «постбезопасность», означающим симулякрот которой для нас здесь и выступила так называемая агрессия безопасности.

- ¹ См.: *Бек У.* Общество риска: На пути к другому модерну. М., 2000; *Бернстайн П.* Против Богов: Укрощение риска. М., 2000; *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004; *Бляхер Л.* Нестабильные социальные состояния. М., 2005; *Бауман З.* Текучая современность. СПб., 2008.
- ² Ю. Хабермас называет науку, мораль (этику) и искусство «тремя моментами разума», выкристаллизовавшимися в структуре «институционализированной рациональности» социального познания эпохи модерна, связывая это с Просвещением и появлением кантовской гносеологии. (См.: *Хабермас Ю.* Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005. С. 17.)
- ³ О переходе к так называемой процедурной рациональности понимания «жизненного мира» как практике социального познания в эпоху постмодерна см.: *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2001. Гл. 1. С. 8, 29–30.
- ⁴ См.: *Деш М.* Столкновение вокруг культуры: к оценке роли идей в исследованиях проблем безопасности // Pro et Contra. 1998 Осень Т. 3. № 4. С. 115–148; *Николаев П.А.* Культура как фактор национальной безопасности. М., 2007.
- ⁵ См.: *Пелипенко А.А., Яковенко И.Г.* Культура как система. М., 1998.
- ⁶ См.: *Гречко П.К.* Различия: от терпимости к культуре толерантности. М., 2006.
- ⁷ См.: *Кузнецов В.Н.* Социология безопасности. М., 2007.
- ⁸ *Фетисова Ю.В.* Культура безопасности. Автореф. канд. филос. наук. Омск, 2009. С. 5.
- ⁹ См.: *Ушанова И.А.* Концепт «безопасность» в европейском общественном сознании // Современный кризис системы международной безопасности: вызовы и ответы: сборник научных докладов / Отв. ред. В.В. Грохотова, Б.Н. Ковалев, Е.А. Макарова; НовГУ им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2009. С. 34–43.
- ¹⁰ Термин П. Бергера и Т. Лукмана, означающий социальное «осаждение» и закрепление смысла практик в структуре социального. (См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 113–119.)
- ¹¹ Парадоксы взаимодействий контркультуры и культурного мейнстрима в плане их взаимообратимости и взаимодополнительности блестяще рассмотрены, например, в книге Джозефа Хиза и Эндрю Поттера (*Хиз Д., Поттер Э.* Бунт на продажу: как контркультура создает новую культуру потребления. М., 2007).
- ¹² *Луман Н.* Что такое коммуникация? (Электронный ресурс) URL <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2954>
- ¹³ См., например: *Канто А.С.* От культуры войны к культуре мира. М., 2002; *Кузнецов В.Н.* Указ. соч. С. 106–107.

- ¹⁴ Вячеслав Николаевич Кузнецов, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор, завкафедрой социологии безопасности социологического факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, автор фундаментального труда «Геокультурная энциклопедия: культура развития через культуру безопасности» (М., 2009), констатирует, что применительно к российским реалиям, «несмотря на тотальные масштабы социальных угроз, культура безопасности общества остается на уровне, явно не отвечающем современным реалиям и новым экзогенным и эндогенным вызовам. Основные структурные элементы культуры безопасности имеют низкий уровень когерентности. Это противоречит объективным требованиям дня».
- ¹⁵ *Гречко П.К.* Указ. соч. С. 411.
- ¹⁶ Там же. С. 353.
- ¹⁷ Напомним гарсеновское: «ад – это Другие», звучащее в конце одноактной пьесы Ж.-П. Сартра «За закрытыми дверями».
- ¹⁸ Известно эссе Г. Маркузе «Репрессивная толерантность» (Бостон, 1965), в котором автор ставил диагноз постиндустриальному капиталистическому обществу, исходя из представлений об изначальной репрессивности культуры и анализируя формы освобождения социума от репрессивной «добавочной стоимости», атрибутирующей современное общество. (См.: *Полякова А.Ю.* Альтернатива репрессивной культуре // Учен. записки Таврического нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Философия. Культурология. Политология. Социология». 2010. Т. 23 (62). № 2. С. 106–112.)
- ¹⁹ *Фетисова Ю.В.* Указ. соч. С. 8.
- ²⁰ *Гаспарян Д.Э.* Социальность как негативность. М., 2007. С. 17–18.
- ²¹ Если конфронтационность в отношении врагов вполне очевидна, то «чужие», или «образ чуждого», предполагает в науке о Другом/Чужом (данную молодую науку иногда даже называют «аллологией» либо «ксенологией») их *присвоение* «Собственным», т. е. фактическую трансформацию и даже «уничтожение “Чуждости”» (*Шукуров Р.М.* Введение, или Предварительные замечания о Чуждости в истории // Чужое: опыты преодоления: Очерки из истории культуры средиземноморья. М., 1999. С. 15). В данном смысле мы здесь разводим понятия «Чужой» и «Другой или Иной» как соответствующие разным взглядам на безопасность и небезопасность: безопасность для нас – это во многом модус терпимости и отношение к «чужому» как реализация опоры на ненасилие и компромисс использования различных средств мирного сосуществования; тогда как взаимодействие с Другим и Иным является формой социальной коммуникации, которая не гарантирует стабильности в условиях проявления «агрессии безопасности» и представляет собой то, что Н. Луман называл постоянной угрозой «риска отклонения» в практике коммуникативного действия, подчеркивая при этом, что «поиск согласия» в коммуникации с Иным ничуть не рациональнее поиска с ним «разногласия» (*Луман Н.* Указ. соч.). Подчеркнуто «реифицированный» характер современной культуры

безопасности, о котором будет сказано в статье ниже, как раз и позволяет воспринимать агрессию безопасности как часть социальной, а не психической системы по типу коммуникации, а не социального действия соответствующего Субъекта; и это принципиально в отношении восприятия Иного как «не-Субъекта» агрессии безопасности.

22 См.: *Гаспарян Д.Э.* Указ. соч.

23 *Фетисова Ю.В.* Указ. соч. С. 20.

24 Это отражено, например, в уголовном законодательстве РФ, где имеются три состава преступлений, образующих комплексное понимание «преступлений агрессии»: планирование, подготовка, развязывание агрессивной войны (ч. 1 ст. 353 УК РФ); ведение агрессивной войны (ч. 2 ст. 353 УК РФ); публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ). (См.: *Малахова О.В.* Агрессия как преступление по международному и национальному праву. Ставрополь, 2003. Дис. ... канд. юрид. наук.)

25 См.: *Хегенхан Б., Олсон М.* Теории научения. 6-е изд. М., 2004. С. 15.

26 См.: *Сукиасян С.Г.* Агрессия: социальный или биологический феномен? Ереван, 2002. С. 75.

27 См.: *Шкуратов В.А.* Искусство экономной смерти: Сотворение видеомира. Ростов н/Д., 2006. С. 173.

28 См.: *Марков Б.В.* Понятие политического. М., 2007. С. 32.

29 Там же. С. 61.

30 *Бергер П., Лукман Т.* Указ. соч. С. 147.

31 *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Цит. по: *Шкуратов В.А.* Указ. соч. С. 154.

32 Понятие «продуктивная агрессивность» в качестве проявления цинической дерзости современного мира блестяще описано в известной книге Петера Слотердайка (*Слотердайк П.* Критика цинического разума. М., 2009. С. 181, 192).

33 Деперсонализация власти бюрократией в современной «шизоидной культуре», как у П. Слотердайка (*Слотердайк П.* Указ соч. С. 147–148), либо объяснения бессубъектности насилия и инстанций принятия решений в «текущей современности», как у З. Баумана (*Бауман З.* Указ. соч.).

34 *Назаретян А.П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: Синергетика, психология, футурология. М., 2001. С. 124.

35 *Пятигорский А.* Что такое политическая философия: размышления и соображения: Цикл лекций. М., 2007. С. 36.

36 Показателен в этом смысле скандал конца января 2013 г., связанный с публикациями ксенофобского толка на сервисе микроблогов Twitter во Франции и заявлениями обвиняемых о презумпции на «конфиденциальность и личную жизнь» своих пользователей.

37 См.: *Шкуратов В.А.* Указ. соч. С. 283.

38 См.: *Филиппов А.* Теоретическая социология // Теория общества: Фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М., 1999.

М.А. Гордеева, Н.А. Медушевский

СОЦИАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ЭКСТРАСОЦИАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена рассмотрению феномена социальной толерантности, трактовка которой в современной политологической науке неоднозначна и часто – экстрасоциальна. В данной связи сам термин и его значение требуют уточнения через соотнесение с ключевыми формами социализации индивида, в том числе с политической и правовой культурой. В рамках данного сопоставления социальная толерантность представляется формой общественного консенсуса, основанного на рациональной коллективной воле членов социума. Она обусловлена желанием множества людей сосуществовать и развиваться в мире друг с другом и использовать возникающий синергетический эффект для коллективного развития и прогресса.

Ключевые слова: толерантность, правовая культура, консенсус, политическое проектирование толерантности, обучение толерантности.

Правовая культура – феномен, характерный для общества с момента возникновения права, который неразрывно связан с генезисом самого общества и формированием в нем упорядоченных социальных отношений.

Основой этого процесса является популяризация правовых норм и установление принципа, в соответствии с которым незнание законов не освобождает от ответственности за их нарушение.

Данный принцип в значительной степени представляет попытку общества преодолеть экстрасоциальный (необщественный)

© Гордеева М.А., Медушевский Н.А., 2014

Данная статья подготовлена в рамках исследований, проводимых по «Инновационным научно-исследовательским практико-ориентированным проектам в области социальной толерантности, пропаганды здорового образа жизни, борьбы с наркоманией».

потенциал своего развития и достичь базового уровня социальной стабильности.

Исходя из этого принципа следует, что общество может строить свои отношения на базе правовых норм лишь в том случае, когда каждый его член имеет минимальное представление о содержании существующих правовых норм, что позволит ему осознано им следовать и не нарушать закона.

При этом очевидно, что одного знания закона недостаточно для социального поведения. В качестве ключевого атрибута выступает желание (готовность) индивида подчиняться закону, вследствие восприятия закона как основы социального порядка¹.

Понимание закона и готовность ему подчиняться, образуют правовую культуру². Связь правовой культуры с толерантностью реализуется через правовую форму толерантности, т. е. свойство права, выражающее его нравственное соответствие представлению людей о справедливости и гуманности³.

При этом возможна ситуация, когда правовая культура индивида окажется не ниже, а выше правовой культуры большинства окружающих его людей. В данном случае, как и в ситуации с более низкой правовой культурой, индивид окажется интолерантным в правовом смысле, т. е. он не будет соответствовать морально-нравственному уровню окружающих даже по базовым формальным нормативным характеристикам.

Возможность воспитания правовой культуры в обществе обусловлена всем процессом социализации индивида с момента его рождения и до окончания его жизни⁴.

Задача по воспитанию правовой культуры в данном контексте оказывается связана с влиянием на правильное восприятие индивидом ситуации, которое достигается через пропаганду определенных ценностей права⁵.

Следует отметить, что формируемый таким образом в понимании человека конструкт политической культуры обязательно имеет следствием формирование у человека определенной модели толерантности, которая отнюдь не обязательно является либеральной и основанной на идее индивидуальных прав и свобод.

Наиболее эффективными моделями формирования правовой культуры являются модели, существующие в тоталитарных обществах, так как тоталитарные общества оперируют идеализированными идеологическими конструкциями и сильно ограничивают все возможные формы стороннего влияния⁶.

В свободном обществе модель идеологической передачи правовой культуры также существует, но под влиянием множества

частных идейных позиций политическая культура общества становится менее однородной, а следовательно, повышается уровень социального плюрализма и увеличивается количество «частных» трактовок термина «толерантность».

Однородность политической культуры обусловлена соотношением трех ее уровней: общественного, группового и индивидуального.

Каждый из уровней соотносится с определенной социальной ролью гражданина. В ситуации, когда правовой элемент данных социальных ролей оказывается сопоставим с идеей правовой культуры, становится возможно говорить о высоком уровне правовой культуры и о наличии у общества правового сознания.

Деградация правовой культуры всегда начинается с личного уровня и укрепляется после перехода на групповой уровень. С этим феноменом связаны такие явления, как криминализация, организованная преступность, коррупция и др.⁷

При усугублении данных явлений и поражении ими всего общества наступает кризис правовой культуры.

Несмотря на то что применительно к идее толерантности правовая культура в определенном смысле может считаться индикатором, в повседневной жизни она имеет несколько функций, влияющих на форму толерантности в обществе⁸.

Наиболее влиятельной является познавательная функция. Она раскрывается через познание индивидом правовой реальности и приводит к формированию у него стремления усовершенствовать неидеальный мир, добиться большей справедливости в различных сферах жизни.

Познавательная функция правовой культуры может быть связана с другой – ценностной – функцией, в соответствии с которой человек, обладающий правовой культурой, способен понять ценность явлений и вещей, которые защищает право, а также ценность самой правовой системы как ключевого элемента организации общества.

Описанные функции правовой культуры находят свою интерпретацию в функции регулирования права, в соответствии с которой, социум с развитой правовой культурой поощряет развитие права во всех его проявлениях, выступает за преодоление правового вакуума, упрочение морально-этической основы права и интеграцию в правовые формы идеи толерантности в ее общесоциальном понимании.

Итоговой функцией правовой культуры, можно считать прогностическую функцию или функцию форсайта, которая на основании современного уровня развития правовой культуры позво-

ляет судить о ее дальнейшей трансформации и, соответственно, о влиянии или отсутствии влияния на данную трансформацию идеи толерантности.

Вследствие того что человек является единственным носителем правовой культуры, именно с личностью оказываются связаны и ключевые элементы генезиса правовой культуры⁹.

К их числу можно отнести получение правовой информации, формирование на основе полученной информации определенных убеждений и совершение действий на основании сформированных убеждений.

Если личность существует сепаратно и не подвержена влиянию общества и отдельных групп, то она практически не имеет шансов выработать собственное правовое представление или обрести относительно социальное понимание толерантности как нормы поведения. И право и толерантность в данном случае будут толковаться субъективно, в меру индивидуального понимания среды, присущего данной конкретной изолированной личности¹⁰.

Важным атрибутом, которым наделяет индивида правовая культура – это модель социализации¹¹.

В данном контексте особую актуальность получают такие качества, как правосознание и правовая активность, которые позволяют человеку, находясь в правовом поле, эффективно отстаивать индивидуальные и коллективные социальные права и участвовать в формировании социально здорового общества, в котором минимизируются криминальные элементы и интолерантность в ее наиболее агрессивных проявлениях¹².

В условиях глобализации стабильность, основанная на правовой культуре, начала активно подвергаться испытаниям, связанным с миграцией, экономической стагнацией и некоторыми иными факторами. В подобных условиях одной правовой культуры оказывается недостаточно, так как она слишком консервативна и все текущие изменения приводят к ее кризису и деградации идеи толерантности. К примеру, активизируются националисты, призывающие относиться более толерантно к своим гражданам и обеспечить данный приоритет на законодательном уровне.

В таких кризисных условиях толерантность, как и идеи порядка, законности, нравственности, все больше оказывается зависима от политики и наличия у общества определенного типа политической культуры¹³.

Политическая культура выступает вторым важным элементом формирования толерантности и толерантного поведения в современном обществе.

Фактическое значение данного термина раскрывается как культура политического участия¹⁴ и формируемая через участие – культура диалога в политической и околополитической сферах.

В отличие от правовой культуры в обществе возможна и часто встречается ситуация, когда культура политического участия отсутствует, а человек воспринимает себя как объект, находящийся под политическим влиянием ведущих акторов процесса управления. Подобная ситуация часто встречается в консервативных монархических режимах.

Несмотря на допустимость ситуации с отсутствием политической культуры, важно также отметить, что политическая культура может в таких обществах развиваться в своем негативном выражении – в форме культуры протеста, основанной на неудовлетворенности населения политическими мерами и их прикладным выражением.

В данном случае происходит наложение политического недовольства и идеи справедливости, составляющей основу правовой культуры.

Момент описанного наложения становится отправной точкой развития социально-политического аспекта толерантности, высшей формой которого выступает эффективная демократическая модель, в которой интересы всех групп общества представлены в политике, а на политической арене ведется постоянная дискуссия, единственной целью которой является повышение качества жизни всего общества и достижение социального компромисса.

Толерантность в данном обществе занимает одно из ключевых мест, так как именно на ее основании происходит достижение компромиссных и консенсусных решений.

Условием эффективности функционирования системы политического волеизъявления в контексте различных форм политического участия и общественной деятельности (даже на уровне локального сообщества) становится высокий уровень политической культуры и политической грамотности как ее составляющей, позволяющий гражданам понять свое место в процессе и определить свои возможности для участия в социальной и экономической сферах.

В противном случае даже самая эффективная система политического участия сформирует социально-экономическую модель, не соответствующую реальным потребностям граждан или не обладающую необходимой совокупностью ресурсов для самовоспроизводства в долгосрочной временной перспективе¹⁵.

Таким образом, в рамках конструирования нового типа политической культуры необходим поиск ценностей универсального

типа, в качестве которых при должном уровне инструментализации можно использовать идеи социальной толерантности, что позволило бы создать на их основе комплексные социальные практики.

Трансляция установок толерантного поведения в политическое поведение зависит от набора факторов, главным из которых является рациональный выбор гражданина, так как политическое участие даже в своей самой простой форме (участие в выборах как избиратель) определяется реализацией ряда прагматических мотивов и выбором определенных путей решения задачи, связанных с ситуативным анализом затратности выбранного варианта и возможностей достижения поставленных целей в будущем.

Одной из ключевых задач для включения модели толерантного поведения в современные схемы построения политической культуры становится выявление спектра факторов, которые стимулируют влияние идей толерантности на политику, и тех факторов, которые препятствуют формированию толерантного поведения. Среди факторов, усиливающих влияние идей толерантности на политику, необходимо назвать, во-первых, степень гомогенности общественного мнения и интенсивность общественного влияния на политиков, во-вторых, структуру общественного мнения элит, систему коммуникаций между элитами и обществом, коммуникативные стратегии политиков (скорость их реагирования и т. п.), а также структуру политического процесса и политических институтов общества.

Анализируя спектр факторов, отрицательно влияющих на уровень реализации принципов толерантного поведения в политике, необходимо отметить, что наибольшая опасность свободе и политическому поведению на основе принципов толерантности проистекает не от правительств и государственных институтов, а от индивидуальных установок самих граждан¹⁶.

Среди исследований, посвященных политической культуре, не сложилось единого подхода к интерпретации механизмов формирования норм толерантного поведения в обществе, и ряд исследователей полагают, что может существовать значительный разрыв между абстрактными нормами и реальными практиками. В качестве объяснения этому служит предположение о том, что ценности политической элиты переходят в политическую культуру общества, в то время как ценности и нормы массового политического поведения могут значительно с ней расходиться. Скорее всего, реальные практики влияют на ценности больше, чем нормы, существующие в общественном дискурсе на абстрактно политическом уровне.

Таким образом возникает разрыв между абстрактным уровнем понимания норм толерантного поведения и поведением индивида в конкретной ситуации.

Широкое изучение политической толерантности в массовом контексте началось с работы Самуэля Стоуфера¹⁷, опубликованной в 1963 г. и написанной на основе ряда его исследований, посвященных выявлению отношения американцев к левым социальным группам, таким как коммунисты, социалисты и, как ни странно, атеисты. То, что он выявил, было связано с существующими категориями разной степени принятия «другого» в зависимости от тех ситуаций, в которых оказываются респонденты.

Отношение к этим группам на абстрактном уровне, например, было намного лучше, чем если респонденту была предоставлена конкретная ситуация – например: хотите ли вы принять такого человека к себе на работу или дать ему возможность читать лекции на университетском уровне.

В дальнейшем эта работа была продолжена исследователями К. Наном, Г. Крокетом и Дж. Уильямсом¹⁸, а также Дж. Салливаном, Дж. Пирсоном и Дж. Маркусом¹⁹.

Все они показали, что отношение к информации, с которой человек не согласен, меняется в зависимости от конкретной ситуации и роли, которую он сам играет в определенный момент. Во многом ситуативная склонность респондента к проявлению толерантного отношения определяется наличием угрозы от другого человека или группы.

Теоретическую или абстрактную толерантность П. Снайдерман называл «прототипом толерантности», во многом задающим параметры реального уровня толерантности в обществе и непосредственно связанным с ценностями, характерными для конкретного общества. Ряд таких убеждений укладывается также в схемы «принципиальной» толерантности²⁰, которые можно использовать в качестве основы для конструирования позитивного отношения граждан к различным социальным явлениям.

Политическое проектирование толерантности в обществе может также осуществляться по линии выстраивания большей взаимосвязанности отдельных установок и расширения списка тех принципов, которые не подвергаются сомнению у подавляющего большинства граждан.

Работа по проектированию толерантности требует прежде всего работы с компонентами интолерантного поведения: страхами, неприязнью к целому ряду групп и ощущением угрозы²¹. Более того, результаты исследований показывают: чем более персонали-

зирована информация, тем ниже уровень толерантности. Если в ситуацию оказываются вовлеченными члены собственных семей, родственники или даже друзья, то уровень толерантности снижается еще больше.

Политическое проектирование на основе принципов социальной толерантности требует работы со следующими факторами, влияющими на уровень толерантности: комплекс социальных факторов, комплекс политических факторов, проявляющихся в поддержке общих демократических ценностей, и комплекс психологических факторов.

С точки зрения социальных факторов – одним из основных является образование граждан. Чем выше уровень образования, тем более гибко человек смотрит на мир вокруг себя и имеет достаточно широкие представления о социальном и политическом разнообразии, подкрепленные представлениями о необходимости дискуссии в случае расхождения мнений. Более того, образование способствует снижению уровня воспринимаемой угрозы, исходящей от окружающего мира. Дополнительными факторами, усиливающими влияние образования²², в данной связи становятся хорошо развитые навыки коммуникации, достаточно широкие возможности профессиональной занятости и хорошего дохода.

С уровнем образования напрямую связан ряд факторов политического порядка: через образование во многом задается тип политической идеологии, которой привержен человек, а также уровень его догматизма, умение распознавать манипуляции и понимание общих демократических ценностей и основных механизмов политического процесса, включая социальные и политические нормы различного характера.

Более высокий социальный статус, достижимый во многом за счет образования, также способствует более высокому уровню толерантности и оказывает воздействие, сходное с образовательным.

На уровень толерантности влияет и фактор религиозности, а точнее ее отсутствия, прямо пропорционально увеличивающий толерантное отношение. Однако в данном случае эта переменная взаимосвязана с возрастной категорией, потому что по мере увеличения возраста усиливаются консервативность мышления и общая ригидность в восприятии информации.

Наконец, уровень толерантности предопределяется рядом психологических факторов. В их числе первое место занимает уровень самооценки человека: чем выше самооценка, тем больше вариантов видит индивид, и наоборот, чем ниже – тем больше человек для себя отрицает.

Следующим по значимости фактором является уровень доверия как на социальном, так и на индивидуальном уровнях. В данном случае также прослеживается прямая корреляция: чем ниже уровень доверия, тем ниже уровень толерантности.

Все эти факторы в целом отражают уровень психологической безопасности человека, который результируется уровнем политической толерантности человека.

Таким образом, политическая толерантность складывается из нескольких групп факторов: во-первых, самого высокого уровня, уровня общедемократических ценностей и норм и воспринимаемой угрозы, во-вторых, более конкретных механизмов, связанных с обеспечением психологической безопасности и консерватизма мышления, и в-третьих, более субъективных факторов, таких как образование, социальный статус, уровень религиозности и возраст человека.

Социальные переменные имеют определенное воздействие на восприятие общих демократических ценностей и уровень политической толерантности. Их влияние является непрямым и проявляется только через более емкие категории, такие как политическая идеология и личные качества гражданина.

Личные качества человека имеют большое влияние на уровень толерантности и находят выражение в формировании приверженности к общедемократическим ценностям и ценностям политической толерантности. На этом уровне происходит синтез когнитивных способностей человека к постижению политических норм собственного сообщества²³ и способностей самого человека к эмоциональным реакциям²⁴.

Общие политические нормы преломляются через призму индивидуальности и национальных норм. Толерантное отношение к разнообразию возникает во многом как результат некоего политического мышления, а не является частью демократических ценностей общего порядка, что предопределяет необходимость включения механизмов политического и социального проектирования новых принципов управления современным сообществом, основанном на разнообразии и отличающемся сложной структурой политических и социальных коммуникаций.

Сама современная политика крайне контекстуальна, она инкорпорирует не только формальные атрибуты, но и ценности и отношения, конкретные факты и обстоятельства.

Важным в процессе политического проектирования является определение взаимосвязи политического пространства с ценностями и отношениями между гражданами, и, что даже более

важно, с существующими конфликтами. Таким образом, модель политической толерантности может быть только делиберативной, а определение подлинного уровня толерантности связано с разработкой нового отношения к человеку – не как к носителю определенного комплекса взглядов и убеждений, а как к существу, постоянно преодолевающему экстрасоциальную составляющую, реагирующему на внешние обстоятельства и их постоянно меняющийся набор.

Примечания

- ¹ См.: *Еникеев М.И.* Психология коммуникативной деятельности следователя // Юридическая психология. 2009. № 4. С. 3–7.
- ² См.: *Гуляихин В.Н.* Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки // Вопросы права и политики. 2013. № 4. С. 135–158.
- ³ Определение сформулировано в ретроспективе концепции И.А. Ильина, представленной в работе: *Ильин И.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Философия права: Нравственная философия. М.: Медиум, 1993.
- ⁴ См.: *Гордеева М.А., Медушевский Н.А., Пичугина О.А.* Реализация социальной миссии университета через партнерство с международными организациями // Научное обозрение. 2013. № 1.
- ⁵ См.: *Попандопуло О.А.* Роль правовой социализации в процессе становления персональной идентичности // Право и образование. 2012. № 10. С. 170–176.
- ⁶ См.: *Мартышин О.В.* О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10.
- ⁷ См.: Уголовное право России: Части Общая и Особенная / Под ред. А.И. Рарога. М., 2004. С. 34.
- ⁸ См.: Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2001.
- ⁹ См.: *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1.
- ¹⁰ См.: *Шалин В.В., Альбов А.П.* Право и толерантность: либеральная традиция в эпоху глобализации. 2-е изд., перераб. и доп. Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005.
- ¹¹ См.: *Gong G. W.* The Standard of “Civilization” in International Society. Oxford, 1984.
- ¹² *Толстых В.И.* Этнос глобального мира // Этика: новые и старые проблемы: К 60-летию А.А. Гуссейнова. М.: Гардарики, 1999. С. 224–245. С. 226.
- ¹³ См.: *Шалин В.В., Альбов А.П.* Указ. соч.

- ¹⁴ См.: Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Политические исследования. 1992. № 4.
- ¹⁵ См.: Асмолов А.Г. Толерантность: различные парадигмы анализа // Толерантность в общественном сознании России. М., 1998.
- ¹⁶ См.: McClosky H., Brill A. Dimensions of Tolerance: What Americans Believe About Civil Liberties. N.Y.: Russell Sage Foundation, 1983. P. 14–15.
- ¹⁷ См.: Stouffer S.A. Communism, Conformity, and Civil Liberties. Gloucester, MA: Peter Smith, 1963.
- ¹⁸ См.: Nunn C.Z., Crockett H.J., Williams J.A. Tolerance for Nonconformity. San Francisco: Jossey-Bass, 1978.
- ¹⁹ См.: Sullivan, J.L., Piereson Marcus G.E. Political Tolerance and American Democracy. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982.
- ²⁰ См.: Sniderman, P.M., Tetlock P.E., Glaser J.M., Green D.Ph., Hout M. Principled Tolerance and the American Mass Public // British Journal of Political Science. 1989. № 19. P. 25.
- ²¹ См.: Sullivan, J.L., Piereson Marcus G.E. Op. cit. P. 49.
- ²² См.: Медушевский Н.А. Университет на перекрестке развития: толерантность и третья роль вузов // XIV Международная научно-практическая конференция «Социально-гуманитарные и юридические науки: современные тренды в изменяющемся мире» (12 августа 2013 г.). Краснодар, 2013. С. 13–15.
- ²³ См.: Sniderman P. Personality and Democratic Politics. Berkeley: Univ. of California Press, 1975. P. 72.
- ²⁴ См.: Knutson J. The Human Basis of the Polity. Chicago: Aldine-Atherton, 1972. P. 39.

Н.В. Шатина

«ОФИЦИАЛЬНАЯ НАРОДНОСТЬ» XXI ВЕКА:
СТАРЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО
СОЗНАНИЯ «НОВЫХ» РОССИЯН

В статье исследуются манипулятивные механизмы и способы, используемые политической властью для формирования политического сознания современных россиян. В качестве основного механизма формирования политического сознания выделены и проанализированы ключевые для России идеологемы, прослежена их историческая трансформация.

Ключевые слова: Россия, политическая власть, политическое сознание, политические ценности, идеологемы, легитимация.

«Россия... еще хранит в своей груди убеждения религиозные, убеждения политические, убеждения нравственные – единственный залог ее блаженства, останки своей народности, драгоценные и последние останки своей политической будущности. Дело правительства – собрать их в одно целое, составить из них тот якорь, который позволит России выдержать бурю».

*Из письма графа С.С. Уварова Николаю I,
март 1832 г.*

Явления окружающей человека реальности фиксируются в речевых конструкциях. При этом удачные определения и слова, выражающие важные для определенных групп общества контексты и ассоциации, не просто влияют на восприятие реальности и формирование сознания, но и активно воздействуют на эту реальность. В области политики и политического подобные яв-

ния способны привести к важным последствиям (легитимация/делегитимация; сакрализация/десакрализация власти, политического актора, события и др.). Совершенно не случайным оказывается внимание политических лидеров и их оппонентов к терминам, используемым в публичной коммуникации.

Особую актуальность данной проблеме придает специфика ситуации начала XXI в., отмеченного утратой доверия граждан к массовым идеологиям прошлого. Примечательно, что это характерно не только для посткоммунистических стран, проигравших Западу холодную войну, но и для развитых западных демократий (хотя, может быть, и в меньшей степени). Одним из первых на новое «общественное состояние» обратил внимание американский советолог Стивен Коэн в небольшой статье «Изучение России без России», написанной после распада СССР. Иронизируя над вечным стремлением России и ее граждан к признанию величия собственной страны (проистекающем еще из доктрины XVI в. о Москве как третьем Риме), он отмечал, что Россия, безусловно, остается страной великой, так как только великая страна меньше чем за столетие смогла разрушить две великие идеи – и коммунизм, и демократию¹.

Действительно, западная демократия, оставшись без серьезного «врага» в лице коммунистической системы, лишилась многих привлекательных черт, обнаруживая значительные недостатки и изъяны. Негативно повлиял на образ западной демократии и переход к активной внешней экспансии собственных ценностей (в том числе вооруженной). Попытки распространения западных ценностей вкупе с провалом демократических реформ во многих посткоммунистических странах вызывали нарастание негативного отношения к демократии, связанные еще и с тем, что, получив демократические свободы, граждане этих стран не получили западного качества жизни. Напротив, уровень жизни большинства граждан существенно снизился, а ответственность за собственную жизнь и развитие карьеры не сформировалась. Даже адепт «всемирной победы демократии» Ф. Фукуяма вынужден был признать, что провозглашенный им «конец истории», связанный с всемирным переходом к демократии, так и не наступил².

Ответом стран «третьего мира» на экспансию западной демократии стал рост религиозного фундаментализма и отступление светских ценностей и принципов функционирования государств. Последний факт наглядно продемонстрировал и рост терроризма, и события «арабской весны», и продолжающиеся вооруженные конфликты в Египте, Сирии, Ливии и др.

Обозначенные процессы не в меньшей, а, может быть, и в большей степени проявились и в России. Совершенно не случайным в данном контексте становится поиск новых возможных общественных скреп, позволяющих консолидировать граждан. Такая консолидация весьма востребована политической элитой страны, стремящейся к сохранению и укреплению собственной власти.

В этих условиях основное внимание было перенесено на создание символических смыслов, задаваемых лингвистическими конструкциями. Используемые в публичной коммуникации (политических лидеров, их оппонентов) лингвистические конструкции, тиражируемые СМК, становятся устойчивыми идеологемами, замещающими (заполняющими) идеологический вакуум.

Идеологема – это явление не только современной действительности. Они существовали и в доидеологическую эпоху, и в эпоху обществ модерна, и в период расцвета массовых идеологий (XX в.). Однако именно в период, когда массовые идеологии либо еще не сформировались, либо потеряли свою привлекательность, они оказываются одним из основных механизмов консолидации общества и общественных групп.

Язык политики и политического, в том числе идеологема, – одна из значимых научных проблем, интересующих исследователей разных предметных областей (лингвистика, филология, история, культурология, социология, коммуникатология, психология и др.). Естественно, что и для политической науки данная тема также является одной из приоритетных.

Большинство исследователей в определении идеологема отталкиваются от смыслового лексического конструкта данного термина, понимая под идеологемой объективно существующие формы идеологии³, слово или устойчивое словосочетание, «непосредственно связанное с идеологическим денотатом», «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму»⁴, «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический»⁵.

Достаточно интересной и современной представляется концепция Н.И. Клушиной, определяющей идеологему как «единицу коммуникативной стилистики», «основную авторскую идею, имеющую политическое, экономическое или социальное значение, ради которой создается текст»⁶. Такое понимание включает идеологему в общий контекст формирования и бытования социальной реальности, а сам публичный «текст», насыщенный идеологемами, позволяет рассматривать как инструмент воздействия на эту реальность.

В русле данного понимания Е.Г. Малышева определяет идеологему как «единицу когнитивного уровня – особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах»⁷.

Некоторые авторы придерживаются крайне расширительной трактовки термина «идеологема». Так, например, Г.Ч. Гусейнов же включает в число идеологем не только слова и словосочетания, но и идеологемы-буквы, идеологемы-падежные окончания, идеологемы-имена, идеологемы-цитаты, географические карты, портреты и др.⁸

Для исследования феномена идеологем целесообразно выделить их наиболее значимые характеристики. С точки зрения изучаемой проблемы (способов влияния идеологем на формирование политического сознания) к числу наиболее важных характеристик можно отнести:

- актуальность идеологем в конкретные исторические моменты и в конкретных типах дискурсов;
- содержание идеологем, способы и характер концептуализации смыслов (прагматика смыслов);
- коммуникативные характеристики идеологем (каналы трансляции, субъекты [акторы] коммуникации, целевые аудитории, специфика их понимания и восприятия и др.).

Актуальность идеологем, в соответствии с определением данного феномена, выражается в наличии конкретного запроса политических акторов и общества на выражение определенных смыслов. Естественно, что немаловажным является и то, в каком из типов дискурсов употребляются идеологемы. В зависимости от типа дискурса (сферы *употребления*) можно выделить идеологемы, понимаемые однозначно (*универсальные идеологемы – спорт, отечество, гимн*) и понимаемые по-разному в зависимости от политических взглядов, образования и др. (идеологемы «*народ*», «*свобода*» и т. п.).

Одной из важных характеристик идеологем является их содержательное наполнение и способы концептуализации задаваемых ими смыслов. И.А. Стернин и З.Д. Попова, понимая под идеологемами определенные концепты, исходя из их содержательной характеристики, выделяют *идеологемы-понятия*, состоящие «из наиболее общих, существенных признаков предмета или явле-

ния (народ, флаг, гимн, демократия); *идеологемы-фреймы* как мыслимый в целостности его составных частей многокомпонентный концепт (*олимпиада, спорт, съезд, Государственная дума*); идеологему-гештальт как «объемное представление, некоторую совокупность стандартных знаний о предмете или явлении, ...комплексную, целостную функциональную мыслительную структуру, упорядочивающую многообразие отдельных явлений в сознании (*свобода, равенство*), и *идеологемы-архетипы* (*Ленин, Сталин, Брежнев, Горбачев, Ельцин, Путин и др.*)»⁹.

По нашему мнению, к числу не менее значимых в рамках содержательной характеристики можно отнести и идеологемы-события. Речь идет о современных событиях (пережитых народом в форме определенного личного опыта) и событиях исторических (воспринимаемых и оцениваемых на основе вторичных оценок в публичных дискурсах). Совершенно не случайной в современной России оказывается разгоревшаяся дискуссия о том, какую историю должны изучать школьники (речь идет о введении единого учебника истории).

В рамках содержательной характеристики некоторые авторы выделяют социальные и личностные идеологемы. Так, например, Н.И. Клушина считает, что личностные идеологемы складываются вокруг руководителя государства, героев/антигероев своего времени. Подобные идеологемы, по ее мнению, укореняются в массовом сознании с помощью стереотипов, тиражируемых СМИ («вождь мирового пролетариата» [Ленин], «гениальный вождь и учитель» [Сталин], «генеральный конструктор» [Хрущев], «верный ленинец» [Брежнев], «архитектор перестройки» [Горбачев], «царь Борис» [Ельцин] и др.)¹⁰.

В рамках смысловых характеристик исследователи выделяют *идеологемы с положительным аксиологическим модусом* (*родина, флаг, отечество*); *идеологемы с отрицательным аксиологическим модусом* (*террор, фашизм*); *идеологемы со смешанным аксиологическим модусом* (*патриотизм, президент, воля, демократия, народ*).

В современном информационном обществе, в котором коммуникация является фундаментом базовых социальных процессов, весьма значимыми оказываются коммуникативные признаки (критерии) идеологем. Среди наиболее важных, на наш взгляд, оказываются следующие признаки:

- субъект коммуникации (вносящий, тиражирующий идеологему);
- адресант (целевые аудитории, к которым обращена идеологема);

- содержательный, оценочный, онтологический и другие смыслы, заложенные в идеологему (в текстовом и визуальном формате);
- канал коммуникации (канал, транслирующий идеологему);
- коммуникативный «контекст» и «подтекст» (коммуникативная ситуация, дискурсивные характеристики).

Основная часть отечественных исследований идеологем посвящена тоталитарному дискурсу советской эпохи¹¹. Одним из наиболее серьезных исследований в области деконструкции основных политических терминов постсталинской эпохи является монография Д.М. Фельдмана. Особенно важным для нас является его вывод о том, что «маркированные политические термины» часто сами по себе являются носителями определенных идеологических представлений, а целенаправленное использование терминов-идеологем было и остается средством управления массовым сознанием, средством эффективных манипуляций¹².

В значительно меньшей степени исследованы идеологемы постсоветской России. Только в последние годы исследователи (и прежде всего лингвисты) обратили внимание на возникновение новых идеологем, таких как *толерантность*, *правовое государство*, *стабилизация*, *национальное самосознание*, *национальный проект* и др.¹³ При этом наиболее востребованными для акторов политической власти оказываются идеологемы, с помощью которых возможны консолидация общества, усиление легитимности власти. И современная российская власть целенаправленно или ситуативно возвращается к использованию идеологем прошлого, апеллирующих к онтологическим основаниям и ценностям российской политической культуры.

В иерархии этих ценностей на первом месте оказываются идеологемы «православие», «власть», «держава», «государство», «народ» («народность») «патриотизм». Данная смысловая цепочка позволяет предположить, что для формирования политического сознания россиян кремлевские идеологи апеллируют к тем же ценностям, что и граф С.С. Уваров, предложивший, как оказывается, весьма устойчивую для России триаду «официальной народности» («православие, самодержавие, народность»)¹⁴.

Исследователи уваровской доктрины отмечают, что он продолжил традицию XVIII века «с его утилитарной легитимацией самодержавия как института, создавшего и сохранившего российское государство». Интересно, что Уваров никогда не говорил о сакральной природе монархической власти: самодержавие было для него «необходимым условием существования Империи». Так же вполне утилитарно он интерпретировал и православие – «не в терминах

божественного откровения, но как «залог счастья общественного и семейного». Русскую нацию Уваров определял «не как этнос, но как сообщество, объединенное свойством безграничной преданности своим властителям, что и отличало русских от западных народов, развращенных философией Просвещения»¹⁵. В целом доктрина официальной народности сохраняла и усиливала петровское отождествление императора и государства. И в этом смысле она оказалась востребована не только в эпоху консервативных царствований (Николая I, Александра III и Николая II), но и в эпоху либеральных реформ Александра II. Более того, идеологический вакуум начала XXI в. и отсутствие общественных скреп привели к тому, что «официальная народность» оказалась необходимой и современной российской политической элите.

Одной из первых «новых»/«старых» идеологом, активно продвигавшихся в постсоветской России, стала первая составляющая уваровской триады – идеологема «православие». Эта идеологема (и производные от нее) активно продвигалась политической элитой уже в середине 1990-х гг. При этом наряду с собственно текстовыми высказываниями политических лидеров о роли и значении православия активно использовались медиаканалы, транслировавшие картинки, демонстрирующие «воцерковленность» политической элиты (президент, премьер, крупные чиновники на праздничных службах в храмах); поддержку иерархами православной церкви политических лидеров и чиновников (так, например, на церемонии передачи полномочий президента В.В. Путину присутствовали не официальные лица, которым это полагалось по должности, а Патриарх Московский и всея Руси). Идеологема «православия» закреплялась и правовыми инициативами, и повседневными практиками (введение православных праздников в качестве официальных выходных дней в календаре, продвижение ценностей православия, возврат церкви ее имущества, попытки введения курса православной культуры в средней школе, освящение официальных зданий, детских садов, школ и даже запускаемых в космос ракет и др.).

Показательным, на наш взгляд, стало принятие в 2013 г. федерального закона «О защите чувств верующих»¹⁶ как раз после инцидента в Храме Христа Спасителя. Несмотря на то что закон провозглашает «защиту чувств» верующих любых конфессий, в первую очередь он направлен на защиту православных граждан.

В целом идеологема «православие» и ее продвижение хотя и привели к определенному росту православного самосознания россиян, но не смогли стать универсальным основанием консолидации. Это связано с рядом факторов. Во-первых, часть граждан,

воспитанных на ценностях атеизма, не смогли принять ценности религиозные. Во-вторых, сам характер «продвижения» православных ценностей «сверху» (от власти) также вызывал протест у части общества (в первую очередь у граждан, настроенных критически по отношению к любым инициативам власти).

Достаточно агрессивно в отношении возврата культового имущества действовала РПЦ, поддержанная политической элитой. В ряде случаев такой подход давал противоположные ожидаемым результаты. Возвращение земель, храмов и другого имущества церкви, до этого использовавшегося учреждениями образования, культуры, для проживания граждан (Соловецкие острова, Валаам и др.), вызвали резкие протесты и работали скорее на раскол общества, чем на его консолидацию. Тем не менее идеологема «православие» сохраняет центральное место в риторике политической элиты.

Об актуальности идеологема «православия» свидетельствует речь Путина на праздновании 1025-летия Крещения Руси (июль 2013 г., Киев) о том, что «именно православие дало Руси мощный импульс к развитию, подъему культуры, образования и просвещения. Оно пробуждало колоссальные творческие силы и устремления, вдохновляло на свершения и поддерживало в испытаниях. И всегда со своим народом была Русская Православная Церковь. Сегодня она вновь несет свое ответственное служение, помогает миллионам людей обрести веру в добро, милосердие, непреложные истины христианского учения. Ее многогранные труды, постоянное попечение о нравственном оздоровлении и утверждении традиционных ценностей, ответственная позиция по многим актуальным, острым вопросам современности имеют важное значение для России. А неустанный пастырский подвиг служит единению людей»¹⁷. Это подтверждает и комментарий политолога В. Цибулько *Gazete.ua*: «Этот визит на празднование 1025-летия Крещения Руси укладывается в определенную имперскую парадигму, которую Путин постоянно демонстрирует, всячески поддерживает: расширение, возвращение территорий, сращивание земель... Фактически Путин приезжает подтвердить наблюдения российских политологов о том, что в свое время формула о «самодержавие и православии» стала доктриной сегодняшней России»¹⁸.

Еще один пласт современных идеологем также вполне соотносится с такой идеологемой теории «официальной народности», как «самодержавие». Естественно, что в современном контексте идеологема «самодержавие» трансформировалась в ряд идеологем, отражающих преимущественную роль государства и его институтов. К числу идеологем этого спектра относятся идеологема «сильное

государство» («сильная власть», «вертикаль власти»), «Держава», «Отечество», «ФСБ».

К этой же группе можно отнести и личностную идеологему «Путин», которая в современном контексте придает «обезличенным» идеологемам «самодержавный» смысл. Уже в 2007 г., ближе к окончанию второго президентского срока Путина, кремлевские политтехнологи начали активную трансформацию идеологемы «Путин» из «просто президента» в «национального лидера», что наглядно свидетельствует об идеологическом содержании нового концепта. В размещенном на сайте «Единой России» «Пакте гражданского единства» было предложено «оформить институт национального лидера как базовый элемент новой конфигурации власти в стране». По мнению авторов «Пакта», официальное введение позиции «национального лидера» отвечало «нарастающему массовому движению граждан во всех регионах страны с требованием сохранить В.В. Путина как национального лидера России»¹⁹. Эта идея была поддержана многими единороссами. В частности Б. Грызлов отметил, что «мы обязаны по результатам выборов сохранить за Владимиром Владимировичем Путиным статус национального лидера»²⁰. Таким образом, идея кремлевских политтехнологов заключалась в придании Путину статуса «псевдоцаря» и закреплении в массовом сознании новой идеологемы «национальный лидер». И хотя сам проект реализован не был, новая идеологема не только активно продвигалась, но и обросла «зонтичными» идеологемами («план Путина», «национальные проекты», «послания национального лидера» и др.).

Актуальность этих идеологем сохраняется и на этапе третьего срока президентства В.В. Путина. Как отмечают аналитики, «у третьего путинского срока нет пока идеологов и внятной идеологии. И только Путин, как сам себе сверхидея, идет по выжженной земле. Идея третьего срока Путина... только сам Путин, единственный»²¹.

Наиболее сложным и наименее проясненным звеном уваровской триады была идеологема «народность». Сложность состояла (да и сегодня состоит) в весьма разнообразном понимании и трактовках терминов «народ» и «народность». К народу апеллировали все политические силы (от консерваторов и либералов и до радикалов), вкладывая в это понятие свое содержание. Однако сегодня, как и в XIX в., для российской политической элиты наиболее важным смыслом идеологемы «народность» оказывается демонстрация единения власти и народа. Это «единение» достигается как через продвижение идеологем социального содержания, отвечающих

«чаяниям народа» («стабильность», «качество жизни», «модернизация», «нанотехнологии» и др.), так и через идеологемы-события («прямые линии» президента) и идеологемы-проекты («Объединенный народный фронт» во главе с В.В. Путиным, портал «Общественная инициатива» для размещения предложений «народных» законопроектов и др.).

Наиболее показателен, на наш взгляд, пример ОНФ. Объявляя о создании Народного фронта Путин сказал: «По сути, предлагаю создать то, что в политической практике называется широким народным фронтом – такая форма объединения усилий различных политических сил в преддверии крупных событий политического характера применялась и применяется до сих пор в разных странах в разное время и разными политическими силами – и левыми, и то, что у нас называется праволиберальными, националистическими, патриотическими»²². Таким образом, Путин, возглавив ОНФ, подтверждает статус национального лидера, президента «всех россиян», а сам ОНФ становится третьей частью триады новой «официальной народности».

В целом можно отметить, что первое десятилетие XXI в. продемонстрировало, что новый вектор идеологического проектирования сместился в сторону консервативного охранительства, основными задачами которого стали легитимация и консервация «путинской вертикали». Политическая элита, стремящаяся сохранить свое господствующее место в системе, нуждалась в концептуально-идеологическом подкреплении и обосновании реальных политических процессов по укреплению роли государства в общественной жизни. И хотя официальная идеология не была закреплена в рамках идеологии партии власти, универсальное ценностное ядро формирования политического сознания россиян было закреплено в рамках идеологием официального дискурса, таких как «православие» («духовность»), «сильное государство» («державность», «патриотизм», «вертикаль власти»), «национальные интересы» («национальный лидер»), «социальное государство» («блага народа», «модернизация», специфическая российская модель демократии»²³. Набор идеологием, транслируемых политической элитой как в текстовых, так и в визуально-деятельностных форматах публичной коммуникации, свидетельствует о возврате национальной идеи в русло охранительной доктрины «официальной народности».

Однако, на наш взгляд, такой «перенос» идеологической доктрины XIX века в совершенно иное информационно-коммуникативное пространство века XXI демонстрирует лишь то, что

политическая элита России (равно как ее «креативные» технологи) предлагает достаточно абсурдные технологии легитимации власти, не способные в долгосрочной перспективе повторить успех копируемого оригинала.

Примечания

- ¹ См.: *Козн С.* Изучение России без России. М., 1993. С. 3.
- ² См.: *Фукуяма Ф.* Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
- ³ См.: *Бахтин М.М.* Слово в романе // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975. *Он же.* Проблемы творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994.
- ⁴ См.: *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995. С. 43.
- ⁵ См.: *Кутина Н.А.* Языковое строительство: от системы идеологем к системе культурем // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1. С. 183; *Она же.* Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2005. С. 91; *Она же.* Идеологемы как ключевые единицы политического языка // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва. Екатеринбург, 2003. Вып. 11; *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М., 2007. С. 92.
- ⁶ *Клушина Н.И.* Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. С. 38–39.
- ⁷ *Мальшева Е.Г.* Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4. С. 35.
- ⁸ См.: *Гусейнов Г.Ч.* Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. М., 2004; *Он же.* Карта нашей родины: идеологема между словом и телом. М., 2005.
- ⁹ *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003. С. 72–74.
- ¹⁰ *Клушина Н.И.* Указ. соч. С. 39–40.
- ¹¹ См.: *Кутина Н.А.* Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995. С. 43; *Земская Е.А.* Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества // Вопросы языкознания. 1996. № 1; *Гусейнов Г.Ч.* Д. С. П. Советские идеологемы... *Он же.* Карта нашей родины... *Торохова М.В.* Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946–1948 гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006; *Одесский М.П., Фельдман Д.М.* Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1.

- ¹² См.: *Фельдман Д.М.* Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте. М.: РГГУ, 2006. С. 10.
- ¹³ См.: *Кузьмина Н.А.* Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации: Межвуз. сб. науч. тр. Всерос. конф., посв. 80-летию проф. Н.С. Валгиной. М., 2007. С. 192–193; *Чудинов А.П.* Политическая лингвистика. М., 2007. С. 92.
- ¹⁴ См.: *Вортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // РОССИЯ/RUSSIA. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX века. М.: ОГИ, 1999. С. 233–244.
- ¹⁵ См.: *Зорин А.* Идеология «православия-самодержавия-народности»: опыт реконструкции // Новое литературное обозрение. 1996. № 26. С. 86–87, 92–101.
- ¹⁶ Федеральный закон РФ «О защите чувств верующих». Принят Государственной Думой РФ // Российская газета. 2013. 26 июня.
- ¹⁷ Речь В.В. Путина на праздновании 1025-летия Крещения Руси // [Электронный ресурс] <http://www.pravoslavie.ru/news/63051.htm>
- ¹⁸ Путин приехал подтвердить доктрину о «самодержавии и православии» [Электронный ресурс] Электронный ресурс // <http://hvylya.org/news/digest/putin-priehal-podtverdit-doktrinu-o-samoderzhavii-i-pravoslavii-ekspert.html>
- ¹⁹ Путина предложено объявить национальным лидером с полномочиями псевдомонарха. [Электронный ресурс] // <http://www.newsru.com/russia/07nov2007/sultuga.html>
- ²⁰ Там же.
- ²¹ *Винокурова Е.* Государственные идеологи пробуют на зуб разные идеи, но пока ни одну из них не могут сделать своей [Электронный ресурс] // <http://www.znak.com/urfo/articles/05-06-12-47/100782.html>
- ²² Сайт партии «Единая Россия» [Электронный ресурс] // <http://er.ru/news/2012/5/6/obsherosijskomu-narodnomu-frontu-ispolnilsya-god/>
- ²³ См.: *Зимин В.А.* Формирование политико-культурного контекста постсоветской модернизации. Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Саратов, 2013. [Электронный ресурс] // http://www.sgu.ru/files/nodes/93614/Zimin_V.pdf; Идейно-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: РАПН, 2011; *Коваленко В.И., Костин А.И.* Политические идеологии: история и современность // Вестник МГУ. Сер. 12. 1997. № 2; *Мусихин Г.И.* Идеология и власть // Полития. 2010. № 3–4; *Пляйс Я.А.* Россия в поисках национальной идеи и идеологии // Обозреватель. 1999. № 11; Мифы и мифология в современной России. М., 2000; *Лосев А.Ф.* Диалектика мифа // Лосев А.Ф. Миф, число, сущность. М.: Мысль, 1994; *Лукин А.В., Лукин П.В.* Мифы о российской политической культуре и российская история // Полис. 2009. № 1; *Черносвитов П.Ю.* Современная мифология и государственная идеология // Культурологические записки. Вып. 13. М.: ГИИ, 2011.

СОЦИАЛЬНАЯ АНОМИЯ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

В статье рассматриваются проблемы осмысления концепта «аномия» в политологической и социологической литературе. Посредством изучения особенностей экспликации концепта «аномия» в работах социологов, выявляется его потенциал в анализе политических процессов. Для исследования проблем политического поведения важен вопрос о механизмах воздействия социальной аномии на политическую сферу. В работе он решается сквозь призму разработанного в рамках концепций Э. Дюркгейма и Р. Мертон аналитического языка.

Ключевые слова: аномия, поведение, структуры, нормы, ценности.

Термин «аномия» (*anomos* с греч. – «беззаконный», «безнормный») связан с именем французского социолога Эмиля Дюркгейма и стал широко использоваться после того, как был заново введен им в оборот. Вместе с тем в разное время, начиная с Еврипида и Платона, встречается слово «аномия» и формулируется ряд гипотез и тезисов относительно феномена, им обозначаемого.

В книге «Самоубийство»¹ Э. Дюркгейм впервые дает развернутое изложение концепции аномии, где связывает колебание процента самоубийств во Франции с проявлением аномии как постоянным и регулярным фактором. Активность индивидов оценивается Дюркгеймом как показатель, обусловленный взаимодействием культурных и социальных структур. Аномия происходит вследствие расхождения между ними, когда части «социального организма» не находятся в продолжительном контакте и действуют рассогласованно. Речь идет о периоде трансформации общественного строя, который охватывает не только экономическую,

но и социально-политическую сферу и сопровождается динамикой настроений и ценностей. В результате образуется «нормативный вакуум»² – феномен аномии.

Впоследствии этот подход развивает американский социолог Роберт Мертон. В работе «Социальная теория и социальная структура»³ исследователь предлагает модель взаимодействия социальной и культурной структур и их основных элементов. В терминологии Мертона эти элементы соответствуют культурными целям и институционализированным нормам, совместно создающим формы господствующих образцов поведения. Мертон определяет культурную структуру как «то, что формирует ряд нормативных ценностей, регулирующих поведение, общее для членов определенного общества или группы», а социальную структуру как «то, что формирует ряд социальных отношений, в которые члены общества или группы различным образом включены». В случае, когда структуры недостаточно интегрированы, возникает то, что социологи рассматривают как аномию.

Иными словами, социальная аномия – это состояние рассогласованности между «культурно предписанными стремлениями и социально структурированными средствами их реализации»⁴. Культурные цели преобразуются в иерархию ценностей, где основным критерием приемлемости поведения является не его «техническая эффективность, а основанные на ценностях человеческие установки»⁵.

Феномен аномии затрагивает и политическую сферу жизни общества. В контексте исследования политического поведения ценности и установки представляют особый интерес для политологов и политтехнологов. В авторитарных и *тоталитарных* режимах установки и ценностные ориентации конструируются целенаправленно политическими элитами, а в условиях *демократии* сильный интерес к ним актуализируется в периоды избирательных кампаний. Однако и в межвыборные периоды важнейшие структуры власти проявляют интерес к общественным предпочтениям⁶.

Иначе говоря, в зависимости от политических задач избираются способы акцентирования целей и «настройки» поведения индивидов. Роль «настройщиков», обеспечивающих синхронизацию массовых и индивидуальных настроений, по мнению Г. Тарда, выполняют появляющиеся время от времени харизматические лидеры, религиозные и общественные празднества, символы и пр.⁷ В результате может складываться противоречие, влияющее на характер поведения: цели и ценности, постулируемые властью в качестве общих для всего населения, взаимодействуют с существующей

социальной структурой, ограничивающей доступ к одобряемым способам достижения этих целей. Распространение различных манипулятивных политических технологий при этом приводит к искажениям в политических представлениях индивидов и деформациям политического сознания, определяющего суть политического поведения.

Так, понятие ценностей играет ключевую роль в социологических исследованиях аномии. При анализе политического сознания и политического поведения ценности политической культуры включены в число наиболее важных характеристик. Понимание аномии, в социологической терминологии, как состояния социальной системы, подверженной ценностным изменениям в контексте противоречий с традициями, может быть взято на рассмотрение политологами в отношении решения проблем из области политического поведения. Понятно, что одни и те же факторы действуют и в социальных и в политических процессах. Так, показатели, характеризующие феномен аномии, могут анализироваться в качестве факторов, влияющих на политическое поведение.

В контексте проблем политического поведения, фундамент которого представляют социокультурная среда сообщества и политическая культура, концепции аномии могут применяться для анализа моделей поведения в аспекте противоречий между ценностными изменениями и ответными реакциями на них со стороны социума. Настроения и эмоциональные состояния, порождаемые этими динамическими процессами, существенным образом воздействуют на мировосприятие и характер политического поведения индивидов.

Р. Мертон, анализируя варианты поведения людей, описывает соответствующие им типы «аномических приспособлений» – конформность, инновацию, ритуализм, ретритизм и мятеж. «Конформность» – тип приспособления, при котором цели и средства непротиворечивы, он способствует поддержанию политической стабильности и преемственности.

В политической сфере конформное поведение – стабильно прогнозируемое и наиболее привлекательно для властвующей элиты. Конформная адаптированность индивида исключает возможность применения неинституциональных форм ответных реакций на политические решения даже в тех случаях, когда они становятся угрозой неудовлетворения базовых потребностей. При этом речь идет не о том, чтобы декларировать принятие официальных политических целей. Важно на поведенческом уровне принятие существующего институционального порядка.

«Ретритизм» – постепенный уход от конформности, этот тип характеризуется состоянием индивида, когда «интериоризованное моральное обязательство использовать для достижения целей только институциональные средства противостоит внешнему побуждению прибегнуть к средствам недозволенным, но эффективным»⁸.

Как тип политического поведения ретритизм характеризуется уходом из политической жизни на фоне негативного отношения к политике в целом, отрицанием официальных политических целей. Так, часть общества может придерживаться мнения, что их участие ничего не изменит в политической и общественной жизни, и отказывается от любого вмешательства в политический процесс. Сходные поведенческие стратегии характерны для значительной части россиян и в целом для обществ, переживающих кризисное или переходное время.

По определению А. Юревича, аномия – это «разрушение системы моральных норм и их рассогласование друг с другом, характерная для всех постсоциалистических обществ и пришедшая на смену гиперномии – сверхнормированности социалистических режимов»⁹. Так, разуверившись в коммунистических ценностях, часть российского социума не усвоила для себя «новые» идеалы. Другая часть принимает точку зрения, что политика – «дело грязное», и на основании этого представления отстраняется от участия в политике. Ретритизм как «процесс постепенного отстранения, в итоге приводящего индивида к «бегству» от требований общества»¹⁰, сопоставим в политике с явлением абсентеизма как «бегства», вызванного кризисом доверия политикам или недоверием к результатам выборов.

Другой тип приспособления, не нарушающий институциональных норм – «ритуализм». Ритуализм предполагает отвержение или понижение завышенных культурных целей в случае невозможности быть удовлетворенными. Так, в американском обществе, о котором писал Мертон, общепринятые ценности ориентируют человека на продвижение вперед, на «денежный успех». Концепт «успеха» стал одним из базовых в массовой западной культуре, отражая ее основные ценности – статус, материальные блага, карьерный рост. Немало людей пренебрегают этими ценностями, несмотря на их акцентирование. Мотивы отрицания целей успеха могут быть разные. Например, сохранение и воспроизводство тех культурных целей, которые могут обеспечить относительное, зато стабильное благополучие. Запрос на стабильность воплощается в следовании рутинному распорядку. В электоральном поведении ритуализм может выражаться в конформистской поддержке «партии вла-

сти». Угроза безработицы, утраты статуса в обществе может стать серьезным фактором, воздействующим на активность индивидов: «Так ведут себя и напуганный увольнением служащий, и бюрократ, ревностно соблюдающий нормы в кассовом отделе частного банка или в дирекции государственного предприятия»¹¹.

Ритуализм как тип политического поведения означает понижение для себя целей, связанных с обретением политического капитала, участием в политической борьбе за возможность проводить собственные политические решения или с непосредственным участием во властных структурах. Ритуалисты могут принимать эпизодическое участие в политике – участвовать в политических акциях, голосовать на выборах, однако в своих действиях они не выходят за рамки одобряемых целей и средств. Сохранение порядка в виде институциональных норм имеет превосходящее значение по сравнению с размытыми и недостаточно артикулированными ценностями. Мертон уточняет: «Это тип приспособления индивида, лично стремящегося избежать опасностей и неудач посредством отказа от основных культурных целей и приверженности любому обещающему безопасность рутинному распорядку и институциональным нормам»¹². Согласно Р. Мертону, ритуалистический тип поведения следует ожидать от представителей «низшего среднего класса» более привязанных к безопасным институциональным нормам и пытающихся уйти от фрустраций как неотъемлемого компонента конкуренции за культурные блага.

«Инновация» возникает при культурном акцентировании цели. Это тяготение к институционально сомнительным, но технически эффективным средствам достижения цели. Как тип политического поведения инновация предполагает изобретение эффективных, но институционально запрещенных, нелегальных или нелегитимных средств достижения важной политической цели. Например, к инновационным действиям в политике имеют отношение технологии воздействия на избирателей при сборе подписей, проведения избирательных кампаний, злоупотребление административным ресурсом, фальсификация выборов, использование административного ресурса и др.

В рамках политической системы инновация может характеризоваться антисистемными действиями. По мнению А.П. Страхова¹³, антисистемность является характерной чертой деятельности политической оппозиции в России. Отсутствие легальной оппозиции в структурах власти накапливает потенциал социально-политических конфликтов в русле антисистемных движений. Инновация в данном случае выражает реакцию на отсутствие политической

конкуренции как модели социально-необходимых и легальных действий в борьбе за власть, что приводит к использованию, хотя и эффективных, но институционально запрещаемых средств достижения политических целей.

Интерес в контексте исследования российской политической практики представляет инновационный тип поведения. При этом инновация может трактоваться достаточно широко: и как фальсификации и злоупотребления на выборах, и как реакция общества на них, способная вылиться в конкретные формы коллективного организованного политического *действия*. Как инновационные можно рассматривать протестные действия оппозиции в Москве, последовавшие вслед за парламентскими выборами 2011 г.

Мятеж обозначает более глубокий разрыв с традиционными политическими средствами борьбы за власть и за политические права. По словам исследователя С. Кара-Мурзы, мятежники – это «те, кто готовит и ведет “пересборку” общества на новой ценностной матрице»¹⁴. Этот тип приспособления включает в себе «подлинную переоценку всех ценностей, когда прямое или косвенное переживание фрустрации приводит к полному обличению того, что прежде высоко ценилось»¹⁵.

Мятеж характеризуется использованием радикальных средств для достижения политических целей (революционные, террористические действия, захват заложников, политические акции и др.), в ситуации, «когда институциональная система расценивается как препятствие для удовлетворения узаконенных целевых устремлений». Распространению моделей данного типа поведения может способствовать: 1) обострение этнических и социокультурных конфликтов; 2) экономический спад; 3) кризис легитимности государственной власти, когда часть населения не признает функциональность политических структур.

Таким образом, концепции социальной аномии могут стать одним из аналитических инструментов, используемых для понимания и объяснения особенностей политического поведения. Многозначность понятия «аномия» позволяет адаптировать его к различным исследовательским задачам, а также анализировать воздействие феномена аномии на разных уровнях. Словом, анализ взаимодействия политических, культурных и социальных факторов сквозь призму концепта «аномия» может позволить составить комплексное представление о лежащих в основе поведения закономерностях и механизмах.

-
- ¹ *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд; пер. с фр. с сокр. / Под ред. В.А. Базарова. М.: Мысль, 1994. С. 399.
- ² *Медведев С.А., Томашов И.А.* Политическая аномия в современной России. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. Кн. 2. С. 644.
- ³ *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ Москва; Хранитель, 2006. С. 873.
- ⁴ Там же. С. 247.
- ⁵ *Кара-Мурза С.Г.* Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. С. 11.
- ⁶ См.: *Урнов М.Ю.* Эмоции в политическом поведении. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 311.
- ⁷ См.: *Тард Г.* Социальная логика. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. С. 500.
- ⁸ Цит. по: *Мертон Р.* Указ. соч. С. 272.
- ⁹ *Юревич А.В.* Нравственное состояние современного российского общества // Социологические исследования. 2009. № 10. С. 70–79.
- ¹⁰ *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч. С. 12.
- ¹¹ Цит. по: *Мертон Р.* Указ. соч. С. 269.
- ¹² Там же. С. 267.
- ¹³ См.: *Страхов А.П.* Изучение электорального поведения россиян: социокультурный подход // Полис. 2000. № 3. С. 90–103.
- ¹⁴ *Кара-Мурза С.Г.* Указ. соч. С. 16.
- ¹⁵ Цит. по: *Мертон Р.* Указ. соч. С. 276.

М.С. Арканникова

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ДИСКУРС САМОЗВАНСТВА

Заявленная тема актуализирует информационно-коммуникативные технологии идентификационного дискурса самозванства. Автор анализирует традиционные дискурсы прошлых эпох, где доминировали социальные (родовые, классовые) идентификации личности, где предполагался образ идеального представителя данного рода, класса, страты. Имитация такого образа составляла суть самозванства. Самозванство (в том числе политическое самозванство) претендует на некую исключительность, оно амбициозно и зависит от распределения в социуме статусов, соответствующих форм признания и привилегий. В этой связи идентификационный дискурс политического самозванства проявляется как многогранный политический феномен. Он наполняется разными смыслами проективно социально-политической ситуации. Под идентификационным дискурсом самозванцев понимается самоотждествленность самозванца и его групп поддержки с определенным признанным образцом «легитимного порядка» политической власти. «Идентификационность» отражает не только осознаваемые, но и нерелексивные, внерациональные механизмы самоопределения, происходившие на фоне болезненно переживающегося обществом кризиса традиционной идентичности, который был симптомом переходного периода русской культуры на рубеже XVI–XVII веков.

Ключевые слова: политическая коммуникация, идентичность, дискурс, самозванец, самозванство, самозванчество.

К началу нового столетия в фокус исследовательских поисков по-прежнему попадает анализ политической коммуникации, в рамках которого значимым объектом современного исследовательского поля может стать политическое самозванство¹.

Самозванство – своего рода императив достаточно долговременного периода развития российского политического процесса: с начала XVII по начало XXI в. Сравнительно долговременное существование в политической истории России самозванцев (относительно стран Западной Европы) является одной из национальных особенностей процесса политической модернизации. Очевидно, что в условиях становления научного потенциала прикладной отрасли знаний – политической лингвистики², политическое самозванство актуализируется в контексте обсуждения таких антиномий характера политической коммуникации, как:

- а) ритуальность и информативность;
- б) институциональность и личностный характер;
- в) эзотеричность и общедоступность;
- г) редукционизм и многоаспектность информации в политическом тексте;
- д) авторство и анонимность политического текста;
- е) интертекстуальность и автономность политического текста;
- ж) агрессивность и толерантность в политической коммуникации³.

В этой связи идентификационный дискурс самозванства проявляется как многогранный политический феномен. Он наполняется разными смыслами проективно социально-политической ситуации. Под идентификационным дискурсом самозванцев понимается самоощущенность самозванца и его групп поддержки с определенным признанным образцом «легитимного порядка». «Идентификационность» отражает не только осознаваемые, но и нерелексивные, внерациональные механизмы самоопределения, происходившего на фоне болезненно переживаемого обществом кризиса традиционной идентичности, который был симптомом переходного периода русской культуры на рубеже XVI–XVII вв.

Самозванство – это естественная закономерность развития лидерства, прежде всего социального. Отсюда вытекают основные свойства самозванства, связанные с тем, что всякое проявление самозванства рассматривается с позиции силы (как волевое воздействие на окружающую среду) и стратегии (как целедостижение). Самозванец выступает в роли менеджера проекта. Суть его лидерства – в жесткой внутренней энергетической структуре личности. Он управляет надеждами, верой, эмоциями окружающих за счет собственного эмоционального потенциала, «работает» с массовым сознанием в контексте социально-политической контролируемости своей деятельности. Политический самозванец – это человек,

сумевший агрегировать установки и ориентации окружающих на основе четкого знания «инструкций» – «правил игры» социума.

В контексте политической коммуникации можно выделить такие основные черты политического самозванства, как:

- добровольное сотрудничество, выступающее источником групповой социальной интеграции. В данном контексте дискурс представляет собой симметричную двустороннюю коммуникацию⁴ между самозванцем и группой поддержки, реализованную в рамках социального взаимодействия;
- естественность возникновения (рефлексивность) в условиях кризиса легитимности политической власти, его имманентный характер проявления в процессах делегитимации власти. Подобная периодическая повторяемость «недовольства» подвластных по отношению к политической власти сопрягает идентификационный дискурс самозванцев (реальное измерение) не только с текущей речевой деятельностью в определенном социально-политическом пространстве, но и с возникающими в результате данной деятельности речевыми произведениями (текстами). (Например, манифесты и указы «Амператора Петра Федоровича» – Е. Пугачева), а также (виртуальное измерение) с семиотическим пространством, включающим вербальные и невербальные знаки, совокупным денотатом которых является мир политики, набор моделей речевых практик и жанров политического пространства.

Политическое самозванство рассматривается как сознательное стремление претендента принять имя и (или) титул верховного правителя, как индивидуально мотивированное действие, которое всегда ориентируется на внешнее признание-поддержку. Проявления политического самозванства – это критическое осмысление самозванцем нормативных границ политики, интерпретация им ситуации дискомфорта, делегитимации власти как требующей определенных действий. Самозванчество же определяется как установившиеся отношения сотрудничества на добровольной основе между самозванцем и социальными группами, поддерживающими его притязания.

В контексте данных рассуждений следует отметить, что потенциальные самозванцы и социальные группы, их поддерживающие, обладали неким общим «знанием», которое включает в себя их представления о «правильности» своего и чужого (в данном случае верховного правителя) поведения, а также осмыслением и обоснованием своей функции (миссии) в процессе самоидентификации.

«Удельный вес» движения самозванчества всегда исторически⁵ и социально⁶ конкретен. Основным принципом смыслового разграничения понятий «самозванство» и «самозванчество» является наличие факта социальной поддержки: «самозванство» определяется сугубо личными помыслами и рассматривается как социальное действие, «самозванчество» же рассматривается как социальное взаимодействие. Таким образом, «самозванчество» включает два компонента, которые условно соответствуют стадиям: самого «самозванства» и «мобилизации» тех социальных групп, которые будут вовлечены в реализацию политических действий самозванца в рамках идентификационного дискурса последнего.

Иными словами, самозванство представляет собой подструктуру или «эмбриональную» форму самозванчества. Самозванчество – это политическая инициатива субъектов политики, которая представляет собой попытку преодоления дискомфортных состояний, в том числе кризиса легитимности власти; это политическая позиция, которая имеет определенную политическую силу: действительную (массовую), или слабо выраженную (самозванство).

Самозванчество обладает регулятивным потенциалом в процессах легитимации и делегитимации политической власти, поскольку находится во взаимосвязи с политическими институтами и имеет определенную степень влияния на них в условиях кризиса легитимности власти, выступая в качестве «иллюстрации» делегитимной власти. Движения самозванчества возникают вследствие напряжений в общественной структуре и представляют собой иррациональную реакцию на них (как в реальном, так и в виртуальном измерении политического дискурса). Теоретические положения данного (во многом системного) подхода дополняет теория самореферентных социальных систем Н. Лумана, согласно которой самозванчество – это одна из самовоспроизводящихся подсистем общества, «самореферентная система своеобразного типа»⁷, выполняющая функцию иммунной системы общества и указывающая на нарушения общественной коммуникации, где мотивационной базой выступают представления о едином «центральном» конфликте, одной из сторон которого является социальное движение, а другой – политическая система.

С точки зрения социально-психологического анализа самозванчество периода монархии имело защитную (сохранение традиционных ценностей) и «терапевтическую» (выход негативных эмоций) функции. С позиции же деятельностного подхода самозванчество выполняло как функцию аккумуляции интересов, настроений широких народных масс, создавая определенную политическую силу,

сосредоточенную на решении конкретной политической задачи, так и функцию «социального контроля» за соблюдением политической властью норм легитимной политики. Самозванчество периода монархии выступало в целом в качестве «иммунного» регулятора политической системы российского общества.

Примеры самозванчества в политической истории России демонстрируют скорее стремление широких слоев народных масс к интеграции в политическую систему (получить право «быть услышанными» властью), тогда как в странах Западной Европы самозванчество было прежде всего формой политической борьбы за власть, рациональным поведением в целях получения определенных политических результатов. «Если в Европе такие лидеры вроде Кромвеля, Робеспьера, Марата не прячутся под чужим именем, видя самих себя инструментом высшей справедливости, то на Руси ролевая революция чуть ли не с неизбежностью принимала характер самозванства, когда даже яркий харизматический лидер выступал не сам по себе, а “под именем” или “от имени”»⁸.

Изучение природы самозванства через призму затронутой Бердяевым антиномии, что русские и аполитичны и политичны в равной степени, рассуждений обществоведов, что идентичность русских не в официальной «государственной идеологии», а в отстраненности от нее, сегодня также, востребовано научным дискурсом как и на рубеже XIX–XX вв. Представляется своевременным рассмотрение данного феномена в контексте новой прагматической антропологии и персоналогии.

Примечания

¹ Кроме фактов политического самозванства, в истории существуют прецеденты иного вида самозванства, которые условно можно классифицировать по тем целям, которые преследовали самозванцы. Например принятие Иаковом имени его старшего брата в целях получения отцовского благословения, сулившего ему богатство, можно определить как бытовое самозванство, основанное на обмане в целях личной выгоды. К такому типу самозванства можно отнести людей, посягавших не только на чужие имена и фамилии, но и на чужие звания и должности: «тайные агенты, сыщики», «земские начальники», адвокаты, «тайные ревизоры».

В XVII–XVIII вв. в России было распространено так называемое религиозное самозванство, когда человек заявлял окружающим о себе как о Мессии, пророке или святом. С точки зрения православной церкви, всякий человек, притязавший на обладание высшим сакральным статусом, – самозванец, если

он не связан с ней и не получил с ее стороны признания. Известно также литературное самозванство, когда некое произведение приписывалось какому-нибудь известному лицу для придания сочинению большего авторитета. Во всех перечисленных выше примерах присутствует факт «подмены» («замещения» С. Хант, «агентуры» Х. Линц). Представляется, что если существует самозванное притязание на любое чужое имя или титул (не связанное с верховной властью) и претендентства на политическую власть нет, то доминанта анализа понятия «самозванство» переходит в плоскость социологии, психологии и требует специального изучения. Вычленение психологической компетенции как одной из составляющих человеческого капитала свидетельствует о глубинном антропологическом архетипе проявлений самозванства (как политического, так и иных форм), заслуживающем самого пристального исследовательского внимания в контексте фокуса идентичности.

- 2 Согласно А.П. Чудинову, для современной политической лингвистики в полной мере характерны ведущие черты современного языкознания: антропоцентризм (языковая личность становится точкой отсчета при изучении языковых явлений), экспансионизм (включение в область исследования лингвистики ряда смежных проблем, т. е. ее расширение), функционализм (изучение языка в действии, в функционировании), экспланаторность (стремление не только описать языковые факты, но и дать им объяснение). См.: *Чудинов А.П. Политическая лингвистика*. М., 2003 С. 4.
- 3 См.: *Чудинов А.П. Указ. соч.* С. 42–56.
- 4 Согласно модели коммуникации, предложенной Грюнингом и Хантом.
- 5 В том числе наличие у самозванца «символического культурного признака», который имел выражение в виде «царских знаков» на теле у претендента на царский статус.
- 6 Система статусов и ролей социального института, которая выражается в «устных и письменных кодексах поведения» в самозванчестве, имела проявление в форме присяги на верность самозванцу, в наличии у самозванцев «царской свиты», в виде «законотворческой деятельности» многих самозванцев и др.
- 7 *Луман Н. Власть*. М., 2001.
- 8 *Тульчинский Г.Л. Самозванство, массовая культура и новая антропология: перспективы постчеловечности // Человек*. 2008. № 1. С. 43–57.

А.В. Белинский

ПРОВОКАТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В ХОДЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ В БУНДЕСТАГ В 2005 и 2009 гг.

В статье рассматривается вопрос о том, являются ли современные коммуникации в политической сфере способом донесения информации до избирателя или же представляют собой средство инсценировки, подменяя реальные действия и программы.

Ключевые слова: «американизация» избирательной кампании, выборы, ХДС/ХСС, СДПГ, политический имидж, информационные технологии.

В конце XX – начале XXI в. немецкая партийно-политическая система переживает серьезный кризис. Этот кризис обусловлен структурными изменениями, происходящими в социальной сфере, экономике, политической культуре и т. д. В первую очередь обращает на себя внимание переход от системы умеренного плюрализма к пятипартийной системе (система поляризованного плюрализма)¹. В Боннской республике, просуществовавшей с 1949 по 1998 г., ведущую роль играли три партии – консервативный блок ХДС/ХСС, либеральная Свободная демократическая партия и Социал-демократическая партия Германии. Однако начиная с середины 1980-х гг., с усилением партии «Зеленые» и появлением в 1990-х на политической сцене Партии демократического социализма (с 2007 г. – «Левые»), партийно-политическая система претерпела существенные изменения. Появление новых игроков на политической сцене должно было неизбежно привести к неустойчивости политической системы, усилению конкуренции между партиями. Второй особенностью изменений в партийно-политической системе стал кризис двух ведущих партий, Христианско-демократического союза и Социал-демократической партии

Германии. «Народные партии» ХДС/ХСС и СДПГ, как отмечает В.П. Иерусалимский, казалось бы, навечно призванные формировать пути немецкой истории, как-то вдруг (на самом деле совсем не вдруг) оказались охваченными кризисными явлениями². Кризис двух крупнейших немецких партий был далеко не случайным, и вызван он несколькими взаимосвязанными причинами – стиранием различий между ХДС/ХСС и СДПГ, размыванием электоральной базы партий, усилением конкуренции со стороны партий «второго эшелона» (СвДП, «Союз 90/Зеленые», «Левые»). К тому же в последнее время под сомнение была поставлена сама идея парламентской демократии и партий, которые, исходя из Основного закона ФРГ, должны содействовать «формированию политической воли народа»³.

Страх лишиться своего доминирующего положения заставляет партии искать новые методы привлечения электората. Колоссальный скачок, который сделали в своем развитии средства массовой коммуникации (телевидение, интернет) за последние 20 лет, открывает большие возможности для политиков. Вместе с тем вопрос о том, какую роль играют современные коммуникации в избирательных кампаниях ФРГ, остается. Так, ряд исследователей заявляют об «американизации» выборов, которая, по их мнению, выражается в «персонализации» выборов, широком использовании манипулятивных технологий и т. д. Томас Мергель в своем исследовании «Пропаганда после Гитлера», напротив, утверждает, что тезис об «американизации» выборов не имеет под собой оснований: «“Театрализация” выборов выражена в меньшей степени не только по сравнению с США, но по сравнению, например, с Италией, где не только Сильвио Берлускони создал сплав из массмедиа и политической системы...»⁴.

Чтобы ответить на вопрос, являются ли современные коммуникации лишь средством донесения информации до избирателя или же средством манипуляции, подмены понятий, мы решили проанализировать избирательные кампании партий в Бундестаг в 2005 и 2009 гг. и ответить на следующие вопросы: Какая роль отводится печати, телевидению, интернету в избирательной кампании? Используются ли технологии, которые можно отнести к манипулятивным? Опираются ли партии на свои программные установки или же на искусственно создаваемый имидж кандидата?

Уже изучение тех мероприятий, которые были осуществлены на начальном этапе кампании, позволяет говорить о том, что большинство партий уделяли повышенное внимание к средствам массовой коммуникации. Хотя подготовкой к выборам СДПГ

занимался избирательный штаб, костяк которого составили члены партии, было налажено тесное сотрудничество с рекламными агентствами «BUTTER», Face2net, Becker/Kronacher Compact-Team, которая организовала партийный съезд в Лейпциге в 1998 г. Уже в 1990-е гг. «визитной карточкой» СДПГ стало активное привлечение экспертов по работе СМИ, PR-специалистов. Во время предвыборной кампании 1998 г. кандидата социал-демократов Г. Шредера консультировали Бодо Хомбах, возглавлявший до этого избирательный штаб другого социал-демократа Й. Рау, и Уве-Карстен Хайе, работавший еще в 1970-х в качестве пресс-секретаря В. Брандта⁵.

Впрочем, и сам Герхард Шредер, прозванный «медиаканцлером», достаточно хорошо понимал значение средств коммуникации в политике: «Важно не только иметь идеи, но и уметь передавать их»⁶. Этот тезис во многом разделял и основной противник действующего канцлера консервативный блок ХДС/ХСС. Организация предвыборной кампании христианских демократов осуществлялась агентством «team Zukunft». Образцом для консерваторов послужила кампания Республиканской партии США в 2004 г. («Victory 04» Program)⁷. Наряду с традиционными средствами агитации ставка делалась на Интернет, помощь добровольцев-волонтеров и поездки кандидата по стране. Не меньшая роль в избирательных кампаниях отводилась и различным центрам изучения общественного мнения. Хотя партии и раньше использовали исследования, проведенные Алленсбахским институтом демоскопии или «Forsa», их значение в последнее время сильно возросло в связи с тем, что произошли серьезные изменения в социальной структуре общества, а также увеличилось число граждан, не имеющих постоянных политических симпатий (Wechselwähler).

Как мы видим, в избирательных кампаниях партий коммуникационная составляющая занимает все большее место, отгесняя программы на второй план. При этом нужно отметить, что изменился сам характер политических коммуникаций. В 1970–1980-е гг. возможности влияния партий на избирателей ограничивались изданием предвыборных газет и плакатов, выступлением партийных лидеров на митингах и в дебатах на телевидении (Elefantenrunde) непосредственно перед выборами. Далеко не последнюю роль в избирательной кампании играли оценки прессы, а также телеканалов ARD и ZDF, которые, конечно, не были политически беспристрастны и могли симпатизировать тому или иному политическому деятелю. Однако сами политические партии не могли прямо оказывать влияние на позицию СМИ. Развитие Интернета, появ-

ление электронных сайтов, блогов и частных телеканалов открыло широкие возможности для пропаганды, а также для манипуляции общественным мнением.

Второй особенностью современных выборов стала «негативизация», т. е. акцентуация внимания на просчетах (зачастую вымышленных) оппонентов. Стратегия социал-демократов в ходе предвыборной кампании 2005 г. базировалась на решении двух взаимосвязанных задач: отвлечь внимание избирателей от провалов «красно-зеленой» коалиции; представить возможную победу ХДС/ХСС и СвДП как начало проведения неолиберальных реформ и демонтажа социального государства. Как мы видим, эта стратегия изначально строилась на искажении действительности, подмене понятий и навязывании избирателю собственной повестки дня и т. д. При этом основным объектом критики должна была стать А. Меркель, кандидат на пост канцлера от ХДС/ХСС. «Ее позиция по отношению к войне в Ираке предоставляла благодатную почву для атаки, с тем чтобы выставить ее склонной к политическим авантюрам и поставить на одну ступень с совершенно непопулярным в Германии Дж. Бушем»⁸.

Социал-демократы еще в ходе выборов в 1998 г. сделали ставку на новые коммуникационные технологии (Интернет, предвыборные ролики), что, в свою очередь, было прямым заимствованием у лейбористской партии Великобритании⁹. В мае 2005 г. во время выборов в ландтаг земли Северный Рейн-Вестфалия социал-демократы впервые начали использовать блоги в Интернете. С началом избирательной гонки в сети появились несколько платформ, которые хотя не были напрямую связаны с избирательным штабом партии, но тем не менее играли существенную роль в мобилизации сторонников СДПГ и агитации. Особенно следует выделить сайт www.wirkaempfen.de («мы боремся». – А. Б.). Модераторы, которые находились в Берлине, наладили обмен информацией со сторонниками партии. Так, пользователям предлагалось высказать на сайте свое мнение по ряду вопросов: «Чем мы гордимся?», «За что мы боремся?», «Почему Меркель вредит Германии?»¹⁰. Лучшие ответы были использованы в предвыборных материалах (в частности, при создании плакатов СДПГ).

Агрессивная тактика социал-демократов, которая помогла им остаться в правительстве, пусть и в роли младшего партнера ХДС/ХСС, стала образцом для других партий. Как и на предыдущих выборах, основным каналом коммуникации между партиями и электоратом стал Интернет, и в первую очередь социальные сети (Facebook, My Space, StudiVZ), а также видеохостинги (Youtube,

Flickr, Picasa). Анализ контента предвыборных роликов, сайтов и социальных сетей показал, что основное внимание партии уделяют собственным мероприятиям, выступлениям кандидатов и т. д. При этом социально-экономические проблемы и пути их решения отходили на задний план.

Контент-анализ сайтов партий во время избирательной кампании в Бундестаг в 2009 г. показал, что «малые партии» СвДП и «Союз 90/Зеленые» в ходе подготовки к парламентским выборам основные усилия направили на мобилизацию собственного электората, а также тех, кто успел разочароваться в деятельности «большой коалиции». При этом, как и в 2005 г., мобилизация сторонников проводилась не за счет позитивной программы, а благодаря агрессивной кампании против оппонентов. Впрочем подобной стратегии придерживались и ХДС/ХСС, и СДПГ. Так, накануне выборов в Европарламент, которые проходили летом 2009 г., социал-демократы выпустили ролик, в котором подвергли жесткой критике другие партии¹¹: «Финансовые акулы выбрали бы СвДП», «Любители пустых слов выбрали бы “Левых”» и т. д.

Другим отличительным трендом избирательных кампаний 2005 и 2009 гг. стала «персонализация» выборов. Хотя фигура кандидата на пост канцлера всегда находится в центре внимания СМИ и общественности, начиная с середины 1990-х гг. характер «персонализации» существенно изменился. Если раньше кандидат олицетворял либо партийную программу, либо базовые принципы партии, то в настоящий момент можно говорить о превращении фигуры политика в бренд, т. е. искусственно созданный образ. Это очень хорошо видно по предвыборным выступлениям, а в особенности по теледебатам Г. Шредера в 2005 г. Канцлер, который на протяжении всего второго срока подвергался резким нападкам за жесткие экономические реформы, с началом предвыборной кампании мгновенно превратился в защитника социального государства. В этом плане были весьма показательными теледебаты обоих кандидатов на пост канцлера, Г. Шредера и А. Меркель, которые состоялись 4 сентября 2005 г. Если центральной темой выступления А. Меркель стала налоговая реформа и оживление экономической конъюнктуры, то действующий канцлер акцентировал внимание на социальной справедливости, что позволило перевести дискуссию в нужное ему русло. При этом канцлер действовал намного агрессивнее, чем его оппонентка. Анализ его высказываний показывает, что примерно 44,3% из них были направлены против оппонента¹². Хотя большинство экспертов посчитали аргументы председателя ХДС более убедительными, общественное мнение отдало предпочтение Г. Шредеру.

Как мы видим, за последние 15–20 лет роль политических коммуникаций в ФРГ претерпела кардинальные изменения. Если раньше основная их задача заключалась в донесении идейно-политических ценностей до общества, в политической социализации сторонников, то теперь, как показали последние избирательные кампании в Бундестаг, они становятся средством формирования виртуальной реальности. Многие исследователи уже поспешили провозгласить наступление эпохи «постдемократии» (К. Крауч). «Быть» в «постдемократии» фактически означает «быть показанным», «упомянутым», «отмеченным – именно так можно кратко охарактеризовать ее суть. Однако более уместным будет говорить о кризисе традиционной представительной демократии, который партии пытаются преодолеть за счет использования новых коммуникационных технологий. Хотя в краткосрочной перспективе подобная стратегия может быть успешной, но в целом она будет способствовать дальнейшему падению доверия к партиям и демократическим институтам.

Примечания

- ¹ См.: Основы теории политических партий: Учеб. пособие / Под ред. С.Е. Заславского. М.: Европа, 2007. С. 226.
- ² См.: *Иерусалимский В.П.* Правоцентристский сегмент партийно-политической системы в процессе ее общей трансформации // Вестник Московского ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 2. С. 66.
- ³ Основной закон Федеративной Республики Германии. <http://lawyers-ssu.narod.ru/subjects/constzs/germany.htm>
- ⁴ См.: *Mergel T.* Propaganda nach Hitler: Eine Kulturgeschichte des Wahlkampfes in der Bundesrepublik 1949–1990. Göttingen, Westfallen Verlag, 2010. S. 361.
- ⁵ См.: Focus. Fürsten der Finsternis. 14.09.1998. S. 102–103.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ *Magerl F., von Seldeneck K., Pahls C.* Idee, Entwicklung und Start des teAM Zukunft // Melchert F., Magerl F., Voigt M. In der Mitte der Kampagne – Grassroots und Mobilisierung im Bundestagswahlkampf 2005. poli-c-books, Berlin; München, 2006. S. 92.
- ⁸ См.: *Geisler A., Gerster M.* Zentral geplant, lokal gekämpft: Der Wahlkampf der SPD zur Bundestagswahl 2005. Der Wahlkreis 293 Biberach als Fallbeispiel // Nikolaus J. Wahlkämpfe in Deutschland: Fallstudien zur Wahlkampfkommunikationen 1912–2005. Wiesbaden VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. S. 262.
- ⁹ *Jun U.* Der Wandel von Parteien in der Mediendemokratie. Frankfurt am Main, 2004. S. 329.

- ¹⁰ См.: Exkurs: Rote Grashalme – Online – Kämpfer an der SPD – Basis // Melchert F., Magerl F., Voigt M. In der Mitte der Kampagne – Grassroots und Mobilisierung im Bundestagswahlkampf 2005. poli-c-books. Berlin; München, 2006. S. 81.
- ¹¹ См.: TV-Spot der SPD zur Europawahl 2009. <http://www.youtube.com/watch?v=65fij17NfRg>
- ¹² См.: «*Maier J.* Frau Merkel wird doch noch Kritik ertragen können...»: Inhalt, Struktur, Wahrnehmung und Wirkung des wirtschaftspolitischen Teils der Fernsehdebatte 2005. // Gabriel O.W., Weßels B., Falter J.W. (Hrsg.) Analysen aus Anlass der Bundestagswahl 2005. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. S. 177.

РОЛЬ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
В СТАНОВЛЕНИИ
ИОРДАНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ:
ДЕРЖАВА-КОЛОНИЗАТОР
ИЛИ ДОЛГОСРОЧНЫЙ СОЮЗНИК?

Статья исследует происхождение иордано-британских отношений, истоки которых лежат в начале XX в., когда Хашимитские правители и правительство Соединенного Королевства начали стратегическое партнерство с целью противостоять Османской империи. После Первой мировой войны на политической карте мира возник эмират Трансиордания, при прямой финансовой, политической и военной поддержке Великобритании. Великобритания преследовала собственные интересы с целью контролировать территорию большой стратегической важности. Однако колониальная держава не только создала новое государство, но и поддерживала его на протяжении десятилетий, поскольку экономически и политически слабое образование не могло выжить без помощи могущественного союзника. В настоящее время между двумя государствами успешно поддерживается высокий уровень взаимовыгодного стратегического и экономического сотрудничества.

Ключевые слова: иордано-британские отношения, Трансиордания, Хашимиты, стратегическое партнерство.

Иорданский «правлящий класс» рассматривал и продолжает рассматривать Великобританию как ведущего внешнеполитического и внешнеэкономического партнера, отношения с которым постоянно расширяются. В марте 2013 г. Иорданское Хашимитское королевство посетил наследник британского престола принц Чарльз. В совместном заявлении Иордании Абдалла II и его гость выразили обоюдное удовлетворение высоким уровнем сотрудничества двух стран, имеющего многочисленные возможности к дальнейшему развитию¹. Для Ближнего Востока такое

плодотворное взаимодействие с западной державой далеко не типично, прежде всего в силу того, что в подавляющем большинстве стран этого региона Великобритания всегда рассматривалась как держава-колонизатор.

Однако Соединенное Королевство сыграло жизненно важную роль в становлении современной Иордании. Реализуя собственные стратегические интересы, эта держава не просто способствовала появлению нового государственного образования на политической карте мира, но и всесторонне содействовала его становлению и успешному развитию. Такое неспецифическое для колониальной практики отношение выглядит еще более уникальным в свете продолжающегося сотрудничества обеих стран и после обретения Иорданием политической самостоятельности. Истоки иордано-британского партнерства лежат без сомнения в истории становления этого государства.

Отцом основателя иорданской правящей династии эмира Абдаллы был хашимитский правитель Хиджаза шериф Хусейн ибн Али. В начале XX в. Хиджаз формально являлся частью Османской империи, но курс правителя этой территории был направлен на то, чтобы добиться максимально возможной самостоятельности в отношениях со Стамбулом. Приход к власти младотурок, программа которых отталкивалась от тюркизации империи, лишь усиливала сепаратистские настроения правителя Хиджаза². Выехавший в марте 1914 г. для переговоров в Стамбул сын Хусейна ибн Али эмир Абдалла не смог убедить султанскую администрацию пойти навстречу его отцу в ряде насущных вопросов. Предвидевший такой поворот событий шериф уполномочил сына установить контакт с англичанами. Через месяц, на обратном пути в Мекку эмир Абдалла встретился в Каире с лордом Китчинером, полномочным представителем Великобритании в Египте, с которым провел предварительные консультации относительно возможности получения британской поддержки в случае, если в Хиджазе начнется антитурецкое восстание³.

Одновременно недовольство младотурецкой политикой усиливало националистические настроения в сирийских вилайетах империи и в Бейруте⁴, о чем было известно хиджазскому шерифу. В 1914 г. он отправил с миссией в Дамаск другого своего сына – эмира Фейсала. По итогам тайной встречи с лидерами сирийских националистов был сформулирован и передан Хусейну ибн Али «Дамасский протокол», содержавший призыв к Великобритании о признании независимого арабского государства в пределах от «исторической Сирии»⁵ до Йемена и оказании поддержки арабскому восстанию против турок⁶. Выбор союзника определился пониманием того, что

для свержения владычества османов требовалась помощь не менее могущественной внешней силы и ею в то время могла выступать ведущая мировая держава и основной внешнеполитический игрок на Ближнем Востоке – Соединенное Королевство⁷.

Начало Первой мировой войны подтолкнуло Великобританию к диалогу с правителем Хиджаза. Восстание арабов могло позволить Англии разгромить Османскую империю, сохранив при этом собственные ресурсы, в первую очередь людские⁸. Между июлем 1915 и мартом 1916 г. шериф Хусейн и сэр Генри Мак-Магон, британский Верховный комиссар в Египте, обменялись несколькими письмами. Выступая от имени «арабской нации», шериф потребовал признания Великобританией независимости арабов на всем Аравийском полуострове и в пределах «исторической Сирии». Британия выразила готовность оказать поддержку арабам в обретении независимости, внесла определенные территориальные коррективы в проект Хусейна⁹.

Весной 1916 г. шериф Мекки согласился присоединиться к союзникам и провозгласил начало восстания, обычно квалифицируемое в арабской историографии как «великая арабская революция». Великобритания всесторонне поддерживала своих хиджазских союзников, снабжая их деньгами, оружием и военными экспертами, из которых ведущую роль сыграл Томас Эдвард Лоуренс, позднее прозванный Аравийским. К концу осени 1917 г. турки были полностью выбиты с территории Аравийского полуострова, 24 сентября ими был оставлен Амман, а через несколько дней – Дамаск, в который 1 октября 1918 г. вошла арабская армия под командованием эмира Фейсала¹⁰.

Эмир Фейсал провозгласил создание Сирийского Арабского Королевства на всей территории «исторической Сирии»¹¹. Представители ее различных регионов провели в мае 1919 г. Сирийский Национальный конгресс, который 8 марта 1920 г. принял итоговый документ, признававший независимость Сирии, а эмира Фейсала ибн Хусейна – ее конституционным королем¹². Одновременно собрание нотаблей Ирака провозгласило эмира Абдаллу ибн Хусейна «королем Месопотамии»¹³. Однако участники апрельской конференции Лиги Наций 1920 г. в Сан-Ремо учитывали предшествующие договоренности союзников, объявив введение англо-французского мандатного управления на бывших ближневосточных владениях Османской империи.

Основу этих договоренностей составило достигнутое в мае 1916 г. «Соглашение Сайкс-Пико»¹⁴, реализация которого в полевоенных условиях позволила передать Ирак, Трансиорданию¹⁵

и Палестину под контроль Великобритании, Сирию и Ливан – Франции. Еще одним учитывавшимся Лигой Наций документом была Декларация Бальфура: 2 ноября 1917 г. лорд Артур Бальфур, министр иностранных дел Великобритании, в своем послании лорду Ротшильду, представителю Всемирной сионистской организации в Соединенном Королевстве, подтверждал поддержку правительством Его Величества создания национального еврейского очага в Палестине¹⁶.

На основании постановлений Лиги Наций французские войска, разгромив армию Фейсала, заняли в июле 1920 г. Дамаск¹⁷. Вмешательство союзников в региональную ситуацию, как и поддержка Великобританией еврейской иммиграции в Палестину, заложили основу негативного отношения к Соединенному Королевству – оно стало восприниматься в качестве предателя договоренностей с арабами.

Весть о падении хашимитского правления в Сирии, а вместе с ним – крушении планов шерифа Хусейна о создании объединенного арабского королевства, вызвала обеспокоенность в Хиджазе¹⁸. Эмир Абдалла во главе небольшого двухтысячного вооруженного отряда выступил в направлении Трансиордании¹⁹, территория которой не контролировалась британскими войсками и служила укрытием для бежавших из Сирии националистов²⁰. 21 ноября 1920 г. эмир прибыл в город Маан, где обратился к жителям «великой Сирии» с призывом подняться на борьбу с французскими захватчиками под знаменами его армии²¹. 2 марта 1921 г. Абдалла вступил в Амман, намереваясь собравшись с силами проследовать дальше – в Дамаск²². Франция незамедлительно обратилась к Великобритании с требованием пресечь антифранцузскую деятельность на подконтрольных Соединенному Королевству территориях²³. При этом сама Великобритания оказалась застигнута врасплох, поскольку окончательное решение о характере управления подмандатными территориями еще не было принято.

В конце 1920 г. в Лондон был приглашен эмир Фейсал, которому предложили занять трон Ирака и попросили убедить отца и брата не предпринимать против союзников Великобритании враждебных действий²⁴. 12–24 марта 1921 г. в Каире прошла конференция британских специалистов по региону под председательством министра по делам колоний Уинстона Черчилля. Касательно Трансиордании было выработано следующее решение: предложить эмиру Абдалле создать на этой территории арабскую администрацию и взять под контроль антифранцузские и антиссионистские выступления²⁵. Страна превращалась в буфер между Палестиной

и Ираком, вследствие чего достигался четкий раздел зон французского и британского влияния²⁶.

28–30 марта 1921 г. в Иерусалиме состоялись переговоры У. Черчилля и эмира Абдаллы, по итогам которых было заключено временное соглашение о создании в Трансиордании национального правительства во главе с эмиром, полной административной самостоятельности этого правительства и гарантиях финансовой помощи ему со стороны Великобритании в размере 180 000 фунтов стерлингов для укрепления безопасности страны. С этой же целью планировалось размещение в Аммане британской военной базы и аэродрома²⁷.

2 апреля 1921 г. Абдалла ибн Хусейн провозгласил в Аммане создание эмирата Трансиордания, а 6 октября 1922 г. он был приглашен в Лондон для обсуждения предварительных условий будущего англо-трансиорданского договора²⁸, подписание которого, однако, состоялось только через шесть лет. 25 мая 1923 г. Великобритания официально признала «независимость» правительства Трансиордании²⁹, при этом сохранив контроль над финансами вновь возникшего государства, его внешней политикой и военным строительством³⁰.

Зависимое положение главы Трансиордании позволяло ему, тем не менее, извлекать существенные выгоды из британской поддержки. В октябре 1924 г. власть над Хиджазом захватил правитель Неджда Абдель Азиз ибн Сауд, положив конец правлению Хашимитов в этой части Аравии. В экспансионистские намерения саудитов входило распространение власти на север³¹. Первый серьезный рейд войск ибн Сауда на территорию Трансиордании был предпринят еще в 1922 г.³², второй – в августе 1924 г.³³ Лишь британская военная поддержка помогли Абдалле отбить атаки саудовцев на границы Трансиордании³⁴. В 1925 г. с помощью Великобритании была демаркирована нынешняя иордано-саудовская граница, что, в частности, позволило английской армии беспрепятственно передвигаться с Синайского полуострова в иракскую Басру по территории дружественного государства³⁵.

К 1926 г. власть эмира Абдаллы в Трансиордании была окончательно стабилизирована. Благодаря действиям сформированного англичанами Арабского легиона и Трансиорданских пограничных сил мятежные настроения в эмирате были нейтрализованы и обеспечена безопасность границ, в частности от продолжавшихся набегов саудовских войск. Административная и финансовая сферы полностью контролировались страной-мандатарием через многочисленных британских советников эмира Абдаллы³⁶.

Спустя шесть лет после переговоров в Лондоне, 20 февраля 1928 г. в Иерусалиме был подписан договор, разграничивший

полномочия эмира и мандатных властей. Согласно этому документу прерогативой эмира являлись лишь внутривластные вопросы. Внешнеполитические сношения, финансы и экономика Трансиордании контролировались Соединенным Королевством. Для поддержания порядка Великобритания имела право размещать на территории эмирата свои вооруженные силы. Все административные расходы, а также содержание британского персонала и военных лежали на Трансиордании. Однако страна-мандатарий обязывалась выплачивать финансовую помощь эмирату, неспособному самостоятельно нести эти расходы³⁷. Особая важность договора заключалась в том, что он содержал гарантии самого существования эмирата и его правящей династии³⁸. Документом предусматривалось создание трансйорданской конституции, которая была опубликована 16 апреля 1928 г. Работа над ее проектом велась несколько месяцев при участии британской стороны³⁹.

Таким образом, важнейшим обстоятельством, определившим приоритетный характер Великобритании для современной Иордании, стало многостороннее участие этой державы в становлении и сохранении иорданской государственности. Но есть и второе обстоятельство, оказавшее немалое воздействие на сохранение этой ситуации и в сегодняшнем мире. Оно связано с тем, что Иордания⁴⁰, не обладая значимыми запасами природных ископаемых, занимает стратегически важное положение в центре ближневосточного региона. Несмотря на то что иордано-британское партнерство всегда подвергалось критике, как в самой Иордании, так и в соседних арабских странах, реальность заключается в том, что без тесных отношений с «державой-колонизатором» экономическая и политическая отсталость Трансиордании не позволили бы ей построить современную инфраструктуру и создать государственность. Без британской военной поддержки независимость данной страны вряд ли могла выдержать угрозы, которым она неоднократно подвергалась на протяжении всего XX века.

Примечания

- ¹ См.: Ал-малик: ал-алакат ал-урдунийя ал-британийя асхамет би муаджаха ал-тахаддийат уа бинаи ширакат фаала (Король [Абдалла II]: иордано-британские отношения способствовали решению проблем и построению эффективного партнерства) // Ал-Рай. 2013. 12 марта.
- ² См.: Extract from confidential handbook No. 93 prepared by the Historical Section of the Foreign Office, "Syria and Palestine", April 1919, includes "II. Political

- History” – a chronological summary, 1535–1917 and “Syria since 1799”. Records of Syria 1918–1973. Antony Rowe Ltd, Chippenham, 2005. I. P. 79–80.
- ³ См.: Note on Amir Abdullah’s visit to Constantinople, prepared by Ronald Storrs, Cairo, 19 April 1914. Records of the Hashemite dynasties. Antony Rowe Ltd, Chippenham, 1995. V. P. 13–14.
- ⁴ См.: Extract from confidential handbook No. 93 prepared by the Historical Section of the Foreign Office, “Syria and Palestine”, April 1919, includes “II. Political History” – a chronological summary, 1535–1917 and “Syria since 1799”. Records of Syria. I. P. 79–81.
- ⁵ В арабской исторической географии термин «историческая Сирия» относится к территории, на которой в настоящее время расположены Сирия, Ливан, Иордания, Израиль и Палестинская Национальная Администрация (ПНА).
- ⁶ См.: *Baker R.* King Husain and the Kingdom of Hejaz. Cambridge, 1979. P. 64–65.
- ⁷ См.: *Shlaim A.* Lion of Jordan: the life of king Hussein in war and peace. L., 2007. P. 4.
- ⁸ См.: *Аганин А.Р., Соловьева З.А.* Современная Иордания. М., 2003. С. 66.
- ⁹ См.: Exchange of letters between King Hussein and Sir H. McMahon, 1915–1916. Records of Jordan (1919–1965). L., 1996. I. P. 253–257.
- ¹⁰ См.: *Хэйр Х.* Ал-хайя ан-нийабийя фи ал-урдун (Парламентская жизнь в Иордании). Амман, 1993. С. 1; *Baker R.* Op. cit. P. 97, 119–121.
- ¹¹ См.: *Ал-Батуш Б.* Ат-тарбия ал-ватания (Патриотическое воспитание). Амман, 2007. С. 54.
- ¹² См.: *Аганин А.Р., Соловьева З.А.* Указ. соч. С. 68–69; *Хэйр Х.* Указ. соч. С. 14.
- ¹³ См.: Mr. E. Scott to Lord Curzon, 24 September 1920 with enclosure: names of Mesopotamian members of Damascus Conference which proclaimed the Emir Abdullah as King of Mesopotamia. Records of Jordan. I. P. 240–242.
- ¹⁴ См.: Arrangement of May 1916, commonly known as the Sykes–Picot Agreement. Ibid. P. 260–261.
- ¹⁵ Британское обозначение территорий к востоку от реки Иордан.
- ¹⁶ См.: The Balfour Declaration of 1917 (dated 2 November 1917) // The United Nations Information System on the Question of Palestine (UNISPAL) [Electronic resource]. UN., 2012. URL: <http://unispal.un.org/UNISPAL.NSF/0/E210CA73E38D9E1D052565FA00705C61> (date of reference: 23.08.2013).
- ¹⁷ См.: *Аганин А.Р., Соловьева З.А.* Указ. соч. С. 69; *Хэйр Х.* Указ. соч. С. 14.
- ¹⁸ См.: *Baker R.* Op. cit. P. 175; Extract from Notes on the Middle East, No. 4, 24 May 1920. Records of the Hashemite Dynasties. VI. P. 48.
- ¹⁹ См.: *Котлов Л.Н.* Иордания в новейшее время. М., 1962. С. 27; *Baker R.* Op. cit. P. 178.
- ²⁰ См.: *Аганин А.Р., Соловьева З.А.* Указ. соч. С. 71; *Shlaim A.* Op. cit. P. 11.
- ²¹ См.: Sir H. Samuel to Lord Curzon, 6 December 1920. Records of Jordan. I. P. 190; Sir H. Samuel to Lord Curzon, 20 December 1920 with enclosure: summary of recent events in Transjordan by Sir W. Deeds, 16 December 1920. Ibid. P. 211–213.

- 22 См.: *Ал-Баттуну Б.* Указ. соч. С. 60; Extract from report on political situation in Transjordan, March 1921. Records of the Hashemite Dynasties. VI. P. 75.
- 23 См.: Sir H. Samuel to Lord Curzon, 10 December 1920. Records of Jordan. I. P. 196.
- 24 См.: Conference on Middle Eastern affairs to meet in Cairo, March 1921; telegraphic communications: Prime Minister to Mr. W. Churchill, 16 March 1921. Ibid. P. 299.
- 25 См.: Conference on Middle Eastern affairs to meet in Cairo, March 1921; telegraphic communications: No. 1 Mr. W. Churchill to Colonial Office, 15 March 1921; telegraphic communications: no. 6 Mr. W. Churchill to Prime Minister, 18 March 1921; no. 9 Prime Minister to Mr. W. Churchill, 22 March 1921; no. 10 Mr. W. Churchill to Prime Minister, 23 March 1921. Ibid. P. 298, 303–304, 306–308.
- 26 См.: *Shlaim A.* Op. cit. P. 21–22.
- 27 См.: *Ал-Баттуну Б.* Указ. соч. С. 60–61; *Хэйр Х.* Указ. соч. С. 16, 26; First, second and third conversations on Transjordan, 28 March, 1921. Records of Jordan. I. P. 323–331.
- 28 См.: *Ал-Баттуну Б.* Указ. соч. С. 62; Memorandum by Sir G. Clayton, 11 November 1922 with draft for suggested agreement regarding future status of Transjordan, 2 November 1922. Ibid. P. 618–624.
- 29 См.: *Аганин А.Р., Соловьева З.А.* Указ. соч. С. 73; Duke of Devonshire to Sir Herbert Samuel, Jerusalem, 2 May 1923. Records of the Hashemite Dynasties. VI. P. 239.
- 30 См.: Col. C. Cox to Sir H. Samuel, 20 August 1924. Records of Jordan. II. P. 197–200
- 31 См.: Article from The Times, 16 October 1924, “The fall of Mecca”. Ibid. P. 473–474; *Shlaim A.* Op. cit. P. 15–16.
- 32 См.: Telegram from Sir H. Samuel to Secretary of State for the Colonies, 16 August 1922. Records of Jordan. I. P. 691.
- 33 См.: *Shlaim A.* Op. cit. P. 16–17.
- 34 См.: *Котлов Л.Н.* Указ. соч. С. 32; Article by Dr. H. Kohn, March 1927, “The road to India”. Records of Jordan. III. P. 13.
- 35 См.: *Котлов Л.Н.* Указ. соч. С. 38; Agreements with the Sultan of Nejd regarding certain questions relating to the Nejd-Transjordan and Nejd-Iraqy frontiers, December 1925. Records of Jordan. II. P. 584–588.
- 36 См.: Chief British Representative (Colonel Cox) to Lord Allenby, 12 April 1927. Records of the Hashemite Dynasties. VI. P. 332.
- 37 См.: Ал-муахада ал-британийя ал-урдунийя (Англо-трансйорданский договор 20 февраля 1928 г.). Цит. по: *Хэйр Х.* Указ. соч. С. 129–135.
- 38 См.: *Котлов Л.Н.* Указ. соч. С. 41–42.
- 39 См.: Ал-канун ал-асасий ли-шаркий ал-урдун (дустур сана 1928). (Основной закон Трансйордании [Конституция 1928 г.]). Цит. по: *Хэйр Х.* Указ. соч. С. 115–128; Foreign Office to Under-Secretary of State, Colonial Office, 26 January 1928. Records of the Hashemite Dynasties. VI. P. 341–343.
- 40 25 мая 1946 г. эмират Трансйордания был переименован в Трансйорданское Хашимитское Королевство. Позднее, приставка «транс» была устранена.

НЕКОТОРЫЕ ПРОВОКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ НОРМАЛИЗАЦИИ АРМЯНО-ТУРЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ

В контексте урегулирования армяно-турецких отношений, для организации диалога инициируются различные программы с участием гражданского общества. В статье рассмотрены взаимоотношения, установленные на деловом уровне, в области СМИ, молодежных организаций. Более позитивное восприятие друг друга обществами двух стран может значительно ускорить процесс нормализации отношений на государственном уровне.

Ключевые слова: армяно-турецкие протоколы, нормализация отношений, гражданское общество, неправительственные организации, диалог.

После объявления Арменией независимости в 1991 г. стала актуальной проблема армяно-турецких отношений. Турция признала независимость Армении уже 16 декабря 1991 г., но не пошла на установление дипломатических связей с ней.

Межгосударственные отношения между Арменией и Турцией не нормализованы до сих пор.

После многолетнего относительного затишья в армяно-турецких отношениях в 2008 г. по приглашению своего армянского коллеги Сержа Саргсяна президент Турции Абдулла Гюль впервые посетил Ереван, чтобы присутствовать на футбольном матче между сборными командами двух стран (эти шаги были названы «футбольной дипломатией»). Это был перспективный вклад, направленный на установление диалога между двумя странами. 23 апреля 2009 г. сторонами было объявлено о завершении подготовки «Дорожной карты», которая включала конкретные мероприятия по нормализации двусторонних связей. Уже 10 октября

2009 г. в Цюрихе министрами иностранных дел Армении и Турции были подписаны «Протокол о развитии двусторонних отношений» и «Протокол об установлении дипломатических отношений».

Однако подписанные протоколы не прошли фазу ратификации в национальных парламентах Армении и Турции и «как и на всех предыдущих этапах, и здесь процесс армяно-турецкого примирения столкнулся с хоть и ожидаемыми, но очень сложными препятствиями»¹. Турецкая сторона попыталась увязать армяно-турецкий процесс с карабахским урегулированием, хотя Анкара и Ереван согласились на нормализацию отношений без предварительных условий, что и отражено в содержании армяно-турецких протоколов.

Как отмечает российский политолог С. Маркедонов в своей статье «Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы», – «констатируя некий спад в сложной динамике армяно-турецкой нормализации, нельзя говорить о полной остановке всего процесса»². В этой же статье он отмечает, что «кризис и спад не означают политическую смерть. Идеи нормализации и примирения с соседом уже стали частью внутреннего дискурса и в Армении и в Турции»³.

После закрытия границы и неудач в переговорах на официальном уровне, различные неправительственные организации мобилизовали свои возможности в попытке установления диалога между обществами Турции и Армении. В целях улучшения взаимного диалога представители обеих стран попытались ввести программы по обмену студентами, расширить взаимодействие в культурно-гуманитарной области.

Народная дипломатия является единственным каналом общения двух стран при практическом отсутствии официальных контактов. Она предоставляет возможность рядовым гражданам принять участие в формировании единой стратегии по обнаружению причин и разрешению общих проблем. Так как официальные круги не смогли найти путей урегулирования двусторонних отношений, альтернативные практики пытаются провоцировать изменение климата на государственном уровне, начало контактов.

Турецко-Армянская комиссия по примирению (TARC – Turkish–Armenian reconciliation commission), которая была основана летом 2001 г. гражданскими лицами с неясным одобрением правительств обеих стран, с участием нескольких бывших дипломатов и ученых с турецкой и армянской стороны, стремящихся способствовать нормализации отношений. Создание TARC было попыткой проведения неформальной дипломатии.

Комиссия начала свою деятельность в составе четырех турецких и шести армянских представителей в Вене. Комиссия, созданная с одобрения правительств Турции и Армении, получила поддержку Государственного департамента США, и американский дипломат Дэвид Филлипс стал ее председателем.

Нацеленная на улучшение отношений между Турцией и Арменией, эта комиссия была основана для исследования проблем, вызывающих конфликт, и формулировки стратегий, которые могут помочь разрешить их. Хотя деятельность комиссии прежде всего была направлена на открытие турецко-армянской границы как решающий шаг для установления дипломатических отношений, споры о геноциде затмили другие вопросы. Турецкая сторона предложила, чтобы историки, архивисты и психологи провели совместное исследование, но армянские представители отклонили предложение, утверждая, что, без сомнения, события 1915 г. были геноцидом и международное сообщество приняло этот факт. Во время одной из встреч члены комиссии приняли решение обратиться в Международный центр переходного правосудия (МЦПП) с просьбой исследовать этот вопрос и вынести решение о том, попадают ли массовые убийства и депортация армян в Османской империи под определение геноцида согласно Конвенции ООН от 9 декабря 1948 г.⁴

МЦПП опубликовал доклад 4 февраля 2003 г. Согласно этому заключению обратной силы Конвенция по геноциду не имеет с точки зрения международного права, но события 1915 г. подпадают под все определения геноцида и употребление этого термина полностью оправдано. Кроме того, эволюция концепции геноцида в рамках «обычного международного права» создала ситуацию, которая поддерживала претензии армянской стороны. Так, после заключения МЦПП диалог зашел в тупик, поскольку ни одна из сторон не казалась готовой пойти на уступки. Турецкие участники комиссии, посчитавшие, что заключение было юридически неудовлетворительным, вышли из состава TARC.

Армянские СМИ подвергли острой критике TARC. В частности указывалось, что внешне налаживая армяно-турецкие отношения, эта комиссия на самом деле препятствием для признания геноцида армян международным сообществом. Один из ее турецких членов заявил в Баку, что «основная задача комиссии – помешать тому, чтобы вопрос о геноциде армян постоянно присутствовал в повестке дня западных стран»⁵.

В результате этих событий Турецко-Армянская комиссия по примирению объявила о своем роспуске 14 апреля 2004 г. в Москве

и дала некоторые рекомендации турецкому и армянскому правительствам, включая открытие границы. Комиссия сделала важный шаг, стремясь примирить турок и армян и урегулировать проблемы, но была вынуждена прекратить свою деятельность до достижения конкретных целей.

Как отметил бывший председатель ТАРС Дэвид Филлипс, «комиссия создала возможность для того, чтобы официальные лица Армении и Турции начали общаться друг с другом. Тогда впервые между армянами и турками вокруг самых сложных вопросов начался скоординированный и организованный диалог. Фактически был сломан лед и ликвидировано табу»⁶.

В областях, наиболее пострадавших от закрытой границы, местные власти и бизнесмены предпринимают попытки изменить сложившуюся ситуацию и пытаются влиять на решение государственной политики в открытии границы.

В 1997 г. на саммите Организации Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), состоявшейся в Стамбуле, на повестке дня были экономические отношения между Турцией и Арменией. Некоторые представители делового мира, большинство из которых были из сектора транспорта и логистики, предложили создать армяно-турецкий деловой комитет. Таким образом, 3 мая 1997 г. был создан Турецко-Армянский комитет по развитию бизнеса (TABDC) в целях улучшения сотрудничества между турецкими и армянскими деловыми кругами, а также улучшения отношений между двумя странами⁷. В связи с отсутствием дипломатических отношений между двумя странами было невозможно интегрировать TABDC в Совет по внешнеэкономическим связям Турции. Комитет начал свою деятельность без получения официального статуса. TABDC направила свою деятельность на повышение объема торговли, несмотря на отсутствие дипломатических отношений между двумя странами и закрытые границы, и теперь осуществляет проекты по улучшению взаимного восприятия в двух странах.

В рамках проектов, направленных на улучшение отношений, были организованы культурные мероприятия в Турции и Армении. При содействии Турецко-Армянского комитета был предпринят важный шаг по подписанию протокола между Ближневосточным техническим университетом (далее БТУ) и Ереванским государственным университетом (ЕГУ). Этот протокол инициировал обмен студентами между двумя университетами, а БТУ принял группу армянских студентов из Еревана. Университет Анкары также подписал аналогичный протокол⁸. Тем не менее нельзя сказать,

является ли значимым результат, достигнутый благодаря этим попыткам академического сотрудничества.

Еще один проект, инициированный TABDC – это реконструкция церкви Ахтамар на озере Ван. Реконструкция была осуществлена благодаря вкладу турецкого Министерства культуры и туризма, а церковь была открыта в качестве музея 29 марта 2007 г. Этот шаг был рассмотрен как знак доброй воли и показывал намерения Турции улучшить отношения с Арменией.

Другой гражданской инициативой, направленной на улучшение регионального сотрудничества, является некоммерческая организация Kültür Anadolu AS (Анатолийская культура). В сотрудничестве с Kars Art Center (Арт-центр Карс), который был создан в феврале 2005 г., Anadolu Kültür провела совместные культурные и художественные мероприятия с участием организаций из кавказских государств. Мероприятия, в частности, были направлены на укрепление отношений между двумя странами через совместную деятельность с Арменией. Были организованы мероприятия и в области музыки, кино и фотографии в сотрудничестве с художниками из Армении. При содействии Anadolu Kültür фотографы из Стамбула сфотографировали Ереван и наоборот. Таким образом, первая совместная деятельность в области искусства, под названием «Мерхабарев», была организована в ноябре 2006 г.

Турецкой областью, которая больше всего страдает в экономическом плане по причине закрытой границы между Турцией и Арменией, является Северо-Восточная Анатолия. По словам местных деловых кругов, после потери своей роли в качестве ворот Турции на Кавказ, этот регион также потерял возможность развиваться экономически. Обеспокоенный этой неблагоприятной ситуацией, местные власти пытались убедить правительство открыть границу, делая упор на экономические преимущества, которыми оно обеспечит.

Можно утверждать, что такие попытки, предпринятые на местном уровне до сих пор, имели определенное влияние на разрешение ситуации. Тем не менее в то время как усилили гражданское общества улучшают диалог между обществами, их недостаточно, чтобы решить сложные проблемы. Однако мы должны признать, что, когда внешняя политика заходит в тупик, инициативы, сделанные гражданским обществом и другими группами воздействия, имеют очень важное значение.

Некоторые организации участвовали в процессе нормализации армяно-турецких отношений в течение многих лет и сыграли важную роль для сближения обществ, содействия средств массовой

информации, культурного диалога, а также в поддержке усилий народной дипломатии между Арменией и Турцией.

При поддержке миссии Агентства США по международному развитию (AMP США) (United States Agency for International Development, USAID) в Ереване консорциум армянских и турецких организаций реализовал несколько программ, наиболее важными из которых являются: «Армяно-турецкий диалог и сотрудничество», «Содействие улучшению отношений Армения – Турция», в которых с армянской стороны участвуют Евразийский фонд сотрудничества (Eurasia Partnership Foundation – EPF), Союз промышленников и предпринимателей Армении, Ереванский пресс-клуб, Международный центр по гуманитарному развитию (International Center for Human Development).

С турецкой стороны принимает участие целый ряд общественных, культурных и неправительственных организаций – Anadolu Kültür, Турецко-Армянский комитет по развитию бизнеса (TABDC), Global Political Trends (GPoT) Center, Toplum Gönüllüleri Vakfı (TOG), GAYA Research Institute, Турецкий фонд социально-экономических исследований (TESEV), Фонд исследований экономической политики Турции (TEPAV)⁹.

Цель данных проектов заключалась в поддержке армяно-турецких отношений за счет развития новых партнерских отношений в сфере бизнеса и региональных профессиональных связей, содействию гражданского общества дальнейшей нормализации армяно-турецких отношений, а также в создании благоприятных условий для межгосударственного диалога и взаимодействия.

В сентябре 2007 г. Евразийский фонд сотрудничества поддержал некоторые организации гражданского общества и представителей средств массовой информации в установлении партнерских отношений с турецкими коллегами и совместное осуществление двусторонней деятельности. Эти партнерские проекты поддерживали программы культурного и молодежного обмена, а также двусторонние медиапроекты.

В рамках проекта Support for Cross-Border Initiatives Армяно-турецкий молодежный клуб осуществил ряд совместно управляемых веб-ресурсов, включая интернет-форум, где представлены новейшие региональные новости, а также ежеквартальный онлайн журнал «Club Zone». Партнеры также организовали серию совместных семинаров и круглых столов для молодежи. Этот проект направлен на содействие диалогу между армянской и турецкой молодежью¹⁰.

Также были организованы различные программы в области музыки, искусств, СМИ, книгопечатания и т. д.

Работая одновременно с представителями населения, общественными организациями, получив посредничество лидеров других государств или представителей СМИ, можно достичь определенных положительных результатов.

Такая деятельность не только необходима, но может быть очень эффективной для стран, между которыми отсутствуют дипломатические отношения, и может создать благоприятную среду для будущей нормализации этих отношений.

В случае с Турцией и Арменией две различные версии истории препятствуют примирению. Между Турцией и Арменией нет экономических отношений и ограничено культурное взаимодействие. Общества двух стран не могут извлечь выгоду из последствий экономического сотрудничества.

Одним из важнейших результатов нормализации армяно-турецких отношений может стать более позитивное восприятие друг друга гражданами обеих стран.

Примечания

- ¹ *Искандарян А., Минасян С.* Прагматичность политики сквозь реалии исторических ограничений: анализируя армяно-турецкий процесс. Ереван: Ин-т Кавказа, 2010. С. 14.
- ² *Маркедонов С.* Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы. // Вестник РГГУ. Сер. «Международные отношения. Регионоведение». 2012. № 7 (87) С. 254.
- ³ Там же. С. 255.
- ⁴ См.: *Демоян Г.* Турция и Карабахский конфликт в конце XX – начале XXI в.: Историко-сравнительный анализ. Ереван: Авторское издание, 2006. С. 84.
- ⁵ Там же. С. 83
- ⁶ В Ереване презентован перевод книги американского дипломата об истории армяно-турецких отношений [Электронный ресурс]. Сайт газеты «Еркрамас». [Краснодар, 1996]. URL: <http://www.yerkramas.org/2010/02/05/v-erevane-prezentovan-perevod-knigi-amerikanskogo-diplomata-ob-istorii-armyano-tureckix-otnoshenij-video/> (дата обращения 20.08.2013).
- ⁷ Турецко-Армянский комитет по развитию бизнеса [Электронный ресурс]. Официальный сайт «Турецко-Армянского комитета по развитию бизнеса». URL: <http://www.tabdc.org/> (дата обращения: 20.08.2013).
- ⁸ См.: *Kaan Soyak makes presentation in Chicago* [Электронный ресурс]. Официальный сайт «Турецко-Армянского комитета по развитию бизнеса». URL: <http://www.tabdc.org/kaan-soyak-makes-presentation-in-chicago/> (дата обращения: 20.08.2013).

- ⁹ См.: Турцию и Армению ведут к брачному союзу [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/article/2013/04/10/ta/> (дата обращения: 20.08.2013).
- ¹⁰ См.: Support for Cross-Border Initiatives [Электронный ресурс]. Официальный сайт «Евразийского фонда сотрудничества». URL: <http://www.epfound.am/english/accomplished/armenia-turkey-cross-border-dialogue-and-cooperation/support-for-cross-border-initiatives.html> (дата обращения: 20.08.2013).

Е.А. Долгова

ОБ ОДНОЙ «СТРАТЕГИИ»
СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
«СТАРОЙ ПРОФЕССУРЫ»
В 1920-е гг.

Работа посвящена проблеме социальной адаптации ученых «старой школы» в первое постреволюционное десятилетие. На примере событий научной биографии известного отечественного историка и социолога Н.И. Кареева рассматривается выбор представителями «старой профессуры» жизненной стратегии в новой социальной реальности.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, научное творчество, «бывшие люди», профессура, стратегии социальной адаптации.

В последнее время наметился последовательный отказ от разделения дореволюционного и советского периодов в истории отечественной исторической науки. Все настойчивее утверждается точка зрения, что несмотря на изменения в политической и других общественных сферах, события 1917 г. не привели к резкому и однозначному разрыву традиции. В качестве связующих нитей прослеживаются персональная преемственность, функционирование научной традиции историописания и устойчивость подходов в рамках сложившихся научных школ. В исторической науке особую роль в поддержании преемственности играла так называемая старая профессура, чье профессиональное становление пришлось на конец XIX – начало XX в., а активная творческая деятельность совпала с периодом социально-политических трансформаций постреволюционного времени.

Если отойти от ставших традиционными представлений о влиянии социальных изменений первого постреволюционного

© Долгова Е.А., 2014

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта № 12-31-01232 а2.

десятилетия на положение социальной прослойки так называемых бывших людей¹ и фокуса рассмотрения судеб историков «старой школы» через коллективный портрет научной генерации², можно отметить не только пестроту индивидуальных стратегий вживания последних в предлагаемые режимом новые политические и социальные практики, функционирующие образовательные и научные структуры, но и вариативность в отношении к ним нового режима.

Это положение в полной мере может быть проиллюстрировано на примере изучения послеоктябрьского периода жизни известного отечественного историка и социолога Н.И. Кареева (1850–1931). Семья бывшего дворянина, высокопоставленного профессора Санкт-Петербургского (Петроградского) императорского университета, представителя дореволюционной научной элиты по определению должна была испытать на себе все особенности отношения к «бывшим людям» советской власти и нового общества.

Проведенное исследование послереволюционного периода научной биографии Н.И. Кареева (событий профессиональной деятельности и частной жизни)³ позволило сделать вывод о том, что ряд факторов персонального характера – имя ученого (крупнейшего специалиста в области всеобщей истории), его научная репутация и широкая известность (в том числе за границей), возраст, активная политическая позиция до 1917 г.⁴ – давали определенный иммунитет, защищая от репрессивных акций 1920-х гг.

Так, в условиях жилищных «уплотнений» Н.И. Кареев, став скорее исключением из правил, получил право пользования дополнительной жилплощадью⁵, прошения ученого о повышении довольствия и денежного обеспечения и о снижении обязательного для всех «революционного» налога удовлетворялись⁶, поддержано было и ходатайство о переводе его в V категорию научных работников («ученые мирового значения») с соответствующим повышением денежного обеспечения от ЦеКУБУ⁷, и ходатайство о выделении персональной пенсии от АН СССР в 1928 г.⁸ Во время проводившейся в середине 1920-х гг. кампании по изъятию бывших дворянских имений смоленское поместье Н.И. Кареева было не конфисковано, а «заменено» на подмосковное⁹.

При этом нельзя сказать, что, обеспечив ученого в социально-экономическом плане, власть сузила для него и возможности ведения педагогической и научно-исследовательской работы.

Единственное встретившееся нам цензурное ограничение – история с публикацией работы «Общая методология гуманитарных наук». В 1924 г. рукопись вернули из типографии по причине «резко идеалистической позиции автора» с предложением пу-

бликации при условии размещения критического предисловия; Н.И. Карееву через докладную записку в Главлит удалось добиться указания главы Главлита П.И. Лебедева-Полянского на публикацию книги «без всяких предисловий» при условии, что в «в работе нет мест, неприемлемых с политической точки зрения»¹⁰ (справедливости ради следует отметить, что работа опубликована так и не была). Что касается публикации двух крупных работ Н.И. Кареева – его мемуаров «Прожитое и пережитое» и «Очерков по истории русской социологии», то мемуары были отклонены издательством М. и С. Сабашниковых «ввиду бумажного голода и сильных в связи с этим обстоятельством ограничений издательской деятельности вообще»¹¹ (однако были приняты к публикации издательством «Наука и жизнь», возглавляемым В.Д. Бонч-Бруевичем¹²), сохранились свидетельства, позволяющие предположить, что Н.И. Карееву удалось добиться разрешения на публикацию и этой работы¹³.

Не такой однозначной, но вполне объяснимой представляется и ситуация с «отставлением» Н.И. Кареева от педагогической деятельности. Действительно, в 1923 г. решением научно-политической секции Государственного ученого совета он без каких-либо очевидных причин был освобожден от должности профессора факультета общественных наук Петроградского университета¹⁴ и перешел на службу в Географический институт (в апреле 1924 г. по его просьбе был переведен на сверхштатную должность ввиду запрета нового «Положения о научных работниках» одновременно получать пенсию и находиться на государственной службе¹⁵). После присоединения Географического института к Ленинградскому университету в 1925 г. Н.И. Кареев вновь вернулся в родную для него высшую школу. Окончательно уволен ученый был только в 1929 г. (в возрасте 79 лет) в связи с проведением перевыборов профессоров и преподавателей, работавших свыше установленного срока¹⁶; кроме того, и читавшийся Н.И. Кареевым единственный курс («Историческая этногеография стран Средиземноморского бассейна») в этом году был исключен из учебного плана¹⁷.

Сложнее обстоит дело с участием Н.И. Кареева в выборах в АН СССР в 1928 г. Очевидно, что ученый мог претендовать на избрание в действительные члены: к этому был и повод – осенью исполнялось 60 лет со времени появления его первой печатной работы¹⁸. Однако переписка В.П. Бузескула и С.Ф. Платонова свидетельствует о том, что тот факт, что Н.И. Кареев был «обойден» на выборах, не имел под собой политической подоплеки, – из двух кандидатур по всеобщей истории выбор академической корпо-

рации был сделан в пользу Е.В. Тарле¹⁹, при этом Н.И. Кареевым было получено «почетное членство».

Подобные примеры иллюстрируют, что власть не могла не считаться с факторами личного характера и дала Н.И. Карееву как представителю дореволюционной научной элиты шанс адаптироваться к новым социальным и политическим условиям, предоставив возможности как для ведения научной работы, так и последующего получения морального и материального вознаграждения за нее.

Однако сложно говорить о выборе ученым какой-либо определенной поведенческой стратегии. Будучи уже в преклонном возрасте и более или менее благополучно пережив годы разрухи и социально-политических перемен, Н.И. Кареев выбрал позицию, свойственную «кабинетному» ученому, наблюдавшему за происходившими переменами жизни несколько со стороны. Несмотря на то что условия жизни той поры побуждали многих ученых к компромиссам в творчестве, оказавшись в новых непривычных условиях, Н.И. Кареев тем не менее практически не пытался адаптировать свою научно-исследовательскую работу к условиям нового времени, продолжая жить в «старых», привычных контурах.

Прямым следствием этого стала постепенно нарастающая напряженность в отношениях ученого с политическим режимом, – ее острота пришлась на период 1928–1931 гг., когда по делу религиозного кружка «Воскресение» был репрессирован сын историка, а сам Н.И. Кареев после критических докладов, прозвучавших на заседании методологической секции Общества историков-марксистов и опубликованных на страницах периодической печати²⁰, оказался вовлечен в набирающее обороты «Академическое дело». В конце 1930 г. ученый написал открытое письмо президенту АН СССР и разослал копию письма своим коллегам, впервые решившись на разрыв отношений с властью. Ответом политического режима, действовавшего через номенклатурно организованное академическое сообщество, стало фактическое исключение имени историка из истории обществоведческой мысли вплоть до середины 1950-х гг.

Изучение научной биографии Н.И. Кареева на фоне изменений 1920-х гг. позволяет судить, что хотя социально-политические условия в целом определяли особенности и динамику функционирования научного сообщества (в том числе положение ученых «старой школы»), отношения власти и отдельного ученого зачастую были индивидуализированы, обусловлены субъективными факторами и выстраивались в соответствии с принципом кумулятивного накопления преимуществ – статусов и местонахождения ученого в структуре науки, его научной репутации и потенциала.

- ¹ См.: *Смирнова Т.М.* «Бывшие люди» Советской России: стратегии выживания и пути интеграции: 1917–1936 годы. М., 2003; *Она же.* «Бывшие люди» в социальной структуре и повседневной жизни советского общества (1917–1936 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010; *Чуйкина С.А.* Жизненные траектории дворян в советском обществе: Ленинград 1920–1930-х годов: Автореф. дис. ... канд. социологич. наук. СПб., 2000; *Она же.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–1930-е годы). СПб., 2006.
- ² См., напр.: *Сидорова Л.А.* Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М., 2008; Кефнер Н.В. Научная повседневность послевоенного поколения советских историков: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006 и др.
- ³ См.: *Долгова Е.А.* Документальные источники к научной биографии историка Н.И. Кареева 1917–1931 гг. // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 75–82; *Долгова Е.А., Тихонова А.В.* «Тяжелое материальное положение должно будет отразиться и на ходе научных работ...»: частная жизнь профессора Н.И. Кареева: 1917–1931 гг. // Родина. 2012. № 7. С. 158–160; *Долгова Е.А.* Неизученные страницы жизни Н.И. Кареева // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 131–137; *Она же.* Научная биография Н.И. Кареева: 1917–1931 гг. // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XXI в.: Сборник трудов молодых ученых / Отв. ред. А.С. Усачев. М.; СПб., 2012. С. 151–206.
- ⁴ Подробнее о политической позиции Н.И. Кареева см.: *Соловьев К.А.* Николай Иванович Кареев // Кареев Н.И. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и предисл. К.А. Соловьев. М., 2010. С. 5–15; *Он же.* Кареев Николай Иванович // Перводумцы: Сборник памяти депутатов Первой Государственной думы. М., 2006. С. 131–140; *Он же.* Николай Иванович Кареев: «Основать новую Россию, которая будет существовать для своих граждан» // Российский либерализм: Идеи и люди. М., 2007. С. 395–400; *Он же.* Кареев Николай Иванович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия. М., 2010. С. 395–397.
- ⁵ ЦГИА СПб. Ф. 2995. Оп. 1. Д. 444. Л. 222.
- ⁶ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8612. Л. 325–325об.
- ⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2957. Л. 3; Д. 4922. Л. 4; Д. 1039. Л. 26об.
- ⁸ ГА РФ. Ф. А-539. Оп. 3. Д. 9032.
- ⁹ Там же. Ф. 3316. Оп. 32. Д. 42; ГАСО. Ф. Р-13. Оп. 6. Д. 33.
- ¹⁰ Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук», 1922–1924 гг. / Подгот. Е.А. Долгова // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 242–243.
- ¹¹ НИОР РГБ. Ф. 119. К. 9. Д. 18–19. Л. 1–2. Это объяснение представляется реалистичным в связи с введенным в 1920-е гг. режимом «экономии бумаги» и

подписанной в марте 1926 г. конвенцией издательств об ограничении выпуска продукции.

¹² НИОР РГБ. Ф. 369. К. 282. Д. 41.

¹³ Там же. Ф. 119. К. 19. Д. 24. Л. 1: [Извещение от 19 ноября 1930 г.].

¹⁴ Там же. Д. 23. Л. 1.

¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8612. Л. 345–346.

¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 2556. Оп. 11. Д. 58. Л. 94об.–95; Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8612. Л. 356.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8612. Л. 357. К сожалению, спецкурс, по которому даже не сдавался экзамен, не пользовался популярностью среди студентов – в записной книжке за 1926 г. Н.И. Кареев порой отмечал, что на лекцию пришел только 1 студент (НИОР РГБ. Ф. 119. К. 3. Д. 13. Л. 59).

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 2403. Л. 27.

¹⁹ Там же. Л. 6–6об.

²⁰ Буржуазные историки в СССР: Доклад академика Н.М. Лукина в обществе историков-марксистов // Красная газета. Вечерний выпуск. 1930. № 305 (2663). С. 2; Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.): открытое заседание Методологической секции от 18 декабря 1930 г. // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 44–86.

М.А. Гордеева

УПРАВЛЕНИЕ РАЗНООБРАЗИЕМ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРАКТИК СОЦИАЛЬНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Статья посвящена анализу современных практик толерантности и актуализации потенциала высшего образования в конструировании качественно иных практик социальной коммуникации, основанных на инклюзивной идентичности и консенсуальных техниках признания других точек зрения. Статья также затрагивает принципы диагностики основных триггеров интолерантности и анализа подходов более эффективного включения системы высшего образования в процесс выполнения социальных функций.

Ключевые слова: толерантность, управление разнообразием, консенсус, социальная толерантность, обучение толерантности.

Управление разнообразием стало одной из самых актуальных проблем современности. Преодоление таких определяющих в прошлом признаков, как этническое происхождение, вероисповедание, имущественный ценз, позволило приблизиться к инклюзивной концепции гражданства, но не решило проблему интеграции общества. В связи с этим принципы социальной толерантности, несмотря на всю критику, имеют большой коммуникативный потенциал именно для решения данной задачи, что позволило бы сократить отчужденность между отдельными группами, а также снизить этническую и социальную напряженность.

В этом смысле институты системы высшего образования могут стать одними из лидеров данного процесса, обладая практически

© Гордеева М.А., 2014

Данная статья подготовлена в рамках исследований, проводимых по «Инновационным научно-исследовательским практико-ориентированным проектам в области социальной толерантности, пропаганды здорового образа жизни, борьбы с наркоманией».

неограниченным инструментарием в конструировании у молодежи более социально адаптивного типа идентичности и продвижении ценностей гражданского общества, способствующих гармонизации и устойчивому развитию. Постоянно увеличивающееся количество жителей не титульной нации актуализировало, с одной стороны, внимание к поиску новых коммуникативных практик, основанных на уважении к разнообразию и этнической толерантности в первую очередь. С другой стороны, продолжает оставаться актуальной задача разработки практик, позволяющих не только усилить социальную гомогенность общества, но и укрепить принципы национальной идентичности для нейтрализации эффекта увеличивающейся социальной фрагментации.

Самым сложным в создании качественно иного типа национальной идентичности является конструирование инклюзивности, которая тем не менее должна быть построена в рамках системы традиционных государственных символов и маркеров. Такая ситуация предполагает работу фактически в двух противоположных направлениях – продвижение идей социальной толерантности (в целях сохранения разнообразия) и одновременно культивирование патриотизма (в целях усиления объединительных тенденций в обществе). Развитие патриотизма едва ли может считаться практикой инклюзивной и способствующей этнической гармонизации, ибо предполагает выделение групп, не входящих в общий контекст, не соответствующих доминантной группе по признаку языка, культуры и религии, а составляющих основу для противопоставления и формирования маркеров идентичности большинства¹. В данном случае необходимо отметить, что сам тип национальной идентичности может варьироваться по степени своей эксклюзивности (от наиболее закрытого, основанного на маркерах этничности, до наиболее открытого, основанного на гражданских идеях и политических свободах), тем самым давая больший или меньший потенциал для инклюзивности.

Изменение типа идентичности и конструирование практик более толерантных, а значит, гармоничных отношений в обществе требует не только долговременных, но и комплексных усилий, где внедрение общенациональных программ социального плана должно быть дополнено широким спектром экстрасоциальных практик.

Представляется, что система высшего образования может быть с полным основанием использована как дополнительная социальная среда, способная конструировать и активно продвигать качественно иные принципы коммуникации у молодого поколения.

Система высшего образования является своеобразным микрокосмом общества, в котором в течение второй половины XX в. отразилась целая серия системных изменений.

Во-первых, значительно увеличилась доля студентов, обучающихся по программам высшего образования, что, с одной стороны, накладывает значимый отпечаток на систему диссеминации знаний, а с другой – делает экстрасоциальные практики, характерные для закрытой академической среды, частью общих социальных процессов.

Во-вторых, сами практики и характер знаний меняются под влиянием новых вызовов среды, провоцирующих смену акцентов в образовании – с элитно выстроенного эксклюзивного знания на массово инклюзивное. Этот процесс имеет двусторонний характер – с одной стороны, меняются ожидания от университетского образования, с другой, сам университет должен адаптироваться к реализации качественно иной функции.

Трансформация университета из элитарного закрытого интеллектуального клуба в центр массовой молодежной культуры не в последнюю очередь связана и с трансформацией критериев отбора студентов. Смена акцентов в отборе студентов поставила во главу угла интеллектуальные способности индивида, а не его социальное или этническое происхождение, сделав образование значительно более инклюзивным, чем ранее. Это изменение привело к тому, что изменилось также и отношение общества к необходимости получения высшего образования – значительно расширив понимание того, кто может и кому следует посещать университет.

Одновременно с этим изменилась и идентичность профессорско-преподавательского состава. Профессора качественно изменили методологию преподавания: от насыщения студентов локальными знаниями и учительского отношения к последним перешли к формированию космополитичной, профессионально ориентированной среды с углубленной специализацией в конкретной области знаний.

Настоящая инклюзивность системы высшего образования, возникающая со сменой критериев поступления студентов, делает возможным реализацию социальной миссии университетов, работа в сфере которой требует добавления дополнительных критериев к школьным оценкам и результатам общенациональных тестов на входе и успешной сдаче выпускных квалификационных экзаменов на выходе из университета.

Таким образом, второй план университетского образования представляется не менее важным и связан с реализацией более ши-

роких социальных задач – «микширования» ряда потенциальных конфликтных перспективных ситуаций через выстраивание иного типа социализации, обеспечивая влияние на студента не только с чисто интеллектуальной точки зрения (т. е. непосредственно информацией), но и оказывая влияние на тип личностей студентов и обозначая значимый, а иногда и поворотный этап в их жизни, закладывая качественно иной спектр коммуникативных стратегий. Таким образом, одна из задач университета – распространение иных социально более адаптивных и экологичных практик и вовлечение в их орбиту широкого круга студентов вне зависимости от их академических успехов.

Поэтому, несмотря на видимую экстрасоциальность университетов, высокий уровень инклюзивности образования, сопряженный с рядом государственных квот на прием студентов определенных категорий и социальное одобрение университетского образования как основы профессионального успеха в будущем делают систему высшего образования одной из наиболее влиятельных микросред общества, формирующих новые сценарии устойчивого развития.

Система образования, и высшего образования в частности, имеет большой потенциал влияния на существующие в обществе коммуникативные практики и еще большие возможности для конструирования новых, являясь во многом лидером демократического развития, потому что только в образовательной среде возможно стирание многих, иначе значимых, социальных различий, что, в свою очередь, оказывает значимое воздействие на социум. Признание интеллектуальных заслуг студента и выделение его в среде других участников группы очень часто дает ему возможность почувствовать себя лидером, которым в силу невысокого социального происхождения он в других условиях никогда не смог бы оказаться. Преодоление ограничений социального или этнического порядка создает эффект вертикальной мобильности, принципиально значимый для гармонизации социальных отношений и снятия конфликтности в обществе.

В противном случае сохранение сегрегации на университетском уровне ведет только к тому, что закрепляется противоречивость ценностей, снижается политическая активность групп, чувствующих себя лимитированными в возможностях, и закладываются первые признаки социальной поляризации. Обучение же в смешанных группах на основе критерия личных заслуг студента, по мнению ряда исследователей, является условием для обеспечения тенденции к снижению уровня ксенофобии в этнических и социально смешанных группах. Эта ситуация также влияет на сам

тип индентичности студента и включение его в более широкий социальный контекст, что, в свою очередь, создает новые коммуникативные практики и представляет собой весьма эффективный механизм укрепления гомонизирующих процессов в обществе.

Получение высшего образования само по себе является самым лучшим способом универсализирования ценности человека, заставляя его подниматься на уровень обобщенного теоретического знания, что также является очень эффективным средством снижения конфликтности в обществе и повышения социальной толерантности, а тем самым сохранения плюрализма и разнообразия.

В выстраивании управления разнообразием на основе принципа толерантности может быть реализован как иерархический, так и горизонтальный подход во взаимоотношениях между группами.

Нарушение баланса отношений может быть связано во многом с конструированием предрассудков и символических барьеров, основанных на наиболее ярких различиях (религия, этнический фактор и т. п.), но и одновременно самых «размытых» в социальном плане. Проблема связана с приданием ряду фактических различий между людьми символического значения. Проблема символов заключается в том, что они маскируют ряд существенных противоречий, обобщая их до универсального, а не конкретно субъективного значения. Более того, при конструировании новых практик, следует иметь в виду, что любые обсуждения отдельных вопросов взаимоотношений всегда будут идти в условиях подтекста символов.

Прагматика данного подхода состоит в том, что существование взаимных предрассудков и символов снижает уровень поддержки населением государственной политики в сфере гармонизации межгрупповых отношений, и следовательно, крайне необходимо обеспечение площадки, воспринимаемой как сугубо профессиональная.

В исследованиях по толерантности вопросы определения триггеров интолерантности и критериев оценки уровня толерантности являются одними из приоритетных. Одним из наиболее сложных и малоразработанных является выявление критериев степени взаимовлияния толерантности и уровня образования. То, что является бесспорным, это триггер интолерантности, который связан с ощущением угрозы от «другой» группы. Дж. Гибсон выделяет ряд критериев, по которым формируется ощущение угрозы по линии «свои – чужие»² (опасение экстремизма, воспринимаемая личная угроза гражданам, полная «инаковость», угроза собственному образу жизни). Факторы, снижающие ощущение угрозы, исходящей от «иной» группы, связаны с тем, что ее участники подчиняются

основным нормам и правилам определенного сообщества, имеют высокий уровень образования и сходны с большинством идеологические и моральные принципы. К сожалению, коммуникация между группами не может оставаться на определенном статическом уровне, а развивается либо по сценарию расширения взаимного притяжения, либо по сценарию усиления интолерантности. Это может быть усугублено тем, что ряд социальных групп, будучи не уверены относительно своего собственного статуса и прав, а также не имея никаких гарантий от государства, будут более асоциальны и склонны к конфликтности. В целом, избегание диалоговой коммуникации по ряду сложных межгрупповых взаимоотношений усугубляет уровень интолерантности и взаимного напряжения.

Общественное мнение во многом формируется с помощью СМИ, которые едва ли оставляют пространство для иных точек зрения, кроме позиции «большинства», определение параметров которого представляется затруднительным. Такая политика, по мнению немецкого исследователя Э. Ноэль-Нойман, называется «спиралью молчания»³. Это, в свою очередь, может быть компенсировано рядом экстрасоциальных практик, ярким примером которых может быть моделирование лучших межгрупповых отношений в рамках университетской среды и переориентации реакций студентов в той или иной ситуации в пользу более глубокого диалога, основой для которого будут отношения взаимного доверия.

Само формирование групп, входящих в социум и являющихся аутсайдерами, происходит во многом искусственно, а не является некой константой и поэтому не может считаться прочной основой коммуникативных практик.

Межгрупповые отношения – весьма сложная система интересов и позиций – и едва ли линейного характера, поэтому часто отчужденность укрепляемая и рядом целенаправленных действий, поддерживающих негативные стереотипы со стороны групп, по отношению к которым они проявляются⁴.

Измерение уровня межгрупповой толерантности в рамках высшего образования связано с тем, насколько представители тех или иных групп изначально различаются. Интересно, что те, кто ближе к группам-аутсайдерам по отдельным показателям (критерий социально-экономического положения и т. п.), согласно ряду исследований⁵ готовы больше поддерживать представителей наименее социально одобряемых групп. Более того, университетская среда отличается тем, что именно в ней происходит стирание ряда категориальных социальных различий между группами, что делает возможным развитие качественно иных коммуникативных практик.

Для того чтобы можно было развивать данные практики, необходимо применить мультифакторный анализ современной ситуации с тем, чтобы точнее диагностировать наиболее сложные и требующие особого внимания сегменты.

Представляется, что наличие дистанции между группами является основополагающим фактором при выстраивании интеграции посредством образовательных технологий⁶, поэтому диагностика ситуации в группе предполагает замер так называемой «социальной дистанции» и «эмоционального термометра» отношений⁷. По результатам многочисленных исследований в фокус-группах выявлена прямая зависимость дистанции между отдельными подгруппами в рамках университетских академических групп и уровнем осознания необходимости и поддержки специальных программ интеграции на основе толерантности и кросс-культурной коммуникации.

Готовность толерантно воспринимать свое окружение зависит также и от личных убеждений студента, которые проявляются прежде всего в политических убеждениях, ценностных ориентирах, уровне дохода, образования и в гендерных стереотипах. Диагностика ситуации связана с выявлением среднего значения по каждому показателю и суммарного рейтинга готовности толерантно относиться к собственным сокурсникам и окружающим людям.

Диагностика истока толерантного или интолерантного отношения требует также включения в расчеты фактора личных и групповых интересов⁸, иногда с приматом одной категории над другой. Доминанта личного опыта над групповыми интересами и ценностями может быть связана с сильным негативным опытом конкретного человека в прошлом или с его ситуацией в настоящем.

Большое влияние на уровень толерантности оказывает приверженность к тому или иному варианту политической идеологии. Так, сторонники консервативных идей реже и в меньшей степени поддерживают принципы толерантного отношения к представителям других социальных групп, чем либерально настроенные студенты⁹.

Следует отметить, что и показатель наличия традиции получения высшего образования в семье достаточно сильно влияет на готовность студента включаться в новые для него условия университетской среды. По данным ряда исследований, человек, впервые включающийся в университетскую среду отличается большей гибкостью и готовностью принимать новые правила игры.

Уровень предубеждения также ранжируется в зависимости от того, по отношению к какой группе оно проявляется. Принципы

толерантного отношения к своему окружению имеют прямую корреляцию с поддержкой студентом различных меньшинств и готовностью принимать разнообразие как основу социальных коммуникативных практик в университете¹⁰.

Распространение высшего образования в национальных масштабах и смена этнического состава студентов актуализировали диагностику того, насколько работают традиционные принципы в ситуациях взаимодействия в новых условиях. Управление разнообразием в системе высшего образования предполагает не только реализацию основных университетских свобод и возможности вертикальной мобильности в зависимости от интеллектуальных способностей студентов и профессоров, но и введение системы специализированных курсов – например по основам толерантности и правовой культуры, теории и практике межкультурной коммуникации, антропологии и истории национальных меньшинств, а также общему распространению либеральных идей как основной идеологии. Опыт преподавания подобных курсов в РГГУ является не только органичной частью образовательного процесса, но и способствует лучшей социализации первокурсников, которые только начинают включаться в новую среду.

Традиционно считается, что одним из самых эффективных способов влияния на социальные установки студентов является сам дизайн учебного плана курсов, лекционный метод подачи материала и комплексное получение знаний.

Одним из основных вызовов управлению разнообразием является высокая степень ригидности группы в отличие от индивида. Группа заинтересована в сохранении своих собственных практик, хотя и остается определенная свобода и открытость к получению новой информации, в то же время открытость критике остается не столь высокой.

В современных условиях и при существующих характеристиках системы образования коммуникативный прием, наиболее отвечающий задачам продвижения идей толерантности, является организация смешанных групп и реализация как можно большего количества курсов, направленных на формирование знаний о системе гражданских ценностей и развития навыков коммуницирования в кросс-культурной среде. Реальная демократия едва ли должна основываться на единстве ценностей, подразумевая гибкую систему плюрализма, в то же время именно образовательные площадки предоставляют необходимые возможности для апробации и развития качественно иных коммуникативных практик, позволяющих снизить уро-

вень социальной сегрегации и отчужденности и, как следствие, конфликтности и напряженности.

Создание общефедеральных программ или формулирование системных требований к данному типу курсам позволит значительно распространить новые практики и сделать их частью национальных программ социального развития. Ряд государств, где такая система практикуется и государство открыто предоставляет национальным меньшинствам ряд гарантий, отличаются высоким уровнем патриотизма среди меньшинств, а общество в целом отличается большей толерантностью к другим группам¹¹. Данные выводы также подтверждают версию о том, что этнические идентичности могут быть успешно инкорпорированы в более крупную национальную¹². Однако введение национальной программы обучения в целях развития качественно иного уровня политического самосознания возможно только в тех странах, где достаточно низок уровень социального неравенства и напряженности.

Примечания

- ¹ Green A., Preston J., Janmaat J.G. Education, Equality and Social Cohesion: A Comparative Analysis. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. P. 37.
- ² См.: Gibson J. Overcoming Historical Injustices: Land Reconciliation in South Africa. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. P. 121.
- ³ См.: Нойман Н.Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 91.
- ⁴ См.: Pettigrew T.F., Tropp L.R. A Meta-Analytic Test of Inter-Group Contact Theory // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. № 90 (5). P. 751–783.
- ⁵ См.: Tully J. Strange Multiplicity: Constitutionalism in an Age of Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 62.
- ⁶ См.: Schuman H., Steeh Ch., Bobo L. Racial attitudes in America: trends and interpretations, Social trends in the United States. Cambridge, Mass.: Harvard University Press. 1985. P. 89.
- ⁷ См.: Taylor C. The Politics of Recognition // Multiculturalism: Examining the Politics of Recognition / Ed. A. Gutmann. Princeton: Princeton University Press, 1994. P. 25–73.
- ⁸ См.: Pettigrew T.F., Tropp L.R. A Meta-Analytic Test of Inter- Group Contact Theory // Journal of Personality and Social Psychology 2006. № 90 (5). P. 751–783.
- ⁹ См.: Schultz W. Scaling Procedures for Likert-Type Items on Students' Concepts, Attitudes and Actions // IEA Civic Education Study: Technical Report, ed.

- Wolfram Schultz and Heiko Sibberns. Amsterdam: IEA, 2004. P. 65–67;
Inglehart R., Welzel Ch. Modernization, Cultural Change and Democracy: The
Human Development Sequence. N.Y.: Cambridge University Press, 2005. P. 29–30.
- ¹⁰ См.: *Conyers A.J.* The Long Truce: How Toleration Made the World Safe for Power
and Profit. Dallas: Spence Publishing, 2001. P. 74.
- ¹¹ См.: *Kolstoe P.* Political Construction Sites: Nation-Building in Russia and the
Post-Soviet States. Boulder, CO: Westview, 2000. P. 92.
- ¹² См.: *Feinberg W.* Common Schools/Uncommon Identities: National Unity and
Cultural Difference. New Haven, CT: Yale University Press, 1998. P. 78–96.

Исследования экстрасоциальных практик политического

А.Н. Бурова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГАМАЛЯ АБДЕЛЬ НАСЕРА: КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В ЕГИПЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье анализируется современное восприятие фигуры египетского президента Гамалья Абдель Насера на фоне происходящих в Египте революционных событий. Автор показывает, что идеи, предложенные и высказанные Насером, не утратили своего значения и по сей день. Они сохраняют актуальность в новых условиях и используются в дискурсе египетских деятелей, представляющих различные направления политической жизни страны.

Ключевые слова: Египет, Насер, арабские страны, национализм, мифологизация.

Гамаль Абдель Насер (1918–1970) – второй президент Египта, долгое время считавшийся героем не только своей страны, но и арабской нации. Вследствие прихода Насера к власти на первый план выходит новая элита, представленная военными, в первую очередь членами организации «Свободные офицеры». Такое положение дел сохранялось долгое время, вплоть до революционных событий 2011 г. После того как ситуация в стране изменилась, к власти стали приходить новые силы. Они выстраивали свою мифологию, в которую Насер как представитель старого «прогнившего» режима не вписывался. В связи с этим проявляются процессы дегероизации личности Насера. Однако события лета 2013 г., когда в стране произошел еще один военный переворот, еще раз изменили положение дел. У власти опять оказались военные

во главе с министром обороны Египта Абдель Фаттахом Ас-Сиси. Соответственно, снова происходит обращение к фигуре Насера как авторитетнейшего лидера своей эпохи, чьи идеи востребованы и сегодня.

Революционные события в Египте, начавшиеся в 2011 г. и продолжающиеся по сей день, показали, что образ египетского президента Насера сохраняет свою актуальность, несмотря на то, что с момента его смерти прошло более 40 лет. Проследив риторику ведущих современных политических сил Египта, можно увидеть, что к этой фигуре обращаются деятели, представляющие различные течения и с разными взглядами на будущее Египта. Однако эти процессы происходят по-разному.

Режим Хосни Мубарака, пошатнувшийся и рухнувший в результате революционных событий, следовал той традиции, которая сложилась в эпоху Насера и которая предусматривала получение ключевых постов государственной власти представителями военного истеблишмента. Эту традицию продолжил и бывший президент Египта Мубарак, который сделал карьеру на военном поприще. Именно Насер назначил его начальником штаба египетских ВВС. Если в Конституции Египта 1971 г. доминировало социалистическое начало, то в поправках к Конституции, принятых в 2005, 2007 и 2011 гг., от него стали отходить, однако оставалось неизменным немаловажное обстоятельство, а именно положение об обязательной доле «рабочих и крестьян» в парламенте, которая должна была составлять не менее 50%.

Идеи Насера часто фигурируют в дискурсе современных египетских политиков. Особенно ярко это проявляется, когда речь идет о ведущей роли Египта среди других государств арабского региона. Насер в своей книге «Философия революции» высказывал мысль о том, что Египет находится в центре нескольких «концентрических кругов», представленных арабским миром, африканским континентом и мусульманским сообществом. Это означало, что Египет во времена Насера стремился занять лидирующие позиции не только в арабском геополитическом пространстве, но и в африканском, а также мусульманском мире. Эти идеи продолжают сохранять свою актуальность и периодически перефразируются современными политиками. Исам Шараф, египетский политический деятель, возглавлявший МИД страны с марта по ноябрь 2011 г., в первом заявлении для прессы отметил, что его приоритетом на новом посту будет повышение роли Египта в арабском мире. Он заявил, что Египет находится «в сердце арабского мира», а происходящие в Египте события «будут иметь последствия во всех других

арабских странах». В частности, «если Египет будет идти вперед, вперед пойдет и весь арабский мир». Фактически он перефразировал строки «Философии революции» Насера о «круге арабских стран», в центре которых находится Египет и которые «связаны между собой самыми крепкими духовными и материальными узами»¹. Идея Египта как лидера и центра арабского мира более чем актуальна в современных условиях. В настоящее время позиции арабских стран по отношению к внутривосточным революционным событиям в некоторых государствах региона существенно различаются. В связи с этим вновь вызывается к жизни пространство «арабских стран», которое, по сути, представляет собой рыхлую и неомогенную структуру и далеко от единообразия.

Если обратиться к символике соответствующей эпохи и посмотреть, какие деятели поздравляли египетский народ с годовщиной июльской революции 1952 г., в результате которой Насер пришел к власти, то это в первую очередь маршал Хусейн Тантауи, занимавший пост главы Высшего Совета Вооруженных сил Египта с 2011 по 2012 г.² Что касается такого известного политического деятеля и кандидата на пост президента АРЕ, как Мухаммед Аль-Барадеи, то он не произносил речей в честь революции 1952 г., ограничившись речью о «победоносном 6 октября», дате начала четвертой арабо-израильской войны (6–26 октября 1973 г.). Такая постановка проблемы возможна в условиях, когда нет необходимости в том, чтобы поставить под сомнение весьма спорную «победоносность» этого события.

Естественно, что во время очередной годовщины ухода Насера из жизни не кто иной, как маршал Тантауи возглавил все связанные с этим мероприятия, встретился с его родственниками и произнес речь, выразив от лица египетского народа и Вооруженных сил высокую оценку Насера, который «навсегда останется примером для будущих поколений» в решении «арабских и региональных проблем»³.

Что касается освещения этого события в прессе, то оно было весьма обширным. В египетских газетах сорок первой годовщине ухода Насера из жизни было уделено большое внимание, по некоторым оценкам, даже большее, чем за последние 30 лет⁴. Если в прошлые годы крупнейшие газеты, такие как «Гумхурийа», ограничивались короткими новостными сообщениями, то в этом году большинство газет выделило значительное пространство для материалов о личности Насера. Например, газета «Аль-Ахрам» опубликовала различные статьи о Насере в объеме шести страниц. На электронном сайте этой газеты в выпуске от 22 сентября была

выложена информация о Насере, охватывавшая его жизненный путь, карьеру, процесс формирования «Свободных офицеров», приход к власти и важнейшие достижения.

В 2010 г. газета «Аль-Ахбар» упомянула о годовщине лишь в одной новости, помимо письма редактору от генерала Мухаммеда Салеха Мукаррама, в котором говорилось о превращении виллы Насера в музей (к слову, этого до сих пор не произошло). Год спустя, в 2011 г. в газете было опубликовано интервью с сыном Насера, Абдель Хакимом Абдель Насером, а также воспоминания о президенте его родственников, секретаря и охранника. Также в газете содержалась статья писателя Галяля Арифа, который вспоминал Насера, говоря о нем в весьма позитивном ключе, упоминая о его национальном проекте, который был им предложен «ради строительства современного Египта». Помимо этого, в газете содержалось интервью с председателем египетского комитета по солидарности афро-азиатских народов Ахмадом Хамрушем, который рассуждал о «насеровском опыте» (*at-taghuba an-nasiriya*), положительных и отрицательных аспектах политики Насера и о ее критике. Помимо этого, в газете было опубликовано интервью с политическим деятелем, юристом Самихом Ашуром под заголовком, который звучал так: «Июльскую революцию совершила армия и сохранил народ, а январскую революцию совершил народ и сохранила армия»⁵. Налицо тенденция египетских авторов сравнивать и уравнивать события, казалось бы, несопоставимые по целому ряду параметров, начиная с контекста политического развития и заканчивая разницей в менталитете людей. Связав эти события, легко доказать желаемую логику исторического процесса, когда события, начавшиеся в 2011 г., предстают в качестве положительного или отрицательного, но все же аналога событий почти шестидесятилетней давности, которые происходили при совершенно других обстоятельствах.

В той же газете была опубликована статья, в которой о Гамале Абдель Насере говорили кандидаты в президенты АРЕ. Один из кандидатов, Хамдейн Иса, полагал, что Египет не нуждается в личности Абдель Насера, однако остро нуждается в его «мечте» (*hulm*)⁶. Другой кандидат, основатель партии «Аль-Гад аль-Гади» Айман Нур говорил о Насере, характеризуя его как «символ благородства египетского гражданина»⁷. Еще один кандидат, специалист по международному праву, помощник бывшего министра иностранных дел АРЕ Абдалла аль-Ашалль считал, что Насер является примером лидера, «верного своей родине»⁸. Однако далее он говорил о своем неприятии насеритского подхода к арабо-израильской борьбе. Такая позиция еще раз подтверждает, что в современных условиях

для политических деятелей представляется более целесообразным выбирать некоторые моменты в портрете лидера, отвергая другие, с учетом политической конъюнктуры.

Что касается взглядов Мухаммеда Аль-Барадеи, то этот политический деятель демонстрирует подчеркнуто негативное отношение к Насеру. В одном из интервью Аль-Барадеи заявил, что Насер «привел нас к войне с Израилем, к которой он не был готов»⁹, в то же время, он добавил, что «если мы не войдем еще раз в состав арабского единства, наша судьба будет наихудшей», т. е., насеровская идея арабского единства им не отвергается. В другом интервью Аль-Барадеи упомянул о притеснениях, которые терпел его отец, Мустафа Аль-Барадеи, в эпоху Насера. Аль-Барадеи упомянул, что предпочитает называть Насера «тиран (*toghuut*) Абдель Насер». В статье, опубликованной в газете «Ад-Дустур аль-Усбуий», египетский журналист Юсеф Аль-Акыд упоминает о телефонном разговоре с профессором университета Айн Шамс Хамидом Аммаром, который изобличал Аль-Барадеи во лжи в том, что касалось притеснений, постигнувших его отца во время Насера, и говорил, что, напротив, Мустафа Аль-Барадеи пользовался большой благосклонностью и уважением (Мустафа аль-Барадеи, юрист, был во времена Насера одним из членов Совета нации¹⁰). Помимо этого, Хамид обвинял Мухаммеда Аль-Барадеи в наличии у него некоторых целей, ради достижения которых он и выдвигает такие «лживые претензии» (*al-iddi`aat-al-kaziba*) к президенту Насеру¹¹.

После военного переворота в июле 2013 г., когда «Братьев-мусульман» и президента Мухаммеда Мурси лишили властных полномочий, на первый план вновь выдвинулись военные во главе с министром обороны Египта Абдель Фаттахом ас-Сиси. Западные СМИ не замедлили сравнить его с Насером: британская «Гардиан» утверждала, что можно увидеть фотографии этих двух лидеров во всех уголках Египта и что они проводили жесткую политику в отношении «Братьев-мусульман». Также газета приводит слова некоего западного дипломата о том, что в Египте присутствует «голод по сильному лидеру»¹², т. е., ас-Сиси выступает в качестве желаемого «сильного египтянина», фотографии которого, как утверждает газета «Ньюзвик», наполняют улицы и площади Египта¹³.

Один из сыновей Насера, Абдель Хаким Абдель Насер, выразил свою поддержку Абдель Фаттаху ас-Сиси в случае его участия в президентских выборах, поскольку, по мнению Абдель Хакима, именно он в состоянии вернуть Египту то «достоинство» [*karama*] которое было «давно утеряно». Более того, Абдель Хаким заявил, что «находит в личности Абдель Фаттаха ас-Сиси дух его отца»¹⁴.

Таким образом, оценки Насера в современном египетском политическом дискурсе разнообразны и часто противоречат друг другу. Такое различие во мнениях говорит о том, что образ Насера подвергается процессам мифологизации, а высказанные им идеи используются для оправдания действий тех или иных сил, которые обращаются к нему для придания своей деятельности большей легитимности.

Примечания

- 1 *Насер Г.А.* Философия революции. [Электронный ресурс]. URL: <http://nasser.bibalex.org/Books/BooksMain.aspx?ID=1&x=7&lang=ar>.
- 2 Все о Египте. [Электронный ресурс]. URL: http://www.egypt.com/egyptana/state/consulative_council.asp.
- 3 Форум «Мухит аль-Яум». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moheet.com/>
- 4 Газета «Аль-Ахбар». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.al-akhbar.com/>
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 Совет нации – представительный орган, созданный на основе конституции 23 июня 1956 г. Состоял из 350 членов. Первое заседание состоялось 22 июля 1957 г. Просуществовал в таком виде до 10 февраля 1958 г., когда после объединения с Сирией была принята временная конституция, и в его состав вошли 200 египтян и 200 сирийцев. После распада ОАР этот орган существовал в составе 350 членов плюс 10 членов, которых назначал президент республики. В 1971 г., после смерти Насера, была принята новая постоянная конституция и прошли выборы уже в Народный совет.
- 10 *Сабих А.* Президент Абдель Насер и неправдоподобные рассказы аль-Барадеи Аль-Шааб (на араб. яз.). (Электронный ресурс) URL: <http://elshaab.org/thread.php?ID=3234>
- 11 Газета «Аль-Мысри аль-Яум». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.almasryalyoum.com/node/2016951>
- 12 Там же.
- 13 Газета «Аль-Мысриуон». [Электронный ресурс]. URL: <http://almesryoon.com/%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%8A%D8%A7%D8%B3%D9%8A%D8%A9/241743-%D8%B9%D8%A8%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D8%AD%D9%83%D9%8A%D9%85-%D8%B9%D8%A8%D8%AF-%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D8%B5%D8%B1-%D8%A3%D8%AC%D8%AF-%D9%81%D9%8A-%D8%A7%D9%84%D8%B3%D9%8A%D8%B3%D9%89-%D8%B1%D9%88%D8%AD-%D8%A3%D8%A8%D9%89>

Д.В. Соколов

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС 1968 г. КАК «УПРАВЛЯЕМЫЙ СКАНДАЛ»

В статье рассматривается вопрос о том, как интерпретация советской пропагандой чехословацких событий 1968 г. должна была помочь СССР решить определенные политические проблемы, возникающие в идеологической сфере. Центральный тезис статьи заключается в том, что Советский Союз с помощью пропаганды превратил чехословацкий кризис в «управляемый скандал», т. е. попытался использовать кризисные события для укрепления собственной сферы влияния.

Ключевые слова: пропаганда, СССР, «холодная война», Чехословакия.

Чехословацкий кризис 1968 г. традиционно привлекает внимание многих исследователей, занимающихся проблемами «холодной войны». Его причины и последствия неоднократно рассматривались в различных контекстах – международном, внутриполитическом, идеологическом. В настоящей статье сделана попытка взглянуть на чехословацкие события в контексте советской внешнеполитической пропаганды, но при этом основное внимание уделить той связи между идеологией и прагматизмом, которую должна была обеспечивать советская пропаганда в период кризиса.

Опыт данного кризиса дает возможность лучше понять, как действовала советская пропаганда для обоснования силовых внешнеполитических решений в условиях, когда внешнего посягательства на единство социалистического лагеря не было. В отличие от венгерских событий 1956 г., в Чехословакии изначально не было массовых гражданских беспорядков, вызванных негативным отношением к политике СССР – наоборот, критика Москвы носила мирный характер и выражалась прежде всего в печати.

Социальный контекст «Пражской весны» рассматривается, таким образом, с двух точек зрения. С одной стороны – это неопределенность, внезапный всплеск общественной активности и стремление общества к переоценке ценностей и переосмыслению собственного опыта. С другой стороны – это сопротивление с точки зрения господствующих идеологических догматов и стоящих за ними политических структур как внутри страны, так и вне ее. Эта ситуация может быть названа «управляемым скандалом» – конфликтом, изначально развивавшимся в сфере идеологии и пропаганды, которому при этом Советский Союз стремился придать внешне полемическую форму, лишённую какой-либо агрессивной составляющей. Цели этого «управляемого скандала» были вполне практическими – во-первых, принудить чехословацких руководителей к изменению своей внутренней политики, во-вторых, создать такую последовательную картину кризиса, которая отвечала бы советским интересам.

Технология управления кризисом, применяемая СССР, опиралась в значительной мере на идеологию и политическое давление, однако ее связующим звеном выступала пропаганда. В статье рассматриваются взаимосвязи между этими тремя аспектами чехословацкого кризиса (военно-политическим, идеологическим и пропагандистским) через призму механизма «управляемого скандала». Для этого, в свою очередь, необходимо, во-первых, вкратце обозначить основные события развития кризиса 1968 г. в отношениях СССР и Чехословакии, а во-вторых, исследовать интерпретацию этого кризиса в советской внешнеполитической пропаганде.

Истоки кризиса лежат в решениях январского пленума Центрального комитета Коммунистической партии Чехословакии (ЦК КПЧ), состоявшегося в 1968 г. На этом пленуме, после длительных дискуссий, было принято решение разделить высшие партийные и государственные посты. 5 января 1968 г. первым секретарем ЦК КПЧ был избран А. Дубчек, а президентом ЧССР стал А. Новотный.

Вскоре после своего избрания А. Дубчек начал производить кадровые перестановки в партийном аппарате без согласования с Кремлем, чем вызвал раздражение у советской стороны. В феврале–марте 1968 г. новый состав партийных руководителей, опиравшийся на А. Дубчека, способствовал ослаблению цензурных ограничений в чехословацкой прессе. Это привело к резкому росту критических в отношении политики партии материалов, усилению давления на позиции А. Новотного как президента страны и массовым демон-

страциям, участники которых требовали продолжения кадровых перестановок в партийном и правительственном аппаратах.

Во второй половине апреля в чехословацкой печати впервые появились требования провести масштабные кадровые чистки в аппарате КПЧ с целью вывести из партийных структур людей, ответственных за проводимые в прошлом репрессии. Сам факт постановки подобного вопроса не мог пройти мимо внимания Кремля, и уже в начале мая чехословацкая делегация во главе с А. Дубчеком была вызвана в Москву для объяснений. Длительные и напряженные переговоры привели лишь к растущему недоверию с советской стороны и закончились фактически безрезультатно.

На протяжении следующих нескольких месяцев отношения Праги и Москвы продолжали ухудшаться. В июле на имя Л.И. Брежнева пришло несколько секретных писем от чехословацких коммунистов, опасавшихся развития событий в своей стране. В этих сообщениях содержался прямой призыв к советскому руководителю «оказать братскую помощь нашей партии и всему нашему народу в деле отпора тем силам, которые создают серьезную опасность самим судьбам социализма в Чехословацкой Социалистической Республике»¹. После изучения этих писем в Политбюро ЦК КПСС Л.И. Брежнев заявил, что в отношениях СССР и Чехословакии «возник не только новый момент, но и новые требования к нашим действиям», и далее подчеркнул, что с советской стороны будут предприняты «все зависящие от нас меры политического воздействия. Если это не даст соответствующего эффекта, только тогда предпримем крайние меры»².

После нескольких бесплодных попыток разрешить кризис политическими методами на переговорах в конце июля – начале августа 1968 г. в Советском Союзе было принято решение о переходе к силовому сценарию. Последней каплей, видимо, стал состоявшийся 13 августа крайне напряженный телефонный разговор между Л.И. Брежневым и А. Дубчеком, после которого в Кремле окончательно поняли: политические способы решения кризиса исчерпаны. А. Дубчек не мог (или не хотел) выполнять данные ранее обещания, в том числе и те, которые были связаны с восстановлением контроля над прессой и кадровыми перестановками в партийных структурах и МВД, что было для советской стороны крайне важно. Началась спешная подготовка ввода войск Организации Варшавского Договора (ОВД) в Чехословакию.

20 августа 1968 г. войска СССР, Польши, Венгрии, Болгарии и ГДР пересекли границы Чехословакии и в течение нескольких часов взяли под контроль ключевые стратегические точки стра-

ны. После этого Советский Союз предпринял несколько попыток сформировать новое чехословацкое правительство, отстранив от власти неугодных ему реформаторов. Напряженные переговоры продолжались до 26 августа, когда было опубликовано совместное коммюнике, в котором сроки вывода войск ОВД из Чехословакии были увязаны со степенью нормализации обстановки в стране. В октябре 1968 г. начался поэтапный вывод частей войск ОВД, а через несколько месяцев, в апреле 1969 г., состоялся Пленум ЦК КПЧ, на котором А. Дубчек был смещен с поста и первым секретарем партии был избран Г. Гусак.

Рассмотрим пропагандистское измерение чехословацкого кризиса и его ключевые особенности в рамках концепции «управляемого скандала». Напомним, что «управляемый скандал» представляет собой конфликт между странами, развивающийся в идеологической и пропагандистской сферах, однако принимающий чисто полемическую форму³. Иными словами, его ключевая особенность – инструментальный характер самого конфликта, т. е. стремление хотя бы одной из сторон использовать его в качестве инструмента для достижения необходимых политических целей.

Остановимся подробно на основных этапах того «управляемого скандала», в рамках которого СССР пытался принудить Чехословакию к необходимым внутривнутриполитическим решениям. Для этого обратимся к реконструкции событий, приведших к августу 1968 г., заострив внимание на репрезентации чехословацкого кризиса в советской внешнеполитической пропаганде.

И первое событие, важное для нас в этой связи – дрезденское совещание шести коммунистических партий 23 марта 1968 г. Именно на этом партийном мероприятии были впервые подняты вопросы о характере происходящих в Чехословакии процессов. Но при этом общий тон обсуждения оставался вполне товарищеским: как подчеркнул Л.И. Брежнев, «разговор будет очень серьезным; но это будет все же дружеская беседа, дружеский обмен мнениями»⁴. В ходе этого «обмена мнениями» А. Дубчеку (главе чехословацкой делегации), однако, вполне прозрачно дали понять, что происходящие в его партии процессы вызывают сильное беспокойство у лидеров «братских социалистических стран». Но в рамках советской интерпретации эти события были охарактеризованы «не как “вмешательство”, а как большая забота братских партий социалистических стран» о том, насколько хорошо КПЧ сознают «опасность роста антисоциалистических сил»⁵.

Мы видим, что «управляемый скандал» еще не принял острой формы: речь шла о замечаниях (пусть даже и исходящих непо-

средственно от советского руководства), а не о попытке военного вмешательства. Тем не менее, уже на этой стадии просматривается указание Советского Союза на недопустимость сохранения текущего положения для чехословацких руководителей.

Ситуация резко обострилась через несколько месяцев. В период с апреля по июль 1968 г. в публичной сфере произошло несколько заметных событий, свидетельствовавших о том, что кризис в отношениях Москвы и Праги не только не сошел на нет, но продолжает набирать силу. Несмотря на заверения чехословацких руководителей, пресса в Чехословакии продолжала оставаться вне партийного контроля. Более того, во второй половине апреля в чехословацкой печати впервые появились требования провести масштабные кадровые чистки в аппарате КПЧ. Затем последовал отказ Чехословакии принять участие в запланированной на июль встрече руководителей партий и правительств социалистических стран в Варшаве. Официально отказ КПЧ присутствовать на варшавской встрече был мотивирован тем, что проведение такой встречи осложнит работу КПЧ и обстановку в стране. Тем не менее, несмотря на формально значимые основания для отказа, эти события можно расценивать в качестве точки перехода «управляемого скандала» в фазу противостояния: впервые чехословацкие руководители открыто (а не за закрытыми дверями) отказались проявить солидарность с социалистическим лагерем.

В результате варшавская встреча 14–15 июля 1968 г. прошла без участия представителей КПЧ, однако реакция со стороны «братских стран» не заставила себя ждать. 15 июля, в заключительный день встречи, ее участники направили в ЦК КПЧ письмо от имени коммунистических партий СССР, Польши, Болгарии, Венгрии и ГДР, в котором прямо говорилось: «силы реакции, использовав ослабление партийного руководства страной, демагогически злоупотребляя лозунгом “демократизации”, развязали кампанию против КПЧ» с «явным намерением ликвидировать руководящую роль партии, подорвать социалистический строй»⁶. Тем самым скандал впервые перешел в открытую плоскость: как друзья, так и враги социализма теперь знали о кризисе в КПЧ и знали о том, что страны социализма (и прежде всего СССР) рассматривают чехословацкий внутренний кризис как угрозу для единства социалистического лагеря.

В Чехословакии вызов приняли и не стали от скандала уклоняться. 26 июля 1968 г. в чехословацкой печати было опубликовано «Обращение граждан к Президиуму ЦК КПЧ», в котором содержался призыв к партийным властям «убедить ведущих пред-

ставителей КПСС в том, что процесс обновления в нашей стране должен быть доведен до конца» и что «мы не допустим развития, которое угрожало бы интересам тех народов, с которыми мы более двадцати лет вместе боремся за общее дело»⁷. Под этим заявлением стояли подписи известных чехословацких политиков, в том числе – А. Дубчека. Таким образом, обе стороны призывали в свидетели общественное мнение и обе стороны апеллировали в своих воззваниях к аналогичным образам (единство социалистического лагеря, солидарность братских народов и партий). Можно сказать, что «управляемый скандал» перешел в фазу разрыва, когда шансы на дипломатическое урегулирование осложнившихся отношений между Прагой и Москвой начали стремительно уменьшаться в связи с тем, что обе стороны публично отказались отступить со своих позиций и общий тон звучавшей риторики уже существенно изменился, особенно со «стороны обвинения».

Последним важным событием в этой цепи стала встреча руководителей шести коммунистических партий 3 августа в Братиславе, по итогам которой ими было принято заявление о коллективной ответственности в деле защиты социализма: СССР и остальные члены социалистического лагеря открыто заявили, что «поддержка, укрепление и защита завоеваний социализма» «являются общим интернациональным долгом всех социалистических стран»⁸. Таким образом, братиславскую встречу можно рассматривать как «последний шанс», предоставленный СССР и его союзниками Чехословакии для изменения своей позиции: были не только озвучены старые претензии, но и дан недвусмысленный (в этот раз – открытый) намек на меры противодействия им.

20 августа 1968 г. войска стран ОВД пересекли границы Чехословакии. Тем самым была поставлена точка в «управляемом скандале», продолжавшемся несколько месяцев – от мартовской встречи в Дрездене до августовского ввода войск ОВД в Чехословакию.

После того как мы рассмотрели основные внешнеполитические проявления «управляемого скандала», разворачивавшегося в отношениях Праги и Москвы в 1968 г., можно построить некоторую модель развития чехословацкого кризиса, отталкиваясь от того, как советская пропаганда оценивала происходящие события.

Первая фаза «управляемого скандала» («предупреждение»), таким образом, связана с вынесением внутривнутриполитической обстановки в Чехословакии на обсуждение других социалистических стран (мартовская встреча в Дрездене). На этой фазе речь не идет о критике или угрозах, но лишь о «выражении озабоченности», т. е. – предупреждающем сигнале со стороны «социалистического содружества».

Затем наступает вторая фаза («противостояние»): чехословацкие руководители публично признают наличие внутривластных проблем и под этим предлогом воздерживаются от участия в варшавской встрече стран социалистического лагеря, т. е. отказываются выслушать мнения и рекомендации других членов социалистического лагеря. Реакцией на это является уже не предупреждение, сделанное в кулуарах «встречи братских стран», а публичное и коллективное заявление, в котором события в Чехословакии изображаются (опять-таки открыто, т. е. на международном уровне) как «угроза контрреволюции». Тем самым признается опасный характер происходящих в Чехословакии процессов, причем опасный не только в смысле сохранения «завоеваний социализма» в отдельно взятой стране, но и в смысле сохранения единства всего социалистического лагеря. «Управляемый скандал» становится достоянием международной общественности.

В третьей фазе («разрыв») чехословацкая сторона реагирует на открытые и прямые обвинения со стороны СССР и других членов ОВД, выступив с публичным заявлением, в котором подчеркивает верность партийного и государственного руководства страны (равно как и ее народа) идеалам социализма, т. е. стремится представить происходящие события как цепь недоразумений, не имеющих каких-либо опасных последствий ни для советско-чехословацких отношений, ни для единства всего социалистического содружества. Советская пропаганда отвечает на это обвинениями в проникновении «ревизионизма» в партийные структуры, т. е. отказывается признать искренность чехословацких заявлений и, что еще более важно, систематически подчеркивает коллективную ответственность членов «мировой системы социализма» за события, происходящие в отдельно взятой социалистической стране. Итогом этой фазы становится реализация сценария силового давления на Чехословакию: «управляемый скандал» перешел в операцию по оказанию интернациональной помощи дружественной социалистической стране.

Этот переход, подчеркнем, был ретроспективно вполне логичен: советская пропаганда интерпретировала чехословацкий кризис как вмешательство «ревизионистских сил» в управление страной, и в таком контексте заявления «братских стран» выглядели не как попытка давления на независимое государство, но как забота о сохранении независимости страны. Даже сам ввод войск в Чехословакию трактовался как превентивная мера, направленная на предотвращение отрыва страны от социалистического лагеря. Кроме того, советская интерпретация событий неизменно перекла-

дывала всю полноту ответственности за осложнение ситуации в Чехословакии на внутренние враждебные социализму силы, оставляя за скобками вопрос о том, имелись ли альтернативные способы выстраивания отношений с Прагой. Тем самым «управляемый скандал» предстает как провокация, причем авторами этой провокации оказываются внешние силы, враждебные делу социализма⁹.

В подобном контексте становится возможной парадоксальная перспектива: ввод войск ОВД выступает уже не посягательством на чехословацкий суверенитет, а наоборот – попыткой отстоять его перед лицом антинародных сил, работающих на разрушение основ государства и общества¹⁰. В этом и заключалась цель «управляемого скандала»: путем подмены понятий и выстраивания определенной интерпретации создать необходимое для имиджа Советского Союза впечатление о своих собственных действиях в ходе кризиса. Можно с уверенностью говорить о том, что с помощью «управляемого скандала» в советской пропаганде была построена внешне вполне последовательная интерпретация чехословацких событий 1968 г. Но с той же уверенностью можно сказать и то, что своей второй главной цели – способствовать изменениям во внутренней политике Чехословакии – «управляемый скандал» не достиг: для этого пришлось задействовать военные методы.

Примечания

- ¹ *Лавренев С.Я., Попов И.М.* Советский Союз в локальных войнах и конфликтах. М.: АСТ; Астрель, 2003. С. 307.
- ² Там же. С. 308.
- ³ Отметим, что, с этой точки зрения, кризисы между СССР и США нельзя подвести под категорию «управляемого скандала», так как контрагентом в данном случае выступает страна, находящаяся вне сферы советского влияния, и, следовательно, определять ее внешнеполитические решения невозможно. В случае же с Чехословакией такая возможность у Москвы была, и неоднократно использовалась.
- ⁴ Пражская весна и международный кризис 1968 г. Том 2. Документы / Под ред. Н.Г. Томилиной, С. Карнера, А.О. Чубарьяна. М.: Международный фонд «Демократия», 2010. С. 412.
- ⁵ Правда побеждает: материалы чехословацкой печати о событиях 1968–1969 гг. / Под ред. Т.Г. Климовой. М.: Политиздат, 1971. С. 137.
- ⁶ Летопись внешней политики СССР: 1917–1978 гг. М.: Политиздат, 1978. С. 183.
- ⁷ Пражская весна и международный кризис 1968 г. С. 284.

⁸ Летопись внешней политики СССР: 1917–1978 гг. С. 183.

⁹ Вот одна из характерных оценок чехословацких событий, данных в советской печати вскоре после ввода войск в Чехословакию: «Этот заговор контрреволюционных сил, поддержанных извне империалистической реакцией, создал прямую угрозу социализму в ЧССР, угрозу отрыва ее от социалистического содружества. В этих условиях Советский Союз и другие социалистические страны, верные интернациональному долгу и союзническим обязательствам... были вынуждены пойти на крайние меры, включая ввод вооруженных сил на территорию республики». См.: К событиям в Чехословакии: документы, факты, свидетельства очевидцев. Вып. 1. М.: Пресс-группа советских журналистов, 1968. С. 8.

¹⁰ Подобная трактовка чехословацких событий стала основой для тезиса об «интернациональном долге социалистических стран», озвученного Л.И. Брежневым в ноябре 1968 г. В западных странах этот подход получил название «доктрины Брежнева»; отметим, что через десять с небольшим лет он же будет использоваться для обоснования ввода советских войск в Афганистан.

СИСТЕМА РЕЛИГИОЗНОГО
НАСТАВНИЧЕСТВА
В ТРАНСФОРМАЦИЯХ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОГО ИРАНА

В статье проводится анализ современного состояния «марджаата», шиитского религиозного института, принцип функционирования которого заключается в повсеместном духовном наставничестве религиозного деятеля над значительной частью общества. Марджа' (религиозные наставники) до сегодняшнего дня остаются религиозными авторитетами для миллионов шиитов. Несмотря на то что развитие информационных технологий позволили марджа' расширить сеть верующих по всему миру, самих последователей каждого из них становится меньше. Автор статьи приходит к выводу об изменении принципов функционирования этого проекта в трансформациях социальной реальности современного Ирана.

Ключевые слова: ислам, шиизм, власть, образец для подражания, религия, Иран, Ближний и Средний Восток, религиозная сеть, наставничество, последователи.

Современная форма религиозного наставничества в шиитском обществе «марджаат» возникла в середине XIX в. Первым религиозным авторитетом, получившим всеобщее признание, стал Мохаммад Хасан Наджафи в Неджефе (Ирак). Его стали называть «марджа' ат-таклид», что на русский язык переводится как «образец для подражания». Наджафи создал обширную попечительскую сеть, через которую стал получать религиозные подати и пожертвования, а также назначать своих религиозных представителей по всему шиитскому миру¹.

© Филин Н.А., 2014

Исследование выполнено при поддержке гранта президента РФ «МК-113.2013.6».

В XVI в. шиитскими правоведами была разработана теория, описывающая взаимоотношения между шиитскими религиозными авторитетами и их последователями. Исходя из этой теории, каждый член шиитской общины должен был либо достичь наивысшего уровня шиитского фикха², либо стать последователем одного из живых авторитетов (марджа'), который достиг такого уровня.

Каждый член шиитской общины (девочки в 9 лет, мальчики в 15 лет) обязан выбрать из «марджа' ат-таклидов» себе одного наставника и следовать его указаниям в течение всей жизни духовного лица. Для этого человек должен спросить трех правверных мусульман-шиитов о том, кого из учителей они посоветуют. Правда, после смерти выбранного марджа' желательнее, чтобы член шиитской общины нашел себе нового наставника.

В теории шиитская юриспруденция обязывает марджа' издавать фетвы (религиозные предписания), касающиеся глобальных вопросов жизни верующих, давая возможность его последователям самим определять их применимость в специфических обстоятельствах. Например если марджа', ссылаясь на Коран, заявляет о запрете соприкосновения со скверной, то верующие должны сами решать, является та или иная вещь оскверненной или нет. Иначе говоря, последователи должны обращаться к марджа' только в общих вопросах, частное применение религиозных наставлений – полностью лежит на плечах верующих. Однако на практике последователи довольно часто апеллируют к марджа' в частностях, поэтому его религиозный авторитет начинает распространяться с юриспруденции на политику и общество.

Наиболее ярко эта тенденция прослеживается в изданной в 1891 г. фетве Мирзы Мохаммеда Хасана Ширази, запрещающей его последователям употреблять табак. Она была выпущена в ответ на решение Насер ад-Дин Шаха Каджара предоставить Британской табачной компании эксклюзивное право на производство, продажу и экспорт иранской табачной продукции³. Позднее иракские марджа', многие из которых были по происхождению иранцами, вмешивались в иранскую политику, поддерживая то конституционное, то антиконституционное движение⁴. С того момента, как авторитет высших шиитских правоведов стал межнациональным и уже не был ограничен территориальными рамками, марджа' свободно начали участвовать в политической жизни часто тех стран, в которых они не проживали. Это стало большой проблемой для национальных правительств. Поэтому учреждение в 1921 г. Кумской семинарии⁵ могло рассматриваться иранским правительством как необходимый шаг в создании влиятельного религиозного истеблишмента

внутри Ирана и уменьшении влияния на иранскую внутреннюю политику находившихся в Ираке религиозных деятелей. Хотя это частично решило проблему для иранского государства, но не избавило от нее полностью⁶. Только появление Исламской Республики Иран, а также репрессивная политика Саддама Хуссейна относительно шиитского сообщества в Ираке снизили политическое влияние иракских религиозных авторитетов на Иран.

Хотя ИРИ не могла полностью решить проблему напряженности между духовенством и современным государством, контроль со стороны исламского режима за религиозными институтами забрал у духовенства возможность свободы в осуществлении политической деятельности. Фактически создание ИРИ, основанной на принципе «велейатэ факих» (правление наиболее сведущего шиитского правоведа), стало антиподом системе «марджаата». Неслучайно многие видные марджа' подверглись репрессиям. Даже сейчас в шиитском мире нет единства по поводу принципа «велейатэ факих»⁷, а оппозиция ему среди религиозных деятелей делится на несколько групп⁸.

ИРИ сделала свое духовенство самым богатым в шиитской истории и позволило ему получить доступ к государственным ресурсам, что было невозможно в прошлом. Более того, ИРИ дала возможность марджа' использовать банковские счета вместо накопления наличности в их домах. Многие религиозные деятели стали свободно заниматься бизнесом. Также новые двери в новый мир для марджа' открыл интернет. Эти обстоятельства открывают совершенно иную эру в шиитской истории, которая характеризуется рядом черт.

Первая особенность наступления новой эры для шиитской системы заключается в разделении религиозного и политического влияния со стороны муджтахидов на своих последователей. Это не означает секуляризацию или отдельное существование государственных и религиозных институтов. В данном случае разделение означает тот факт, что теперь политической позицией и влиянием может обладать религиозный деятель, не являющийся марджа' или даже муджтахидом. Примерами могут служить Хассан Насралла в Ливане и Муктада ас-Садр в Ираке⁹, религиозные деятели, которые, несмотря на то что не получили полного религиозного образования, имеют достаточно влияния, чтобы считаться муджтахидами.

Поэтому – и это другая особенность новой эры – взгляды марджа' на политику стали менее важными для их последователей, чем раньше. Эта тенденция проявилась во второй половине XX в., когда отдельные представители и целые группы исламских тече-

ний начали отделять себя от традиционных шиитских институтов. Примером такой тенденции может считаться Навваб Сафави. Он основал организацию «Федаянэ Эслам», которая являлась первой радикальной религиозной группой в шахском Иране, которая стала выступать с политическими требованиями. В это же время в арабских странах и Пакистане появилось много других шиитских радикальных религиозных деятелей, которым было более комфортно находиться в контакте с обычными людьми, чем с духовенством. Их желание мобилизовать людей отличалось от того, что делали марджа': пока последние обращались к традициям ислама, шиитские радикальные организации осуществляли радикальные политические акции¹⁰. В этой связи интересен феномен Хомейни, который, будучи марджа', смог приспособиться к новым реалиям и мобилизовать значительную часть населения Ирана на политическую борьбу лозунгами, которые не поддерживались другими марджа'.

Более того, для расправы со своими религиозными оппонентами Хомейни впервые в шиитской традиции присвоил себе право возведения религиозных деятелей в духовный сан и лишения его. Также впервые один человек в лице Хомейни мог назначать муджтахидов и смещать их, отбирая у них учеников, медресе, религиозные пожертвования и налоги. Самой значительной жертвой стал великий аятолла Шариахмадари, который был лишен права на марджаат¹¹. Многие марджа', среди которых Сейид Мухаммад-Реза Гольпаигани, Джавад Тебризи, Мохаммад Вахеда, Мухаммад-Бакир Ширази, Мохаммад Садр, Мохаммад Шахруди, Махди Марашши, подвергались преследованию и арестам. Эти действия явились беспрецедентными для шиизма, поскольку согласно шиитской догматике духовные лица не могут быть лишены звания. Таким образом, Хомейни поставил под сомнение религиозную традицию неприкосновенности высшего духовенства, не считая его больше «неприкосновенным и компетентным»¹².

Данные действия, которые начали порождать сомнения у верующих в компетенции марджа', а также новые веяния модернизации мира обозначили еще одну особенность функционирования современного шиитского общества: выборочный подход последователей к фетвам марджа'. В прошлом верующие полностью следовали решениям марджа' без исключений. Сейчас все чаще последователи по политическим и неполитическим причинам реализуют решения своего марджа' выборочно. По мнению религиозного эксперта Мехди Халаджи, существует тенденция, когда женщины, следуя решениям марджа' в большинстве ситуа-

ций, отказываются это делать, если фетвы направлены на женскую дискриминацию, касаясь вопроса многоженства или ношения хиджаба¹³. Сейчас многие верующие стараются разграничить следование фетвам в религиозных и общих (политических) вопросах. Например, они могут следовать решениям аятоллы Али Систани в вопросах молитвы, поста, хаджа, брака и развода, но не политики. В вопросах, касающихся политики, они апеллируют к Хассану Насралле, Али Хаменеи или другим религиозным политическим деятелям. На данный момент верующие, особенно женщины, имеют как минимум несколько каналов для получения религиозных наставлений. Поэтому в последние десятилетия наметилась тенденция, когда сами марджа' рекомендуют верующим следовать фетвам нескольких марджа', если каждый из них более компетентен в своих вопросах¹⁴.

Еще одна особенность новой эры в Иране заключается в том, что теперь финансовые возможности марджа' не ограничиваются религиозными податями. В прошлом марджа' собирали религиозные отчисления и пожертвования и хранили их или в своих жилищах, или в домах своих представителей. Затем эти деньги распределялись между духовенством или расходовались на строительство медресе, мечетей, благотворительность и т. п. Сегодня марджа' в Иране могут получать деньги от государства. У них есть возможность открыть свой бизнес, делать инвестиции, а также заниматься импортом и экспортом товаров. В прошлом популярность марджа' базировалась на его религиозном авторитете и финансовых способностях. Сейчас это уже не важно. Как указывает Мехди Халаджи: «Хаменеи является наиболее влиятельным марджа' в шиитском мире не из-за своих способностей привлекать последователей, а из-за доступа к властным ресурсам». «Если Махмуд Шахруди, – продолжает он, – бывший глава судебной власти Ирана, объявит себя марджа' и откроет свое представительство в Неджефе, то это случится не из-за его способности создать обширную попечительскую и финансовую сеть, а из-за финансовых возможностей, которые ему будут предоставлены иранским правительством»¹⁵. Эти фундаментальные перемены позволили марджа' быть более независимыми от своих последователей, но в то же время они поставлены в экономическую зависимость от национальных правительств в общем и от иранского правительства в частности.

Несмотря на то что глобализация и Интернет позволили марджа' найти верующих по всему миру и привлечь их к своему учению, невзирая на то, где они проживают, по иронии судьбы институт «марджаата» становится более локальным. Новейшие

коммуникационные возможности позволяют все большему числу шиитских правоведов (по некоторым данным их сейчас в мире насчитывается около 70¹⁶) объявлять себя марджа', что влечет за собой увеличение конкуренции между ними. Время, когда только один или несколько марджа' имели право на вынесение фетв, закончилось. Сейчас очень мало новых марджа' могут претендовать на наследство предыдущего, что очень часто случалось в прошлом (современным примером передачи марджаата от наставника к ученику является аятолла Али Систани, который получил находящееся у него в управлении имущество и финансы после смерти аятоллы Абулькаси́ма Хо́и в 1992 г.). Фактически до Исламской революции в Иране новый марджа' всегда получал помощь и благословение от уже утвердившегося религиозного авторитета и мог претендовать на его наследство. Сейчас же, когда марджа' умирает, его офис продолжает заниматься благотворительностью и другой организационной деятельностью. Его имущество не передается новому марджа', поэтому каждый новый марджа' должен развивать свой авторитет фактически с нуля. Но это позволяет большему количеству людей становиться марджа' без того, чтобы быть протеже предыдущего.

Когда в 1994 г., после кончины аятоллы Араки встал вопрос о том, кто формально является самым сведущим в шиизме муджтахидом¹⁷ и это «формальное» звание было предложено значительной частью иранского религиозного истеблишмента лидеру страны аятолле Али Хаменеи, он от него отказался, потому что не имел на тот момент достаточного религиозного авторитета¹⁸. Впоследствии, данный вопрос не ставился, что говорит о значительных трудностях в приходе по нему к компромиссу среди всех шиитских аятолл.

В целом, можно утверждать, что на сегодняшний день марджа' теряют свою монополию среди религиозных институтов, что усиливает трансформации социальной реальности в шиитском мире. Это происходит не только из-за того, что иранское государство практически полностью контролирует деятельность шиитского истеблишмента как внутри страны, так и частично за ее пределами, но и из-за появления новых религиозных институтов и организаций, которые не находятся под юрисдикцией марджа'. Начиная с середины XX в. в шиитском мире появились религиозные деятели, не связанные системой «марджа'», которые действуют без оглядки на старые шиитские авторитеты, создавая параллельные марджа' религиозные институты. Также привлекает к себе все больше сторонников и создаваемый современными религиозными интеллектуалами, например Мохсеном Кадиваром, Абдулкаримом

Сорুষем, Акбар Гянджи, реформаторский дискурс, ставящий духовность и нравственность выше фикха и теологии. Но несмотря на это, марджа' остаются религиозными авторитетами для миллионов шиитов. Можно утверждать, что система марджаата, который олицетворяет традиционное духовенство, еще долго будет существовать бок о бок с другими формами проявления шиитского ислама. В этой связи будет очень интересно наблюдать, как разные шиитские религиозные институты будут взаимодействовать друг с другом и искать свои формы существования в трансформациях социальной реальности современного Ирана в ближайшем будущем.

Примечания

- 1 См.: *Heinz H.* Shi'a Islam from religion to revolution. Markus Wiener Pub, 1997. P. 120.
- 2 Фикх – исламское право (юриспруденция).
- 3 См.: *Hairi A.H.* Shiism and constitutionalism in Iran: a study of the role played by the Persian residents of Iraq in Iranian politics. Leiden, 1977. P. 111; *Moaddel M.* Shi'i Political Discourse and Class Mobilization in the Tobacco Movement of 1890–1892 // *Sociological Forum*. Vol. 7. No. 3 (Sep., 1992). P. 462.
- 4 См.: *Дорошенко Е.А.* Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1985. С. 18–19.
- 5 См. подробнее: *Heinz H.* Op. cit. P. 127–131.
- 6 О перипетиях отношений между шиитским духовенством и властью в Иране в 1920–1940-е годы см.: *Faghfoory M.H.* The Impact of Modernization on the Ulama in Iran 1925–1941 // *Iranian Studies*. V. 26. № 3–4. Summer/Fall. 1993. P. 277–312.
- 7 См.: *Mervin S.* The Shi'a worlds and Iran. Saqi Books, 2010. P. 40.
- 8 Подробнее см.: *Wilfried B.* Who rules Iran?: the structure of power in the Islamic Republic. Washington Institute for Near East Policy, 2000. P. 86–97.
- 9 Хасан Насрала провел с перерывами 5 лет в Куме (с 1987 по 1991 гг.), что явно недостаточно для получения титула аятоллы. Муктада ас-Садр начал свое религиозное образование только в 2008 г.: См.: *Dehghanpisheh B.* The Great Moqtada Makeover // *Newsweek*. 2008. 24.01 / <http://www.thedailybeast.com/newsweek/2008/01/19/the-great-moqtada-makeover.html>
- 10 См.: *Khalaji M.* The Future of the Marjayia // *The Majalla: The Leading Arab Magazine*. 2012. 3 Apr. / <http://www.majalla.com/eng/2012/04/article552303371>.
- 11 См.: *Wilfried B.* Op. cit. P. 215.
- 12 См.: *Дорошенко Е.А.* Шиитское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг. М., 1998. С. 214–215.
- 13 См.: *Khalaji M.* Op. cit.

- ¹⁴ Исламское право: согласно фетвам аятоллы сейид Али Хусейни Хаменеи: учеб. пособие / Сост. М.Р. Мошфегги Пур (составитель). М., 2010. С. 12.
- ¹⁵ См.: *Khalaji M.* Op. cit.
- ¹⁶ См. в Twelvers: Alevi, Twelver, List of Current Maraji, Imamah, Alawi, Sukayna Bint Husayn, Muhammad Al-Mahdi, the Fourteen Infallible. General Books, 2011. P. 55.
- ¹⁷ После смерти аятоллы Боруджерди в 1961 г. в шиитском мире не было согласия по поводу того, кто мог бы стать новым «Абсолютным образцом для подражания» («марджа' ат-таклид аль-мотлак»), поэтому данный титул носил формальный характер и был скорее предметом дискуссий в СМИ (что можно было наблюдать в каждый год ухода из жизни одного из авторитетных муджтахидов: Хомейни в 1989 г., Хои в 1992 г., Гольпаигани и Араки в 1994 г.).
- ¹⁸ См.: *Gieling S.* The «Marja'iya» in Iran and the Nomination of Khamanei in December 1994 // *Middle Eastern Studies.* 1997. V. 33. № 4. Oct. P. 777.

Л.Ю. Чибирова

ТЕХНИКИ РЕЧЕВЫХ МАНИПУЛЯЦИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности языка политики, методы манипулирования людьми и способы распознавания манипуляций. Анализ политических действий оказывается неразрывно связанным с анализом языка политики, ведь язык есть средство реализации государственной политики, любое политическое действие описывается языком, находит свое выражение в языке и реализуется через язык.

Ключевые слова: политический дискурс, политическая культура, манипуляции, массовое сознание, стратегия, эмотивный компонент, политический деятель.

Процессы глобализации, формирования информационного общества оказывают ощутимое влияние на взаимоотношения участников политической коммуникации. В социальной и экономической сфере складываются новые структуры, формы взаимодействия, создаются благоприятные условия для политической социализации, раскрытия возможностей гражданского общества. Повышается значение обратной связи как прямого или косвенного выражения реципиентом отношения к политической информации, сообщенной коммуникатором. От определенной политической позиции зависит место страны на международной арене, ее взаимоотношения с другими государствами. Важную роль в определении имиджа страны играет способ ее словесной презентации политическими лидерами. Исследования выступлений позволяют, с одной стороны, прогнозировать дальнейшие действия и намерения политика, а с другой – устанавливать наиболее эффективные способы воздействия.

Слово – инструмент, позволяющий политику создавать значимые для избирателей образы, побуждать их к действиям. Язык, на котором политики общаются с избирателями, имеет свои особенности. Как и любое другое средство коммуникации, это – мощнейшее орудие манипуляции сознанием избирателей¹.

Актуальные проблемы современной лингвистики переходят в область междисциплинарных исследований, образуя новую область знаний. Одно из стремительно развивающихся в настоящее время направлений этого знания – политическая лингвистика. Политическая лингвистика или лингвополитология, – отрасль лингвистики, возникшая на стыке двух самостоятельных наук, лингвистики и политологии, и тесно связанная с другими современными лингвистическими дисциплинами (в особенности с прагматической лингвистикой, коммуникативной и когнитивной лингвистикой)².

Центральным понятием политической лингвистики является политический дискурс, который представляет собой особую разновидность дискурса и имеет своей целью завоевание и удержание политической власти. В лингвистической литературе политический дискурс представлен как многоаспектное и многоплановое явление, как комплекс элементов, образующих единое целое.

Политический дискурс относится к особому типу общения, для которого характерна высокая степень манипулирования сознанием людей, и поэтому выявление механизмов политической коммуникации представляется значимым для определения характеристик языка как средства воздействия. Под политическим языком мы понимаем особую знаковую систему какого-либо национального языка, предназначенную для пропаганды тех или иных идей, эмотивного воздействия на граждан страны и побуждения их к политическим действиям для выработки общественного консенсуса, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе³.

Относительно мира политики осознание важной роли языка сформировалось в философские и лингвистические проблемы соотношения языка и власти, агитации, пропаганды и политической рекламы, информативности и убедительности в политической коммуникации. В лингвистике эта тематика соответствует проблеме политического дискурса, ставшей в последнее время популярным объектом исследований на материале различных языков. Интерес к политическому дискурсу обусловлен не только ролью политики и политиков в мире, но и их пребыванием в центре внимания СМИ, тесным сотрудничеством политических структур и

СМИ, а также возникновением и развитием ряда новых дисциплин – политологии, конфликтологии, лингвополитологии⁴.

Политическому дискурсу присущи агрессивные черты, способные внушать отрицательное отношение к политическим противникам говорящего, навязывать иные ценности и оценки. Цель политического дискурса – дать почву для убеждения и побудить к действию. Дискурс политика, государственного деятеля зависит от множества внешних факторов: пола, национальности, социального и материального положения публики, перед которой он выступает. Очень часто, особенно в рекламе и политике, прибегают к использованию как осознаваемых психологических элементов, так и элементов внушения.

Политическая коммуникация выполняет следующие функции по отношению к политической системе и гражданскому обществу: информационную, координационную, политической социализации и манипулятивную. Выделяют четыре канала политической коммуникации. По официальному каналу осуществляется регулирование информационных потоков, исходящих от политической организаций и учреждений. Второй канал – персональный, он предназначен для передачи политической информации конкретными участниками политических сообществ, лидерами политических организаций и государственных органов. Третий канал – опосредованный. Когда информация исходит не от собственно политических органов или влиятельных деятелей, а от посредников, которыми могут быть средства массовой информации, научно-исследовательские и социологические центры. Четвертый канал – анонимный, т. е. лишенный достоверного источника информации, основанный на слухах, которые нередко распространяют масс медиа⁵.

Для современной науки большой интерес представляет проблема языкового манипулирования сознанием. Социально-политические концепции манипулирования рассматривают человека общественного, а не отдельную личность и не малые группы. Действующим лицом в данных концепциях выступают массы, классы, социальные слои, сферы деятельности. Результатом манипуляций являются побуждение адресата к действию, внушение определенных чувств. В связи с этим многие исследователи говорят даже о возникновении новой функции языка – манипулятивной⁶.

Приведем пример из инаугурационной речи президента Рейгана: «A dynamic economy, with more citizens working and paying taxes, will be our strongest tool to bring down the budget deficits. ... I have asked the Cabinet and my staff a question, and now I put the same question to all of you: if not us, who? And if not now, when? It must be done by all

of us...». («Динамичная экономика, где больше граждан работают и платят налоги, является нашим сильнейшим оружием для снижения дефицита бюджета. ...Я задал вопрос кабинету министров и своему окружению, и сейчас я задаю вопрос всем вам: если не мы, то кто? И если не сейчас, то когда? Это должно быть сделано всеми нами...»).

Цель данного эмотивного компонента – воодушевить американцев на сокращение национального долга, вызвав у них чувство уверенности в собственных силах. Президент стремится создать модель того, какой должна быть экономика. Для этого он использует выражения «a dynamic economy» (динамичная экономика), «our strongest tool» (наше сильнейшее оружие). Центром данного компонента выступает вопрос, обращенный к американцам «If not us, who? And if not now, when?» («Если не мы, то кто? И если не сейчас, то когда?»). Несмотря на отсутствие средств выразительности, данная фраза звучит очень экспрессивно в силу того, что адресована она непосредственно каждому. Таким образом, использовав местоимение множественного числа «us» («мы»), президент Рейган объединился вместе с соотечественниками для решения экономических проблем. Поставив этот вопрос, президент отвечает на него, используя модальный глагол «must» в значении долженствования: «It must be done by all of us...» («Это должно быть сделано всеми нами...»). Повторно употребляя местоимение «us», президент закрепляет позицию своего единства с народом, добиваясь чувства национального воодушевления для борьбы с экономическими трудностями⁷.

В современном обществе манипулирование выражается в возможности мощного информационного воздействия на социальное сознание и поведение людей. Среди предпосылок развития процессов и механизмов манипулирования следует выделить стремительное совершенствование способов сбора, обработки и передачи информации, что может приводить к отчуждению личности и информации, концентрации информации в руках ограниченных общественных групп.

Средством манипулирования служит язык, следовательно, необходимо отметить и существование семантических предпосылок. Использование языковых средств в процессе коммуникации подразумевает выбор приемов организации сообщения в конкретной ситуации. Подобный выбор позволяет активно влиять и на получателя информации, и на саму ситуацию.

Одним из наглядных примеров в этом случае может служить использование эвфемизмов – лингвистических средств, применяемых для смягчения, а иногда и сокрытия реального смысла и значения происходящих событий. Например для сообщения о военных

действиях вместо слова «война» часто используются выражения «наведение порядка», «ликвидация конфликта»⁸.

Отечественный исследователь Е.И. Доценко проанализировал существующие определения манипуляции и выделил следующие признаки этого понятия: 1) родовый признак – психологическое воздействие; 2) отношение к объектам манипулирования как средству достижения собственных целей; 3) стремление получить односторонний выигрыш; 4) скрытый характер воздействия (как самого факта воздействия, так и его направленности); 5) использование (психологической) силы, игра на слабостях (использование психологической уязвимости); 7) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий. Основываясь на этих критериях, Е.И. Доценко предложил несколько определений манипуляции, самое известное из которых звучит так: «Манипуляция – это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями»⁹.

Феномен манипуляции стал устойчивой частью политической системы современных режимов и коммуникационных практик новейшего времени незадолго до того, как начался ее научный анализ. Именно развитие обществ стимулировало развитие техники политических и иных манипуляций для их адекватного изучения с целью стать мощным фактором в социальном и политическом контексте. Эффект воздействия технологий политической манипуляции является результатом взаимодействия множества факторов, включая средства массовой информации, социально-экономическую обстановку, межгрупповое взаимодействие, влияние лидеров мнения, степень доверия к источникам информации. Формирование целостного представления о феномене политической манипуляции может быть достигнуто только путем комбинированного анализа, включающего в себя изучение процессов формирования личностных установок и убеждений, влияния СМИ на общественное мнение, влияния политической культуры и процессов социализации на поведение человека.

Примечания

- ¹ См.: *Цуладзе А.М.* Политические манипуляции, или Покорение толпы. М., 1999. С. 45.
- ² См.: *Чудитов А.П.* Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Когнитивная лингвистика. 2004. № 1. С 100.

- ³ См.: *Федосеев А.А.* Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе. Челябинск, 2004. С. 20.
- ⁴ См.: *Евдокимов В.А.* Политическая коммуникация и масс медиа в контексте глобализации. Омск, 2012. С. 56.
- ⁵ См.: *Миронов А.С.* Раздувай и властвуй: технологии современной «мягкой пропаганды» М.: Добросвет, 2002. С. 212.
- ⁶ См.: *Суздальцева В.Н.* О прилагательном «новый», словах-манипуляторах и о манипулятивной функции языка // *Журналистика и культура русской речи.* 2006. № 1. С. 5–18.
- ⁷ См.: *Бирюкова Е.В.* Реализация категории эмотивности в политическом тексте: на материале речей американских президентов: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. С. 159.
- ⁸ См.: *Ермаков Ю.А.* Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995. С. 67.
- ⁹ См.: *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997. С. 59.

СОЦИАЛЬНОЕ МНОГООБРАЗИЕ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ
МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА
И ТОЛЕРАНТНОСТИ

Данная статья посвящена рассмотрению форм и институтов социально-политической консолидации общества в условиях его нестабильности и неопределенности в современном мире. Политика мультикультурализма, призванная стать такого рода консолидирующим механизмом, продемонстрировала если не свой полный провал, то как минимум несоответствие изначальной концепции практикам ее имплементации. Основной целью статьи, таким образом, является выявление несоответствия между теоретическими предпосылками мультикультурной политики и формами ее практической реализации, изучение особенностей восприятия обеих концепций, а также рассмотрение возможности существования альтернативы (в первую очередь в теоретико-идеологическом плане) существующим практикам мультикультурализма.

Ключевые слова: толерантность, терпимость, мультикультурализм, культурные различия, этническая и религиозная идентичность.

Обсуждение тем, связанных с мультикультурализмом, так или иначе сводится к проблеме толерантности, в первую очередь по отношению к культуре, образу жизни, обычаям и поведению Другого. И здесь нередко возникает много вопросов, порой весьма болезненных или даже парадоксальных. Попробуем разобраться в том, насколько связаны между собой понятия толерантности, терпимости и мультикультурализма, как они изменяются в теоретическом и практическом аспектах, рассмотрим современные публичные дискуссии по этой теме в научной и политической сферах, а также среди представителей этнических и религиозных меньшинств.

Итак, одним из глобальных вызовов современного мира стала проблема сосуществования различных культурных, этнических или религиозных форм. В этой ситуации вполне объяснимым становится поиск новых форм и инструментов социально-политической и культурной консолидации общества. Политика мультикультурализма изначально была призвана стать такого рода консолидирующим механизмом разрозненных элементов общества, однако, как показало время, на пути ее реализации возникло немало сложностей, а первичные установки мультикультурализма в настоящее время подвергаются серьезной критике и претерпевают существенные изменения.

Как известно, в 1970–1990-х гг. некоторые европейские страны, такие как Великобритания, Нидерланды, Швеция, Австралия, Канада и отчасти США сместились в сторону признания культурных различий, что нашло свое отражение как в отношении общества к такого рода разнообразию, так и в официальной политике мультикультурализма. Однако в последнее время эта тенденция приобрела скорее реверсивный характер, делая акцент на интеграции, соблюдении основных ценностей, социальной сплоченности и т. д.¹ (примером этому может служить, например, довольно обширная критика мультикультурализма в средствах массовой информации). К примеру, в Нидерландах терпимость и уважение стали серьезным вопросом для большинства голландцев – не мигрантов, испытавших своего рода культурный шок от масштабов столкновения с огромным количеством иммигрантов, не стремящихся инкорпорироваться в принимающую культуру, в то время как в Великобритании отсутствие стремления к интеграции среди иммигрантов может трансформировать традиционные, исторически сформировавшиеся формы толерантности. К слову, Лорд Джонатан Сакс, главный раввин Великобритании, в отношении Нидерландов различает толерантность и мультикультурализм, подчеркивая, что общество в этой стране является скорее толерантным, нежели мультикультурным².

Многие политики, представители общественности и СМИ выражают озабоченность тем, что если иммигранты или этнические меньшинства не интегрируются в принимающее сообщество, это может оказать негативное влияние на социальную сплоченность последнего. В настоящее время, по мере увеличения числа иммигрантов порой наблюдается снижение порога терпимости по отношению к культурному разнообразию в некоторых европейских странах³. Нередко можно услышать суждения о том, что иммигранты отвергают основные ценности принимающего сообщества, ведут «параллельные жизни», а также отказываются приобщаться

к культуре и ценностным ориентациям страны, в которой они проживают⁴. Чрезмерное культурное разнообразие, таким образом, зачастую воспринимается как угроза национальной сплоченности или даже безопасности государства.

Толерантность может быть определена как чувство открытости перед различиями, действенное признание культурных, религиозных и других форм разнообразия. В преамбуле Устава ООН толерантность определяется как способность «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи»⁵. В этом контексте толерантность не только выступает как характеристика социального восприятия, но и воспринимается как залог успешной интеграции индивидов в систему общественных отношений. Здесь стоит упомянуть о разнице между понятиями «толерантность» и «терпимость»: так, профессор политической теории Лондонской школы экономики Чандрани Кукатас предлагает различать «мягкий мультикультурализм», в рамках которого ассимиляция в обществе происходит просто потому, что нет другой альтернативы (соотносим скорее с терпимостью), и жесткую мультикультурную политику, при которой недостаточно относиться терпимо к разнообразию – его необходимо поддерживать, укреплять и поощрять, причем как материально, так и предоставляя меньшинствам особые права (такого рода политика уже более близка к понятию толерантности).

Ч. Кукатас также приходит к выводу о том, что классический либеральный мультикультурный режим обладает максимальной толерантностью, поскольку «он настолько терпим, что готов мириться с наличием в своей среде даже тех, кто настроен против него. В то же время он не предоставляет особых преимуществ и защиты ни одной конкретной группе или общине. Он никому не будет мешать стремиться к собственным целям или поддерживать определенные традиции, но при этом не будет и поощрять, субсидировать или отдавать особое предпочтение никаким целям и традициям. Это мультикультурализм без страха и фаворитизма»⁶.

Другие исследователи – в частности британский специалист по политической философии Брайан Барри – полагают, что такой вариант мультикультурализма недостаточен и не в состоянии толерантно относиться к нелиберальным элементам внутри общества, а это означает, что государство должно играть активную роль в образовании подрастающего поколения, а также в соблюдении и обеспечении прав меньшинств и уязвимых групп населения⁷. А канадский теоретик У. Кимлика склонен поддерживать вариант «жесткого мультикультурализма»: государство, по его мнению, должно предоставлять меньшинствам особую защиту и культивировать

групповую дифференциацию прав⁸. Либерализм и терпимость, по его мнению, являются неразрывными исторически и концептуально.

В той степени, в которой толерантность присуща современным обществам (при этом стоит иметь в виду, что современная идеология толерантности предполагает интолерантность по отношению к сторонникам крайних взглядов), она может обеспечиваться путем реализации индивидуальных и универсальных свобод, которые традиционно ассоциируются с классическим либерализмом, секуляризмом и эпохой Просвещения в западной традиции. Так или иначе, признавая, что теоретические основы мультикультурализма коренятся именно в классическом либерализме, не стоит забывать о том, что он представляет собой некий абстрактный стандарт, параметры которого не могут быть полностью воплощены в практике того или иного государства.

Согласно парадигме мультикультурализма признание культурных различий является требованием справедливости, однако парадокс этой парадигмы (и, соответственно, мультикультурной политики) заключается в дисбалансе между ее теоретическими предположениями и практической реализацией⁹. Так, необходимость манифестации толерантного отношения к представителям других культур в конечном счете привела к различного рода табу для большинства представителей общества на выражение собственной самобытности и критику образа жизни людей иностранного происхождения (в первую очередь это касается мусульман). В последние 5–6 лет стало очевидно, что существует разрыв между идеологической моделью мультикультурализма и ее реальным воплощением на практике. В рамках принимающих сообществ начали даже появляться культурные анклавы, стала значительно обостряться этническая и религиозная идентичность. Особенно это заметно среди коренных жителей западных стран и иммигрантов. В результате распространение диалога между различными общественными и этническими группами было подавлено, хотя в теории политика мультикультурализма должна поощрять его развитие.

Толерантность необходимо воспринимать как уверенную и активную общественную этику, отстаивающую свободу совести и индивидуальной автономии и пропагандирующую принцип невмешательства во внутреннюю жизнь людей, их моральную автономию. Мультикультурализм же, по небезынтересному замечанию профессора Королевского колледжа искусств Фрэнка Фуреди, требует не проявления толерантности, а скорее снисходительного безразличия: он неустанно продвигает идею признания всевозможных форм различия, при этом оставляя в стороне мнения других людей, в том

числе представителей титульных наций (при этом критика и общественные дискуссии выступают в качестве ключевых атрибутов любого открытого, демократического общества). Таким образом, по мнению Фуреди, крайне важно отчленить понятие толерантности от его запутанных ассоциаций с мультикультурализмом¹⁰.

При этом стоит оговориться, что политика тех или иных государств по отношению к миграционным потокам и признанию культурных различий существенно различается – так, к примеру, в рамках данной работы целесообразным будет упомянуть политику так называемого плавильного котла, характерную для американского общества и предполагающую смешение различных этнических и культурных групп. В условиях глобализирующегося мира, размывания границ государств идеологические установки такого рода политики представляются более выигрышными, нежели мультикультурные. Впрочем, в настоящее время эта концепция подвергается серьезной критике. Так, в частности, С. Хантингтон считает, что подобное теоретическое обоснование сосуществования различных этносов базируется на нескольких лишь отчасти правдивых постулатах – об иммигрантском характере государства, а также понятии «американского кредо»¹¹.

По всей видимости, разница в форме и, соответственно, качественных результатах проведения мультикультурной политики в разных странах и на разных континентах коренится в том, что, например, в США или Австралии государственность изначально строилась исходя из принципов «иммигрантского общества», в котором национальные различия не были столь явно выражены. Соответственно, в этих странах была весьма высока степень адаптивности различных групп населения к сложившимся в конкретной местности традициям. В отличие от них общества территорий, которые мы в настоящее время объединяем словом Европа, на протяжении своей истории обладали довольно выраженной однородной национальной и культурной идентичностью, сохраняя при этом некое единое социокультурное пространство, доступное для представителей политической и культурной элиты любой из описываемых стран.

Интерес к Другому, «иному», начавший оформляться еще во времена европейского романтизма, вдохновленный Великой французской революцией и идеями отхода от европоцентризма с его упорядоченностью мира и повседневностью, ко второй половине XX в. приобрел формы имплицитного противостояния фашистским тенденциям (достаточно вспомнить тезис Ролана Барта о «фашистском» характере любого языка или размышления Мишеля Фуко о «смерти субъекта» – т. е. одного из главных фантомов европейского

сознания Нового времени), которые выразились в развитии представления о диалоге культур, интеркультурной коммуникации и т. д.

Тем не менее в истории каждого государства или даже региона можно найти множество примеров преодоления того или иного травматического опыта, связанного с идеологией, закостенелыми формами государственности и т. д., которые имели место в рамках одной историко-культурной общности и не приводили к кардинальному изменению «политического мировоззрения». Вполне вероятно, описываемые идеи и тенденции не вышли бы за пределы литературы, живописи, этнографии или даже философии, однако во второй половине XX в. стали отчетливее, чем прежде, оформляться тенденции к переформатированию мирового пространства и изменению характера функционирования и взаимодействия между собой входящих в него государств.

Прежде всего сказанное относится к глобализации – т. е. процессам экономической, политической и культурной интеграции и унификации всемирного пространства, которые сопровождались «открытием» границ, их усиливающейся транспарентностью и, соответственно, резким увеличением миграционных потоков глобального масштаба. В сложившихся условиях отчетливо встала необходимость законодательного оформления существующего баланса культурной разнородности общества, что, в числе прочего, нашло свое отражение в принципах международного права. К примеру, принципы равноправного существования различных форм культурной жизни были закреплены в программных документах ООН, Всеобщей декларации прав человека, международных договорах, конвенциях и т. д. В подобных условиях значительно актуализируется потребность в таких характеристиках гражданского общества, как гибкость мышления, социальная ответственность, эмпатия, способность сопереживать и др.¹², выступающих ключевыми моментами определения толерантности.

Как уже не раз было отмечено, видные политические деятели Европы и идеологи мультикультурализма сегодня все чаще говорят о провале этой политики. Тем не менее полное ее сворачивание едва ли может дать позитивные результаты в силу необратимости запущенных практикой мультикультурализма процессов. Пожалуй, смягчению сложившейся ситуации могло бы послужить введение системы контроля миграционных потоков – в частности разработка образовательных и трудовых программ для иммигрантов, установление лимита пребывания в стране и пр., а также отказ от законодательных актов, легитимирующих создание политических партий на религиозной, этнической или даже гендерной основе.

Таким образом, в настоящее время ориентация (в первую очередь теоретико-идеологическая) в большей степени на проявление толерантности к культурным, религиозным, этническим различиям, нежели активное продвижение политики «признания» этих различий зачастую в ущерб интересам большинства населения конкретной страны или региона, титульных наций, может стать альтернативой не вполне успешным практикам мультикультурализма.

Примечания

- 1 См.: Tolerance and Multiculturalism: a study of the relationship between tolerance, diversity and transnationalism. COMPAS, 2012. URL: <http://www.compas.ox.ac.uk/research/urbanchange/tolerance-and-multiculturalism>
- 2 См.: Multiculturalism: What Does It Mean? BBC News. 17.02.2011. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/magazine-12381027>
- 3 См.: *Dobbernack J., Modood T.* Tolerance and cultural diversity in Europe: theoretical perspectives and contemporary developments. European Univ. Institute, Florence, 2011.
- 4 См.: *Pascal J.* Parallel lives will only feed racism: Today's immigrants can learn from the Jewish experience. Society Guardian, 13.12.2001. URL: <http://www.guardian.co.uk/society/2001/dec/13/asylum.raceequality>
- 5 Преамбула Устава ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml>
- 6 *Кукатас Ч.* Теоретические основы мультикультурализма. Inliberty: свободная среда. 06.04.2009. URL: <http://www.inliberty.ru/library/study/327/>
- 7 См., например: *Barry B.* Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge: Polity Press, 2001.
- 8 См., например: *Kymlicka W.* Liberalism, Community and Culture. Oxford: Clarendon Press, 1989; *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights.* Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- 9 См.: *Ragauskas R.* Paradox of Multiculturalism: Tolerance for the Intolerant? European Dialogue. URL: <http://eurodialogue.org/Paradox-Of-Multiculturalism-Tolerance-For-The-Intolerant>
- 10 См.: *Furedi F.* Don't blame tolerance for this multicultural mess. Spiked-Online. 07.02.2011. URL: <http://www.spiked-online.com/site/article/10163/>
- 11 См.: *Хантингтон С.* Кто мы?: Вызовы американской национальной идентичности / Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. С. 71.
- 12 См.: Глобальные проблемы современности / Под ред. М. Мчедлова // Толерантность. М.: Республика, 2004.

ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ЕС

В статье раскрываются сущность и предпосылки распространения евроскептицизма как мощного идейно-политического течения в современной европейской политике, а также проблемы и перспективы его влияния на европейский политический процесс.

Ключевые слова: евроскептицизм, европейская интеграция, идеология, политическая партия, Европейский союз.

Европейский союз сегодня выступает одним из политических и экономических лидеров, являясь наднациональной организацией, по своим полномочиям большей, чем международная организация, и меньшей, чем государство. Поэтому неудивительно, что такие события, как финансово-экономический кризис, увеличение количества иммигрантов, старение наций, негативно повлияли не только на ЕС, но и на страны, которые тесно с ним сотрудничают. Все эти факторы наряду с тенденцией размывания суверенитета и национальной идентичности дали толчок к увеличению скептических настроений в отношении перспектив ЕС. Поэтому изучение вопроса о сущности евроскептицизма, предпосылках его распространения, проявлениях и влиянии выступает в качестве актуальной проблемы исследований, различные аспекты которой освещались в работах И. Барыгина, К. Серенсен, П. Таггарта, А. Щербяка, Х. Лаба, П. Копецки, К. Мюдде, С. Риисхойа, А. Андрийчук, С. Мудрова, А. Оськина. Цель данной статьи – раскрыть специфику евроскептицизма как современной тенденции европейского политического процесса.

Евроскептицизм – это понятие, которым определяют скептическое, негативное отношение к процессам европейской интеграции в рамках ЕС. Также под евроскептицизмом понимают идейно-политическое течение и политическое движение в современной Европе. Его представители выступают против ЕС в той форме, которая навязывается современными теоретиками союза. Следует отметить, что сегодня под «евроскептицизмом» понимается широкое поле смыслов – от неприятия членства страны в ЕС и негативного отношения к идее расширения союза до политики ограниченного участия в европейских интеграционных процессах, например, ограниченного участия в Шенгенском соглашении или сохранении национальной валюты¹.

Элементы евроскептицизма используют в доктринах многих политических партий и движений. Именно в партийной идеологии и программах можно более объемно рассмотреть влияние евроскептицизма на функционирование и развитие ЕС. В 2008 г. П. Стэтхэм исследовал межпартийную полемику в Великобритании, Франции, Германии, Нидерландах, Италии, Испании и Швейцарии для того, чтобы проверить гипотезы о связи евроскептицизма с идеологической ориентацией крупных политических партий. По результатам анализа партийных дебатов он пришел к выводу, что на транснациональном уровне происходит смещение от проевропейских позиций в сторону евроскептицизма². Весной 2011 г. экс-президент Португалии и один из активных сторонников евроинтеграции М. Соареш заявил о возможном конце европейского проекта: «Если ситуация будет развиваться в том же русле, что и сейчас, это, несомненно, станет концом европейского проекта. И я думаю, что это повлечет за собой огромные последствия. Люди начнут действовать. Народ восстает не только в мусульманском мире. Мы рискуем стать свидетелями больших народных выступлений внутри Европы, люди могут отказаться от такой Европы»³.

Это мнение разделяют и другие ведущие европейские политики. «Европа (в некотором случае исключительно Греция и Кипр) находится в серьезном и глубоком кризисе. И это не только кризис финансовый или валютный, и это даже не только кризис экономический. Это кризис европейского общества как такового, его поведения, его образа мышления», – отмечал в 2011 г. президент Чехии В. Клаус. С позиций рационального пессимизма он выражал опасения, что Европу ждет «потерянная декада», подобная той, которую в 90-е годы пережила Япония⁴. Западная цивилизация создала такую экономическую и общественную модель, в которой преимущество перед экономической необходимостью имеют

нужды индивидуумов, отдельных социальных групп и государств. Именно поэтому сегодня экономические показатели ЕС свидетельствуют или об экономическом провале, который надвигается, или как минимум о замедлении экономики, писал В. Клаус в своей книге «Европейская интеграция без иллюзий»⁵. По его словам, «несчастьем европейского развития последних десятилетий, особенно после эры Жака Делора, стало и то, что вечно человеческий и в высшей степени политический вопрос соотношения плана (государственного регулирования) и рынка удалось фактически отменить». На самом деле под завесой угасания национального государства степень регулирования, контроля, управления, организации экономической жизни сверху и степень подавленности рынка оказались ныне далеко за пределами любой рациональной экономической организации. Степень государственного вмешательства в экономику в сегодняшней Европе диаметрально отличается от раннего коммунизма, но она уже не так сильно отличается от его заключительных достаточно «мягких» стадий. При существующей модели ЕС неизбежно возникает опасное для граждан, но привлекательное для политиков поле – вакуум легитимности. В. Клаус прямо называет это отсутствием демократии, или постдемократией. Если Европа хочет снова подняться с колен, то она должна принципиально измениться: «Скажем прямо: либо трансформация в Европе будет проведена быстрее, либо Европа станет периферией окружающего мира, который динамично развивается». Выход видится в возвращении в Европу политики, которая может быть только там, где есть демократия, т. е. на уровне государства. «На уровне континента политики быть не может», – считает В. Клаус. Для политики и демократии необходим народ, впрочем, никакого европейского народа, по его мнению, нет и быть не может. На презентации своей книги 25 ноября 2011 г. В. Клаус прямо заявил, что европейская интеграция зашла в тупик и пути вперед уже нет, надо возвращаться назад.

Евроскептические настроения существовали с самого начала интеграционных процессов, но само понятие «евроскептицизм» впервые появилось в 1970-х гг. в Великобритании. Эти настроения получили популярность, ведь Британия всегда отличалась консерватизмом и стремлением к сохранению своей уникальности. Сегодня британские евроскептики обеспокоены тем, что ЕС превратится в супердержаву, а Соединенное Королевство вместе с национальными государствами как таковыми потеряет свой суверенитет. Главные аргументы британских евроскептиков касаются недостаточной сбалансированности налоговой системы и социальной политики

ЕС, расширения полномочий Еврокомиссии в сферах правосудия и внутренней политики, отсутствия демократии в структурах ЕС, общей конституции и валюты. Но не только «туманный Альбион» отличается выраженным евроскепсисом. В Дании евроскептицизм предшествовал присоединению к европейскому интеграционному проекту. Ретроспективно «Народное движение против ЕС» было создано именно как ответ на членство в ЕЭС в 1972 г. и пользовалось поддержкой части населения в 1970–1980-х гг.

Евроскептицизм менялся вместе с политикой европейских интеграционных структур: если в первые десятилетия интеграции он заключался в оппозиции к рыночной интеграции и был связан с ростом инфляции и безработицы, снижением темпов экономического роста, то с подписанием Маастрихтского договора в евроскептицизме возникает еще одно измерение, связанное с защитой национальной общности и суверенитета. Но до начала 2000-х гг. евроскептицизм был явно маргинальным явлением в политической жизни стран ЕС. Доминирование больших правящих «еврофильских» партий и периферийность евроскептических образований, преимущественно экстремистского характера, было свойственно большинству стран Европы. Кросснациональный анализ партийных позиций, проведенный в 2005 г. Л. Рэем, подтверждал, что евроскептицизм – в первую очередь периферийное явление, сосредоточенное на идеологических полюсах и среди оппозиционных партий. Результаты исследования показывали, что после Маастрихта снижение общественной поддержки ЕС не привело к принятию евроскептических позиций основными правящими партиями Европы. Исключениями из этого правила были североевропейские государства, где центристские партии были евроскептическими, а также Великобритания и Франция, где существуют разногласия между правоцентристами и левоцентристами по вопросам европейской интеграции⁶.

Расширение ЕС в 2004 г. стимулировало рост популярности евроскептицизма, свидетельством чего стало неприятие населением и некоторыми политическими силами Дании, Великобритании, Польши, Франции и Нидерландов проекта общеевропейской конституции 2004 г., что вылилось в политический кризис, который закончился подписанием Лиссабонского договора в 2007 г.⁷ В последующем во Франции, Италии, Испании, Германии, Швеции, Швейцарии, Бельгии активизировались антиевропейски настроенные партии.

В этом контексте в современной политической науке все шире распространяются идеи о том, что, говоря словами Р. Каца, евро-

скептицизм – это выступление против любой формы наднациональных европейских институтов, которые угрожают или могут угрожать национальному суверенитету и традиционной европейской государственной системе⁸. Согласно К. Флуду евроскептицизм «несет в себе смысл сомнений и недоверия по поводу европейской интеграции»⁹. Он показывает, что степень этого недоверия может варьироваться от умеренной – «европейская интеграция зашла настолько далеко, насколько это возможно», до экстремальной – полный отказ от членства в ЕС. Так, Датская народная партия и Партия независимости Соединенного Королевства заявляют о необходимости выхода своих стран из ЕС, тогда как нидерландская Партия за свободу, несмотря на критическое отношение к союзу, выступает лишь против его дальнейшего расширения и включения таких стран, как Турция.

Евроскептицизм стал идейной базой для широкого общеевропейского политического движения, представленного различными политическими партиями и организациями. Среди них наиболее влиятельными являются Партия независимости Соединенного Королевства, Британская консервативная партия, Британская национальная партия, Движение за Францию, Национальный фронт (Франция), «Испанская альтернатива», Лига Севера (Италия), Швейцарская народная партия, «Истинные финны», Партия за лучшую Венгрию, «Самооборона» (Польша). Усиление позиций евроскептиков способствовало формированию их достаточно мощного представительства в Европарламенте.

В первую очередь это парламентская группа «Европа за свободу и демократию» (EFD), которая в нынешнем Европарламенте стала непосредственной наследницей европарламентской группы «Независимость и демократия», созданной в июле 2004 г. Ее основная установка – препятствие дальнейшим интеграционным процессам, ущемляющим суверенитет государств ЕС. Некоторые ее члены, особенно Партия независимости Соединенного Королевства, выступают за полный выход страны из союза. Расширение демократии и усиление прозрачности механизмов функционирования институтов ЕС – еще одна из приоритетных задач парламентской группы. На сегодняшний день группа насчитывает 27 членов (по сравнению с 24 в прошлом созыве) из 9 различных стран: Партия независимости Соединенного Королевства (9 мест), Лига Севера (9 мест), Народный православный собор (Греция, 2 места), «Порядок и справедливость» (Литва, 2 места), «Движение за Францию» (1 место); Словацкая национальная партия (1 место); Датская народная партия (1 место), «Настоящие финны» (1 место); Ре-

формистская партия (Нидерланды, 1 место). Лидерами группы являются Н. Фарадж (Партия независимости Соединенного Королевства) и Ф. Сперони (Лига Севера).

Парламентская группа «Европейские консерваторы и реформисты» (ЕСР) сформировалась вокруг радикального крыла европейских консерваторов. Она была создана в 2009 г. по результатам европейских выборов членами Движения европейских реформ на основе европейской партии «Альянс европейских консерваторов и реформистов». Сейчас в ее составе 54 депутата. Оставаясь формально евроскептической, эта группа одновременно выделяется большей умеренностью по сравнению с «Европой за свободу и демократию». Ведущую роль в этом объединении играют представители Великобритании и Польши. Первая представлена Консервативной партией (25 депутатов), вторая – сразу двумя партиями: «Право и справедливость» (11 депутатов) и «Польша – превыше всего» (4 депутата). Девятью депутатами представлена в группе Гражданская демократическая партия Чехии. Все другие партии представляют по одному депутату («Список Дедекера», Бельгия; Христианский союз, Нидерланды; Ольстерская юнионистская партия, Великобритания; Венгерский демократический форум; «Отечество и свобода», Латвия; Избирательная акция поляков Литвы).

Кроме того, ни к одной фракции не относятся разделяющие установки евроскептицизма нидерландская Партия свободы (4 мандата), Национальный фронт Франции и партия «За лучшую Венгрию» (по 3 мандата), Британская национальная партия и болгарская партия «Атака» (по 2 мандата), бельгийская партия «Фламандский интерес» и Австрийская партия свободы (по 1 мандату).

Стоит отметить, что не все евроскептики выступают против идей объединенной Европы и за выход страны из ЕС. Однако многие из них полагают, что европейская интеграция пошла не в том направлении – в сторону европейской централизованной федеральной супердержавы. Они выступают против этого проекта и предлагают собственный вариант объединенной Европы – свободную конфедерацию, в которой наднациональные институты хотя и существуют, однако играют не главную роль в политике, которая отдана национальным парламентам. В такой Европе нет гармонизации законодательства, европейские институты принимают только те полномочия, которые не в силах взять на себя государства, а решение проблем по возможности передается на более низкий уровень. Следует также разделять праворадикальные националистические партии и политические движения типа Национального фронта Франции, Британской национальной партии, испанской

«Национальной демократии», немецких республиканцев и чисто евроскептические партии вроде Партии независимости Соединенного Королевства, Движения за Францию, потому что мотивы их евроскептицизма разные. Но все они влияют на политические процессы не только в своих странах, но и в ЕС в целом. Все чаще звучит критика европейской интеграции: даже во Франции и Италии говорят о возможности выхода из ЕС, а в Великобритании в практическую плоскость перешел вопрос о проведении референдума о прекращении членства в ЕС. Уровень поддержки европейской интеграции сегодня близок к историческому минимуму в большинстве стран ЕС. В 2012 г. 60% респондентов позитивно оценивали ЕС, а в 2013 г. – всего 45%. Только в ФРГ больше 50% населения поддерживают идеи наделяния Брюсселя большими полномочиями для преодоления кризиса. В целом же в Европе 66% респондентов (медианное значение) считают, что их дети будут жить хуже родителей¹⁰.

Таким образом, евроскептицизм, питающийся кризисными процессами, уже утвердился в качестве политико-идеологического мейнстрима в достаточно большой и неоднородной группе государств-членов ЕС – как охваченных кризисом (Греция, Испания, Португалия, Кипр, Венгрия, Италия), так и тех, кто стремится дистанцироваться от кризисной «эпидемии» (Великобритания, Швеция, Дания, Финляндия, Нидерланды). В условиях финансово-экономического кризиса в ЕС происходит превращение оппозиции по линии евроскептицизм–еврофедерализм в доминирующую ось политико-идеологического противостояния, при том что общая радикализация политических сил евроскептического и еврофедералистского направлений усиливает конфронтационный характер политического процесса и создает возможность для возникновения структурных расколов в ЕС.

Примечания

- ¹ См.: *Шенелев М.А., Артьомова Е.С.* Феномен евроскептицизму як прояв кризових тенденцій у процесі європейської інтеграції // Політологічні записки: Зб. наук. праць. Вип. 3. Луганськ, 2011. С. 78–89.
- ² Евроскептицизм как идеология: теория и практика [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.rondon.org/polit-101007110629>
- ³ Марио Соареш: Европе угрожают чудовища [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ru.euronews.net/2011/04/22/financial-monsters-threaten-democracy>

- ⁴ Klaus V. Evropa: Ztracená dekáda // Týden. 14 listopadu 2011.
- ⁵ См.: Klaus V. Evropská integrace bez iluzí. Praha: Euromedia Group – Knižní klub, 2011.
- ⁶ См.: Ray L. Mainstream Euroscepticism: Trend or Oxymoron? // Acta politica. Juillet 2007. Vol. 42. № 2–3.
- ⁷ См.: Андрійчук О. Євроскепса як невід’ємна складова Європейської Унії // Андрійчук О. Політичний менеджмент. К., 2005. № 3 (12). С. 165–168.
- ⁸ См.: Katz R.S. Euroscepticism in Parliament: A Comparative Analysis of the European and National Parliaments. The Johns Hopkins University, 2002.
- ⁹ Flood C. The Challenge of Euroscepticism // The European Union Handbook 2nd Edition. L.: Fitzroy Dearborn Publishers, 2002. P. 73.
- ¹⁰ См.: Статистика: Евросоюз [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://interaffairs.ru/read.php?item=9524>

И.П. Березовская

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО: ОПЫТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕДИАОБРАЗА ПОЛИТИКА

В данной статье предлагается использовать феноменологический анализ для выявления специфики формирования образа политика в воспринимающем этот образ сознании. Феноменологический анализ в силу его специфики не схематизирует образ и способствует более полному и объективному приближению к изучаемому предмету. Любой медиаобраз из-за того, что конституируется при участии воображения, всегда обладает возможностью выпадения из заданного медиасредой направления. Поэтому, как показывает феноменологический анализ, при создании образа политика необходимо учитывать: 1) «живость» медиаобразов только на этапе восприятия имеет существенное значение; 2) на этапе смыслообразования существенное значение имеют непосредственный опыт и фантазия; 3) для наивного сознания более, нежели для рефлексивного, непосредственный опыт, а не фантазия, является коррелирующей данностью.

В практической реальности специалисты в области рекламы, public relations, имиджологии учитывают все эти выявленные параметры, но в области научно-теоретической нет оснований для сведения их воедино. Автором выдвигается предположение о том, что феноменология может стать отправным пунктом для создания такого основания.

Ключевые слова: имидж, образ, феноменология, воображение, рефлексия, интенциональность, фантазм, конституирование, репутация.

Стремительные изменения, происходящие в обществе на территории постсоветского пространства в последнее десятилетие, развитие рыночных отношений, распространение их на политику – все это требует переосмысления ситуации в сферах деятельности, неразрывно связанных с общественным

сознанием. Современный человек живет в медиатизированном пространстве и черпает значительную часть своих политических представлений именно из медиасреды. СМИ прибегают к созданию образа политика, воплощая в жизнь как ожидания населения, так и намерения самого политика. Качество реализации этой задачи средствами массовой информации во многом обуславливает успех развития государства, так как образ политика существенно определяет социальную и политическую напряженность в стране. Однако образ политика, создаваемый в СМИ, очень часто не совпадает с тем, который существует в сознании населения. Эта проблема по-разному освещается в политологических, социологических, психологических исследованиях и в образовавшихся в рамках традиционных научных дисциплин специальных научно-практических отраслях, таких как теория и практика рекламы, public relations, имиджология. В теории рекламы, public relations, имиджологии освещаются технология создания образа политика, поднимается вопрос о негативном несоответствии имиджа политика его реальной личности, однако проблема формирования образа политика в воспринимающем этот образ сознании рассматривается крайне недостаточно. Это может быть объяснено тем, что становление научно-теоретического знания по данной теме несколько отстает от процессов, стремительно разворачивающихся на практике, что приводит к тому, что специалисты в данных областях часто полагаются на собственный опыт и интуицию, а удачные находки носят случайный характер, а не являются результатом специальных знаний.

Теоретические подходы в исследовании имиджа и основные положения имиджологии разработаны такими учеными, как Г.Г. Почепцов¹, Р.Р. Иванов², А.С. Ковальчук³, В.Г. Горчакова⁴. Можно выделить работу «Введение в политическую имиджологию» Д.А. Вылегжанина в которой освещается использование инструментария имиджологии, анализируются особенности использования имиджевых характеристик в культуре и политике, затрагивается проблема формирования образа в воспринимающем этот образ сознанием, однако, фундаментальных исследований в этой области пока еще нет. Для решения представленной проблемы предлагается прибегнуть к феноменологическому анализу.

К. Мамардашвили пишет о том, что «феноменология... есть момент всякой философии»⁵, автор же берет на себя смелость утверждать, что феноменология есть момент всякой теории. В результате феноменологического анализа проблематизируются все принятые допущения и открываются сущностные особенности исследуемого

объекта, что способствует наибольшему приближению к предмету исследования. Этим определяется цель данной работы.

В современной литературе есть две точки зрения на вопрос о соотношении понятий имиджа и образа. Одна точка зрения рассматривает эти понятия как синонимы. Этой позиции придерживаются такие исследователи, как Ю.А. Селиверстова: имидж (или образ) – это не только стереотип, это еще и определенная психологическая установка⁶, Е.В. Отц⁷, В.В. Смолякова, М.Н. Шашлов, А.В. Загайнов.

Другая точка зрения строится на разделении понятий образа и имиджа. Этой точки зрения придерживаются профессор политологии Принстонского университета Ф. Гринстайн, политологи А. Цуладзе⁸, Е. Шестопал⁹, некоторые теоретики-журналисты, лингвисты, психологи, среди которых особо нужно выделить В. Суздальцеву¹⁰, С. Разворотневу¹¹.

«Имидж ... целенаправленно сформирован, учитывает особенности аудитории. Имидж, присущий политику, является плодом совместной работы с его имиджмейкерами, базируется на некотором исходном материале (личных качествах политика), предварительно специально обработанном с целью минимизации его негативных и максимизации позитивных черт. Фундаментальным свойством имиджа является его целесообразность. В имидже нет чего-то случайного»¹². Образ – это калейдоскоп фрагментов личного восприятия журналистов и других авторов как осознанных, так и случайных деталей, подробностей.

Технология создания образов зиждется на возможности существования ассоциативных связей между образом и соответствующей ему потребностью, устремлением, мотивационной установкой. Суть технологии заключается в том, что формируются определенные образы, отражающие не вполне соответствующие реальности характеристики. Сформированные в сознании виртуальные образы погружаются в принципиально иную сеть ассоциативных отношений по сравнению с той, которая определяет место их оригиналов в реальном мире. Так образы и связывающая их сеть ассоциативных отношений становятся основой для создания определенной картины мира.

Создание любого образа зиждется на таком психическом процессе, как воображение, оно создает новые образы, идеи и чувства, которых не было в опыте.

И. Кант указывает в «Критике чистого разума», что «...воображение есть составная часть самого восприятия...», так как синтезирование чувственно-воспринятого, воспроизведенного и осознан-

ного осуществляется посредством способности воображения, т. е. создание любой мыслительной ситуации осуществляется продуктивной способностью воображения. В теории Ф. Brentano воображение участвует во всех актах сознания, относя разнообразные значения к единой предметной деятельности. В трансцендентальной аналитике Гуссерля предметы воображения, так же как и предметы мысли, не существуют без тех объектов, которые постигаются перцептивно, эти интенциональные объекты составляют содержание сознания. Представление о том, что чувственное восприятие дает объекты трансцендентные, а воображение и мысль – предметы, имманентные сознанию, не согласуется с феноменологической установкой. Внутри сферы сознания произведены (оформлены) те содержания, которые можно определить как объективные, или коррелирующие, и корреляты реального – не на стороне вещей, формулируемых в естественной установке как объективные данности, а в смыслообразовании. Предметы воображения тоже имеют свои корреляты.

В «Феноменологии внутреннего сознания времени» Гуссерль указывает, что воображение представлено актами, которые воспроизводят объект «как бы...». Отличие объекта воображения от объекта восприятия в том, что в восприятии есть непрерывное опосредование из точки-Теперь, а воображение продуцируется в дискретных актах. Задача выделения структуры этого сознания (Теперь-сознания) оказывается чрезвычайно сложной, так как в просто чувственном восприятии, в «бесхитростном созерцании» нет воображаемого, но есть постоянное схватывание текучести. И если «извлекать» из потока сознания некое неподверженное модификации содержание, наиболее связанное с реальным, то придется признать, что любое «извлечение», описание, выражение его связано с «вмешательством» в непосредственность явлений. Это «вмешательство» – связь непосредственного с другими содержаниями сознания – фантазм. Следовательно, смысл собственного непосредственного восприятия, любого жизненного опыта оказывается конституированным при «непосредственном участии» фантазии.

Образ, созданный под влиянием медиа- и окружающей среды сознанием, которое находится в естественной установке нередуцированности мира к содержанию сознания, – «живой»: любой возникший фантазм (образ) конституируется сознанием не как фантазм, а как первичное впечатление, прояснение которого возможно на основании «голой» фактичности.

Произведенный в медиасреде образ имеет свои характеристики, медиаобраз характеризуется неоднозначностью понимания,

тематической многоплановостью, многоуровневостью воздействия на зрителя (медиаобраз воздействует и на зрение, и на слух), эффектом «импульс к действию».

В этом отличие медиаобраза от образа, возникающего под влиянием любой институциональной системы. Прояснение такого образа возможно только в конституировании мысленного представления о корреляте феномена. Для «наивного» сознания созданная медиасредой «живая» текучесть впечатлений смешивается с «живой» текучестью восприятия. Она в принципе отделима от первичной импресии при последовательном осуществлении феноменологической установки. Но наивное сознание, потому и наивно, что удерживается естественной установкой, такой ориентацией на объективный мир, при которой опыт, опосредуемый сознанием, принимается в качестве непосредственного. С большой очевидностью открываются значимость конкретного содержания и сложность (граничащая почти с невозможностью) выявления первичного впечатления, тем более когда это впечатление оказывается в большей степени сходным с первичностью восприятия, чем с трансцендентным миром культуры, как это происходит при формировании эстетического образа в институциональных системах. Иными словами, в процессе формирования эстетического опыта в институциональных системах проблема трансцендентности этих образов оказывается более очевидна даже «наивному» сознанию. Этому способствует наличие его авторитетной санкции, определяющей область достоинства для эстетического образца, также его универалистский характер, фундированный верой в вечные культурные и эстетические ценности. Такой образ в большей степени вызывает необходимость в поиске собственных смыслообразований.

Если обратить внимание на произведенный в медиасреде образ политика, то понятно, что он имеет все характеристики, которые имеет медиаобраз, а именно: неоднозначность понимания, тематическая многоплановость, многоуровневость воздействия на воспринимающего этот образ зрителя. Попытка структурировать этот образ осуществлена некоторыми исследователями, среди которых следует назвать Б. Макаренко¹³, Е. Егорову-Гантман¹⁴. В структуре образа политического лидера исследователи выделяют персональные, социальные и символические характеристики. Персональные данные включают в себя физические характеристики, такие как возраст, внешность, одежда; психологические характеристики, такие как представленный характер, манера говорить, хобби, увлечения; а также политические ориентиры, профессиональные и деловые качества и наличие лидерского потенциала. Социальные

характеристики являются подвижной частью образа и конструируются в соответствии с требованиями реальности, их обобщение в медиатекстах встречается реже. Символические же характеристики, которыми нагружен образ политика, являются наиболее устойчивыми и неизменными компонентами и связаны с социокультурными архетипами общества. Образ создается авторами, он не целостен, поскольку авторы данного образа могут иметь различные интенции. Повторяющиеся раз за разом характеристики, которые презентуют имидж политика, направлены на то, чтобы сформировать его определенные характеристики, но в формирование целостного образа политика, как показывает феноменологический анализ, «вмешиваются» и опыт зрителя, и его первичное впечатление, и его фантазии. Зрителю, воспринимающему данный медиаобраз, кажется, что «живая» текучесть его впечатлений и есть его непосредственный опыт. Это именно та особенность, которая открывается в результате феноменологического анализа и на которую не особо обращают внимание специалисты, ориентированные на конкретно-прикладные исследования. И тогда представляется, что «живая» текучесть впечатлений позволяет встроить имидж в наивное сознание с заданными характеристиками, но при превращении имиджа в образ, отбрасываются наивным сознанием те параметры имиджа, которые не имеют «опытного» подтверждения, и важно при таком положении дел, как показывают исследования Гуссерля, не просто первое предъявление (или первое впечатление, как чаще всего пишут в психологических исследованиях и в специальных научно-практических статьях), а осуществление смыслообразования. Незрелость рефлексивного опыта приводит к тому, что в отсутствие «голой» фактичности наивное сознание предается текучей «живучести» образов, и в «бесхитростном созерцании» нет воображаемого, а значит и не осуществляется смыслообразований, что приводит в результате к исчезновению символических, социальных и персональных параметров имиджа.

Или, по-другому, в отличие от художественного образа, выразительность которого призвана адекватно оформить сущность, имиджевым решением выявляется не ставшая или становящаяся, а желаемая, пригодная для данной ситуации квазисущность. Она отсылает не только к реальным качествам объекта, но и к желаемым, являясь частично символом, а частично симулякром. Вот эта двойственность имиджа имеет определенную границу, чаще всего она проявляется через репутацию. Репутация как широко распространенное оценочное суждение, мнение о личности политика связана с его имиджем, но и с личным опытом зрителя.

Возникает она как результат переосмысления впечатлений от восприятия имиджа.

В формировании репутации политика, кроме сведений, полученных из медиасреды, принимает участие еще и собственный опыт, и «наивное» сознание» быстрее, чем стремящееся рефлексировать, отбросит «созерцательность» и начнет процесс смыслообразования на основе собственного ограниченного опыта, и тут вмешивается воображение. И имидж, создаваемый медиаресурсами, «проваливается» в текучесть созерцания. Если мы имеем дело с рефлексирующим сознанием, то оно может согласовать воспринятое с «всеобщим понятием возможности» и в этой связи может обнаружить большую «увлеченность» имиджем при смыслообразовании, но у рефлексирующего сознания больше недоверия к имиджу при восприятии. Эти особенности, достаточно проясненные в результате феноменологического анализа, не всегда учитываются при создании образа политика. Становится понятно, почему, несмотря на активную и «синхронизированную» позицию журналистов и других авторов, представляющих тот или иной имидж политика, этот имидж не обретает «живучести» образа.

Образ обладает высоким уровнем подвижности, поэтому при создании образа политика необходимо учитывать, что «живость» медиаобразов на этапе восприятия имеет существенное значение; что на этапе смыслообразования существенное значение имеют непосредственный опыт и фантазия; что для наивного сознания более, нежели для рефлексирующего, непосредственный опыт, а не воображение, задает коррелирующую данность.

Таковы особенности восприятия медиаобраза политика, которые удалось обнаружить с помощью феноменологического анализа. В практической реальности специалисты в области рекламы, public relations, имиджологии учитывают так или иначе эти особенности. Феноменология же предлагается в качестве научно-теоретической базы для детального и более глубокого их анализа, что может иметь не только теоретическое значение, но и практическое, поскольку способствует организации субъективного опыта специалистов разных областей на основании теоретических исследований.

Примечания

¹ См.: *Почепцов Г.Г.* Имиджология: инструментарий по управлению будущим. М.: СмартБук, 2009.

² См.: *Иванов Р.Р.* Имиджология. М.: Ризограф, 2002.

- ³ См.: *Ковальчук А.С.* Основы имиджологии и делового общения. Ростов н/Д: Феникс, 2004.
- ⁴ См.: *Горчакова В.Г.* Имиджология. Теория и практика. М.: Юнити-Дана, 2012.
- ⁵ Феноменология – сопутствующий момент всякой философии: Выступление // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 55.
- ⁶ Селиверстова (Шерстнева) Ю.А. Имидж политического лидера: создание, внедрение, актуализация // Власть. М., 2011. № 1. С. 71.
- ⁷ См.: *Отц Е.В.* Имидж политического лидера и социально-психологические особенности его влияния на отношения электората. М.: ПроСофт. 2005. С. 56.
- ⁸ См.: *Цуладзе А.М.* Формирование имиджа политического лидера в условиях становления новой политической системы в России. Дис. ... канд. полит. наук. 1997.
- ⁹ См.: *Шестопал Е.Б.* Политическая психология. М.: РИОР. 2010.
- ¹⁰ *Судальцева В.Н.* Деталь как имиджевый конструкт: Образ власти в СМИ // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2008. № 4.
- ¹¹ *Разворотнева С.В.* Язык власти: Анализ исследований политической коммуникации в США. М., 1993.
- ¹² Толковый словарь Вебстера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.school.edu.ru/catalog>.
- ¹³ *Макаренко Б.* Феномен политического лидерства в восприятии общественного мнения // Вестник РОПЦб. 1996. № 26.
- ¹⁴ См.: Имидж лидера / Под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М., 1994. С. 118–135.
- ¹⁵ *Бунева А.М., Мурейко Л.В., Шипунова О.Д.* Ресурсы манипуляции в политической технологии: неявное знание и массовое сознание // Вестник РГГУ. 2010. № 1. С. 171–179.

А.В. Калашникова

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКУЮ СТРАТЕГИЮ ЕГИПТА В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Египетское общество переживает сложный период нестабильности и неопределенности, в который оно погрузилось после событий «Арабской весны» 2011 г., когда был свергнут режим Хосни Мубарака. В июле 2013 г. произошел новый переворот. Президент Мурси, представлявший «Братьев-мусульман», был арестован. Власть временно перешла к военным. Предстоят новые выборы в парламент.

Острые социальные проблемы, связанные с недовольством египтян политическим и экономическим положением страны, а также сферой внутренней безопасности, требуют незамедлительного решения. Из-за нехватки собственных ресурсов залогом успеха новой администрации АРЕ стало грамотное построение внешней политики, в которой прослеживаются две противоречивые тенденции, между которыми ему приходится балансировать. С одной стороны, Египту необходимо найти внешний источник финансирования, и это требует проведения мягкого внешнеполитического курса. С другой стороны, непрекращающиеся волнения обязывали египетскую администрацию формировать более жесткий внешнеполитический образ Египта, свободного от внешних влияний.

Ключевые слова: Египет, «Арабская весна», Хосни Мубарак, хаос, кризис, протесты, внешняя политика

С января 2011 г. в арабских странах прошла серия народных протестов, так называемая Арабская весна, которая затронула чуть ли ни весь Ближний Восток. Народные волнения прошли и в Египте, где был свергнут тридцатилетний режим правления Хосни Мубарака. Президентом страны стал представитель исламистской партии «Братья-мусульмане» Мухаммад Мурси.

Однако уже в первую годовщину принятия президентской присяги М. Мурси в Египте вновь начались массовые протесты с требованиями отставки президента. Несколько дней спустя М. Мурси был арестован, а присягу о временном исполнении президентских обязанностей принял Адли Мансур, представляющий интересы военной верхушки Египта.

В условиях социального напряжения, связанного с серьезными проблемами в социально-экономической и политической сферах, в области безопасности, от нового руководства требуются безошибочные решения.

Основная причина недовольства протестующих египтян – безработица. Египет – самая населенная арабская страна¹. Безработица, только по официальным данным, составляла в 2012 г. 12,5%². На общемировом фоне этот показатель нельзя назвать запредельным, но основную массу протестующих оставляет молодежь (в основном безработная), легко мобилизуемая для участия в конфликтах³.

Египет стоит на грани экономического коллапса. Бюджетный дефицит достиг в 2012 г. 10,4% ВВП, государственный долг – 90% ВВП⁴. Приток иностранных инвестиций был в 2012 г. отрицательным⁵. Значительно пострадал сектор туризма, оставляющий в настоящее время 7% ВВП страны⁶.

Серьезной проблемой для Египта остается поддержание порядка силами безопасности, которые утратили авторитет в глазах общества. Свержение президента страны М. Мурси дало повод сторонникам Братьев-мусульман расценивать действия армии как узурпацию законной власти. К середине августа в результате народных волнений в знак протеста против отстранения от власти М. Мурси погибли сотни и были ранены тысячи египтян⁷.

Актуальной остается проблема терроризма. Все более беспокойным становится полуостров Синай, где идет проникновение экстремистов с территории соседних государств⁸. В середине августа 2013 г. на всей территории Египта был введен режим чрезвычайного положения⁹.

После свержения Х. Мубарака в египетских верхах сложилось противостояние исламистов и военных. М. Мурси победил на президентских выборах в июне 2012 г. с перевесом в 3,4% голосов¹⁰. Таким образом, значительная часть населения Египта составляла оппозицию М. Мурси.

Недовольство вызывали попытки президента расширить свои властные полномочия, впрочем, неудачные. Так, подписание М. Мурси конституционной декларации в ноябре 2012 г., которая существенно расширяла сферу его полномочий, вызвало обще-

ственное недовольство, подорвало авторитет президента и вынудило его от нее отказаться¹¹.

С приходом к власти военных политический раскол проявился с новой силой, когда сторонники свергнутого президента М. Мурси стали проводить ответные протесты вроде акции «марш миллионов».

Сложная социально-экономическая и политическая обстановка в Египте, близкая к хаосу, а также недостаток внутренних ресурсов создали ситуацию, когда стабильность в стране во многом зависит от успеха внешней политики. В конструировании внешнеполитического курса Египта в постмубараковский период прослеживаются два вектора, между которыми египетское руководство балансирует. С одной стороны, Египет лоялен странам Персидского залива и США (и Израилю как союзнику Вашингтона). С другой – Египет развивает сотрудничество с ЕС, Россией и Ираном.

Нефтедобывающие соседи Египта с момента начала «Арабской весны» предоставили Египту немалую финансовую помощь. Среди основных египетских спонсоров – монархии Саудовская Аравия и Катар.

Свое первое зарубежное турне М. Мурси начал с посещения Саудовской Аравии в июле 2012 г. с целью получить финансовую поддержку. Министр иностранных дел Египта Мухаммад Кямил Амр выразил надежду, что после визита Мурси привлечение иностранных инвестиций в экономику Египта выйдет на качественно новый уровень¹².

Однако политика «Братьев-мусульман» во многом не устраивала Саудовское королевство. Во-первых, в вопросе их понимания государства как светского института¹³. Во-вторых, из-за налаживания Египтом отношений с политическим противником аравийских монархий – Ираном.

С другой стороны, КСА и Катар были заинтересованы в сотрудничестве с Египтом. Оба государства активизировали свою внешнюю политику с начала арабской весны, и оказание поддержки Египту стало вопросом внешнеполитического престижа. Кроме того, Египет занял в отношении сирийского кризиса позицию, лояльную монархиям Персидского залива, как и США, осудив администрацию Башара Асада и отозвав посла из Дамаска¹⁴.

После отстранения М. Мурси от власти отношения между Египтом и Саудовской Аравией улучшились. Руководство КСА направило одобрительное послание в адрес новых властей Египта, заявив, что «вооруженные силы Египта вывели страну из подполья»¹⁵. В июле 2013 г. КСА, Катар и ОАЭ предложили Египту

помощь на общую сумму в 12 млрд дол., из которой он почти сразу получил порядка 5 млрд дол.¹⁶ Согласно комментарию министра экономического планирования Ашрафа Аль-Араби «арабская помощь позволит Египту хорошо пережить переходный период»¹⁷.

Тесное и длительное сотрудничество связывает Египет и США. Для американцев Египет является важным стратегическим центром. Каир сотрудничал с Вашингтоном по вопросу арабо-израильского мирного процесса (Египет стал особенно близким партнером США, заключив в 1979 г. египетско-израильское мирное соглашение).

Сейчас, в условиях гражданской войны в Сирии, США, выступающим за уход Башара Асада, важно сохранить военное сотрудничество с Египтом, в частности для того, чтобы иметь возможность перебросить свой флот из Персидского залива в Средиземное море через Суэцкий канал.

Важность США для Египта подтверждается его проамериканской позицией по сирийскому кризису, а также ближневосточному урегулированию: египетская администрация подтвердила приверженность мирному договору с Израилем, в котором заинтересован Вашингтон¹⁸. Важным элементом американо-египетского сотрудничества является ежегодная финансовая помощь США. На 2013 г. запланированная помощь США Египту составляет примерно 1,6 млрд дол.¹⁹ В настоящее время в связи с нестабильностью в Египте Вашингтон принял решение о замораживании помощи Каиру, которое Египет назвал «ошибочным»²⁰.

Американо-египетские отношения осложняются тем, что не все египетское общество поддерживает тесные контакты Каира с Вашингтоном. В частности после свержения режима Х. Мубарака протестующие требовали освободиться от экономической и политической зависимости от США²¹.

Выжидательная позиция Вашингтона связана с его неуверенностью в политической стабилизации Египта. После прихода к власти в Египте военных США отметили «важность скорейшей передачи власти гражданскому правительству, избранному демократическим путем»²².

Неоднозначность политики США сказывается и в переговорах с МВФ, у которого АРЕ рассчитывала получить кредит на 4,8 млрд дол.²³ США в соответствии со своей квотой обладают самым большим (блокирующим) количеством голосов в Совете управляющих МВФ (на июль 2013 г. – 16,75%). В отношении Каира МВФ, как и США, занимает выжидательную позицию, заявляя, что не возобновит переговоры с Египтом, пока его новое правительство не будет признано международным сообществом²⁴. Однако

экономика страны настолько нестабильна, что переговоры с США и МВФ ради получения помощи вряд ли утратят актуальность.

Экономически АРЕ сильно ориентирована на Евросоюз, который как до, так и после «Арабской весны» занимает первое место среди его основных внешнеторговых партнеров. С 2004 по 2011 г. торговля между Египтом и ЕС увеличилась более чем в 2 раза, приблизившись к 24 млрд евро в год²⁵.

ЕС рассчитывает на установление политической стабильности в АРЕ. В конце августа ЕС объявил о приостановке поставок оружия в Египет²⁶.

ЕС сомневается в скорой разрядке обстановки в Египте. С одной стороны, ЕС избегает термина «военный переворот», выражая поддержку временному военному руководству, с другой стороны, призывает Египет «как можно быстрее избрать правительство демократическим путем»²⁷.

Каир видит в ЕС важного экономического партнера, рассчитывая укрепиться на европейских рынках в качестве крупного экспортера природного газа (запасы природного газа Египта в 2011 г. оценивались в 2 трлн м³)²⁸. Европейский рынок энергоемкий и к тому же близко расположен к Египту.

После 2011 г. российские компании минимизировали свою деятельность на египетском рынке, хотя в настоящее время стороны предпринимают шаги, направленные на налаживание сотрудничества. Египет привлекает Россию к участию в совместных энергетических проектах. В апреле 2013 г. Каир и Москва обсудили строительство АЭС в Египте. Важными областями российско-египетского сотрудничества являются туризм и сфера продовольствия. По данным ОЭСР, из почти 15 млн туристов, отдыхающих в Египте в 2010 г., более 2 млн – россияне²⁹. Каир, по данным ФАО, является крупнейшим в мире импортером пшеницы (в денежном выражении и по тоннажу). При этом Россия поставляет порядка 40% всей импортируемой в Египет пшеницы³⁰.

После устранения М. Мурси МИД РФ заявил, что выступает «в поддержку законных устремлений египетского народа к лучшей жизни в условиях свободы и демократического обновления», рассчитывая на продолжение контактов с Каиром³¹. Однако существуют и политические разногласия. Среди них выделяется сирийский вопрос, так как в отличие от Каира Москва и Тегеран выступают в поддержку правящего режима Сирии.

Принципиально новым явлением во внешней политике Египта стали контакты с Ираном, которые были заморожены более 30 лет назад.

Тенденции к укреплению египетско-иранских связей наметились с приходом к власти в Египте исламистов и были вызваны желанием М. Мурси развивать многовекторную внешнюю политику. В августе 2012 г. М. Мурси совершил исторический визит в ИРИ, в феврале 2013 г. с ответным визитом Египет посетил президент Ирана Махмуд Ахмадинежад³². Однако летом 2013 г. в обеих странах сменилась власть: 14 июня 2013 г., за две недели до ареста М. Мурси, в Иране был избран новый президент – Хасан Роухани, представляющий реформаторское крыло³³. Это ставит вопрос о дальнейшей судьбе ирано-египетских отношений. Если Тегеран заинтересован в продолжении контактов с Каиром, что подтверждает сдержанная оценка ИРИ прихода к власти в Египте военных, то каким видят будущее ирано-египетских отношений новые власти Египта, остается неясным. От их позиции во многом и будет зависеть развитие египетско-иранских связей.

Таким образом, сотрудничество с США и странами Персидского залива выгодно Египту с точки зрения финансовой поддержки. Найти столь крупные альтернативные источники финансирования для Египта не представляется возможным. Будет логично, если Каир продолжит проведение политики, лояльной по отношению к этим странам.

Однако возможность попасть в политическую и экономическую зависимость от США и нефтедобывающих арабских соседей, выжидательный характер политики США по отношению к Египту, социальные настроения внутри египетского общества дают основания предположить, что Каир будет развивать альтернативные векторы внешней политики. ЕС и Россия выгодны Египту с точки зрения диверсификации направлений экономического сотрудничества, а Иран мог бы стать политическим козырем Египта в его отношениях с США и странами Персидского залива. Заявление премьер-министра Египта Хазима Аль-Баблауи, сделанное в конце августа 2013 г., точно характеризует многовекторную направленность внешней политики Египта: «Не стоит забывать, что Египет жил и при военной поддержке России, и преуспел в этом. Нынешняя ситуация – еще не конец света. Мы можем жить в разных условиях»³⁴.

Примечания

¹ The Central Intelligence Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/eg.html> (дата обращения 02.05.2013).

- ² Аль-хейа аль-а'ма лиль-исти'лямат [Египетская государственная информационная служба] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sis.gov.eg/Ar/Templates/Articles/tmpArticles.aspx?ArtID=9> (дата обращения 02.05.2013).
- ³ См.: *Коротаев А. В., Зинькина Ю. В.* Египетская революция 2011 г.: Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. М., 2011. № 6, 7. С. 20.
- ⁴ Аль-хейа аль-а'ма лиль-исти'лямат [Египетская государственная информационная служба] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sis.gov.eg> (дата обращения 02.05.2013); The Central Intelligence Agency. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/eg.html> (дата обращения 02.05.2013).
- ⁵ См.: World Investment report 2012 // United Nations Conference on Trade and Development. Geneva, 2012. P. 169.
- ⁶ Аль-хейа аль-а'ма лиль-исти'лямат [Египетская государственная информационная служба] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sis.gov.eg/En/Templates/Articles/tmpArticles.aspx?ArtID=67693> (дата обращения 02.05.2013); The Central Intelligence Agency [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/eg.html> (дата обращения 02.05.2013).
- ⁷ Ал-Джазира [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 14.08.2013. URL: <http://www.aljazeera.net/news/pages/c3b88a8f-5e26-4bf7-bbd5-56750ed9a5ec> (дата обращения 23.08.2013).
- ⁸ См.: *Aftandilian G.* Egypt's New Regime and the Future of the U.S. – Egyptian Strategic Relationship. Carlisle Barracks. 2013. P. 2, 3.
- ⁹ Аль-Ахрам [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 05.07.2013. URL: <http://www.ahram.org.eg/NewsQ/211192.aspx> (дата обращения 11.07.2013); Ройтерз арабий [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 14.08.2013. URL: <http://ara.reuters.com/article/arabicWorldService/idARAL6N0GF33420130814> (дата обращения 17.08.2013).
- ¹⁰ Аль-маука' ар-расмий лиль-интихабат ар-риасийа 2012 [Официальный сайт египетских президентских выборов 2012 г.] [Электронный ресурс]. URL: <http://presidential2012.elections.eg/index.php/round2-results> (дата обращения 02.05.2013).
- ¹¹ Аль-Арабийа [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 9.01.2012. URL: <http://www.alarabiya.net/articles/2012/12/09/254060.html> (дата обращения 11.07.2013).
- ¹² Аль-масри аль-йаум [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 12.07.2012. URL: <http://www.almasryalyoum.com/node/980331> (дата обращения 14.08.2013).
- ¹³ Ал-Кардауи. Даула мудуниййа марджа-иййатуха ал-ислам...Кайф? [Аль-Кардауи. Светское государство восходит к исламу... Как?] [Электронный ресурс]. URL: <http://qaradawi.net/articles/86-2009-12-12-10-35-10/5029-2011-09-25-11-44-39.html> (дата обращения 25.02.2013).
- ¹⁴ Аль-Масри аль-йаум [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 15.06.2013. URL: <http://www.almasryalyoum.com/node/1848286> (дата обращения 16.07.2013);

- Аль-Ахрам [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 07.07.2013. URL: <http://arabi.ahram.org.eg/NewsQ/30450.aspx><http://arabi.ahram.org.eg/NewsQ/30832.aspx> (дата обращения 16.07.2013).
- 15 Аль-Рияд [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 04.07.2013. URL: <http://www.alriyadh.com/2013/07/04/article849388.html> (дата обращения 16.07.2013).
- 16 Ahram online [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 11.07.2013. URL: <http://english.ahram.org.eg/News/76273.aspx> (дата обращения 11.07.2013); Русия аль-йаум [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 05.08.2013. URL: <http://arabic.rt.com/news/623120/> (дата обращения 05.08.2013).
- 17 Ройтерз арабий [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 15.07.2013. URL: <http://ara.reuters.com/article/businessNews/idARACAE9B25XC20130715> (дата обращения 19.08.2013).
- 18 Аль-хейа аль-а'ма лиль-исти'лямаат [Египетская государственная информационная служба] [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.sis.gov.eg/Ar/Templates/Articles/tmpArticles.aspx?ArtID=66847> (дата обращения 02.05.2013).
- 19 United States Foreign Assistance [Электронный ресурс]. URL: http://www.foreignassistance.gov/OU.aspx?OUID=165&budTab=tab_Bud_Planned (дата обращения 02.05.2013); см. *Sharp J. M.* Egypt: The January 25 Revolution and Implications for U. S. Foreign policy. 2011. P. 23.
- 20 Русия аль-йаум [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 21.08.2013. URL: <http://arabic.rt.com/news/624756/> (дата обращения 23.08.2013).
- 21 Аль-Ахрам [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 15.07.2012. URL: <http://digital.ahram.org.eg/articles.aspx?Serial=962130&eid=1756> (дата обращения 16.07.2013).
- 22 The Washington Times [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 04.07.2013. URL: <http://www.washingtontimes.com/news/2013/jul/4/obama-warns-egypt-against-arbitrary-arrests-follow/> (дата обращения 05.08.2013).
- 23 Russia today [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 25.07.2013. URL: <http://rt.com/news/egypt-imf-loan-talks-596/> (дата обращения 30.07.2013). <http://www.alarabiya.net/ar/aswaq/economy/2013/04/29/%D8%A3%D8%A8%D8%B1%D8%B2-%D9%85%D9%81%D8%A7%D9%88%D8%B6-%D9%85%D8%B5%D8%B1%D9%8A-%D9%85%D8%B9-%D8%B5%D9%86%D8%AF%D9%88%D9%82-%D8%A7%D9%84%D9%86%D9%82%D8%AF-%D9%8A%D8%B3%D8%AA%D9%82%D9%8A%D9%84-%D9%85%D9%86-%D9%85%D9%86%D8%B5%D8%A8%D9%87.html>
- 24 Статьи Соглашения Международного валютного фонда (1944). Вашингтон, округ Колумбия: «Международный валютный фонд», 2011. Ст. 12, раздел 2 (е), раздел 5 (а); IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors [Электронный ресурс]. URL: <http://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx> (дата обращения 16.07.2013); Русия аль-йаум

- [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 26.07.2013. URL: <http://arabic.rt.com/news/622246/> (дата обращения 03.08.2013).
- 25 Уизарат ас-сынаа' уат-тиджара ль-хариджийа [Министерство внешней торговли и промышленности Египта] [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: http://www.tpegyp.gov.eg/Statistics/Egyptian_EU.pdf (дата обращения 02.05.2013).
- 26 Русия аль-йаум [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 21.08.2013. URL: <http://arabic.rt.com/news/624818/> (дата обращения 23.08.2013).
- 27 Reuters [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 22.07.2013. URL: <http://www.reuters.com/article/2013/07/22/us-egypt-protests-eu-idUSBRE96L00820130722> (дата обращения 23.08.2013).
- 28 US Energy Information administration [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: <http://www.eia.gov/countries/country-data.cfm?fips=EG&trk=m> (дата обращения 02.05.2013).
- 29 Аш-Шарк аль-аусат [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 20.08.2013. URL: <http://www.aawsat.com/details.asp?section=6&article=740379&issueno=12682> (дата обращения 23.08.2013).
- 30 Food and Agriculture Organization of the United Nations [Электронный ресурс]. URL: <http://faostat3.fao.org/home/index.html#DOWNLOAD> (дата обращения 23.08.2013).
- 31 Заявление Министерства иностранных дел РФ от 05.07.2013 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newslines/79D8DB376171F3EE44257B9F003BEFD7 (дата обращения 23.08.2013).
- 32 Би-би-си арабик [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 18.08.2012. URL: http://www.bbc.co.uk/arabic/middleeast/2012/08/120818_morsi_attends_tehran_summit.shtml (дата обращения 25.07.2013); Аль-Ахрам [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 09.02.2013. URL: <http://digital.ahram.org.eg/articles.aspx?Serial=1183627&eid=804> (дата обращения 26.07.2013).
- 33 Уэб сайт Хасан Роухани [Сайт Хасана Роухани] [Электронный ресурс]. Электрон. дан. URL: http://rouhani.ir/event.php?event_id=94 (дата обращения 26.07.2013); BBC [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 15.06.2013. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-22916174> (дата обращения 26.07.2013).
- 34 Русия аль-йаум [Электронный ресурс]. Электрон. дан. 21.08.2013. URL: <http://arabic.rt.com/news/624756/> (дата обращения 23.08.2013).

М.В. Могильникова

КОММУНИКАЦИЯ В ЭНЕРГЕТИКЕ: РОССИЙСКО-ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ

Коммуникация России и Евросоюза в области энергетики основана на зависимости сторон друг от друга, которая привела к построению взаимовыгодного сотрудничества в рамках партнерских соглашений и договоров и началу в 2000 г. энергетического диалога между Россией и Евросоюзом. Существует, однако, ряд политических, исторических, правовых проблем, затрудняющих ведение успешного энергодиалога и взаимодействия между сторонами. В статье рассмотрен характер коммуникации Российской Федерации и Евросоюза в области энергетики, а также выделен перечень конкретных проблем, стоящих на пути реализации успешного взаимодействия РФ и ЕС в области энергетической политики.

Ключевые слова: коммуникация, энергодиалог, энергетическая политика, партнерство, взаимоотношения.

Энергия представляет собой основной процент экспорта России, при этом Европейский союз – один из крупнейших потребителей российской нефти и природного газа, импорт которых составляет более 200 млрд кубометров природного газа и более 200 млн т нефти ежегодно¹. В связи с этим одним из важнейших и наиболее приоритетных направлений российской государственной политики становится налаживание тесной и продуктивной коммуникации России со странами Евросоюза в области энергетики, формирование и грамотная реализация энергетической политики.

Энергетическая политика понимается как сфера деятельности государства по отстаиванию интересов, обусловленных производством, транспортировкой и потреблением энергоресурсов. В этой области у России есть несколько направлений сотрудничества и

экспорта энергоресурсов. В первую очередь, речь идет о странах Европейского союза, с которыми РФ ведет многостороннее сотрудничество². Наиболее важными взаимовыгодными направлениями энергетического диалога являются разработка и внедрение новых технологий, инвестирование российской энергетики, подписание энергетических торговых соглашений, выгодных для Российской Федерации³.

Официальный энергодиалог между Россией и Евросоюзом, который принято считать начавшимся лишь в 2000 г., является важнейшим элементом создания и расширения общеевропейского экономического пространства⁴. Взаимоотношения и коммуникация России и ЕС, однако, носят очень спорный характер, прерываемые многочисленными внутренними и внешними проблемами.

Сотрудничество России и Евросоюза в области энергетики имеет особое значение для обеих сторон в связи с постоянным увеличением спроса на энергоресурсы среди стран – участниц ЕС. Кроме того, углублению сотрудничества способствуют географическая близость России и ЕС и существующая развитая транспортная инфраструктура⁵. В связи с этим есть все основания полагать, что как Евросоюз, так и Российская Федерация заинтересованы в сохранении роли России как постоянного поставщика нефти и природного газа в страны ЕС.

Стоит отметить, что страны-участницы Евросоюза, за исключением только Великобритании, Норвегии и Нидерландов, не обладают достаточным количеством энергоресурсов и поэтому вынуждены закупать их за границей. Европа в целом находится в зависимости от импорта энергоресурсов: примерно 50% потребности ЕС в энергии удовлетворяется за счет импортных источников. По мнению исследователей, данный показатель в следующие десятилетия будет лишь неуклонно расти⁶.

Саммит ЕС–Россия в 2000 г. и начало энергодиалога были продиктованы необходимостью установления сотрудничества и партнерства в области энергетики в целях укрепления надежности энергопоставок из России и расширения сферы сотрудничества между странами Евразоны и РФ. Саммит завершился одобрением председателя Европейской комиссии Р. Проди курса на увеличение поставок российских энергоносителей в Европейский союз в обмен на инвестиции и технологии⁷. На последующих саммитах ЕС–Россия были определены важные принципы практической реализации стратегического партнерства сторон, в том числе путем усиления энергетического диалога. Цель диалога состоит в развитии долгосрочного энергетического партнерства между ЕС и Россией в рамках Соглашения о партнерстве и сотрудничестве⁸.

Российская Федерация очень заинтересована в проведении активной энергетической политики, позволяющей ей продвигать свои интересы на мировых, и в первую очередь европейских энергетических рынках. К задачам в области коммуникации с Евросоюзом Россия относит закрепление собственной роли ведущего энергетического партнера и существенное расширение сфер влияния, что свидетельствует о стратегическом характере взаимоотношений России и Евросоюза в области энергетики⁹.

Диалог России и Евросоюза главным образом сосредоточен на нефти и природном газе, сотрудничестве по объединению электросетей ЕС и России и торговле ядерными материалами¹⁰. Энергетический диалог является важным аспектом сотрудничества, включая в себя поставки российских энергоносителей странам Центральной и Западной Европы с параллельным привлечением инвестиций европейского капитала в развитие энергетического сектора России.

Несмотря на декларирование странами-участницами ЕС и Россией углубления сотрудничества и поиска компромиссов по спорным вопросам, на практике зачастую происходит противоположная, тупиковая ситуация, когда стороны не могут договориться и прерывают либо приостанавливают взаимодействие. Европа не хочет находиться в полной зависимости от поставок энергоресурсов из России, которая в то же время не хочет терять Европу как крупнейшего потребителя своих энергоресурсов. Кроме того, отдельные страны-участницы ЕС видят зачастую диаметрально противоположные пути развития коммуникации и отношений России и ЕС в области энергетической политики.

Так, в отношениях между Германией и Россией энергетическая политика играет ключевую роль. Это связано с тем, что среди стран ЕС Германия является крупнейшим потребителем российских энергоресурсов. В течение 2011 года Россия экспортировала 34,1 млрд кубометров природного газа в Германию, что составляет почти 22% российского природного газа, экспортируемого в страны дальнего зарубежья и более чем ¼ российского природного газа, экспортируемого в Евросоюз¹¹. Такие цифры, безусловно, наглядно демонстрируют важность энергетического фактора при формировании российско-немецкой политики.

С тех пор как Российская Федерация начала экспортировать газ в Германию, отношения между странами существенно улучшились, что, в частности, подтверждается завершением строительства трубопровода «Северный поток», который позволяет транспортировать газ напрямую из Выборга в Грайфсвальд, минуя все транзитные государства (некоторые из них спровоцировали немало

проблем в отношениях России и Евросоюза – и соответственно России и Германии – в области энергетической политики).

Стоит заметить, что, в то время как Германия и Россия ведут весьма успешную коммуникацию и активно взаимодействуют в вопросах энергетической политики, некоторые страны-участницы ЕС сохраняют стойкое предубеждение относительно Российской Федерации как энергетического партнера. В конечном итоге это сказывается на взаимоотношениях как России и Евросоюза, так и России и Германии при том, что последняя связана обязательствами перед Евросоюзом, который, в свою очередь, предпринимает множество усилий для создания политики, общей для всей Еврозоны.

К одним из главных препятствий на пути построения российско-европейского диалога, можно отнести отказ России ратифицировать Договор к Энергетической хартии в 1994 г., которая вплоть до настоящего времени продолжает регулировать энергетические отношения в Европе. Несмотря на то что Россия не ратифицировала договор, она тем не менее является его участником и применяет договор на временной основе¹².

Причина отказа России ратифицировать Договор к Энергетической хартии в значительной степени коренилась в конкретных проблемах (в основном связанных с энергетическим транзитом), которые Москва видела в Договоре и поэтому не хотела быть связанной ими. Однако мы должны понимать, что в 1994 г. Россия была совсем другой страной, чем она есть сейчас, и соответственно позиция России в настоящий момент относительно положений Договора сильно отличается от ее позиции на переговорах в 1994 г., когда она отказалась ратифицировать Договор к Энергетической хартии.

С экономикой, которая стремительно развивалась и крепла с того времени, Россия превратилась к сегодняшнему дню в крупнейшего игрока на мировом энергетическом рынке и предполагает, что к ней будут относиться как к таковой. Россия больше не боится выразить свое недовольство относительно европейских попыток навязать ей свои условия, когда это касается энергетики.

Одним из наиболее проблемных аспектов общей политики ЕС является также желание Евросоюза привести законодательство стран-участниц ЕС в соответствие со своим собственным: процесс, известный как «правовое сближение». Этот процесс в настоящее время является доминирующим и в то же время наиболее спорным аспектом в деятельности Европейской комиссии в энергетическом диалоге с Россией. Россия расценивает эти действия Евросоюза как попытку ЕС перенести свои идеалы, ценности и законы на РФ, а не как способ относиться к России как к равноправному партнеру

по торговле¹³. Если Европейская комиссия и ЕС будут продолжать настаивать на вовлечении России в процесс «правового сближения» в энергетическом диалоге, то это может отрицательно сказаться на коммуникации ЕС и России в будущем. Российская Федерация может начать строить более тесное сотрудничество и увеличивать экспортные поставки нефти и газа в такие страны, как Южная Корея, Япония и Китай, нанеся тем самым серьезный удар по государствам – членам ЕС, энергетическая безопасность которых в значительной степени зависит от природных ресурсов, получаемых из России.

Стоит сказать, что Россия уже предупреждает о своем намерении экспортировать больше газа в Китай. Данное направление не может быть, однако, в полной мере реализовано в связи с отсутствием в настоящее время необходимых условий для транспортировки природного газа и развитой инфраструктуры между двумя странами¹⁴. Еще одной проблемой, затрудняющей сотрудничество Китая и России в области энергетики, является тот факт, что Китай еще не готов платить европейские цены на газ.

Камнем преткновения в гармоничной коммуникации России и Евросоюза продолжает оставаться третий энергопакет ЕС, принятый в 2009 г., представляющий собой законы и правила функционирования европейской энергетики по защите и демонополизации энергетических рынков ЕС. Эти правила существенно осложняют нахождение российских энергетических компаний, в особенности Газпрома, на рынках Евросоюза. Эти меры Евросоюза по изменению условий работы энергетического рынка без учета интересов России, безусловно, негативно сказываются на взаимоотношениях и диалоге России и ЕС в области энергетики¹⁵.

На международной конференции «Россия-Европейский союз: возможности партнерства», которая прошла в марте 2013 г., премьер-министр РФ Дмитрий Медведев, подчеркнул, что «Евросоюз не должен навязывать односторонние подходы своим партнерам, и обязан слышать аргументы другой стороны при рассмотрении вопросов, связанных реформами в области газа и электроэнергетики»¹⁶. Таким образом, премьер-министр обозначил необходимость, стоящую перед Российской Федерацией, в принятии политических, юридических, экономических и организационных мер, направленных на обеспечение энергетической безопасности; а также подчеркнул необходимость развития взаимовыгодного сотрудничества и коммуникации с Евросоюзом в области энергетики.

К еще одной проблеме в коммуникации России и Евросоюза следует отнести настороженное и достаточно холодное отношение России к партнерству с Европейским союзом в области энергетики

в целом, которое сложилось в результате не только давления на Россию в процессе «правового сближения» норм ЕС, но и в связи с обвинениями России нестабильным поставщиком со стороны Евросоюза. ЕС продолжает возлагать вину за газовый кризис в 2009 г. на Россию, несмотря на то что единственный раз, когда поставки газа были прерваны, пришелся на время кризиса 2009 г.; причем трубопроводы, проходящие исключительно через территорию Украины, прервали поставки газа¹⁷.

В дополнение к вышеупомянутым проблемам стоит отнести тот факт, что Россия перестает видеть в ЕС стабильного потребителя, учитывая тенденцию формирования европейской политики, направленную на дальнейшую диверсификацию собственного производства и, в частности, попыток снижения своей энергозависимости от России¹⁸. Российская Федерация, в свою очередь, расценивает данные действия ЕС как угрозу безопасности спроса своих энергоресурсов.

Подобного рода столкновение интересов заставляет Россию пересмотреть свои отношения с ЕС в области энергетики – в области, в которой обе стороны всегда были в значительной степени зависимыми друг от друга (что во многом предопределяет и обеспечивает продолжение энергетического сотрудничества между Россией и Евросоюзом).

В случае, если Европа не намерена в будущем продолжать импортировать российские энергоресурсы в том же объеме, в котором она осуществляет это в настоящее время, Россия начнет налаживать и увеличить свое присутствие на других рынках.

Таким образом, коммуникацию России и Евросоюза в энергетической сфере можно охарактеризовать как взаимовыгодный диалог, построенный на взаимозависимости обеих сторон. В целом России очень выгодно строить отношения с Евросоюзом как с проверенным покупателем, готовым платить рыночную цену. Даже в случае налаживания и развития инфраструктуры на других направлениях импорта российского газа (в части в странах Азии) можно с большей долей вероятности говорить о том, что Евросоюз будет продолжать оставаться основным потребителем российских энергоресурсов. С другой стороны, большинство стран Европейского союза считают Россию надежным энергетическим партнером и поставщиком энергоресурсов. Кроме того, непрекращающиеся политические волнения и революции в странах Ближнего Востока, уменьшение энергопоставок из стран Северной Африки заставляет страны – участницы ЕС проводить более умеренную и взвешенную политику в отношении Российской Федерации.

В ближайшее время Европейский союз останется наиболее крупным потребителем энергоресурсов из России, однако роль неравноценного поставщика нефти и газа, предлагаемая ЕС, не устраивает Россию, ищущую равноправных партнерских отношений. В связи с этим крупнейшие российские компании настаивают на необходимости расширения процессов взаимointegrации в области разработок и производства и, кроме того, увеличения объемов переработки экспортируемых энергоресурсов. Также важной и не до конца урегулированной сферой остаются вопросы соглашений и договоренностей относительно энергопоставок между Российской Федерацией и Евросоюзом. В частности это касается Договора к Энергетической хартии, а также Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Россией в части энергетики. Существует острая необходимость доработать вышеуказанные документы для создания выгодных и приемлемых условий для обеих сторон либо подписать новые соглашения, соответствующие современным условиям. Эти меры позволят создать необходимый правовой фундамент для продвижения российских энергетических компаний на европейских рынках и помогут выстроить конкурентные отношения в рамках Еврозоны.

На примере взаимоотношений России и Германии в области энергетики можно сделать вывод о том, что для Российской Федерации двусторонняя форма сотрудничества является более выгодной, чем коммуникация с Евросоюзом как с единым целым, на чем, в свою очередь, настаивает Евросоюз.

Несмотря на ряд проблем, возникающих в процессе коммуникации Европейского союза и Российской Федерации, есть все основания полагать, что энергодиалог России и ЕС в ближайшем будущем будет продолжен и подкреплен новыми соглашениями о сотрудничестве и партнерстве.

Примечания

- ¹ См.: *Ariel C. Europe's Strategic Dependence on Russian Energy. The Backgrounder.* Heritage Foundation. No. 2083. P. 3.
- ² См.: Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715 [Электронный ресурс] URL: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/> (Дата обращения 16.08.2013).
- ³ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации / Утверждена указом Президента Российской Федерации № 1440 от 12 июля 2008 г.

- [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/785> (Дата обращения 10.08.2013).
- ⁴ См.: Energy: EU_Russia Energy Dialog – European Commission [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/energy/international/russia/dialogue/dialogue_en.htm (Дата обращения 07.08.2013).
- ⁵ См.: *Ariel C.* Op. cit. P. 4.
- ⁶ См.: *Пашковская И.Г.* Энергетическая политика Европейского союза в отношении России и новых независимых государств. М.: Проспект, 2010. С. 102.
- ⁷ См.: Energy: EU_Russia Energy Dialog-European Commission [Электронный ресурс] URL: http://ec.europa.eu/energy/international/russia/dialogue/dialogue_en.htm (Дата обращения 04.08.2013).
- ⁸ См.: *Томаш М.* Эволюция энергетической политики России и стран Евросоюза в условиях глобализации: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. С. 97.
- ⁹ См.: Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 ноября 2009 г. № 1715 [Электронный ресурс] URL: <http://minenergo.gov.ru/aboutminen/energostrategy/> (Дата обращения 16.08.2013).
- ¹⁰ См.: *Троицкий П.В.* Перспективы сотрудничества России и Европейского союза в энергообеспечении: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2009. С. 69.
- ¹¹ См.: ОАО «Газпром» 2011: Годовой отчет. Москва [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazprom.ru/investors/reports/2011/> (Дата обращения 11.08.2013).
- ¹² См.: *Romanova T.* The Political Economy of EU-Russian Energy-relations. Political Economy of Energy in Europe: Forces of Fragmentation and Integration (G. Fermann (ed.)) Berliner Wissenschafts-Verlag, 9 June 2008. P. 78.
- ¹³ См.: Там же. P. 84.
- ¹⁴ См.: *Копопляник А.А.* Россия на формирующемся евроазиатском энергетическом пространстве: проблемы конкурентоспособности. М.: ООО «Нестор Академик Паблшерз», 2004. С. 326.
- ¹⁵ См.: *Иршинская Л.И.* Международная конкурентоспособность и стратегии развития крупнейших нефтяных компаний: Дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. С. 65.
- ¹⁶ См.: РСМД: материалы международной конференции «Россия-Европейский союз: возможности партнерства» [Электронный ресурс] URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2042#top (Дата обращения 20.08.2013).
- ¹⁷ См.: *Пашковская И.Г.* Указ. соч. С. 78.
- ¹⁸ См.: European Energy to 2020. A scenario Approach. Office for Official Publications of the European Commission, Luxembourg, 1996 [Электронный ресурс] URL: <http://ec.europa.eu/energy/library/e2020fd.pdf> (Дата обращения 11.08.2013).

Д.И. Писарчук

СЕТЕВОЙ ПАРТИЙНЫЙ БРЕНД КАК ФЕНОМЕН НОВОГО ЭКСТРАСОЦИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

Сетевая составляющая становится неотъемлемым элементом экстрасоциального общества, находящегося в перманентном состоянии поиска чего-то нового, привлекая к нему представителей разных аудиторий и тем самым создавая сообщество, отличающееся социально-культурным многообразием. Сетевой партийный бренд может стать ответом на вопрос о поиске новых форм и институтов социально-политической консолидации. Он будет иметь много особенностей, вписывающихся в контекст экстрасоциального общества, главные из которых показывают возможность охвата широкой аудитории, скорость распространения актуальной информации, построение диалога и получение быстрой обратной связи, что наиболее важно в высоком ритме жизни современного социума. Несмотря на то что Интернет и электронные ресурсы давно вошли в жизнь каждого индивида в социуме, проблема создания и продвижения сетевого партийного бренда остается сегодня не разработанной, что указывает на очевидную научную новизну и востребованность не только со стороны политической науки, но и с позиции политической практики.

Ключевые слова: экстрасоциальное общество, сетевой партийный бренд, киберпартии, мобильность, онлайн-ресурсы.

Одной из важнейших характеристик экстрасоциального общества наряду с его мобильностью, нестабильностью и значительной иррациональностью становится приверженность к трендам, которые, в свою очередь, отражают тенденции не всегда логичного, но направленного движения к каким-либо количественным или качественным показателям, заявленным в определенных временных рамках. Так, не зная существенных особенностей вза-

имозаменяемых товаров, неискушенный покупатель, скорее всего, приобретет продукцию, ассоциирующуюся с известным брендом, который отражает современные потребительские тенденции, т. е. находится в тренде. Так как экстрасоциальное общество немислимо без сетевой составляющей, то в данном контексте тренд сопоставим с наиболее частыми запросами в Интернете какой-либо информации, представляющей для аудитории интерес в рамках некоторого временного интервала. На сегодняшний день интерес, проявляемый обществом к политической жизни, постоянно растет вместе с его желанием быть вовлеченным в сетевой процесс, позволяющий не только узнавать новости, но и высказывать мнение, комментировать ситуацию. В этой связи следует уделить внимание вопросу о том, является ли сетевой партийный бренд феноменом современного общества.

Научно-техническая сфера стремительно развивается, проникая и охватывая собой другие области социальной действительности, среди которых политическая жизнь не является исключением. Современного человека трудно удивить компьютерными новинками или сетевыми инновационными сервисами, предоставляющими целый ряд услуг, которыми можно воспользоваться не выходя из дома, в режиме реального времени, что еще всего десять лет назад нельзя было и представить. Ключевой темой многих социально-политических исследований уже становится подробный анализ использования онлайн-ресурсов в непосредственной политической практике. Здесь уместно вспомнить их привлечение в качестве одного из основных инструментов избирательной кампании Барака Обамы в 2008 г., активное использование известными политиками таких социальных сетей, как Фейсбук, Твиттер, Живой Журнал. Данную политическую тенденцию транслируют исследования М.В. Барабанова «Партии и многопартийность в современной России: возникновение, основные тенденции развития»¹, Е. Малкина, Е. Сучкова «Политические технологии»² и многие другие.

Однако следует обратить внимание на проблему социального неравенства, которая представляется серьезным препятствием на пути развития общества. Все более отчетливо она проявляется в современной России: мегаполисы, где бесплатные услуги беспроводного Интернета сегодня доступны уже и в метрополитене, резко контрастируют с провинциальными городами и селами, где доходы большинства жителей не дают возможности не просто постоянно выходить во Всемирную сеть, но даже пользоваться аналоговым телевидением, которое теперь считается «прошлым днем» технологической революции. Экстрасоциальное общество постоянно ста-

вит задачи, которые непременно нужно решать, поскольку формат мобильности и «текучести» не позволит, бездействуя, оставаться в тренде: упустив момент, есть опасность «выйти из строя» надолго, если не навсегда. При этом одни индивиды, владея не только материальными, но и информационными ресурсами, постоянно обогащаются, тогда как другие отстают в своем развитии либо деградируют. С.В. Володенков в работе «Управление современными политическими кампаниями»³ акцентирует внимание на том, что современное общество перманентно находится в состоянии поиска чего-либо нового, в частности – новых форм и институтов своей социально-политической консолидации, одной из которых и становится феномен сетевого партийного брендинга. При этом сетевой партийный бренд представляет собой систему интегрированных маркетинговых коммуникаций в политике, которая является уникальной совокупностью взаимосвязанных значений, образов и символов, находящихся в виртуальном интернет-пространстве и воздействующих на сознание аудитории, заинтересованной в удовлетворении своих потребностей, которые связаны с политическими интересами.

В современной нестабильной и конкурентной политической сфере сущность борьбы за политическую власть составляет не столько конкуренция партийных организаций или заявляемых ими программ действий, сколько борьба образов – политических брендов. Специалисты сходятся во мнении, что необходимость достижения «узнаваемости» товара или услуги в конкурентной рыночной среде актуализировала возникновение представлений о бренде, под которым обычно понимается популярная, легко узнаваемая потребителем и юридически защищенная символика какого-либо производителя или продукта. М.Н. Грачев в исследованиях «Политика, политическая система, политическая коммуникация»⁴ и «Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития»⁵ показывает особенности создания и эффективного продвижения современного партийного бренда, которые заключаются в грамотном использовании технологий массовой коммуникации, на сегодняшний день неотрывно связанной с оперированием виртуальными ресурсами, в том числе и с работой в интернете, имеющей свои особенности. Мобильность общества ставит проблемы создания и продвижения сетевого партийного бренда как необходимого условия партийной интеграции, идентификации и дифференциации в политическом сегменте интернет-пространства. Однако разработанность данного вопроса в современной политической науке остается явно недостаточной,

особенно на фоне значительного числа работ, касающихся продвижения политических брендов во внесетевой среде. К таким исследованиям можно отнести труд Д. Аакера «Создание сильных брендов»⁶, Т. Гэда «4D брэндинг: взламывая корпоративный код сетевой экономики»⁷ и многие другие.

Таким образом, здесь будет уместно обратиться к канадскому опыту создания и продвижения полноценно функционирующего сетевого партийного бренда, который имеет все основания служить наглядным примером. The Online Party of Canada (Онлайн-партия в Канаде) была создана и функционирует только в сетевом сегменте, но целью ставит контакт и действия относительно реального политического пространства своей страны.

Хелен Маргеттс в своей известной статье «Киберпартии»⁸ подчеркивает открытость широких горизонтов для партийного развития в условиях современного мобильного общества в эпоху использования Интернета. Данный факт определяет возникающие в интернет-среде новые тенденции политической деятельности, которые влияют на организационное совершенствование партий. Теперь название «кибер» преподносится как новый «идеальный тип» политических партий. Киберпартии – это скорее организации, а не учреждения, в которых избирателям с различными предпочтениями предлагается поддержка в зависимости от ситуации. Киберпартии выстраивают более тесные отношения со своими избирателями и делают позитивный шаг в развитии демократии; «обычные» же партии, которые не отвечают на конкурентное давление и не используют новые доступные технологии для увеличения своего влияния, возможно, в скором будущем придут в упадок.

Вопрос о киберпартии как об «идеальном типе» политической партии остается спорным, особенно в России, где политическая система функционирует иначе: стоит принимать во внимание отечественную историю, менталитет и недостаточно высокую степень восприимчивости к инновациям. Тем не менее присутствие политических партий во Всемирной сети действительно играет немаловажную роль: формирует общественное мнение, дает возможность привлекать молодежь к политике, является решающим фактором для категории неопределившихся избирателей.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что организациям в интернет-пространстве придется развиваться так же быстро, как развиваются сетевые технологии, чтобы не терять свои позиции в конкурентной борьбе, а также искать все новые способы завоевания аудитории, переходя на интерактивный технологический уровень.

Г.Л. Акопов в аналитической монографии «Интернет и политика. Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций»⁹ отмечает, что неким итогом поиска социумом новых форм социально-политической консолидации является «инклюзивная» политическая система. Она построена по принципу абсолютной включенности индивидов в политическую жизнь с помощью всевозможных форм и каналов политического участия. Создание и продвижение сетевых партийных брендов – оплот этой системы, так как сетевая функция обусловлена наличием перманентного общественно-политического дискурса с возможностью обратной связи в реальном времени. А. Ерина в работе «Интернет – политический ресурс воздействия на общественное мнение»¹⁰ транслирует современную политическую тенденцию, отражением которой является запуск в 2012 г. в России вебсайта «Думаем вместе», как проявление государственной инициативы, связанной с обсуждением идеи электронного парламента и сетевых партий. Число пользователей Интернета постоянно растет, но оно не охватывает в нужном масштабе крупные электоральные группы (например, пенсионеров). Экстрасоциальное мировое сообщество диктует правила, которым нужно следовать по мере своих возможностей. Так, В.В. Путин в своей инаугурационной речи в 2012 г. пообещал народу в обязательном порядке предоставить возможность для участия в государственном управлении с помощью средств интернет-демократии.

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что сетевой партийный бренд является продуктом экстрасоциального общества. Современный социум не может полноценно обходиться без сетевой составляющей своей жизни, которая присутствует во всех областях функционирования человека, в том числе и в политической. Интерес к самому брендингу возрастает на почве рыночной экономики, когда неотъемлемой задачей продавцов становится стремление выделить свой товар из массы похожих, а притязательный покупатель желает приобрести нечто особенное, отличное от предоставляемого множества. Партийный бренд – частный случай бренда коммерческого, когда конкуренция высока не только на экономическом рынке, но и на политической арене. Сегодня борьба за политическую власть в экстрасоциальном обществе состоит не столько в борьбе партийных организаций и их программ, а сколько в борьбе их образов – политических брендов. Процессы, происходящие в политической и экономической сфере жизни общества, имеют много общего: так, при создании и продвижении политических или партийных брендов задействованы интегрированные маркетинго-

вые коммуникации. Однако есть и отличия: главное из них состоит в особенности экстрасоциального общества, заинтересованного в принципиальной полезности удовлетворения своих интересов и живо реагирующего на яркость информации, побуждающей потребителей проявлять дальнейший интерес в заданном направлении.

Экстрасоциальное общество стирает мировые границы и рамки коммуникации, и в этой связи видится актуальным становление и развитие феномена сетевого партийного бренда. Его актуализация подчеркивается существованием нескольких факторов. Первый из них – широкая аудитория, достаточно мобильная и гибкая, второй – высокая скорость распространения информации, способность одновременно привлекать несколько коммуникационных каналов, отличных от традиционной схемы, и, наконец, третий фактор – возможность оперативного получения обратной связи и построения полноценного конструктивного диалога с целевыми аудиториями.

Одним из итогов поиска новых форм консолидации экстрасоциального общества становится сетевой партийный брендинг, который распространяется в зависимости от конкретных условий, но тем не менее имеет все шансы стать не только интегрированными в Интернет «электронными версиями» уже существующих партийных брендов, но и «сетевыми партиями», вся информационно-коммуникационная активность которых будет осуществляться только или главным образом во Всемирной сети, что является показателем развития экстрасоциального общества.

Примечания

- ¹ *Барabanов М.В.* Партии и многопартийность в современной России: возникновение, основные тенденции развития. М.: Изд-во МГОУ, 2011.
- ² *Малкин Е., Сучков Е.* Политические технологии. М.: НП ИД Русская панорама, 2012.
- ³ *См.: Володенков С.В.* Управление современными политическими кампаниями. М.: Изд-во МГУ, 2012. С. 102–128.
- ⁴ *Грачев М.Н.* Политика, политическая система, политическая коммуникация. М.: МОУ МЭЛИ, 1999.
- ⁵ *См.: Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей, 2004. С. 210–260.
- ⁶ *Аакер Д.* Создание сильных брендов. М.: Гребенников, 2007.
- ⁷ *Гэд Т.* 4D брэнддинг: взламываем корпоративный код сетевой экономики. СПб.: Aveline Finland, 2001.

- ⁸ *Margetts H.* The cyber party // School of Public Policy, Univ. College London; Paper to workshop 'The Causes and Consequences of Organisational Innovation in European Political Parties', ECPR Joint Sessions of Workshops. Grenoble, 6–11 April. 2001.
- ⁹ См.: *Акопов Г.Л.* Интернет и политика: Модернизация политической системы на основе инновационных политических интернет-коммуникаций М.: КНОРУС, 2013. С. 120–175.
- ¹⁰ См.: *Ерина А.* Интернет – политический ресурс воздействия на общественное мнение // *Обозреватель – Observer.* 2013. № 1. С. 88–95.

ПРОБЛЕМА ПРОИЗВОДСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛЕВОЙ СРЕДЕ

В статье описывается положение левых социально-политических сил в ситуации современного мирового экономического кризиса. Современный глобализирующийся мир вызвал новую волну трансформаций во всех сферах социальной жизни. Это ясно показала заявленная проблематика протестов по всему миру. Левые движения, как правило, остро реагируют на любое изменение общественной среды. Зачастую производство новых смыслов левой средой спотыкается на попытке преодолеть абсурдность, где абсурд воспринимается не как отсутствие смысла, а как граница формализованного политического мышления, как смысл, который неслышим в среде политического рационального.

Ключевые слова: левые, внесистемные движения, политические смыслы, экономический кризис, электоральная база.

Мировой экономический кризис 2008–2009 гг. поднял масштабную волну протестов и антиправительственных движений по всему миру, обнажив кризис существующей социально-экономической и политической системы, основанной на власти капитала. Попытки преодолеть кризис, начавшиеся в экономике, подняли на поверхность гораздо более важную задачу: преодоление вопроса «проблемного» абсурда, расцениваемого как «невозможность приемлемого решения вопросов в рамках существующей ведущей формальной общественно-политической теории, невозможность устранить противоречия»¹.

Абсурд зачастую толкуют как явление иррациональное, лишённое смысла и внятной связи с реальностью. Однако постмодернистский подход диктует восприятие абсурда не как отсутствие смысла,

а как границу формализованного мышления, как смысл, который еще не услышан, не артикулирован, не выведен в плоскость актуальных задач.

В контексте данной статьи явление абсурда необходимо понимать как тупиковость дальнейшего движения без новых кардинальных качественных изменений. Современные социально-экономические проблемы, приведшие к тупиковым, абсурдным ситуациям, лежат в плоскости недалновидных решений в отношении мирового капитала, недостатка реформистских качеств современных мировых лидеров, в тенденции преобладания эвфемизма в политике, что зачастую оказывается недобросовестным подходом к решению текущих мировых и локальных проблем.

Эвфемистические концепции в политике, как считает американский социолог Джеймс Петрас, обозначают предпочтительную действительность, «они призваны скрыть связь между экономическим кризисом, с одной стороны, и обогащением элит, концентрацией власти и привилегий, с другой стороны. Эвфемизмы скрывают стремление властной элиты навязывать свою классово-ориентированную репрессивную политику, мешают верно определить эту политику и призвать элиту к ответственности, организовав массовые протестные действия»². Ситуация абсурда в указывает на рассогласование суждений современных политических лидеров с результатами их деятельности.

Именно экономический кризис 2008–2009 гг. проявил абсурдность современной капиталистической системы, которая настойчиво воспроизводит все базовые структуры, приведшие ее к кризису. Такое положение вещей вводит в смятение даже таких апологетов капиталистической системы, как банковские инвесторы: «Мы живем в мире, где сегодня решения принимаются не из соображений экономической целесообразности и развития бизнеса, а исходя из интересов простого обогащения отдельных групп акционеров. ...Сейчас все системы – политические, экономические, моральные, культурные – требуют серьезного пересмотра»³. Кризис нарушил не только финансовую базу рядового населения. Сегодня в должниках оказываются уже целые страны: Греция, Исландия, Италия, Испания, Португалия.

В момент первичных проявлений кризиса системы капитализма, ведущие политологи в один голос заговорили о шансе для левых в мире, как силе, способной найти выход из ситуации абсурдности нынешней системы, возглавив не только современное внесистемное движение, но и создав качественно иную альтернативу глобальной власти капитала. Вне сомнений, реализация этой идеи в социаль-

ной практике – процесс длительный и весьма травматичный для ведущей системы ценностей. Есть ли у левых ресурсы, такие как социальная база и способность к совместному диалогу, чтобы воспользоваться этим шансом на глобальные изменения?

Социологические исследования показывают, что база левого движения заметно растет. Сегодня ее формируют работники сферы услуг, учителя, представители образованного среднего класса, женщины, молодежь, мигранты, этнические и иные меньшинства и т. д. В России, как отмечают в своем докладе «Протестные движения в России в конце 2011–2012 года. Истоки, динамика, результаты» исследователи Левада-центра, ситуация с социальной базой левого движения еще более перспективна, «поскольку беспрецедентный уровень неравенства, коррупции и бесправия обратил абсолютное большинство населения, даже “несистемных” буржуа, в объект “эндоколонизации”».

Все это создает возможности для серьезного прорыва левых, которые могут возглавить широкую коалицию проигравших в глобализации социальных групп, которых становится все больше в условиях обостряющегося противоречия между кредиторами и должниками»⁴.

Один из ведущих левых мыслителей современности С. Жижек согласен, что кризисы капитализма – это шансы для левых, но обращает внимание, что любая из современных систем является следствием капиталистического развития, и в конечном счете способствует воспроизводству этой самой капиталистической системы. С. Жижек показывает, что радикального преобразования системы вследствие международного финансового кризиса не будет, так как большинство западных левых отказались от каких-либо идей по прогрессивному переустройству мира⁵.

Предостережения не подействовали, и левые, приходящие к власти в Бразилии, Греции, Франции, Португалии, вынуждены вести себя как ультралибералы. Это снижает доверие населения к левой системе ценностей, но дает фору массовым антисистемным движениям, которые имеют возможность выработать конструктивный альтернативный проект общественного устройства, быть услышанными и поддержанными.

Сегодня левые движения можно охарактеризовать как крайне разнообразные, интернациональные, глобальные и очень плюралистические. Способны ли они к совместным действиям? Ведущий российский политолог Б. Кагарлицкий отмечает высокий уровень разобщенности и организационной неоднородности левых и видит в этом основную проблему для выработки плана совместных действий.

В то же время немецкий ученый Томас Зайберт не видит в этом ограничения: левые способны к совместным действиям, объединению усилий умеренных левых, радикальных левых и других групп из разных стран, считая плюрализм в движении даже необходимым для выработки принципиально новой системы, основанной на новых точках соприкосновения. «Можно предполагать, что в условиях нынешнего кризиса неолиберализм развалится, а значит, и антинеолиберальный консенсус левых движений последнего десятилетия не станет объединяющим фактором. Ведь если не будет неолиберализма, пропадет надобность и в антинеолиберализме. Сейчас внутри движения поднимаются вопросы о тех вызовах, с которыми придется столкнуться в этой ситуации, – сможет ли движение продвигаться дальше, от позиции антинеолиберализма доности до позиции антикапитализма»⁶.

Спадает ли кризис, потеряют ли левые в этой ситуации актуальность – вопросы открытые. Например, бельгийский экономист Эрик Туссен прогнозирует, что «мировой экономической и финансовый кризис продлится еще 10–15 лет в промышленно развитых странах» и, как следствие, в зависимых от них периферийных странах⁷. Это позволяет левым еще достаточно длительное время оставаться в кризисном проблемном поле и диктовать протестную повестку.

С другой стороны, в одной из своих последних работ С. Жижек анализирует действия политически активных сил в период последнего экономического кризиса (движения «арабской весны», «Оккупай Уолл-стрит», агрессивные протесты в Европе и пр.) и активно критикует как правых, так и левых за следование «глобальной теории безысходности политико-идеологической репрезентации»⁸, фактически за неспособность вырваться за рамки формальной существующей системы. Стоит учитывать, что внесистемные протестные движения, обладая меньшими административным и организационным ресурсом, чем системные структуры, и у государства достаточно инструментов, чтобы прекратить деятельность выступающих, но, как отмечают аналитики авторитетного американского политического ресурса «Stratfor», в любом случае выживут те социально активные движения, которые обладают гибкими организационными возможностями и чутко реагируют на происходящее. Они также должны контролировать представления о том, за что выступают они сами и их оппоненты⁹.

Учитывая столь разнообразные взгляды на существующее положение вещей, важно помнить, что исчерпание ресурсов экономического кризиса не влечет за собой ликвидацию ситуации «проблемного абсурда», лежащей в основе настоящей системы, где

существуют две невозможности, по мнению Жижека, – невозможность, на которой фокусируется господствующее идеологическое поле, и невозможное-реальное социального антагонизма¹⁰, в рамках которого могут беспрепятственно реализовываться левые социально-политические движения.

Примечания

- ¹ См.: *Зенина О.Ю.* Ситуация абсурда в социальной действительности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009.
- ² *Петрас Дж.* Политика языка и язык политической регрессии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://left.ru/2012/3/petras214.phtml>
- ³ «Возможно, снова будем менять килограмм соли на килограмм сахара» // Коммерсант. 2011. 21 авг. № 4702 (161).
- ⁴ *Волков Д.* Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 г.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 73–86.
- ⁵ См.: *Жижек С.* Добро пожаловать в пустыню Реального. М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002.
- ⁶ См.: *Зайберт Т.* У левых нет готовых ответов на кризис // М. Левая Политика. № 9. 2009 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.leftpolicy.ru/articles.php?article_id=122
- ⁷ См.: *Туссен Э.* Восстание в Европе вполне возможно (Cuba Debate, Куба, 20.04.2011) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.cubadebate.cu/opinion/2011/04/20/eric-toussaint-una-rebelion-en-europa-es-possible/>
- ⁸ *Жижек С.* Год невозможного. Искусство – мечтать опасно. М.: Европа, 2012.
- ⁹ См.: Protest Movements as Political Strategy, Stratfor, 05.07.12 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.stratfor.com/weekly/protest-movements-political-strategy?utm_source=freelist-f&utm_medium=email&utm_campaign=20120705&utm_term=sweekly&utm_content=readmore&elq=acf18fec4e6c489c8c94094a588c9425
- ¹⁰ См.: *Zizek S.* A permanent economic emergency // New Left Review. № 64. July–August 2010. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://newleftreview.org/II/64/slavo-j-zizek-a-permanent-economic-emergency>

М.А. Штейнман

ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
ФИЛЬМА Д. РАЙТА «АННА КАРЕНИНА»
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье выдвигается гипотеза о том, что провокативность современных форм культуры в настоящий момент инициирует некий «культурный взрыв», с помощью которого текст переходит рамки одной семиотической структуры и входит в другую. Подобный текст следует рассматривать в контексте порожденных им социокультурных и политических колебаний.

Провокативность фильма «Анна Каренина» (режиссер Д. Райт, автор сценария Т. Стоппард) порождается его маргинальностью – балансированием на границе между высокой и низкой культурой. В результате русскоязычный зритель склонен воспринимать фильм как насмешку над русской литературой. Сакрализация «классики» становится важнейшей составной частью современной российской социокультурной идентичности. С другой стороны, подобное доминирование вновь созданного канона оборачивается уменьшением потенциала для широкого общественно-политического диалога.

Ключевые слова: семиосфера, межкультурная коммуникация, идентичность, массовая культура.

В настоящее время социальная реальность представляет собой крайне подвижное поле смыслов, которое с легкостью трансформируется в поле политических дискурсов и пространство политических дискуссий. Если следовать за Ю.М. Лотманом, то можно говорить о проницаемости различных семиотических сфер, в результате чего явление культуры может инициировать серьезные колебания в сфере политики и vice versa.

Складывается ощущение, что специфика многих современных текстов (в том числе и кинематографических) объясняется неосоз-

нанным (или же, напротив, сознательным) желанием их создателей спровоцировать определенный «культурный взрыв», благодаря которому текст перемещается между семиотическими системами. Подобный текст, соответственно, порождает коммуникативный всплеск как в социокультурной, так и в политической сферах.

Примером подобной провокации может служить восприятие в России фильма Джо Райта по сценарию Тома Стоппарда «Анна Каренина».

Вышедшая в конце 2012 г. лента вызвала споры в англоязычной среде. Это и неудивительно, поскольку фильм существует на границе между высокой и низкой культурой, чем озадачивает большинство аудитории, которое не всегда готово адекватно декодировать заложенное в нем сообщение.

Для нас, однако, наиболее важен тот факт, что появление фильма в российском прокате маркировало собой начало бурной полемики, выводящей фильм за рамки явления в кинематографе и свидетельствующей о важных социокультурных и – шире – политических тенденциях.

Рассмотрим сначала социокультурный аспект.

Герберт Маркузе в 1955 г. подчеркивал: «То, что мы видим сейчас, – это не вырождение высокой культуры в массовую культуру, но ее опровержение действительностью. Действительность превосходит свою культуру...»¹. Более того, значимые образы предыдущего столетия, сколь радикальными они ни казались бы в прошлом, уже утратили свое содержание и стали, таким образом, частью повседневности. Соответственно, для их актуализации и необходима своего рода коммуникативная провокация, к которой обращаются Райт и Стоппард. Для этого они не только выводят известный сюжет Толстого за рамки традиции, но и насыщают форму, в которую он заключен, новыми смыслами.

В свою очередь, концепт семиосферы, предложенный Ю.М. Лотманом, по сути – единственный эффективный подход, обеспечивающий адекватное декодирование того сообщения, которое представляет собой «Анна Каренина» Райта и Стоппарда. Созданная им концепция семиосферы подразумевает единую динамичную коммуникативную систему, основанную на понятиях знака/символа, кодирования и границы. Весь мир мыслится как текст, как система знаков: «Внешний мир, в который погружен человек, чтобы стать фактором культуры, подвергается семиотизации»².

В работе «Культура и взрыв» Лотман пишет, что семиотическое пространство представляет собой «многослойное пересечение различных текстов», образующих вместе единый пласт со сложными

внутренними соотношениями. Кроме того, существует отдельный пласт «реальности», который образуют различные языки. Вместе они и образуют «семиотику культуры»³. Более того, взаимодействие языкового пласта и семиотического пространства создает возможность перевода не просто с одного языка на другой, но перехода из одного культурного кода в другой. Таким образом, делает вывод Лотман, «мир семиозиса образует сложную структуру, которая все время “играет” с внележащим ему пространством»⁴, что, в свою очередь, и создает возможность «культурного взрыва».

Именно благодаря ему и компенсируется процесс устаревания «различных способов смыслопорождения», когда в оборот вводятся новые, прежде запрещенные смыслопорождающие структуры или омолаживаются прежние, потерявшие актуальность⁵.

Вопрос о переводе с одного языка на другой, по сути дела, представляет собой трансформацию культурного кода, где задействована граница между понятиями «свой» и «чужой».

Лотман подчеркивает амбивалентность понятия границы, которая «с одной стороны – разделяет, а с другой – соединяет. Она всегда граница с чем-то и, следовательно, принадлежит обеим пограничным культурам, обеим взаимно прилегающим семиосферам»⁶. Именно граница является механизмом перевода текстов чужой семиотики на язык «нашей», это фильтрующая мембрана, которая трансформирует чужие тексты настолько, чтобы они вписывались во внутреннюю семиотику семиосферы, оставаясь, однако, «инородными».

Фактически все пространство семиосферы пересечено границами разных уровней, границами отдельных языков и даже текстов, причем внутреннее пространство каждой из этих субсемиосфер имеет некоторое свое семиотическое «я», реализуясь как отношение языка, группы текстов, текста к некоторому их описывающему метаструктурному пространству. Пронизанность семиосферы частными границами создает многоуровневую систему⁷.

Применительно к понятию границы действует постоянный процесс перемещения и сдвигов периферии в центр и оттеснения центра на периферию. Именно «пограничная область культуры»⁸, по формулировке Лотмана, и является своего рода залогом обновления системы в целом. При этом ядро сферы культуры, как правило, нейтрально, тогда как периферическая (маргинальная) часть – маркирована.

«Маргинальность» и «взрыв» зачастую воспринимаются сознанием реципиента как провокация, осмеяние уже существующих традиций. Дальнейшая реакция зависит от культурной толерант-

ности и широты восприятия: либо новая модель осознанно принимается, либо неосознанно отвергается. Причем во втором случае задействуются весьма специфические мотивировки, связанные с идеологическими клише. Применительно к культуре такими клише, как правило, выступает унаследованная от советской науки иерархия «высоких» и «низких» жанров.

В этом случае массовая культура представляет собой тот самый частный случай «большой» культуры, маргинальную или, говоря словами Лотмана, пограничную сферу, где создаются новые семиотические модели и, как следствие, накапливается потенциал для реализации пространства диалога.

До определенной степени можно говорить и о том, что массовая культура в XXI в. сама по себе стала особой семиотической моделью, чьи характеристики отнюдь не исчерпываются массовым характером распространения.

В чем же заключается маргинальность (пограничность) и провокативность экранизации «Анны Карениной» Райта и Стоппарда? Прежде всего – в иллюзорности разрыва между исходным вариантом (романом Толстого) и киноверсией. Вопреки распространенному в среде российских критиков мнению, Том Стоппард как автор сценария практически не искажил текст романа. Более того, он старался скрупулезно передать движение сюжета в диалогах и вынести на экран как можно более полную версию текста. В процессе работы над фильмом режиссер так охарактеризовал работу Стоппарда: «Он создал сценарий, куда входит линия Левина наравне с линией Анны. Стоппард очень точен... К тому же он глубоко погружен в российскую историю, культуру и идентичность – или же ее отсутствие»⁹.

И здесь нельзя не вспомнить подход Лотмана к понятию массовой культуры/литературы, где он, в частности, говорит о том, что это понятие – социологическое и потому касается не столько структурных характеристик того или иного текста, сколько его «социального функционирования в общей системе текстов, составляющих культуру». Следовательно, принадлежность того или иного текста к массовой культуре/литературе определяется «отношением того или иного коллектива к группе текстов»¹⁰.

Иными словами, принадлежность фильма «Анна Каренина» к массовой культуре определяется лишь на основе отношения к фильму публики и критиков, но не на основе формальных критериев. С другой стороны, сам факт этой принадлежности обеспечивает фильму главное – широкий доступ к аудитории. В частности, особое значение принадлежит здесь актерскому составу: парадок-

сальным (или же закономерным) образом фигуры Киры Найтли, Аарона Тейлора-Джонсона, Джуда Лоу тесно связаны в сознании массового зрителя именно с развлекательным кинематографом. При этом они являются своего рода маркерами развлекательности. Это не совсем согласуется с концепцией режиссера. Забавным следствием такого диссонанса стал тот факт, что Объединение женщин-кинокритиков номинировало «Анну Каренину» в категории «Кино, которое вы бы хотели полюбить – но не можете»¹¹.

Итак, фильм Джо Райта представляет собой многоуровневый текст, при этом от зрителя требуется расшифровка каждого из уровней, поскольку только в этом случае становится возможным полностью расшифровать заложенное сообщение. От реципиента ждут не пассивного потребления смыслов, но активного участия в их продуцировании.

В целом можно говорить о следующих уровнях: театрализация, аллюзии на литературу и живопись, темпоральные анахронизмы, ирония по отношению к истории и, наконец, игра с каноном и идентичностью. Все вместе рождает провокационный коммуникативный проект, созданный в целях актуализации текста путем полемики с традицией.

Рассмотрим их подробнее. На первом уровне театрализация представлена как высокая степень условности места действия. Изначально режиссер склонялся к натурным съемкам в России, однако впоследствии отказался от этого замысла¹².

Весь фильм основан на смешении сцены и реальности: действие перемещается с подмостков на открытое пространство и наоборот. Часть событий происходит на колосниках (именно оттуда, в частности, Анна бросается вниз, как с перрона на рельсы). Создается своего рода хронотоп спектакля, где каждый шаг одних действующих лиц грозит перерасти в зрелище для других. Питер Брэдшоу, колумнист «The Guardian», остроумно назвал этот эффект «риторикой нереального»¹³.

С культурологической точки зрения подобное решение представляет собой аллюзию на знаменитую фразу Шекспира «Весь мир театр. В нем женщины, мужчины – все актеры. У них есть свои выходы, уходы, И каждый не одну играет роль»¹⁴. Следует отметить, что подобный прием – смешение сцены и реальности – уже применялся Т. Стоппардом в его пьесе «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» (1960) и в созданной им же спустя тридцать лет экранной версии (1990).

Вышеупомянутая сложная структура аллюзий и гиперссылок, в свою очередь, является базисом для раскрытия политических

смыслов. В данном случае они тесно связаны с вопросом социокультурной идентичности современных россиян.

Однако в случае с экранизацией «Анны Карениной» режиссер Джо Райт не просто создает изящную аллюзию на предыдущие работы автора сценария. Провокативность по отношению к исторической достоверности также очевидна. Режиссер не ставит задачу скрупулезного воссоздания дворянского быта конца XIX в. Напротив, опираясь на сценическую условность, он таким образом моделирует образ России. Фильм начинается с того, что в кадре поднимается занавес с надписью «Imperial Russia. 1874». Само словосочетание более чем характерно – не «Russian Empire» (т. е. Российская империя), а «Imperial Russia» (Имперская Россия). Это дало основание для многочисленных упреков в адрес Райта в том, что объектом его иронии является не столько царская, сколько современная Россия, претендующая на статус империи (но не соответствующая ему).

В пользу этой версии говорит и сцена прихода Стивы Облонского «в присутствие». У Толстого этот эпизод описан так: «Приехав к месту своего служения, Степан Аркадьевич, провожаемый почтительным швейцаром, с портфелем прошел в свой маленький кабинет, надел мундир и вошел в присутствие. Писцы и служащие все встали, весело и почтительно кланяясь»¹⁵. В фильме же дана развернутая массовая сцена торжества бюрократии: писцы совершают ритмические однотипные движения, имитирующие перекаладывание бумаг, заставляющие вспомнить рабочих конвейера из немого кино. Иными словами, Райт предлагает зрителю свой взгляд не на абстрактную страну, а на конкретную Россию нашего времени, в адрес которой часто звучит критика в чрезмерной бюрократизированности и избыточном количестве чиновников.

Недовольство российских зрителей вызывает и «обшарпанность» условного театра, где разворачивается действие. В облезшей позолоте и вытертом бархате они усматривают намек на упадок страны не в XIX, а в XXI в.

Создают специфическую атмосферу и многочисленные аллюзии. Они образуют отдельный уровень гипертекста, предназначенный для узнавания. Из наиболее ярких можно упомянуть кадры, отсылающие к картине Г.Г. Мясоедова «Косцы» и к статуе Микеланджело Буонарроти «Пьета».

Элементы «высокой» культуры уравниваются откровенно ироничными цитатами и анахронизмами. Так, в одном из эпизодов появляется момент, повторяющий знаменитый эпизод с колкой льда из к/ф «Основной инстинкт», а в отрывке, посвященном кось-

бе, отдыхающие косцы демонстративно пользуются фарфоровым чайником в горошек и современными термосами. Этот уровень иронии, безусловно, принадлежит постмодернистскому сознанию, хотя и выполняет еще одну важную задачу – усиливает «условное измерение» фильма, дистанцирует его от привычного восприятия Толстого и приближает его к зрителю. Поэтому можно говорить не только о постмодернистском, но и о вполне формалистском подходе к тексту, где режиссер использует прием «остранения» (В. Шкловский).

Принципиальное значение для нас имеет уровень, связанный с социокультурной идентичностью. Адресатом фильма изначально не являлся сугубо российский зритель. Режиссер ставил перед собой вполне достойную цель – обновить восприятие текста Толстого, уведя его от известного романного шаблона. В своем интервью Стопшард говорит о режиссере: «Он опасался, что все закончится очередной девяносто седьмой по счету костюмированной драмой»¹⁶.

Тем не менее, российский зритель воспринял фильм как вызов – чему? Прежде всего – национальному достоянию и русской идентичности. Как сформулировал один из журналистов, «негодование, сопровождающее появление “Анны Карениной”, где главную роль исполнила Кира Найтли, связано с тем, что превратили, мол, великий роман, на который вроде бы только мы одни и имеем право, в подобие кукольного театра»¹⁷.

Фраза «великий роман, на который вроде бы только мы одни имеем право» здесь ключевая. Действительно, в данном случае мы имеем дело со включением русской литературной традиции в категорию духовного наследия, которая, соответственно, сакрализируется. Как следствие, сакрализованные тексты подвергаются психологическому присвоению, а оно, в свою очередь, становится частью господствующего политического дискурса. В этом случае у реципиента складывается устойчивое ощущение, что иноязычная и инокультурная экранизация «посягает» на нечто, принадлежащее только ему. По отношению к подобному тексту не допускается ни иронии, ни провокативных трактовок. Единственно возможный подход к экранизации – традиционализм, как его представляет себе режиссер или реципиент.

В результате фильм «Анна Каренина», который изначально задуман как локус пересечения взглядов различных культур, дихотомии «Свой»/«Другой», становится не только пространством полемики, но и точкой, где сталкиваются понятия «Свой» и «Чужой», причем с отчетливым привкусом враждебности. Следование канону оборачивается жесткой иерархией в литературе, что, в свою

очередь, свидетельствует о неготовности массового читателя/зрителя к диалогу.

В этом плане весьма показателен отзыв на «Анну Каренина» Райта и Стоппарда режиссера Сергея Соловьева: «Фильм Джо Райта никак не может назваться экранизацией. Это вольное сочинение на сюжетные мотивы Льва Николаевича Толстого. Я не ругаю картину. Она кому-то нравится, кому-то нет, но никакого отношения к экранизации Толстого она не имеет. Мне кажется, что Кира Найтли вообще не понимает, что за женщину она играет, что за героиня у Толстого. Она играет какие-то свои переживания по поводу собственных претензий к жизни. Это никакого отношения не имеет к тому, что написал Толстой»¹⁸. В этом высказывании из семи предложений – пять содержат в себе отрицание в той или иной форме и трижды Соловьев отказывает фильму Райта в праве называться экранизацией.

Перед нами не просто конфликт интерпретаций, перед нами – доказательство ментального присвоения классики. И далее Соловьев высказывает главный аргумент, который подтверждает это право: «...Стало очевидно глубочайшее непонимание ничего вообще из того, что написано <...> и того, что происходит с нашими душами». Иными словами, российский режиссер артикулирует непреодолимую пропасть между «русской» и «нерусской» душой, которую невозможно заполнить с помощью межкультурного диалога.

Сходная позиция прослеживается и в отзывах на фильм Райта. В качестве выборки был взят сайт www.afisha.ru как наиболее показательный. Из 392 отзывов 61% являются положительными, а 19,6% – отрицательными. При этом две трети отрицательных рецензий используют один и тот же вид аргументации, связанный с отрицанием прав режиссера, принадлежащего другой культуре, экранизировать русскую классику.

Автор негативной рецензии, озаглавленной «Русско-нерусский акцент», в качестве доказательства низкого уровня ленты выдвигает следующий аргумент: «Анну Каренину сыграла Кира Найтли («Искушение», «Гордость и предубеждение»). Что тут сказать? Для начала не может еврейка играть русскую дворянку (вы не думайте, я не страдаю антисемитизмом, но в каждом учебнике по истории России вы найдете то, что они не получали дворянство <...>»)¹⁹. Постоянный посетитель сайта, в свою очередь, усматривает в фильме покушение англичан на национальную идентичность россиян: «Англичане не были бы англичанами, если бы не пытались поставить на место зарвавшегося северного варвара. Пусть и через сто лет. Пусть и хулиганскими методами»²⁰.

Буквально о том же самом еще одна рецензия: «Я чувствовала не “русского” человека. Все кругом очень и очень непохожи на русского человека: ни лицом, ни акцентом»²¹. Есть и отзыв, который прямо формулирует постулат о «загадочной русской душе», которая единственная может понять Толстого: «Лев Николаевич это вам не какая-нибудь Джейн Остин без философии и претензии на глубину. Тут волей-неволей придется обратиться к загадочной русской душе»²².

Есть и выпады в адрес не только режиссера, но и зрителей: «Кто все эти люди, нараспев расхваливающие фильм? Явно НЕ русские (хотя, в Москве смешно ожидать “русскости” от кого бы там ни было). Точно НЕ читавшие роман. И уж, конечно, зомбированные интернетом и соц. сетями, кричащими об этом шедевре»²³.

Из позитивных откликов приведем один: «И пусть кому-то не нравится экранизация или кто-то видит в этом надругательство над Россией и ее классикой. И если так уж обидно за Россию, кто не дает снять свое великое кино... Искусство не стоит на месте, его состояние – отражение общественных процессов. Пусть оно эволюционирует вне зависимости от принадлежности к истории»²⁴.

Еще один отзыв обращает на себя внимание ироничной точностью формулировки: «Ведь дело не в деньгах и не мастерстве актеров, дело в национальной гордости русского человека. Каждый русский человек считает творение Толстого народным достоянием. Уберите прочь свои грязные руки, западные интеллигентшишки, от великого писателя. Никогда вам не объять своим меркантильным разумом всю широту и глубину русской души»²⁵.

Итак, фильм «Анна Каренина» Д. Райта и Т. Стоппарда представляет собой законченный пример пограничного произведения в рамках семиосферы. Благодаря этому лента становится своего рода лакмусовой бумажкой, выявляющей специфику как современной кросс-культурной коммуникации, так и российской идентичности.

Таким образом, создателям фильма действительно удалось спровоцировать переход картины из сферы культуры в сферу политики. Опираясь на рецепцию ленты в российском социуме, можно сделать вывод о том, что ментальное присвоение российской классики приводит к существенному понижению готовности человека к межкультурному диалогу и повышению неприятия иной культуры. Провокативность, в свою очередь, становится эффективным инструментом выявления социокультурных и политических перемен.

- ¹ *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. М.: АСТ, 2003. С. 319.
- ² *Лотман Ю.М.* Понятие границы // Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. С. 259.
- ³ *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв // Указ соч. С. 30.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. С. 26.
- ⁶ *Лотман Ю.М.* Понятие границы // Семиосфера. СПб.: Искусство – СПб, 2000. С. 262.
- ⁷ Там же. С. 263.
- ⁸ Там же. С. 267.
- ⁹ *Goldberg M.* Director Joe Wright talks Anna Karenina [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://collider.com/joe-wright-anna-karenina-keira-knightley/>
- ¹⁰ *Лотман Ю.М.* Массовая литература как историко-культурная проблема // О русской литературе. СПб.: Искусство – СПб., 2005. С. 819.
- ¹¹ Информационный портал [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://awardswatch.com/showthread.php?28681-Alliance-for-Women-Film-Journalist-nominees>
- ¹² *McCram R.* Tom Stoppard: “Anna Karenina come to grief because she falls in love for the first time [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/film/2012/sep/02/tom-stoppard-anna-karenina-tolstoy>
- ¹³ *Bradshaw P.* “Anna Karenina” – review [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.theguardian.com/film/2012/sep/05/anna-karenina-review-keira-knightley>
- ¹⁴ *Шекспир У.* Как вам это понравится. Акт II, сцена 7. Монолог Жака в переводе Т. Щепкиной-Куперник.
- ¹⁵ *Толстой Л.Н.* Анна Каренина // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 8. М.: Худож. лит., 1981. С. 23.
- ¹⁶ *Stoppard T.* On adapting “Anna” and defying love [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://m.npr.org/news/Arts+%26+Life/165223170>
- ¹⁷ *Хохрякова С.* «Анна Каренина» – вольное сочинение на русскую тему [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.mk.ru/culture/cinema/article/2013/03/01/820433-anna-karenina-volnoe-sochinenie-na-russkuyu-temu.html>
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Информационно-развлекательный портал [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/movie/206668/review/464038>
- ²⁰ Информационно-развлекательный портал [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/movie/206668/review/499254>
- ²¹ Информационно-развлекательный портал [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/movie/206668/review/479179>

- 22 Информационно-развлекательный портал [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/movie/206668/review/478501>
- 23 Информационно-развлекательный портал [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/movie/206668/reviews/page10>
- 24 Информационно-развлекательный портал [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/movie/206668/review/472267>
- 25 Информационно-развлекательный портал [Электрон. ресурс] – Режим доступа: <http://www.afisha.ru/movie/206668/review/468049>

ВИДЕОИГРЫ И ПАТРИОТИЗМ:
ВИРТУАЛЬНЫЕ
ЭКСТРАСОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ
В ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА РОССИИ

Индустрия видеоигры формирует часть социальной реальности и способна конкурировать с другими массмедиа. Статья посвящена проблемам образа России в видеоиграх. В статье анализируются различные методы воздействия на общественное сознание и борьбы в сфере видеоигр.

Ключевые слова: видеоигры, образ России, патриотизм.

Можно утверждать, что в индустрии видеоигр проявляются факторы экстрасоциального характера, которые нередко приводят к глубоким, отличающимся неопределенностью общественным трансформациям. Современные видеоигры это социально значимое информационное и ресурсное поле, которое способно влиять на общественно-политические процессы. В политологическом плане при рассмотрении экстрасоциальных практик игровой индустрии актуализируется, в частности, проблема влияния виртуальных игровых технологий на формирование образа России.

Конец XX – начало XXI в. стали временем невероятного технологического прорыва, когда в реальную жизнь пришло практически все то, о чем в 70–80-е гг. писали фантасты и основатели движения киберпанка. Как пишет один из исследователей современного общества Д. Иванов: «Компьютеризация всех сфер общественной деятельности и повседневной жизни человека – самый впечатляющий феномен последней четверти XX в. ...Помимо количественного роста, большое впечатление на любого аналитика производит рост числа функций – способов применения компьютерных технологий. Из просто вычислительной машины, именуемой ныне полубытой аббревиатурой ЭВМ, компьютер превратился в уни-

версальное устройство, которое с равным успехом может служить профессиональным инструментом ученого, инженера, бизнесмена, юриста, врача, а также средством обучения, повседневного общения, развлечения»¹.

Нынешнее время – это время конвергенции высоких технологий, воплощенных в едином понятии «мультимедиа», а неотъемлемой частью этих технологий и этого мира являются компьютерные игры. Появившиеся сравнительно недавно игры вместе со всей человеческой цивилизацией совершили технологический скачок от едва различимого набора цветных точек на экране до масштабных проектов, целых игровых миров с фотореалистичной графикой и мощным искусственным интеллектом.

Одновременно с развитием игровых технологий происходила не менее активная коммерциализация этой сферы. Игры стали продуктом, товаром сначала на «региональном» (в первую очередь, североамериканском рынке), а в скором времени и на глобальном, мировом. Этот бизнес, несмотря на кажущуюся несерьезность, оказался необычайно выгодным. «Фактически игры – единственная высокотехнологичная отрасль, которая не только без вреда пережила обвал рынка акций в 2001–2002 годах, но и имеет постоянный рост»², это подтверждают нижеследующие цифры статистики. В тяжелом для IT-бизнеса 2001 г. прирост продаж на рынке компьютерных игр составил 35% по сравнению с предыдущим 2000 г. Мировой рынок компьютерных игр в 2003 г. оценивался в 21,2 млрд долларов. В США только в 2003 г. было продано свыше 239 млн копий различных игр. Более 50% американцев старше 6 лет играют в компьютерные и видеоигры. В 2004 г. совокупный доход компаний ElectronicArts и Activision – крупнейших участников игрового бизнеса превысил 2 млрд долларов. А уже в 2007 г. только компания ElectronicArts получает 3,2 млрд долларов, в 2013 г. прибыль составляла 3,43 млрд долларов³.

Таким образом, видеоигры сегодня по охвату аудиторий уже конкурируют с другими массмедиа (прессой, телевидением, радио, интернет-СМИ), а тот факт, что они естественным образом формируют сообщество игроков, делает их удобным средством трансляции ценностей, предпочтений, вкусов и даже убеждений. Более того, можно утверждать, что игровая реальность становится плацдармом для ведения специальных информационно-психологических операций, т. е. информационно-психологической войны. Америка является одной из самых больших и значимых стран по созданию и разработке видеоигр в мире, что дает ей возможность манипулировать общественным сознанием. Говорит политолог Бо-

рис Шмелев: «В очень многих играх показывается в качестве одной из противостоящих сторон Россия, русские люди. И в этих играх, которые создаются на Западе, мы видим какой-то совершенно ложный, извращенный образ русского человека. В сознание миллионов людей на Западе и в других регионах мира закладывается мысль о том, что Россия агрессивна, Россия непредсказуема, русские люди неуправляемы, русские люди жестоки, и подспудно вдалбливается мысль о том, что надо вести с ними в той или иной форме борьбу»⁴.

Подобный образ России формируется также средствами кино и телевидения. Pravda.ru опубликовала статью, в которой рассказывалось про то, как к властям РФ и СМИ обратился профсоюз российских кинематографистов, который попросил обратить внимание на проблему позиционирования России и ее народа в мировом кинематографе.

В обращении написано: «Как нам стало известно, голливудская актриса российского происхождения Джиа Скова в Лос-Анджелесе создает профсоюз в защиту своей Родины. По ее мнению, американские фильмы перед всем мировым сообществом демонстрируют современную российскую действительность в некорректном виде и показывают русского человека, уничтожая его достоинство. Мы полностью поддерживаем данную инициативу и выражаем солидарность с нашей соотечественницей»⁵.

Уже 2013 г. самые именитые голливудские режиссеры высказывали мнение о изменении облика русского и китайского человека на более позитивный, так как это самый перспективный рынок для Голливуда: «У нас и особенно в Китае заманчивый для американцев рынок кинопроката. Создатели фильмов осознают, что зрителям неприятно видеть, когда их соотечественников постоянно выставляют злодеями или дураками. Это ампула от китайцев и русских, по словам продюсеров, вот-вот перейдет к международным террористам»⁶.

В 2010 г. выходит игра Call of Duty «Modern Warfare 2» (Зов долга современной войны 2), где одна из миссий предваряется видеобрифингом ситуации: агент ЦРУ Джозеф Аллен под именем Алексея Бородин тайно внедрен в российскую террористическую группу, возглавляемую ультранационалистом Владимиром Макаровым. Игрок управляет именно этим агентом в данной миссии. В начале миссии Макаров предписывает команде не говорить по-русски, чтобы это выглядело как нападение американских террористов. Затем группа перемещается в терминал аэропорта и открывает огонь по гражданским лицам внутри. Игрок имеет право стрелять в гражданских лиц или не вмешиваться в происходящее. Туда прибывают

сотрудники ФСБ, и Аллен должен помочь террористам бежать из аэропорта. В конце миссии, после того как были остановлены сотрудники ФСБ и убиты два террориста, игрок поднимается в транспортное средство, замаскированное под «скорую помощь», в надежде сбежать вместе с террористической группой.

Миссия в русских версиях игры была заблокирована по решению *Activision*⁷ после консультаций с местными экспертами. В России был задержан весь тираж консольной⁸ версии игры, но миссия была открыта для прохождения. Любой желающий мог скачать пиратскую версию игры и пройти эту миссию.

13 января 2010 г. Валерий Селезнев, депутат Госдумы РФ от ЛДПР, предложил внести игру в Федеральный список экстремистских материалов за пропаганду насилия и экстремизма. 22 января 2010 г. фирма «1С» (издатель игры в России) ответила на обвинения депутата Селезнева в открытом письме, опубликованном на официальном сайте компании, в котором было сказано: «“1С” отмечают, что депутат так и не смог объяснить, как он узнал об этой игре. Также Селезнев уклонился от ответа на вопрос о том, каким образом он (или его ребенок) получил доступ к уровню NoRussian, отсутствующем в официальной русской версии шутера. По мнению дистрибьютора, речь в данном случае может идти о нелегальной копии *Call of Duty*»⁹.

Цитата из одной из самых популярных игр в жанре стратегии нашего времени *Company of Heroes 2* которая разошлась в количестве 390 тысяч копий за первые пять дней: «Не бойтесь жертвовать новобранцами. Советская доктрина считала, что ради достижения технических или стратегических целей это вполне допустимо», в игре игроку предстоит: сжигать дома с советскими гражданами, уничтожать церкви, убивать собственных солдат. Игра была анонсирована как правдоподобная история о Второй мировой войне. В игре также показаны американские солдаты в Нормандии, известная операция «Оверлорд», где доблестные американские солдаты спасают от оккупантов Францию, когда русские солдаты не хотят воевать, их заставляют злобный Советский Союз под лозунгом «сражайся или умри». Борьбой с лжеисторией в игре занялись сами игроки, которые написали петицию «остановим нацистскую пропаганду!» к локализаторам¹⁰ игры в России «1С-СофтКлуб». Игровое сообщество набрало больше 19 тысяч подписей против локализации игры в России. «1С-СофтКлуб» опубликовало письмо: «В связи с обращениями пользователей, считающих недопустимыми ряд эпизодов игры, компания “1С-СофтКлуб” приняла решение с 26 июля 2013 г. остановить продажи компьютерной игры

CompanyofHeroes 2 (разработчик – RelicEntertainment, издатель – SEGA) на территории Российской Федерации и СНГ. В данный момент мы анализируем ситуацию и проинформировали об этом разработчика и издателя CompanyofHeroes 2»¹¹.

Противодействовать негативным последствиям распространения подобных медиапродуктов можно не только посредством включения запретительных правовых механизмов и общественных инициатив, но и с помощью тех же игровых мультимедийных технологий, т. е. создавать позитивный образ русского солдата, русского полицейского, да и вообще русского человека. Что, собственно, и делают американцы относительно своих солдат, полицейских, граждан, противопоставляя им недочеловеков – представителей других наций, но прежде всего тех, кого выгодно рассматривать как потенциального противника (образ врага и чужого).

По этой же схеме выстроена игра производства Китая. В недавно вышедшем военном симуляторе враги очень напоминают американских военнослужащих. Этот пример противодействия дает возможность Китаю подготовить свой народ к глобальным конфликтам и поднять патриотический дух в рядах собственной армии. В этой связи разработчик Гу Кай отмечает: «Каждый молодой человек в глубине души мечтает быть солдатом, им нравится резвиться с игрушечными автоматами, если после игры они пойдут в реальную армию, я не удивлюсь»¹².

Еще один пример: Иран разработал компьютерную игру по «исламскому пробуждению» (IslamicAwakening). Их презентация состоится вскоре на выставке в Тегеране. Об этом сообщает ISNA со ссылкой на министра культуры ИРИ Мохаммеда Хоссейни. По словам иранского министра, посредством компьютерных игр другим странам будет передано «большое количество концепций и понятий». Он также подчеркнул, что этот инструмент должен использоваться для передачи культурных понятий по всей Исламской республике. Глава минкульты считает, что Иран может стать образцом в сфере компьютерных игр в регионе¹³.

Видеоигры на данный момент являются одним из самых популярных развлекательных сегментов рынка, тем самым они способны взаимодействовать на огромное количество людей. Видеоигры способны менять и искажать историю, образ государства и человека.

Таким образом, в результате рассмотрения различных способов воздействия заинтересованных общественно-политических кругов на общественное сознание с помощью видеоигры могут быть зафиксированы три направления по борьбе с возможно негативным представлением образа России: использование юридических и

правовых средств, проявление и реализация общественных инициатив, создание видеоигр, в которых бы присутствовал позитивный, патриотичный и нравственный образ русского человека.

Примечания

- 1 *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 8.
- 2 *Ларамы Ф.Д.* Компьютерные игры: секреты бизнеса. М.: Кудиц-образ, 2004. С. 29.
- 3 См.: *Карасев С.* ElectronicArts увеличила квартальную прибыль. URL: <http://www.3dnews.ru/654682>
- 4 *Гинзбург К.* Компьютерные игры это не игрушки. URL.: <http://rus.ruvr.ru/2010/06/09/9468322>
- 5 *Буккер И.* «Русские придурки оккупировали Голливуд». URL.: <http://wwwpravda.ru/society/family/pbringing/04-12-2012/1136684-kino-0>
- 6 *Гинзбург К.* Образ плохого парня из России или Китая в ближайшее время исчезнет из голливудского кино. URL.: <http://www.1tv.ru/news/other/235146> от 13.07.2013
- 7 Американская компания по изданию и разработке компьютерных видеоигр.
- 8 Консоли – это игровая приставка
- 9 1С назвала претензии депутата к CallofDuty «абсурдными». URL.: <http://lenta.ru/news/2010/01/22/reply>
- 10 См.: Локализация программного обеспечения – процесс адаптации программного обеспечения к культуре какой-либо страны. Как частность – перевод текстов в играх.
- 11 Продажи CompanyofHeroes 2 в России и странах СНГ приостановлены. URL.: http://www.overclockers.ru/softnews/55368/Prodazhi_Company_of_Heroes_2_v_Rossii_i_stranah_SNG_priostanovleny.html
- 12 *Садворд Д.* Зачем военные в КНР играют в компьютерные игры? // <http://newsland.com/news/detail/id/1154212>
- 13 См.: Иран разработал компьютерные игры по «исламскому пробуждению». URL.: http://www.armtoday.info/default.asp?Lang=_Ru&NewsID=94880

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ
РОССИЙСКОЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ
ВОЕННОЙ РИТОРИКИ
КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

В статье рассматриваются особенности российской военной президентской риторики. В конце XX в. на территории Чеченской Республики, входящей в состав Российской Федерации, началась контртеррористическая операция, получившая также в народе название «Вторая чеченская война». Это был первый военный конфликт для В.В. Путина с момента его вступления в должность Президента России.

Ключевые слова: Президент, президентская риторика, военная риторика, Путин.

Военная президентская риторика зародилась в США, где также впервые возник институт президентства, а затем и его публичность. Так как российский институт президентства существенно моложе североамериканского, мы имеем основания предполагать, что принятые в США жанровые правила президентской речи оказали влияние и на российскую президентскую риторику.

Согласно западным исследованиям жанра военной президентской риторики она состоит из ряда элементов, которые нам необходимо рассмотреть, чтобы затем проанализировать выступление Президента России В.В. Путина. Первым составным элементом является необходимость публичной демонстрации того, что каждая деталь военного решения тщательно и многократно продуманна. Тем самым президент должен создать у своей аудитории ощущение взвешенного и единственно верного решения.

Вторым составным элементом военной президентской риторики, как ее описывают К. Корс-Кэмпбелл и К. Джеймисон¹, является использование различных описательных функций речи в целях

интерпретации действительности, которая в данном случае будет направлена оратором на решение двух основных задач. Первой задачей является необходимость обоснования предпринимаемых военных действий как единственно верных, вторая задача пересекает данный жанр с канонами кризисной риторики – собственно интерпретацией с использованием эвфемизмов и дисфемизмов для определения сторон «добра» и «зла».

Третий элемент военной риторики – объединение оратором своей аудитории в единое патриотическое сообщество, которое согласно с тем, что для победы над противником необходимо использование всех доступных средств. Здесь можно отметить, что американская практика публичных президентских выступлений, как и в случае с кризисной риторикой, предполагает в военной риторике упоминание Бога как неоспоримой справедливой поддержки действий США, чего не бывает в российской президентской риторике.

Военный риторический жанр также характеризуется стратегией введения в заблуждение. При этом необходимо отметить, что, по сути, ни один риторический акт не может раскрыть абсолютно всей правды, даже высокоинформативный доклад экспертов в какой-либо области все равно будет содержать избранные факты в своем заключении. Но военная риторика как ни один другой жанр имеет тенденцию к данной стратегии как к средству для ускоренного снятия разногласий в обществе и его объединения для совершения незамедлительных действий. Так или иначе, президент как коммуникатор во время своих выступлений реализует функцию интерпретатора действительности, но следует обратить внимание на то, что ко многим объективным фактам, которые он интерпретирует в своей речи, имеет доступ только он сам, поэтому разделить функцию интерпретации действительности от стратегии введения в заблуждение представляется крайне затруднительным.

Как и жанр риторики инаугурации, военная президентская риторика является ритуальным средством «введения в должность». Когда президент публично заявляет обществу об угрозе, он тем самым подразумевает, что настало время принимать полномочия верховного главнокомандующего. С помощью военной риторики президент старается легитимировать эту роль и, вероятно, найти поддержку у своей аудитории. Американские исследователи здесь обращают внимание на тонкость конструирования образа политического оратора: когда президент начинает говорить и действовать как военный лидер, а роль верховного главнокомандующего это подразумевает, он уже не сможет убрать из своего политического образа военную составляющую. Таким образом, мы видим, что во-

енная президентская риторика налагает особую ответственность на оратора, ее использующего.

Анализируя вышеизложенные позиции, можно сделать вывод, что президентская военная риторика ставит перед оратором основную цель – заручиться как можно более широкой народной и государственной поддержкой для реализации военной программы, а также суметь удержать этот уровень доверия и поддержки с помощью речевых инструментов и не выйти из образа сильного военного политического лидера. Однако российская президентская модель имеет существенные отличия от североамериканской, что, по нашим предположениям, может оказать влияние и на своеобразие президентской публичной речи.

В 1999 г. на территории Российской Федерации началась масштабная контртеррористическая операция. Формальными предпосылками к введению федеральных войск на территорию Чеченской Республики стали вторжение боевиков в Дагестан в августе–сентябре 1999 г., а также серия резонансных террористических актов в Москве, Волгодонске и Буйнакске. В.В. Путин на момент начала военной операции находился в должности премьер-министра Российской Федерации.

Так как данная операция на территории Чеченской Республики продолжалась до 15 апреля 2009 г.² (с активной фазой до 2001 г.), В.В. Путин продолжал ее контролировать, будучи Президентом Российской Федерации. Его выступления по поводу данного конфликта стали первыми для него в жанре президентской военной риторики.

На протяжении первых месяцев своего президентства Путин не произносит речи на тему контртеррористической операции, обращенные к нации. Однако пресса периодически публикует мнение президента, его видение конфликта, основываясь на интервью, а также на материалах ведомственных совещаний, в которых Путин принимает участие.

Одним из таких собраний было комплексное совещание по вопросам правоохранительного, политического и экономического урегулирования в Чеченской Республике, состоявшееся 5 июля 2000 г. в г. Моздоке, Республика Северная Осетия.

Президент произносит вступительное слово, текст которого мы рассмотрим ниже с точки зрения жанра военной президентской риторики.

Необходимо отметить, что данная речь была произнесена на внутреннем рабочем совещании по вопросам, касающимся военной операции в Чечне. Этот текст примечателен тем, что, являясь

по сути внутренним, не остался закрытым, а был опубликован на президентском сайте, т. е. произносимое слово предполагает направленность на более широкую аудиторию, а следовательно, и определенное воздействие на нее. В своем вступительном слове глава государства не только использует элементы военной риторики, но и реализует свои властные полномочия путем определенных коммуникативных инструментов.

«Добрый вечер, уважаемые коллеги. Я вас собрал для того, чтобы обсудить ситуацию, которая сложилась на сегодняшний день в Чеченской Республике, проанализировать ее, без суеты, спешки, спокойно, взвешенно, оценить первоочередные задачи, которые на сегодняшний день у нас вырисовываются, определить силы и средства выполнения этих задач. <...> Поэтому, пожалуйста, если есть какие-либо замечания, воспользуйтесь тем, что мы здесь собрались»³.

Президент на первых же минутах речи использует термины, задающие темп диалога, рамки и характер беседы. Здесь уже с первых слов проявляется лидер, который не просто участник встречи, но ее «рулевой». В последнем предложении абзаца присутствующим дается понять, что данное собрание уникально и дает им шанс что-то узнать или донести лично до президента.

«Что хотелось бы сказать в самом начале? Конечно, за последнее время, особенно за последние одиннадцать месяцев, в республике произошли кардинальные изменения. Думаю, мало кто представлял, что после вторжения бандформирований в августе прошлого года в Республику Дагестан действия федеральных властей будут столь решительными, а результаты столь кардинальными. Но это факт. <...> Теперь их (бандформирований. – Л. С.) уделом являются отдельные вылазки, нападения из-за угла, из-за спины. <...> Но должен сказать, что и этому придет конец, и эта часть операции будет закончена. Будет закончена обязательно. У нас нет другого выбора. Это наша ответственность и перед Россией в целом, и перед чеченским народом».

Важно отметить, что на встрече присутствовали руководители северокавказских республик, входящих в состав Российской Федерации, в том числе руководитель администрации Чеченской Республики, а также министр обороны Игорь Сергеев и руководители силовых ведомств страны. Таким образом, можно с большой вероятностью предположить, что руководители подобного уровня находятся в курсе событий, о которых идет речь. Вероятно также и то, что у руководителей Чечни и соседних с ней республик, а также

у министра обороны РФ качество и объем информации о текущих военных действиях могут различаться. Путин в данном фрагменте текста дает единый вариант знания, интерпретируя имеющуюся у него информацию. Как мы говорили выше об основных функциях президентской военной риторики, здесь имеет место не просто интерпретация во имя формирования у аудитории определенного взгляда на событие, но интерпретация таких фактов, о которых может быть известно только президенту страны. Таким образом, Путин здесь может не только определить и продекларировать общую картину, но и, вероятно, сообщить аудитории факты, которые до этого момента были совсем или не полностью ей известны.

Далее Владимир Владимирович использует речевые средства, которые часто встречаются как в военной, так и в кризисной политической риторике:

«Что хотелось бы отметить особенно, о чем говорят последние события? Ну, во-первых, конечно же, хочется выразить чувства благодарности и признательности. <...> Без всякого преувеличения, героизм проявили российские военнослужащие <...> неоднократно принимали участие в освобождении заложников, в наведении порядка в селах, в городах Чечни, нередко ценой собственной жизни. Мы все это знаем и не имеем права забывать».

Мы видим четкое терминологическое разграничение на «свой–чужой» через эвфемизмы и дисфемизмы.

Свой	Чужой
Выполнявшие тяжелую работу	Бандиты
Герои	Террористы
Прямые освободители своей земли	Радикальные элементы
Восстановители доброго имени народа	Бандформирования
Освободители заложников	
Те, кто ценой жизни наводили порядок в республике	

Этот инструмент военной президентской риторики является одним из основных средств публичного массового воздействия, который свойственен в том числе и кризисной президентской риторике. Можно предположить, что эти термины Путин использовал в данной речи по причине ее публичности – для оказания определенного воздействия на широкую аудиторию.

К тому же из уст главы государства и верховного главнокомандующего звучат слова похвалы и благодарности в адрес мирных

людей и военных, занятых в операции. Здесь оратором могут реализовываться следующие речевые функции:

- поднятие боевого духа участников военных действий;
- признание заслуг тех групп людей, которых представляют присутствующие руководители кавказских республик и министр обороны, с обобщением этих категорий людей. Президент не выделяет военных или гражданских как более эффективных;
- проявление параметра «свой–чужой» как фактора объединения гражданских мирных чеченцев и федеральных войск в общность «свои».

Стоит отметить, что данные элементы американскими учеными относятся к жанру кризисной, но не военной риторики.

«...Но что бы я хотел сказать министру обороны: Игорь Дмитриевич, с Вас никто не снимал обязанности руководителя контртеррористической операции. Поэтому прошу их выполнять вплоть до особого распоряжения. А всем остальным собравшимся, независимо от ведомственной принадлежности, строго и неукоснительно выполнять требования министра обороны как руководителя антитеррористической операции. Строго и неукоснительно».

На определенном контрасте с декларированием в предыдущем абзаце «равенства» заслуг присутствующих Путин здесь выделяет министра обороны Игоря Сергеева как руководителя операции, с одной стороны, с другой же – расставляет речевые акценты определенным образом, демонстрируя собственное иерархическое положение, но и отдельно – авторитет министра обороны. (Этот коммуникативный оборот и в дальнейшем используется Путиным для реализации собственных властных полномочий. См. материалы совещания с членами правительства 5 января 2004 г.⁴)

Следующий фрагмент речи («Я хочу предупредить и министра внутренних дел...») также демонстрирует эту тактику, направленную на создание дополнительного психологического напряжения. Подобным путем может формироваться впечатление, что каждый госслужащий находится под пристальным вниманием и контролем президента. Это напряжение влияет скорее подавляющим образом на психику конкретного человека, тем самым открывая новые пути для воздействия на него. Кроме того, подобные речевые техники, озвученные публично, оказывают регулирующее действие на политическую систему сдержек и противовесов, создавая определенный баланс.

«Недавно мы с новым руководителем республики разговаривали на эту тему. <...> Мы лучше знаем, где сидят настоящие террори-

сты, где настоящие бандиты и где религиозные экстремисты. <...> где действовали сотрудники внутренних дел из числа местного населения, там не было крупномасштабных трагедий. <...> Местные руководители лучше знают обстановку. Нужно смелее и решительнее доверять местным гражданам и такие ответственные участки, как борьба непосредственно с терроризмом и экстремизмом».

Президент перешел к постановке более глобальных задач. Он демонстрирует, что знает ситуацию лучше всех присутствующих, расставляет приоритеты, сдвигая их с федеральных военных на местных сотрудников внутренних дел. С одной стороны, это может быть трактовано как оказание доверия местным силам, с другой – опять же может быть элементом регулировки системы сдержек и противовесов. Этот же вектор сохраняется и в следующем абзаце:

«Конечно, я понимаю, что этого не сделать сегодня или завтра, но постепенно нужно уходить от практики крупномасштабного направления в Чеченскую Республику сотрудников ОМОНа и СОБРов из других территорий. Необходимо создавать здесь местные органы внутренних дел, быстрее и решительнее разворачивать бригаду внутренних войск, которая работала бы на постоянной основе, зная местные условия. <...> Давайте прямо и честно скажем – многих потерь можно избежать. Что для этого нужно? Дисциплина, профессионализм и ответственность. <...> когда думаешь о том, что этих потерь действительно можно было бы избежать, тогда, разумеется, напрашивается простой и горький вывод: значит, это необоснованные потери. <...> Я хочу обратить на это ваше внимание».

Выше мы видим одну из нередко используемых Путиным коммуникативных тактик, когда вместо заслуженной похвалы в адрес подчиненного следует некое замечание или же претензия. Нужно отметить, что в этой речи президент отдал должное заслугам военных, однако практически сразу же за похвалой последовала критика. Иными словами, здесь Владимир Владимирович указывает присутствующим на собрании руководителям правоохранительных органов, что сотрудникам их ведомств не хватает дисциплины, профессионализма и ответственности. Он призывает в дальнейшем эти качества возвести в приоритетные, чтобы впоследствии избежать большого количества жертв. История не знает сослагательного наклонения, поэтому формулировка «этих потерь действительно можно было бы избежать» является опять же президентской интерпретацией. Часто руководители используют критику вместо или сразу после похвалы, так как это, по их мнению, не дает подчиненным расслабляться. (Ярким примером использования Путиным в дальнейшем соответствующего речевого оборота

является фраза, произнесенная им на совещании с членами правительства 18 декабря 2006 г. о недостаточности их действий⁵.) Так как совершенство пределов не имеет, данный речевой инструмент можно считать одним из универсальных средств иерархического воздействия манипулятивного характера.

В заключительной части своей речи Путин как бы «отдаляется» и от присутствующих и от собственных слов, сказанных чуть ранее: «мы собрались здесь не для того, чтобы устраивать “разбор полетов”, как модно сейчас говорить». В этой же фразе Владимир Владимирович использует дисфемизм «разбор полетов», демонстрируя уже знакомый аудитории образ «человека из народа».

Рассмотрев данное выступление, мы можем отметить некоторое его несоответствие описанию жанра военной президентской риторики западными исследователями. Тем не менее Президент здесь выступал не только как политический, но и как военный лидер, что, безусловно, позволяет нам отнести его речь к жанру военной риторики, и заключить, что российская военная риторика отличается от американской и имеет свои собственные своеобразные черты.

Примечания

- ¹ См.: *Kohrs-Campbell K., Jamieson K.* Presidents Creating the Presidency – Deeds Done in Words. The University of Chicago Press, 2008.
- ² В Чечне снят режим контртеррористической операции [Электронный ресурс] // РБК. URL: <http://top.rbc.ru/politics/16/04/2009/294758.shtml> (дата обращения 10.12.2013).
- ³ Вступительное слово на комплексном совещании по вопросам правоохранительного, политического и экономического урегулирования в Чеченской Республике. [Электронный ресурс] // Архив сайта Президента России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28786.shtml> (дата обращения 05.12.2013).
- ⁴ 33 путинских урока // Коммерсантъ Власть. 2007. 14 мая №18 (722).
- ⁵ Стенографический отчет о совещании с членами правительства 18.12.2006. [Электронный ресурс] // Архив сайта Президента России. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/12/115534.shtml> (дата обращения 05.12.2013).

Abstracts

D.I. Aksenovsky

MAJORITY DISCRIMINATION: A NEW RISK IN SOCIAL DEVELOPMENT

More often than not the value of variety is used for the society disorganization. Cultural, confessional, ethnic, gender and other distinctions are becoming the basis for reclamation of the special rights for those who represent obvious minority in society. There arises a new risk in social development, that is, majority discrimination as a modern challenge to democracy. It is expressed in the existence of small groups working more effectively than the big ones.

Key words: multiculturalism, sexual minority, majority discrimination, efficiency of small groups.

I.B. Antonova

«ABSURD AND AROUND»: BUILDING UP TYPOLOGICAL MODEL

The author considers theoretical foundations of absurd making an attempt to build up its typological model. She also makes an excursus into the history of absurd analyzing a variety of its definitions and interpretations. The detailed research of absurd makes it possible to reveal its dynamic, multi-measured, and multi-functional nature, which is most vividly demonstrated in modern social and speech practices.

Key words: absurd, absurd consciousness, language of absurd, model, sense, nonsense.

M.S. Arkannikova

IDENTIFICATION DISCOURSE OF IMPOSTURE

The paper analyzes the information and communication technologies of identifying the discourse of imposture. The author analyzes the traditional discourses of the past epochs, where social (family, class) identifications dominated, and where the ideal image of

the representative of a certain family, class, strata was assumed. This type of imitation was the essence of imposture. The latter (including political imposture) claims to be exclusive. It is ambitious and depends on the distribution of statuses, appropriate forms of recognition and privileges in the society. In this regard, the identification of the political discourse of imposture is observed as a diverse political phenomenon. It is filled with various meanings of projective socio-political situation. The identification discourse of impostors implies self-identity of the impostor and his supporting groups with a certain recognized model of “legitimate order” of political power.

The “identification” reflects not only conscious but also non-reflective, irrational mechanisms of self-determination, which took place in the situation of painful identity crisis of traditional society, which was a symptom of transitional period of Russian culture at the turn of XVI–XVII centuries.

Key words: political communication, identity, discourse, impostor, imposture.

E.S. Artyomova

EUROSCEPTICISM AS A FACTOR IN THE FORMATION OF EU NEW POLITICAL AND IDEOLOGICAL SPACE

The article describes the Euroscepticism’s essens and background as the powerful ideological and political trend in the modern european policy, as well as problems and prospects of impact on the European political process.

Key words: Euroscepticism, European integration, ideology, political party, the European Union.

E.V. Barysheva

ROUTINE ABSURD, OR ABSURD OF ROUTINE: POLITICAL RATIONLE IN 1920–1930s

The paper analyses the Soviet routine life in 1920–1930s when the visions of human values were being destroyed which led to the loss of personality as the biggest value of human life and to the simplification of human relations building up the absurd world of the Soviet routine.

Key words: routine, human values, Bolsheviks’ ideology of collectivism (community), Soviet city building, Soviet everyday life.

A.V. Belinskiy

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF POLITICAL
PARTIES IN THE COURSE OF THE ELECTORAL
CAMPAIGNS IN BUNDESTAG IN 2005 AND 2009

The article asks whether modern communications in the political sphere are a kind of method to deliver information to the voter, or constitute a means that substitutes real actions and programs.

Key words: «americanization» of an election campaign, elections, the CDU/CSU, SPD, a political image, information technologies.

I.P. Berezovsky

THE EXPERIENCE OF THE PHENOMENOLOGICAL
ANALYSIS OF MEDIA POLICY IN THE WAY
OF MAINSTREAM PRACTICE EKSTRASOTSIALNOY

This study proposes to pay close attention to the formation of the image of politics from the point of view of perceiving consciousness. Because of its specific features, phenomenological analysis does not schematize the images. This and its other features will contribute to a more complete and objective approximation to the subject of analysis. Creation of any image is based on such a mental process as imagination. Considering the role of imagination E. Husserl indicates that fantasy is a basic subject of consciousness. Therefore, the meaning of its own direct perception any life experience proves to constitute itself in “direct participation” of fantasy. An artificial image created under the influence of media and environmental consciousness, which is located in a natural setting of the unreduced world to the content of consciousness, – a “living” . Despite the fact that there is an ideological grid between the individual and the reality, which compels him to think in certain categories (R. Barthes), and the fact that the media tends to take over the human mind (McLuhan), any media image, due to the fact that it is constituted with the participation of the imagination, always has the possibility of falling out from a given direction of the media environment. Therefore, according to phenomenological analysis, when creating the image of a politician it should be taken into account: 1) the consistency of the authors, producing an image, all of its components; 2) that the «liveliness» of media-images at the stage of perception is of significant importance, 3) the fact that at the stage of meaning-making experience and imagination are of great

importance; 4) and that for the naive consciousness, more than for that which has the tendency to reflect, direct experience, and not fantasy is a correlated reality.

In practical reality, experts in the field of advertising, public relations, imageology take into account all these parameters, but there is no reason for consolidating them in theory. The author puts forward the suggestion that perhaps phenomenology will become such a basis.

Key words: image, phenomenology, imagination, reflection, intentionality, fantasy, constitutioning, reputation.

S.I. Boyko

CONCEPT OF POLITICAL BIFURCATIONS AND THE DESIGNING OF SUSTAINABLE SOCIAL COMMUNICATIONS

Making use of the analysis (offered by E. Lazslo) of political bifurcations the author attempts to show that sustainable social communications between state and society are built not by the parties only. The institutions of public administration and public service as subjects of political projects are becoming the main moderators of public opinion. The development of political regimes along the way of holarchy is more preferably, but in Russia it is more likely that the democratic hierarchy will take place and will be controlled by civil society. The forecast of the development of the party system was made with the extra social political realities. Turbulence and bifurcation are considered to be a natural condition for the party and political systems in the modern world.

Key words: bifurcation, social communications, holarchy, the stability of the state, the authoritarian democracy.

A.N. Burova

POLITICAL PORTRAIT OF GAMAL ABDEL NASSER: CONFLICT OF INTERPRETATIONS IN EGYPTIAN POLITICAL DISCOURSE

The article analyzes the way the Egyptian president Gamal Abdel Nasser was perceived in the course of the revolution in Egypt. The author argues that the ideas proposed and expressed by Nasser have not lost their significance yet. They are still relevant in the new political

situation and are employed in the discourse of Egyptian politicians who represent different political interests of the country.

Key words: Egypt, Nasser, Arab countries, heroization, mythologization.

L.Y. Chibirova

TECHNIQUES OF SPEECH MANIPULATIONS IN POLITICAL DISCOURSE

The paper examines the peculiarities of the political language as well as the methods of manipulations and the ways of recognizing them. The analysis of the political actions is closely connected with that of the language of politics, the language being the means of realizing the state policy, as any political action is described by means of the language, finds its expression in the language and is realized through the language.

Key words: political discourse, political culture, manipulation, mass consciousness, strategy, emotive component, political leader.

E.A. Dolgova

ONE STRATEGY FOR SOCIAL ADAPTATION OF "THE OLD PROFESSORS" IN THE 1920S

The article is devoted to the analysis of problems of social adaptation of scientists from «old school» in the first post-revolutionary decade. The author analyses a scientific biography of Nikolay Kareev, famous Russian historian and sociologist, considering it as an example of choosing by «old professors» a life strategy in a new social reality.

Key words: Nikolay Kareev, scientific creativity, «former people», professorship, the strategy for social adaptation.

N.A. Filin

SYSTEM OF RELIGIOUS EMULATION IN CONTEMPORARY SOCIAL REALITY OF IRAN

The paper analyzes the current status of "marjaat" (Shiite religious institution). For now the figure of the marja' remains the religious authority for millions of Shiites. Principles of "marjaat" are focused

on the fact that the major part of the society are encouraged in their behavior by a religious mentor. The author argues that despite the fact that information technologies have allowed the marja's to expand their network of believers throughout the world, the followers of each marja' at-taqlid, or individual Grand Ayatollah, are diminishing. This fact transforms social reality.

Key words: Islam, Shiism, Power, Religious Emulation, Religion, Iran, Middle East, Religious Network, Mentoring, Followers.

M.A. Gordeeva

MANAGING DIVERSITY IN THE SYSTEM OF HIGHER EDUCATION: SOCIAL TOLERANCE PRACTICES ENGINEERING

The article is devoted to the analysis of the spectrum of modern social tolerance practices and actualizing the existing potential for a radically different communication patterns based on inclusive identity and consensual principles of encouraging different opinions and points of view. The article also touches upon the system of major intolerance triggers and it presents an overview of the possible scenarios as to how to incorporate the higher education system into the mainstream of social change more efficiently.

Key words: tolerance, diversity management, consensus, social tolerance, teaching tolerance, social change.

M.A. Gordeeva, N.A. Medushevsky

SOCIAL TOLERANCE IN THE CONTEXT OF PUBLIC BEHAVIOR TRANSFORMATION

Article is devoted to consideration of the social tolerance phenomenon. Social tolerance is represented as a form of the public consensus, which is based on the society members, rational collective will. It is caused by desire of a great number of people to coexist and develop in peace with each other and to use arising synergetic effect for collective development and progress. Social tolerance is shown as an element of the society legal and political culture which has its own specific situational expression.

Key words: Tolerance, legal culture, consensus, political design of tolerance, tolerance training.

E.V. Goulynskaya

THE ROLE OF GREAT BRITAIN IN THE FORMATION
OF JORDANIAN STATEHOOD: COLONIAL POWER
OR LONG-TERM ALLY?

The article studies the origins of Jordanian-British relations, which date back to the early 20th century, when Hashemite rulers and the government of the United Kingdom began their strategic partnership in order to confront Ottoman Empire. After the First World War Emirate of Transjordan came into existence with the direct financial, political, and military support of Great Britain. The latter pursued its own interests in order to control the territory of the great strategic importance. However the colonial power not only created a new state, but it had also supported it over decades, as economically and politically the weak entity could not survive without the aid of a powerful ally. At present both countries enjoy a high level of strategic and economic cooperation, successfully maintaining partnership of mutual importance.

Key words: Jordanian-British relations, Transjordan, Britain, Hashemites, strategic partnership.

Y.V. Irhin

POSTMODERNIST METHODOLOGY
OF ANALYZING AND PROJECTING POLITICS

The paper describes the essence and significance of postmodernist methodology alongside with the methods of analyzing and projecting politics. The author explores the distinctions between modern and postmodern societies and their cultures. He also considers the main features and directions of postmodernist methodology and the methods of analyzing and projecting politics. The postmodernist approaches being analyzed are as follows: interpretative nonlinear mentality/thinking, values of post-material and post-modern consumer society; symbols, signs, codes and simulacrum in politics and its aestheticization; methods of deconstruction, discourse analysis, text and inter-text analysis, "death (disappearance) of author"; micro-narrative concepts as opposed to macro-narrative theories, a mix of archaic and modernity, neopostmodernist views on transforming and melting state governing, an increasing role of electronic mass-media owners in society and politics.

Key words: modern, postmodern, neopostmodern, postmodernism, methodology, paradigm, politics, projecting policy, interpretation nonlinear mentality/thinking, consumer society, post–modern and post–material values, symbol, deconstruction, discourse analysis.

A.V. Kalashnikova

INFLUENCE OF SOCIAL AND ECONOMIC MATTERS ON THE STRATEGY OF EGYPT'S FOREIGN POLICY DURING POLITICAL INSTABILITY

After the public unrest of the so-called Arab Spring of 2011 that ousted a 30-year regime of Hosni Mubarak, Egyptian society faces such serious problems as instability and uncertainty.

Public protests, dissatisfaction of the political and economic conditions in Egypt, as well as the security problems, demand immediate solution. As the country lacks internal resources, the success of the new government is based on well-elaborated foreign policy. The Egyptian government has to balance between two contradictory trends in its foreign affairs. On the one hand, Egypt has to pursue a so-called soft foreign policy for the country needs an external source of financing. On the other, the rise of public riots in Egypt obliges its administration to mould a tough and respectable image of the country free of foreign influence.

Key words: Egypt, Arab Spring, Hosni Mubarak, chaos, crisis, protests, foreign affairs.

A.A. Kalmykov

LOGICS OF ABSURD IN MODERN POLITICS

Aesthetics and logics of absurd were being developed in the XIX–XX centuries. In literature, these developments were mostly experimental being aimed at finding a new language and style. In the XXI century, however, with the development of a social project of post modernity, absurd has become an attribute of the political sphere as well. This makes it possible to use the logics of absurd while doing research in socio-cultural, political, and communicative phenomena and to set the task of creating new methodological orientations while producing humanitarian knowledge.

Key words: logics of absurd, synergetics, chaos, the political.

V.A. Kalmykov

VIDEO GAMES AND PATRIOTISM: VIRTUAL EXTRASOCIAL PRACTICES IN FORMING THE IMAGE OF RUSSIA

The video game industry plays a significant role in social reality competing with other types of mass media. The paper considers the main feature of Russia's image in the video game field. The author analyzes methods of impact on social consciousness by means of video games.

Key words: a video game, the image of Russia, patriotism.

S.V. Klyagin

ON THE TRANSCENDENCE OF A POLITICAL EVENT

The article deals with the policy phenomenon in a modern social life. Noticeable events are considered to be peculiar fields where policy occurs and performs social reality. A political event as a field is contextualized within a horizon of ontological ideas and notions. The concept 'das Ereignis' (M. Heidegger) is believed to be the framework to explain how a political event works. Paradoxical movements through and beyond the limits of social reality, the areas of uncertainty and instability are supposed to be a frontier where an event phenomenon appears. The author appeals to the ideas of J.L. Nancy and J. Ranciere arguing that the transcendence "energy" creates a political event relatively both to a range of bright political situations and to the policy phenomenon on the whole.

Key words: 'das Ereignis', event, political event, transcendence.

L.S. Kocharyan

SOME PROVOCATIVE PRACTICES TO NORMALIZE ARMENIAN-TURKISH RELATIONS

In order to improve the Armenian-Turkish relations, a number of programs supported by civil society are being launched. The author analyzes business relations of the two countries in mass media and in youth organizations. The process of normalizing the Armenian-Turkish relations can be accelerated by their more positive mutual perception.

Key words: Armenian-Turkish protocols, normalization of relations, civil society, non-governmental organizations (NGOs), dialogue.

D.V. Lukyanov

AGGRESSION AS THE REPRESENTATIVE SECURITY PRACTICE

“Aggression of security” is a specific concept that falsifies the traditional meaning of the “culture of safety” phenomenon that exists in the contemporary society. that allows us to characterize it as “post-security”.

Aggression has become a kind of common cultural norm of identification in the framework of the “civilized” forms of perception of violence in the practices of the various subjects of repressive scenarios. The phenomenology of aggression of security is built through reifying the life-world and assigning to the qualities of dehumanized and inert factuality. “Aggression of security” serves basis to interpret the meanings of paradoxes in the modern communication society.

Key words: safety culture, reification, modern society, social communications, post-security, security of aggression.

N.A. Lukyanova

RATIONALITY AND IRRATIONALITY OF COMMUNICATIVE AND VISUAL PRACTICES IN THE DISCOURSE OF POWER

The paper considers the issues of communicative and visual practices functioning in the discourse of power. Communicative and visual practices imply the process of constructing new meanings and interpretations in the political space. The author analyzes the ways the communicative and visual practices function. To do this, she employs C.S. Pierce’s theory of the sequence of clearing up values (ideas) in the processes of cognition and mentality. The author argues that visual representation of communications is the main source of power. Visual image is a key element in determining the rationality and irrationality of communicative-visual practices functioning.

Key words: rationality, irrationality, visual image, sign, interpretant, myth.

G.M. Mikhaleva

EXTRASOCIAL PHENOMENA OF RUSSIAN POLITICS:
INFORMAL PARTIES AND CIVIL INITIATIVES

Political confrontation between government and opposition forces in the post period of the Duma and presidential elections (2011–2012) is characterized by the escalation of the conflict interaction. It so happens because of the imitation of the democracy transit undertaken by the governing elite whereas authoritarian tendencies are still there. In this regard, more than ever before Russia faces the need to choose between the “crackdown” and the beginning of a new wave of democratic transformation.

Key words: tolerance, stability of the regime citizens, informal activity, mass mobilization, politicization of protests, informal institutes.

M.V. Mogilnikova

COMMUNICATION IN THE ENERGY SECTOR:
THE RUSSIAN-EUROPEAN EXPERIENCE

Communication between Russia and the European Union in the energy field is based on their interdependency, which has led to the mutually beneficial cooperation in the framework of partnership agreements and contracts that initiated an energy dialogue between Russia and the European Union in 2000. There are, however, a number of political, historical, legal obstacles that impede a successful energy dialogue and cooperation between the parts. The paper describes the nature of communication between Russian Federation and the European Union in the energy field. The author distinguishes a number of specific challenges that hamper the successful implementation of the energy policy between Russia and the EU.

Key words: communication, energy dialogue, energy policy, partnership, relationship.

O.A. Pichugina

LIVING ON THE BOUNDARY: POLITICAL
AND COMMUNICATIVE CAPACITIES
OF THE GLOBAL CITY

Modern capitals and large cities nowadays are going through the transformation process due to the globalization development and becoming centers where world economic and political tasks are being

considered. The author regards the research of global cities (as global territories) – and re-interpretation of the semantic meaning of city boundaries first of all - to be of utmost importance.

The paper is aimed at identifying the political and communicative capacities of the global city by means of the model showing the way the city boundaries function. The points tackled in the paper include: defining the specifications of the communicative system of global cities; presenting the model of how the city boundaries function; revealing the preconditions for the political and communicative regulation of the global city boundary.

Key words: city, global city, globalization, political communications, social communications, city limits, city boundary, frontier.

V.A. Pilyagina

SOCIAL ANOMIE AND POLITICAL BEHAVIOR

The paper examines the issues of interpreting the concept of “anomie” in political science and sociological literature. After studying the specifications of the concept of “anomie” in sociology, the author reveals its potential analyzing the political processes. She argues that the research of political behavior demands knowledge about the mechanisms of the impact of social anomie on the political sphere. In the paper it is considered through the frame of an analytical language developed in the concepts of Emile Durkheim and Robert Merton

Key words: anomie, behavior, structure, norms, values.

D.I. Pisarchuk

NETWORK PARTY BRAND AS A NEW PHENOMENON OF EXTRASOCIAL SOCIETY

It is no secret that today modern society with their technologies is developing by leaps and bounds, as exemplified by the observed progress not only in the scientific – technical sphere, but also, society claims increasingly high requirements to the political sphere of their life. The network component is an integral part of extrasocial society, which is in a permanent state of searching for something new – by attracting to it the representatives of different audiences and thus creating a cosmopolitan community, characterized by the polyphony of social and cultural diversity. Network party brand may be the answer to the question where

to find new forms and institutions of socio political consolidation. It will have many specific features that fit into the context of extrasocial society, the main of which show us the ability to reach a wide audience, the speed of diffusion of actual information, as well as initiating a dialogue and getting a quick feedback. The latter is of utmost importance within the high pace of modern society. Despite the fact that Internet and electronic resources have lately entered every person's life creating and promoting a network party brand remains undeveloped which indicates its apparent scientific novelty and relevance not only from political science, but from the perspective of political practices as well.

Key words: extrasocial society, network party brand, cyber parties, mobility, online – resources, society without borders.

O.V. Rodenko

THE PROBLEM OF THE MODERN LEFT IN MAKING POLITICAL SENCE

The paper describes the position of the left in the situation of the modern global economic crisis. The modern world of globalization has entered a stage of the hard social, economic and political crisis. This fact is clearly showed by worldwide protests. The questions that seek their answers are: will an extended crisis give a chance for the modern left? Can they in these circumstances develop novel political senses and suggest alternative program of growth without criticizing the existing one?

Currently, the development of novel political senses by the modern left, stumbles on an attempt to overcome the “political absurdity”. In this sense, absurdity is not perceived as a lack of meaning, but as a boundary of a formalized political thinking, as the meaning, which cannot be heard in the political environment.

Key words: the left, political movement, political sense, economic crisis, electoral basis.

N.V. Shatina

“OFFICIAL NARODNOST” OF THE XXI CENTURY: OLD IDEOLOGEMS IN BUILDING UP POLITICAL CONSCIOUSNESS OF NEW “RUSSIANS”

The paper considers manipulative mechanisms and methods employed by political authorities to build up the political consciousness of Russian people. The author distinguishes and analyses the key

ideologems of Russia identifying them as the main mechanism of building up the political consciousness and exploring the way of their historical transformation.

Key words: Russia, political power (authorities), political consciousness, political values, ideologems, legitimation.

A.R. Shishkina

SOCIAL DIVERSITY IN THE MODERN WORLD: CORRELATION OF “MULTICULTURALISM” AND “TOLERANCE” TERMS

The paper examines the process of search for the forms and institutions of social and political consolidation of society in terms of its instability and uncertainty in the modern world. The policy of multiculturalism designed to be such a consolidating mechanism, even if has not demonstrated its complete failure, then, at least, has shown the discrepancy of the original concept with the implementation practices of such strategy. So, the paper is aimed at (1) identifying the discrepancies between some theoretical assumptions of multicultural policy and the forms of its implementation, (2) studying the perceptual features of both concepts, and (3) considering the possibility of the existence of alternatives (especially in theoretical and ideological terms) to the existing practices of multiculturalism.

Key words: tolerance, indulgence, multiculturalism, cultural differences, ethnic and religious identity.

M.A. Shteynman

“ANNA KARENINA” BY J. WRIGHT AND ITS POLITICAL AND COMMUNICATIVE REFLECTIONS IN PRESENT-DAY RUSSIA

The article argues that miscellaneous forms of provocation in contemporary culture initiate a certain “cultural explosion” when the text transforms its semiotic structure. That’s why it is impossible to consider any cultural model without its socio-cultural and political reflections.

Joe Wright’s film is a multi-leveled text, where the recipient is supposed to take an active part in decoding it. Moreover, both the director and the screenwriter encourage the viewer to take part in

the constructing of the text rather than in the mere consuming of its meanings.

“Anna Karenina” provoked the most interesting discussions in the Russian society. It turns out that most of the Russian audiences are not ready to perceive or accept any interpretation of the Russian novel except those produced by the Russian directors. So, we deal with the phenomenon of mental possession of the “Russian classics” as part of Russian identity.

Key words: semiotics, political identity, cultural diversity, cross-cultural communications.

L.V. Smekhov

GENRE VARIETY OF RUSSIAN PRESIDENTIAL WAR RHETORIC (THE END OF XXth – THE FIRST HALF OF XXIst CENTURY)

This article deals with the special characteristics of Russian war presidential rhetoric. At the end of the XXth century a counter-terrorist operation, also known as “The second Chechen war” started on the territory of Chechen Republic, which is part of the Russian Federation. That was the first military conflict that Vladimir Putin faced when he started as President.

Key words: President, presidential rhetoric, war rhetoric, Putin.

D.V. Sokolov

CZECHOSLOVAKIAH CRISIS IN 1968 AS “MANAGED SCANDAL”

The paper provides a brief overview of the USSR-Czechoslovakia relations from March to August, 1968. The author considers the crisis in the relations of the two countries to be a kind of “managed scandal” defining it as a special technique of Soviet propaganda. The paper offers a model of how Soviet propaganda highlighted the events of August 1968 strengthening the impact of the Soviet Union in foreign policy.

Key words: propaganda, USSR, Cold War, Czechoslovakia.

Сведения об авторах

Аксеновский Дмитрий Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ; axenovsky@mail.ru.

Антонова Ирина Борисовна – кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; heidel@rambler.ru.

Арканникова Марина Сергеевна – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических технологий Института гуманитарного образования Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; marinesku.spb@mail.ru.

Артемова Евгения Сергеевна – соискатель кафедры международных отношений Днепрпетровского национального университета имени Олеся Гончара (Украина), jane_artemova@ukr.net.

Барышева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ; ebarysheva@yandex.ru.

Белинский Андрей Викторович – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; belinskiy_andrei@mail.ru.

Березовская Ирина Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; ipberezovskaya@rambler.ru.

Бойко Сергей Иванович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; bsi1952@yandex.ru.

Бурова Анна Николаевна – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ; burгова-denjak@mail.ru.

Гордеева Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; gordeevamaria@inbox.ru.

Гулынская Елена Владимировна – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ; mylenaarabic@yandex.ru.

Долгова Евгения Андреевна – аспирант кафедры истории и теории исторической науки, преподаватель Учебно-научного Мезоаме-

- риканского центра имени Ю.В. Кнорозова факультета истории, политологии и права РГГУ; dolgova-evg@rambler.ru.
- Ирхин Юрий Васильевич* – доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; профессор РАНХиГС при Президенте РФ; академик Академии гуманитарных наук РФ; irkhine@mail.ru.
- Калашникова Алиса Владиславовна* – аспирант кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ; al-kalashnikova@yandex.ru.
- Калмыков Александр Альбертович* – доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; alex.kalmykov@gmail.com.
- Калмыков Всеволод Александрович* – аспирант кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; Hirohito404@gmail.com.
- Клягин Сергей Вячеславович* – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; sklyagin@gmail.com.
- Кочарян Левон Суренович* – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; leva.kocha@mail.ru.
- Лукьянов Дмитрий Викторович* – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории исторической науки факультета истории, политологии и права РГГУ; lukadmiv@mail.ru.
- Лукьянова Наталья Александровна* – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой Томского политехнического университета; Lukianova@tpu.ru.
- Медушевский Николай Андреевич* – кандидат политических наук, преподаватель кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; lucky5659@yandex.ru.
- Михалева Галина Михайловна* – доктор политических наук, профессор кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; g_mihaleva@mail.ru.
- Мозильникова Мария Владимировна* – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; m.v.mariya@yandex.ru.
- Пилиягина Вера Александровна* – аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; vera_pilyagina@mail.ru.

- Писарчук Дария Игоревна* – соискатель кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права РГГУ; dariat@mail.ru.
- Пичугина Ольга Анатольевна* – преподаватель кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ; o-pichugina@yandex.ru.
- Роденко Оксана Владимировна* – аспирант, преподаватель кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; orodenko@mail.ru.
- Смехов Леонид Владимирович* – аспирант кафедры культуры мира и демократии факультета истории, политологии и права РГГУ; lsmekhov@gmail.com.
- Соколов Дмитрий Васильевич* – аспирант Института Всеобщей истории РАН; g-m-f@mail.ru.
- Филин Никита Александрович* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права РГГУ; filinnikita@yahoo.com.
- Чибирова Лана Юрьевна* – аспирант кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; chibirova28@yandex.ru.
- Шатина Наталья Владимировна* – кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций и технологий факультета истории, политологии и права РГГУ; nat-shatina@yandex.ru.
- Шишкина Алиса Романовна* – магистр политологии, младший научный сотрудник Лаборатории мониторинга рисков социально-политической дестабилизации ЦФИ НИУ ВШЭ; alisa.shishkina@gmail.com.
- Штейнман Мария Александровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики общественных связей факультета истории, политологии и права РГГУ; philology@mail.ru.

General data about the authors

- Aksenovsky Dmitry I.* – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Chair of Social Communications and Technologies, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; axenovsky@mail.ru.
- Antonova Irina B.* – PhD (Methods of Teaching), Associate Professor at the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; heidel@rambler.ru.
- Arkannikova Marina S.* – PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of Socio-political technologies, Institute of Humanities, Saint-Petersburg State Polytechnic University; marinesku.spb@mail.ru.
- Artyomova Evgeniya S.* – Competitor at the Chair of International Relations, The Oles Honchar Dnepropetrovsk National University (Ukraine); jane_artemova@ukr.net.
- Barysheva Elena V.* – PhD (History), Associate Professor, Head of the Chair of History and Theory of Historical Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; ebarysheva@yandex.ru.
- Belinskiy Andrey V.* – Postgraduate Student at the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; belinskii_andrei@mail.ru.
- Berezovsky Irina P.* – PhD (Philosophy), Associate Professor at the Chair of Philosophy, Saint-Petersburg State Polytechnic University; ipberezovskaya@rambler.ru.
- Boiko Sergey I.* – PhD (Political Science), Associate Professor at the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; bsi1952@yandex.ru.
- Burova Anna N.* – Postgraduate Student at the Chair of Modern East, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; burova-denjak@mail.ru.
- Chibirova Lana Y.* – Postgraduate Student the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; chibirova28@yandex.ru.

- Dolgova Evgeniya A.* – Postgraduate Student at the Chair of History and Theory of Historical Science, Lecturer at the Knorozov Center for Meso-american Studies, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; dolgova-evg@rambler.ru.
- Filin Nikita A.* – PhD (History), Senior Lecturer at the Chair of Modern East, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; filinnikita@yahoo.com.
- Gordeeva Maria A.* – PhD (History), Associate Professor at the Chair of Culture of Peace and Democracy, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; gordeevamaria@inbox.ru.
- Goulynskaya Elena V.* – Postgraduate Student at the Chair of Modern East, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; mylenaarabic@yandex.ru.
- Irhin Yuriy V.* – Doctor of Philosophy, Professor at the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Academician of the Russian Liberal Arts Academy; irkhine@mail.ru.
- Kalashnikova Alisa V.* – Postgraduate Student at the Chair of Modern East, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; al-kalashnikova@yandex.ru.
- Kalmykov Alexander A.* – Doctor of Philology, PhD (Methods of Teaching), Professor at the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; alex.kalmykov@gmail.com.
- Kalmykov Vsevolod A.* – Postgraduate Student at the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; Hirohito404@gmail.com.
- Klyagin Sergey V.* – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Sciences and Law, Russian State University for the Humanities; sklyagin@gmail.com.
- Kocharyan Levon S.* – Postgraduate Student at the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Department of History, Political Sciences and Law, Russian State University for the Humanities; leva.kocha@mail.ru.
- Lukyanov Dmitry V.* – PhD (History), Associate Professor at the Chair of History and Theory of Historical Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; lukadmiv@mail.ru.

- Lukyanova Natalia A.* – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Chair, Tomsk Polytechnic University; lukyanova@tpu.ru.
- Medushevsky Nikolay A.* – PhD (Political Science), Lecturer at the Chair of Culture of Peace and Democracy, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; lucky5659@yandex.ru.
- Mikhaleva Galina M.* – Doctor of Political Science, Professor at the Chair of Culture of Peace and Democracy, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; g_mihaleva@mail.ru.
- Mogilnikova Mariya V.* – Postgraduate Student at the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities, m.v.mariya@yandex.ru.
- Pichugina Olga A.* – Lecturer at the Chair of Social Communications and Technologies, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; o-pichugina@yandex.ru.
- Pilyagina Vera A.* – Postgraduate Student at the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; ivanovii@mail.ru.
- Pisarchuk Dariya I.* – Competitor at the Chair of Theoretical and Applied Political Science, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; dariat@mail.ru.
- Rodenko Oxana V.* – Lecturer at the Chair of Culture of Peace and Democracy, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; orodenko@mail.ru
- Shatina Natalia V.* – PhD (History), Associate Professor at the Chair of Social Communications and Technologies, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; nat-shatina@yandex.ru.
- Shishkina Alisa R.* – Master of Political Science, Junior Research Fellow of the Laboratory for Social and Political Destabilization Risks Monitoring (Higher School of Economics); alisa.shishkina@gmail.com.
- Shteynman Maria A.* – PhD (Philology), Associate Professor at the Chair of Communication Studies and Public Affairs, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; philology@mail.ru.
- Smekhov Leonid V.* – Postgraduate Student at the Chair of Culture of Peace and Democracy, Department of History, Political Science and Law, Russian State University for the Humanities; lsmekhov@gmail.com.
- Sokolov Dmitry V.* – Postgraduate Student, Institute of Global History, Russian Academy of Sciences; g-m-f@mail.ru.

Заведующая редакцией *И.В. Лебедева*

Художник *В.В. Сурков*

Художник номера *В.Н. Хотеев*

Корректор *Е.В. Побережнюк*

Компьютерная верстка *Н.В. Москвина*

Формат 60×90¹/₁₆
Усл. печ. л. 20,8. Уч.-изд. л. 21,8.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru